

А. ЭЛЬСТЕР

ВНИЗ И ВЛЕВО

2016

Annotation

Страшная сказка из параллельной реальности о том, как в начале XX века ученый-физик заключил контракт с демоном. Данное писание посвящается Индиане Джонсу, без которого мое детство было бы совсем другим. Также посвящается оно трем тоннам желтой прессы, бульварного фэнтези и подзаборных теорий, без которых оно бы, несомненно, не состоялось. Еще оно посвящается ряду лиц, коих я не решусь даже упоминать, дабы они не перевернулись в гробу. Конечно же, само оно относится к разряду подзаборной желтой бульварщины, о чем предупреждаю сразу. Это очевидно, но все-таки скажу: вся нижеследующая история является абсолютным вымыслом, не имеет никакого отношения к реальным лицам и историческим событиям, а все совпадения порождены больной фантазией автора. Она не содержит ни грамма пропаганды в пользу Сил Ночи, Сил Дня и любых других сил. Демонов не существует, летающих тарелок не бывает, и Деда Мороза тоже нет. Спасибо за возможное внимание.))

А. Эльстер

Вниз и влево

ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой все началось

Об Эльзе фон Лейденбергер пойдет речь, — о той, что замахнулась на небывалое.

Начало ее жизни совпало с началом бурного двадцатого века. Оно сулило тысячу возможностей — но кто бы мог тогда предположить тот странный оборот, который приняла ее судьба? У нее было все, о чем могло бы мечтать большинство детей, и даже больше. Семья ее принадлежала к старинному дворянскому роду, была богата; в венском пригороде, в прекрасном новом особняке Эльза и появилась на свет. Ее отец вел собственную врачебную практику. Он был весьма известен. Доктор фон Лейденбергер делал успехи как в работе, так и в научных изысканиях, приобретая славу в том числе тем, что ставил опыты на себе самом, подобно врачам средневековья. В домашней лаборатории он проводил большую часть времени. Мать Эльзы вела хозяйство и, будучи истовой лютеранкой, все свободное время посвящала богоугодным делам.

Еще у девочки из близкой родни был дед со стороны отца, полковник артиллерии в отставке, — барон Франц-Ульрих фон Лейденбергер. О, это был человек широкой души, — сибарит, любитель золотой старины и доброй компании. Интригам всегда предпочитал он прямое столкновение, презирал шпионов, ценил боевое товарищество, славу, удасть и блеск. Правда, теперь он был в годах и не думал, что ему придется вернуться к военным делам. Жил он в Вене, вращаясь в самом центре столичной жизни, увлекаясь искусством, путешествиями, теософией, столоверчением и прочими оккультными поветриями, которыми полны были венские салоны.

С сыном он пребывал в натянутых отношениях. Причины этого были для Эльзы темны; лишь пару раз она случайно слышала гневные тирады барона о «плебейских политических взглядах», которые «невероятны для аристократа», и которыми, судя по всему, обзавелся ее отец. Но, как бы то ни было, родители не могли запретить влиятельному и властному деду общаться с внучкой, так что маленькая Эльза частенько оказывалась то на спиритических сеансах, то на диспутах оккультистов. Деда она обожала! Отец относился ко всем этим практикам скептически, а когда Эльза с горящими глазами рассказывала, что столы, мол, действительно вертятся, — отвечал ей, что у природы еще много нераскрытых тайн, но придет время — и они покорятся человеческому разуму, а пока — что ж, вертите на здоровье. Да, доктор фон Лейденбергер был настоящим современным ученым-позитивистом: верил в торжество рассудка и экспериментальной науки и был совершенно чужд любой мистике. Однако Эльза любила как деда, так и его, и, между прочим, сильно увлеклась тем, что он делал. Стоило ей попасть в лабораторию, как детские игрушки были заброшены; она стала проводить рядом с отцом почти все время, что он уделял науке. Отец не принимал ее интереса всерьез, — во-первых, из-за возраста, а во-вторых, он считал, что наука — не для женщины. Но на вопросы ее он отвечал, да и объяснял многое, — почему бы и нет, считал он.

А еще у Эльзы был друг. Наверное, будь он даже ей родным братом, чувство ее к нему не было бы сильнее. Но это не была первая влюбленность, нет, — это была настоящая пронзительная детская дружба. Он жил неподалеку. Звали его Тадеуш Ковалевский, а родом он был из Польши, откуда его семья приехала после его рождения. Родители Эльзы их общению не препятствовали; мать порой взирала неодобрительно, но отец подчеркнуто

держался с простыми людьми, как с равными, и благодушно покровительствовал мальчику. Тадеуш с Эльзой часто бродили по окрестностям, которые он знал, как свои пять пальцев, забирались во всякие развалины, искали клады. А как-то раз в знак своей дружбы она обменялась с ним талисманами, что символизировало их братскую связь: с тех пор он должен был носить ее медальон как свой, и наоборот. В-общем, они делали самые прекрасные вещи на свете. Друг ее мечтал стать археологом. Он имел очень чувствительный характер, любил животных и болезненно реагировал на чужие страдания.

И шла эльзина жизнь беззаботно, ярко и весело, пока не настал злосчастный день, когда она споткнулась и полетела кувырком.

* * *

В тот самый день они встретились с Тадеушем, и Эльза увидела, как подавлен ее друг. Она подступила к нему с расспросами.

— Мальва заболела, — мрачно ответил он, — Корова наша. Не встает уже. Помрет, наверное.

Эльза могла оценить тяжесть этого несчастья. Она знала: отец Тадеуша давно умер, а мать одна растила троих малолетних детей, и жили они весьма небогато.

— А к врачу..?

— Да пустое! Я слышал, случай наш такой не первый. Так вот: всех других, что в окрестностях этим заболели, прирезали, и даже туши их сожгли. Не лечится оно! И заразное еще вдобавок. Но я... я ее в сарае спрятал. Соседи узнают — непременно заставят ее убить. Они правы, конечно, но... Слушай, Эльза, поговори с отцом, а? Он ведь у тебя знаменитость! Гениальный врач, ученый! Я знаю, он и в животных разбирается. Вдруг он сможет помочь?

— Обязательно! — горячо заверила его Эльза, — Поговорю сейчас же, обещаю! Ты только симптомы мне получше опиши.

Дослушав Тадеуша, она пришла к отцу и объяснила ему дело. Доктор фон Лейденбергер улыбнулся:

— Можно сказать, что твоему Тадеушу повезло! Лекарство от этой болезни я действительно разрабатываю. Я, правда, не произвел еще всех необходимых опытов... хм... но, знаешь, оно практически готово. В принципе, должно подействовать.

Эльза радостно устремилась в лабораторию. Отец немного замялся, а потом добавил:

— Должен предупредить: то, что ты сейчас увидишь там, возможно, шокирует тебя. Но если ты действительно хочешь пойти по моим стопам, то, может быть, и к лучшему, что ты увидишь цену, которой приходится оплачивать знания.

Позже Эльза поняла, что таким образом отец хотел выбить блажь о научной карьере из ее головы, но тогда она с замирающим сердцем пошла за ним следом. В лаборатории среди трубок и колб она увидела распятую на столе собаку — небольшую, белую с рыжим пятном на морде. Трубки пронизывали ее во многих местах, и жидкости из подвешенных над столом сосудов вливались в ее тело. Она была еще жива. Эльза застыла в ужасе.

— Да, такова цена, — сказал отец, — но это цена необходимая. Когда было нужно, я точно так же ставил опыты на себе, и потому не считаю, что это слишком нечестно. Это — плата за то лекарство, которое ты сейчас получишь. Так выглядит обратная сторона познания, но если ты хочешь стать ученым — ты должна принять ее.

И Эльза сделала над собой усилие: она вспомнила, что пришла сюда ради лучшего друга. К тому же, она признала за отцом некоторую правоту. Вдвоем они довели опыт до конца; собака испустила дух. Отец отдал Эльзе лекарство. Она вышла на деревянных ногах из лаборатории, стиснув бутылочку в кулаке.

Когда же на следующий день она нашла Тадеуша, чтобы отдать ему лекарство, тот был еще более грустным, чем вчера.

— Да что ж такое-то? — воскликнул он, — Все еще хуже стало! Вдобавок к тому, что с Мальвой случилось, еще и Звонарик пропал!.. Я уже с ног сбился, ищу его!

— Подожди... Звонарик?

— Ну, собака моя! Помнишь, ты к нам как-то заходила, я его тебе показывал? Он приметный! Белый такой, а вот тут пятно рыжее... Эй, ты чего побледнела-то?

Еще бы ей не побледнеть! Ее после этих слов будто прошло током. Недаром ей вчера показалось, что собака какая-то знакомая.

— Слушай меня, Тадеуш... — очень спокойно выговорила она, и рассказала, что случилось с собакой.

На Тадеуша после этого страшно было смотреть! Задыхаясь, он сказал:

— Отныне всякая дружба между нами кончена! Невозможно спасти одного моего друга, убивая другого! Знаешь ли ты вообще, что такое жизнь, чтобы вот так ею распоряжаться?! И если ты все же сделала это, Эльза... то и говорить больше не о чем. Мне не нужна такая наука! И даже лекарство для коровы теперь не нужно! Уж лучше бы она умерла, раз ей судьба, а я пошел бы в кабалу!..

И он сорвал с шеи медальон, данный ему Эльзой, и зашвырнул его в реку.

Беда обрушилась на Эльзу, как молот. В смятении она разрыдалась в первый и последний в жизни раз. Она заломила руки, отчаянно на него глядя и не зная, как вымолить прощение. Но Тадеуш отступил на шаг, отстраняясь:

— Нет, Эльза. Никогда я тебя не прощу! Не изменить того, что ты сделала. Я не смогу тебе даже в глаза теперь смотреть! Прощай!

И, круто развернувшись, он ушел.

Больше с тех пор они не виделись. Эльза не пыталась его искать. В сильнейшем горе она не замечала света дня. Родители отступились от нее, оставив попытки изменить ее состояние. Когда дед предложил ей отправиться с ним в тибетскую экспедицию, они отпустили ее почти с облегчением. Ей же было почти все равно, но все-таки рассказы о Тибете немного растормошили ее. В ней зародилась слабая надежда отыскать в этой загадочной стране средство от своего несчастья.

* * *

Они уехали надолго.

Многое повидали путешественники: провалы и пропасти, сияющие вершины, бродячих факиров и заклинателей, монастыри, похожие на крепости, и то, как в основание храма кладут живого человека, чтобы стал он проводником для безмолвной беседы посвященных. Глядя вокруг, Эльза все больше верила, что в этом краю чудес найдется чудо и для нее.

И вот однажды участники экспедиции добрались до высокогорного храма, где дед и еще несколько важных господ имели беседу со старым и очень уважаемым бонским монахом. Он

немного знал английский и немецкий. Хотя и с трудом, но с ним можно было объясниться. Мудры и не всегда понятны были его слова, но, когда взрослые закончили разговор, Эльза решила.

Она подошла к монаху, рассказала о том, что случилось с ней, и спросила, не может ли он сотворить чудо и вернуть погибшую собаку. Но монах, ласково улыбнувшись, сказал:

— Не так-то это просто! Чудо можно увидеть, только будучи готовым к нему. Чудо — это разрыв цепочки причин и следствий, юная барышня. Это нечто, что происходит вопреки Карме, — ты понимаешь меня? Вопреки вселенскому Закону! Этот уровень доступен лишь тем, кто более не обусловлен миром, кто не зависит от внешних обстоятельств. Прочие же вынуждены терпеть последствия своих и чужих поступков — как люди, так и низшие духи, которых призывают спиритисты на своих сеансах. Вижу, ты знаешь, о чем я! Тебя они удивляют, — но по сути, в этих духах нет ничего чудесного. В большинстве своем это несчастные, заблудшие существа, или даже остатки других существ. А чудо — не базарный фокус, вроде тех, что показывают ярмарочные факиры... Да, очень, очень жаль, что ты потеряла дружбу! Ведь дружба, — как раз одна из тех вещей, что могут прервать действие Кармического Закона. Настоящая дружба позволяет совершить невозможное, — например, простить то, что простить нельзя... Но у вас, двоих детей, все это закончилось лишь словами. Дружба не прошла проверки и рухнула от первого же удара. Поэтому ты вряд ли сейчас сможешь распознать чудо, даже если увидишь его прямо перед собой. Но, если ты будешь упорна в самосовершенствовании, истина когда-нибудь может открыться тебе!..

И, еще раз улыбнувшись, он подарил ей свои костяные четки — просто так.

Эльза отошла от него почти умиротворенной, однако некоторое время спустя подумала: «Красивые, утешительные слова, — а что толку от всего, что он мне сейчас сказал? Что это изменило? Как мне понять эту самую «истину», о которой он только что говорил? И что же, это все, зачем я ехала сюда? Только эти слова?» Сердито и рассеянно она бродила по площадке перед монастырем, и вскоре отошла довольно далеко от места стоянки.

А вокруг было довольнолюдно, несмотря на поздний вечер: многие пришли в святое место по своим надобностям. Взгляд Эльзы наткнулся на сидевшего прямо на земле человека. Он заклинал богомоллов. На нем была островерхая красная шапка. Его черные длинные волосы змеями были разбросаны по земле, и уголки тонких ярких губ изгибались кверху, словно в вечной усмешке.

— Интересуешься чудесами? — спросил он, — Я видел, как ты разговаривала с тем стариком. Что, он так и не отсыпал тебе ни одного чуда, даже самого завалющего? И четки тебе подарил отвратительные, на мой вкус. О, они все такие: только говорят и говорят, а чудеса берегут себе!

— Так он обманул меня? — спросила Эльза.

— О нет, он говорил чистую правду. Такие, как он, не врут, но толку от этого нет никакого, — никому, кроме них самих, как ты видишь. Впрочем, не знаю, есть ли он вообще, этот толк...

— А ты что, умеешь лучше? — нахмурилась Эльза, которую покорибил его развязный тон, — И откуда ты так хорошо знаешь чужой тебе язык?

— Это фокус, — ответил незнакомец, — Я не умею творить чудес, но фокусник я отменный. Ведь фокус — это не нарушение связи причин и следствий, как, к примеру, чудо, а, наоборот, искусное ее использование. Вы, ученые, пытаетесь делать то же самое, ведь все закономерности природы, которые вы стремитесь оседлать, есть не что иное, как

проявление того же кармического Закона. Но есть на земле фокусники и получше вас. И, если хочешь знать, очень хороший фокус порой практически не отличить от какого-нибудь простенького чуда!

— Ты... говоришь правду?

— Ты удивишься, — сказал он почти грустно, — но я тоже всегда говорю правду.

— Тогда покажи мне фокус! — выпалила Эльза.

Незнакомец улыбнулся:

— Какой именно фокус тебе угоден?

— Я... я хочу волшебный предмет. Пускай он умеет исполнять невероятные желания...

— Э, нет! — уже весело прервал незнакомец, — Так дело не пойдет. Я же сказал, что не предлагаю ничего невероятного. Давай-ка конкретнее: ты хочешь, чтобы я зачаровал предмет для тебя, так?

— Да!

— Отлично, отлично! Но чтобы заклятие сработало, его нужно хорошенько вплестив Закон, который связывает всё в этом мире... привязать к реальности, понимаешь? Что ж, это довольно легко. Но, поскольку ничто не берется из ничего, тебе придется оплачивать его работу.

— Это чем же? Верить, что все получится?

— Ха! Если бы ты была способна верить, мы бы с тобой сейчас не говорили. Вера — это из разряда чудес, и если бы она у тебя была, то, говорят, ты и сама смогла бы немало натворить... ну, так говорят такие, как этот твой старик. Нет, не угадала. Ты можешь платить только тем, что есть у тебя. Поэтому вот что: работа заклятия будет питаться тобою самой. Проще говоря, от этого ты будешь растрачивать себя быстрее, чем другие люди. Нужно будет приложить твою волшебную вещь к тому существу или предмету, на который ты хочешь воздействовать, и сказать, чего ты хочешь. Заклятие отнимет ровно столько сил, насколько велик будет зазор между твоей формулировкой и реально существующей возможностью исполнить высказанное желание. Может статься и так, что твоих сил не хватит на твое желание, и тогда ты мгновенно умрешь.

— Не пойдет! — заявила Эльза, — Зазор должен быть между моей формулировкой и наименее энергозатратной из существующих физических возможностей. А то, боюсь, жизнь моя закончится чересчур быстро.

— Хм, конструктивное замечание... хорошо, я его учту. Остальное тебе понятно?

— Не все, — ответила Эльза, — Ведь я вижу, что мы заключаем сделку, но пока не понимаю, чего хочешь конкретно ты. В чем твоя выгода, торговец фокусами?

— Справедливо. Что ж, как я и сказал, ты можешь платить лишь тем, что имеешь. Твоя неумело растрачиваемая энергия будет достаточно хорошей платой... Но главное — если ты умрешь, пытаясь исполнить очередной фокус с помощью своей вещицы, я заберу самый источник твоих желаний и страстей.

— Ты... имеешь в виду мою душу? — оторопела Эльза, которая, конечно же, читала «Фауста».

Тут фокусник окончательно развеселился.

— Ха! А знаешь... в твоём конкретном случае мои слова, пожалуй, будут значить именно это!

Эльза скрестила руки на груди:

— Объясни мне толком, что ты имеешь в виду? Как это будет? Что со мной станет?

— С удовольствием. Но ответь сперва, читала ли ты «Бардо Тодол», сиречь «Тибетскую книгу мертвых»? Ах да, совсем забыл: у вас ее еще не перевели... Если вкратце, там говорится о том, что после смерти человек может выбрать свой дальнейший путь, если обуздает свой посмертный ужас и не убоится сорока двух Гневных божеств. Тогда у него будет возможность решить, кем ему родиться в следующий раз, или даже уйти навеки с кругов бытия, обретя блаженство. Так вот: наш с тобой Договор означает, что ты не получишь такого выбора. Если ты умрешь от применения амулета, то ты тут же, немедленно станешь одной из нас!

— Это кем же?

— О, конечно же, фокусницей! И поверь мне, ты будешь делать фокусов столько, сколько тебе угодно будет... Ну, так что?

Эльза задумалась ненадолго. Что ж, в предложении незнакомца был резон: какой-никакой, а это был шанс все исправить, тем более, что других шансов поблизости не наблюдалось. Неизвестно, сколько сил отнимет воскрешение собаки, но она — баронесса фон Лейденбергер и не боится опасности. И, к тому же, больше было невозможно выносить никак не проходившую пустоту потери. Она тряхнула головой:

— Я согласна!

— Прекрасно! — широко улыбнулся факир, — Тогда назови свое имя!

— Эльза фон Лейденбергер!

— Что ж, Эльза, скажи мне, какой предмет ты хочешь сделать магическим?

— Пусть это будет мой медальон, — ответила она.

Фокусник кивнул. Он вынул из-под полы своего одеяния небольшой сосуд, плеснул туда какой-то темной жидкости и протянул Эльзе:

— Пей!

Она послушалась; тепло и радость разлились в ее крови. Мир вокруг стал темнее и ярче. Он взял ее за руку, надрезал запястье острым и очень узким ножом и поставил чашу. Когда крови набралось на доньшке, он сделал маленький глоток из чаши, а остаток вылил в ладонь. Окуная в нее пальцы левой руки, он начертил на ее щиколотках и запястьях полосы, а затем провел черту вертикально через лоб. Эльзе отчего-то на секунду вспомнилось, что похожим движением закрывают глаза покойникам. В довершение он нарисовал на земле у нее под ногами какие-то знаки. Кровь тут же исчезла, словно впитавшись в камни.

— Готово!

Но, не успела Эльза ничего сказать, как до нее, словно издалека, донеслись взволнованные голоса деда и его спутников. Она с удивлением обнаружила себя лежащей на земле, и все смотрели на нее.

— Слава Богу, кажется, припадок закончился, — сказал кто-то.

* * *

Ее отнесли в лагерь. Там ее долго расспрашивали, пожимали плечами. Проводник сказал, что духи сыграли с ней шутку. Ее собеседника никто не видел.

Однако Эльза чувствовала себя прекрасно, и на душе у нее стало заметно легче. Еще бы! Ведь она все-таки заполучила спасительное средство, чтобы сделать то, что не во власти людей.

На ближайшем привале она, конечно, решила опробовать его. Отойдя подальше от спутников, она приняла выражение, приличное великому магу, и раз за разом приказывала талисману сделать то и это, но... ничего не выходило! Наконец Эльза подняла глаза — и встретила взглядом с фокусником.

— Что это значит?! — гневно крикнула она, — Оно не действует! Совершенно!

Но тот был разозлен не меньше.

— Понятия не имею! Я выполнил то, что обещал: наложил на твой амулет заклинание. А теперь я хочу платы за работу!

— Неужто? — скривилась Эльза, — Не многовато ли для того, кто понятия не имеет, где дал маху? А сколько было хвастовства!

— Молчи, дерзкая девчонка! Это впервые в моей практике, это с тобой что-то не так! Или с твоей побрякушкой!

— Я знаю, что не так, — вдруг сказала Эльза, — Точно! Ты говорил, старик не врал мне? Так вот: дело в том, что мы менялись этими талисманами с моим другом, чтобы скрепить нашу дружбу. Но... наша дружба осталась на словах, так сказал монах. Значит, наш с ним обмен не состоялся! А ты заколдовал мой, МОЙ талисман, понимаешь? Так мы договорились с тобой! И, значит... ты зачаровал не тот медальон, что на мне. Это медальон моего друга. А мой — он лежит на дне реки, его туда мой друг бросил!

— А я здесь при чем?! — завопил факир, сверкая глазами, — Я не нанимался за ним нырять! Я понятия не имею, где он! Это не моя ошибка! Ты подсунула мне вещь, вовлеченную в иной расклад, и я потратил на нее силы. Но так просто ты не отделаешься. Если не хочешь платить по-честному, я сам возьму свое! Мы связаны с тобой Контрактом, и тебе предстоит узнать, что это означает. Я последую за тобой, я вытяну из тебя душу по капельке!

— И чего ты привязался ко мне? — вконец рассвирепела Эльза, — У вас здесь полно вашего местного народа, а ты готов тащиться за мной на край света! А я, между прочим, правоверная лютеранка!

— Оно и видно! — фыркнул собеседник, — Как раз с правоверными лютеранами такое случается на каждом шагу. Конечно, я выбрал тебя, чему ты удивляешься? Ведь в этих краях даже ребенок знает, что не стоит иметь дел с демонами Дуд! Но ничего, я сквитаюсь с тобой. Ты сама попросишь, чтобы все побыстрее закончилось. То, что ждет других после смерти — я покажу тебе при жизни!

* * *

И демон исполнил свою угрозу, когда путешественники вернулись на родину. С тех пор для Эльзы начался кошмар. Видения Бардо, загробной страны Тибета, и сорока двух Гневных божеств терзали ее разум каждую ночь, и она кричала, не в силах остановиться. Родня была перепугана, лекарства не помогали; отец признал Эльзу сумасшедшей. Надо ли говорить, что он окончательно рассорился с дедом, который не уследил за ребенком? Чтобы избежать огласки, родители рассказали всем, что она уехала учиться в Берлин, а ее держали практически в заточении. Доктор фон Лейденбергер лечил ее по последнему слову современной науки: ударными дозами брома, усиленным кормлением и холодным душем. Мать же взялась за нее с другой стороны, заставляя молиться дни напролет.

Однажды Эльза и впрямь попробовала молиться, и тут как раз появился демон.

— Что, не особенно помогает? — участливо поинтересовался он. — Должно быть, потому, что ты не особенно и веришь в Него. Согласен, это куда сложнее, чем верить, например, в меня!

— Сгинь! Изыди! — заорала Эльза, и вдруг вспомнила, как не понравились ему четки, подаренные монахом. Она стиснула их в пальцах изо всех сил. Тут одна из бусин лопнула со слабым синим свечением, а демон исчез с воплем, да так до утра и не появлялся. Так Эльза нашла способ давать хотя бы краткий отдых рассудку, — но, увы, когда она к нему прибегала, бусин становилось все меньше. Демон же потешался и говорил, что этак даже забавнее с ней играть.

...А Эльза крутила в уме последние слова демона так и сяк, и вдруг поняла, что он сказал правду. «А ведь так и есть, я не верю в Бога! — вспыхнуло в голове. — И я знаю, где лежит предел моей веры. Он совпадает с пределом моего опыта: я не могу верить в то, что никогда не касалось меня. Вот, например, я верю в дружбу. Пускай настоящую я и не видела, но я чувствую ее действительность. Если есть дружба несовершенная, то где-то должна быть и совершенная. А Бог? Нет, я никогда не ощущала ничего... хоть немного божественного. Только слышала бесконечные слова об этом, и все!» И она сняла с шеи крестик: так было честнее. С тех пор с матерью стало совершенно невозможно иметь дело.

Зато Эльза попробовала поговорить с отцом:

— Вы всегда были сторонником практического опыта, папенька, и говорили, что это — критерий истины. Теперь мой практический опыт позволяет мне видеть демонов, но на каком же основании вы его отрицаете?

Отец ответил:

— Я отрицаю этот опыт на основании его ненормальности. То есть, проще говоря, потому, что большинство людей демонов не видят, а оставшиеся, увы, сидят в комнатах с мягкими стенами, — куда менее изящных, чем твоя!

Так Эльза впервые обратила внимание, что современная наука не жалуется уникальные исключения. Она промолчала об этом, но попросила отца принести ей хотя бы книг из его библиотеки. Он согласился, — видно, надеялся, что чтение отвлечет ее от навязчивых идей. Она заполучила вдоволь новейших научных трудов и сочинений философов-позитивистов, а кроме того, целую гору алхимических трактатов, которые отец держал из любви к старине. И Эльза принялась читать, как одержимая: последняя ее надежда осталась на науку. Она призвала на помощь всю свою способность к пониманию. Предчувствие решения и чудовищное нервное напряжение действительно грозили свести ее с ума. Но, с другой стороны, в конце концов она падала без сил, и даже демон не всегда мог коснуться ее разума в глубоком забытии. Так шли месяцы.

* * *

Однажды она настолько углубилась в чтение, что не услышала, как вошел отец.

— И что только ты пытаешься там вычитать? — с добродушной смешинкой спросил он, встав за ее спиной.

От звука его голоса Эльза подскочила, случайно надорвав страницу, и резко обернулась к нему:

— Я... я пытаюсь найти научное решение, — перевела она дух, — Вы знаете, папенька, что со мною случилось, — я говорю о случае с собакой. Тогда по моей просьбе вы поместили ее в формалин.

— Ну да, я на все был готов, что хоть сколько-то тебя утешит.

— Дело не в утешении! Вы говорили, что наука откроет перед человеком все секреты. Вот я и хочу понять сущность жизни, для того и читаю книги. Может быть, удастся ее воскресить? Тогда Тадеуш простит меня.

— Э, вон на что ты замахнулась! «Сущность жизни»! Знаешь ли, говорят, что верная постановка вопроса — это половина решения. Какую такую «сущность» ты имеешь в виду? Наука знает признаки жизни, и их, как тебе известно, насчитывается пять. Обладание этими признаками — и есть жизнь! А уж как сделать, чтобы мертвое тело начало ими обладать — ученым пока не известно, можешь не трудиться найти такой рецепт.

— Но, папенька, вон в тех научных книгах сказано другое! — Эльза с жаром простерла руку к груде старинных фолиантов по алхимии и натурфилософии.

— Ооо-хо-хо... — доктор фон Лейденбергер приложил руку ко лбу, — Я принес их тебе, потому что в них красивые картинки, а ты решила воспринять их всерьез?! Ну и что же там об этом говорится?

Эльза наморщила лоб, сведя брови к переносице. Мысль была сложной, и она формулировала ее аккуратно:

— Раньше считалось, что в каждом существе или вещи есть нечто, что делает его самим собой, — сказала она, — Это таинственное начало называли его «субстанцией», или «сутью», или «духом». Именно оно было целью и предметом любого изучения, как я поняла. Вот «сущность жизни» и есть как раз такая «суб...»

— Уволь меня от этого, Эльза! Я недаром говорил, что ученого их тебя не выйдет. Нашла, кого приводить в пример — средневековых невежд!

— Папенька! Но если не это, что тогда является нашим предметом? Зачем мы занимаемся законами природы? Мы хотим выяснить, что за ними стоит, ведь так?

— Ты удивляешь меня все больше. Что стоит за законами природы? Конечно же, новые законы, все подробнее и точнее! Уточнение законов — это и есть наш предмет. И оно не имеет предела.

— Я... кажется, догадываюсь, почему не имеет. Ведь как бы ни были точны новые законы — они не являются причиной прежних, не таких точных! А если мы не двинемся к причине законов — то мы двинемся прочь от нее. Это все равно, что от точки стремиться в бесконечность! Законы — это всего лишь внешние феномены, порождаемые вещами. Я читала вот здесь, — она упрямо ткнула пальцем в очередной древний кожаный том, — что это называется: «акциденции». Несколько веков назад ученые спорили, можно ли познать сущность предмета по его внешним признакам. Кажется, тогда в нем победили те, кто говорил: можно... Но теперь, выходит, ученые согласились, что предмет к этим внешним признакам целиком и сводится!

— Разумеется, так и есть, — доктор фон Лейденбергер смотрел теперь на дочь профессиональным взглядом врача, — Никаких «субстанций» и прочего мракобесия. Но продолжай, прошу тебя. Что еще ты имеешь сказать о современной науке? К чему привел весь интерес, с которым ты наблюдала за моими занятиями?

— К разочарованию! — выпалила Эльза, — Я так верила в научное познание... а все познание свелось к статистике! К накоплению сведений о наиболее вероятных последствиях

разных действий!.. Научные теории, выходит, нужны лишь затем, чтобы каждый день увязывать эти сведения по-новому. Ученые одну легко заменяют другой, ведь все они — чистая абстракция! Чего тогда стоят эти сказки в смысле объяснения природы? И получается, современная наука... отказалась от самого познания! Она предпочла ему знания практические, а это лишь малая часть познания...

— Просто прекрасно. Я повторюсь: мне было ясно давно, что ученый из тебя не получится, но я и представить себе не мог, в какой обскурантизм ты впадешь! Вижу, чтение этих книг приносит тебе лишь вред. От них ты окончательно утратишь рассудок. Я прикажу унести их, — отец позвонил в колокольчик.

— Если современная наука не может дать мне ответ, я не вижу причины столь высокомерно отзываться о старой!! — Эльза вскочила, глаза ее пылали, — Может быть, старики и впрямь что-то понимали помимо... или вместо всех нынешних достижений, папенька?!

— Довольно, дочь. Готовься, время идти в душ. Я приготовил бром, сегодня ты примешь увеличенную дозу. Вижу, ты в ней нуждаешься.

Вошло двое слуг.

— Унесите это все обратно в библиотеку! — распорядился он, указав на книги.

— Но, отец! Оставьте мне хотя бы современные!

— Тебе они ни к чему. Ты только что сказала, что там одни «акциденции», и что все это ничего не стоит.

— Их практическую ценность я не отрицаю!

— Тебе нельзя перенапрягаться. Твои нервы расшатаны. Вся твоя практика сейчас должна сводиться к лечению, прогулкам и сну. Эрика, — повернулся он к служанке, — Проводите молодую госпожу в ванную.

* * *

Так Эльза осталась без книг, и непреодолимая пропасть отделила ее от прежней сияющей перспективы научного рая. Но она прочла уже достаточно. Она усвоила огромное количество теорий, формул и методов. У нее была отличная память. И вот постепенно у Эльзы созрела идея. Возможно, тот, кто узнал бы суть этой идеи, окончательно убедился бы в ее помешательстве. «Но, — сказала себе она, — если не поможет это — то не поможет ничего, потому что, кроме науки, у меня ничего нет».

А суть была проста и заключалась вот в чем: Эльза намеревалась побить демона его же любимым оружием. «Любишь фокусы, да? — зло думала она, — Тогда я тоже покажу тебе один. Ты, кажется, говорил, что делаешь то же самое, что и мы, ученые, только лучше. Ты утверждал, что естественные закономерности, которые мы изучаем — это одно из выражений Кармического Закона. Да, ты пользуешься им лучше, чем мы, — но ты тоже ему подвержен! А значит, тебя можно изучать и использовать так же, как и весь остальной мир. На тебя тоже должны действовать физические силы. Но они — в моих руках, ведь я — ученый! О, мы еще посмотрим, кто кого поймал!» Так говорила себе Эльза, а схема электрической машины, которая станет ловушкой для демона, горела под ее закрытыми веками. Собрав машину и поймав в нее своего мучителя, она спасется. Больше не будет страшных видений ночами, и ее враг уж точно не исполнит свою угрозу забрать ее душу. Но,

чтобы сделать это, надо было бежать.

Что ж, особняк — это все-таки не замок Иф, и ей удался побег. В одну из ночей Эльза покинула родительский дом и добралась до Вены, представ в своем оборванном платье перед дедом.

Как выяснилось, ни одно из ее писем ему так и не передали. Дед пришел в ярость: как и все, он считал, что она в Берлине, и лишь удивлялся поспешности и таинственности, с которыми она покинула родные края.

— Можешь, по крайней мере, больше не бояться, что тебя запрут, — мрачно усмехнулся он, — Эти снобы ни за что не признаются в обществе, что их дочь — сумасшедшая!

Эльза осталась у него. Дед ввел ее в светские круги Вены, познакомил со знаменитыми художниками, музыкантами, учеными нетрадиционных направлений, адептами тайных наук и экзотических доктрин. Все были в благоговейном восторге от юной, но необычайно умной девочки. Ей было всего тринадцать, но со своим апломбом и энергией, с блестящими манерами и умением говорить она становилась центром любого кружка. Она вызывала зависть у многих, — тем более, что никто не знал о ее страшных ночных приступах.

Конечно же, она не забывала о своих главных целях. Она попросила деда о двух вещах: во-первых, ей нужна была лаборатория, а во-вторых, она сказала, что ей жизненно необходимо обыскать дно реки, что течет в ее родном пригороде. Да, надежда найти амулет, из-за которого ей столько пришлось перенести, не оставляла ее.

Барон фон Лейденбергер был далеко не беден, к тому же любил внучку, так что обе просьбы оказались исполнены.

Дед купил множество приборов и инструментов, и Эльза перебралась в его огромное старое поместье за городом. Трехэтажную угловую башню с подвалом барон отвел ей. В подвале и обустроили лабораторию. Она могла начать исследования — правда, в основном в дневное время, когда демона не было видно. Она опасалась, что он раньше времени догадается о ее намерениях. Когда же ей нужно было экспериментировать ночью над «духами», которых умеют призывать спиритисты, ей приходилось тратиться бусины четок. Но дело продвигалось вперед; она была практически уверена, что ее ждет успех. Все заключения она делала в уме, причем при демоне старалась не думать о своей задаче, — мало ли, вдруг он умеет читать мысли?

Реку же прочесали до самого дна на всем протяжении от истока до устья нанятые бароном люди. Он не распространялся о целях сего мероприятия, лишь отпустил пару намеков. В итоге округа забурилась слухами о том, что барон, известный любитель таинственного, ищет сокровища. Надо сказать, что дед Эльзы был охоч до подобной славы и никак эти слухи не пресекал... Все более-менее странные вещи приносили в баронское поместье, где Эльза осматривала их. Но ничего похожего на свой талисман она так и не нашла. Его не было, не было нигде! Зато, — о, ирония! — они нашли довольно большой сундук с золотом и другими драгоценностями, который покоился на речном дне рядом со сгнившим остовом большой лодки. Теперь юная ученая могла позволить себе лабораторию, которая могла бы поспорить оснащением с любой в Австрии. Барон тоже не остался внакладе, да еще и получил право как бы невзначай отпускать замечания, что он-то знал, где и что искать.

...Между тем, наступил 1919 год. Эльзе исполнилось четырнадцать. Вслед за пышными торжествами в поместье последовали совсем другие события — тревожные отзвуки исторических перемен.

В большом мире происходили потрясающие сдвиги: рушились вековые порядки, до неузнаваемости менялись очертания стран на картах. Проиграв Мировую войну, Австро-Венгрия распалась на две части; потом на некоторое время в Австрии вместо власти Императора установился невнятный республиканский режим, а потом разразилась война гражданская, в которой белые схлестнулись с красными. Дворянство лишилось титулов и вековых прав — даже права именовать друг друга по-старому в обществе. Эльза была от всего этого далека, слишком поглощенная своей задачей, но даже она не могла не заметить, что поместье заполнилось военными, техникой и оружием. Это барон, несравненный ее дед, решил вмешаться в события: не время оказалось для спокойной старости. Теперь он вернулся в армию, превратившуюся к тому времени в отряды белого движения, называемого «хаймвер». Очень быстро у знаменитого полковника фон Лейденбергера появился свой отряд — «Бальмунг», по имени легендарного меча Зигфрида. Там были люди, знавшие барона давно, — и уж конечно, они до сих пор обращались друг к другу с полным титулованием, не впечатлившись «хамским указом». Отряд обосновался в поместье, ставшим его базой. Но не до этого, не до этого было баронессе!

Несколько месяцев было занято изматывающей работой. Эльза знала, что времени у нее в обрез. Слово о чем-то догадавшись, демон усилил напор. Приступы ее становились все острее. Более того: не только ночью, но уже и днем ей не стало покоя! Ее все сильнее одолевало чувство, что гибель приблизилась и встала у нее за самой спиной. В четках же осталась одна лишь бусина, которую ни в коем случае нельзя было потратить: она была нужна для поимки демона.

Вконец изведясь, Эльза как-то в праздник выбралась в пригород прогуляться в сопровождении охраны и слуг — и горько об этом пожалела. Людная улица совсем не исправила дела! Тревога ее внезапно разрослась, превратившись в поистине обессиливающий ужас. Неведомым образом она все же переборола паралич и помчалась очертя голову, как безумная, оставив позади спутников! Вдруг увидев открытую кирху, Эльза пронеслась прямо через нее от центрального входа к боковой двери, мимо остолбеневшего пастора и нескольких прихожан. Лишь после этого паника оборвалась, и ей удалось остановиться. Проклятый демон перешел в открытое нападение — вот что стало ей ясно!

Счет шел на часы, и наконец настала решающая ночь.

ГЛАВА ВТОРАЯ, в которой Эльза решает построить новую Науку

Еще раньше, экспериментируя с низшими «духами», Эльза выяснила кое-какие их свойства. Например, она узнала, что они прикрепляются к медиуму в пяти точках тела, как бы вписанных в пятилучевую звезду: руки, ноги и лоб. Расчет ее был на то, что к демону это тоже относится. В любом случае, другого плана у нее не было; приходилось рисковать.

Эльза построила машину-ловушку в виде пустой пятиконечной рамы — пентаграммы. Эту раму она поставила вертикально, а потом встала в нее сама, расставив ноги и руки. В руке у нее была зажата бусина, и оставалось только надеяться, что демон этого не заметит. Она включила электричество, в пяти контактных точках почувствовав слабые уколы тока. Осталось дождаться демона.

Тот явился, как всегда, с наступлением тьмы. Зрелище его развеселило; зубасто ухмыляясь, он медленно приближался.

— Зря радуешься, — сказала ему Эльза, — теперь у меня есть, где скрыться от тебя! Твое место занято машиной, как видишь.

Демон рассмеялся:

— Ты кое-что упустила! В одного человека может вселиться и несколько... ммм... сущностей. Это даже в Библии написано, а уж жалкое твое устройство мне точно не помеха!

И он шагнул сквозь Эльзу, чтобы слиться с ней, как делал это раньше. Тут-то его и ждал сюрприз!

Она раздавила бусину в руке, резко шагнула из пентаграммы назад и ногой включила второй рубильник. Демон, на миг оглушенный бусиной, не успел выскочить и попался. Он дергался и метался, не в силах вырваться! Железная пентаграмма наполнилась пляшущим электричеством, по стенам метались розблески.

Эльза вытерла лоб, торжествующе улыбаясь: победа! Она ликовала. Дело было за малым: заставить его вернуть в ее жизни все, как было.

Теперь влияние демона на нее было крайне слабым, и она могла говорить с ним, только «подключившись» к ловушке через аппаратуру. Она прикрутила к пяти «точкам закрепления» на ловушке примитивные контакты, состоящие из провода и небольшого переходного устройства. Контакты она закрепила у себя на руках, ногах и голове. На первое время сойдет, решила она.

— Ты в моей власти, — объявила она, — Назови свое имя!

— Слишком много ты хочешь!

— А не хочешь ли ты в таком случае отведать разряд в тысячу вольт?

— Эй, эй, полегче! Я тут ни при чем! Мы, демоны, не помним ни своих имен, ни того, что с нами было до нашей демонической ипостаси. То есть, мы помним факты — но забываем их прежний личный смысл.

Она хмыкнула:

— Я сама могла бы тебя, конечно, как-то назвать, но я могу о тебе судить только по твоим действиям. А если исходить из этого, мне пришлось бы дать тебе нецензурное имя, неприличное для уст баронессы... Что ж, обойдемся без имени. Ладно, к делу: я требую, чтобы ты поработал сверхурочно! Неважно, о чем мы раньше договаривались. Ты попался, и подчинишься мне. Я желаю, чтобы ты вернул к жизни собаку моего друга Тадеуша, что

погибла при эксперименте два года назад.

— Повторяю: ты хочешь слишком многого... ай, не надо тысячу вольт!!! Я имею в виду: тайна жизни относится к разряду чудес и поэтому не в моей компетенции. В лучшем случае я мог бы создать лишь подделку.

— Не нужно мне подделок. Я не стану лгать Тадеушу! И что это значит: в лучшем случае?

— «Лучший случай» — это если бы у тебя был нужный талисман. Все возможности, которые ты могла обрести за счет Контракта, заключены в его предмете. Я же истратил всего себя на то, чтобы в мире появился новый физический закон, позволяющий это. Такая возможность у меня была только одна! И больше я уже ни на что не способен. Ну, разве что, я могу сыграть тебе «Полет валькирий» в твоей голове. Не моя вина, что нет условий для работы созданного мною закона. Нечего было талисманами расшвыриваться!

Мрачная Эльза произнесла пару слов, не подходящих баронессе, и резко села в кресло.

* * *

«Пиррова победа! — думала она, — Ценой огромных усилий я лишь спаслась от опасности, в которую сама же себя вовлекла. Но что же теперь? Демон будет сидеть в ловушке, а я буду всю жизнь думать о том, как бы он не вырвался... Что за жалкая участь! А ведь у меня было счастье, был друг, были мечты о науке... Я потеряла их, и теперь радуюсь уже только тому, что оказалась в безопасности. Нет. Нет. Этому не бывать, это еще не конец!!»

Она вскочила и стала мерить лабораторию шагами. Нужно было свести факты в более широкую картину, чтобы понять дальнейшие шаги.

«Я хочу познать сущность отнятой мною жизни и вернуть дружбу Тадеуша, — размышляла Эльза, — И, если подумать, оба моих желания упираются в современную науку. Наука нас разлучила, и наука же бессильна помочь мне все исправить. Что же из этого следует? То, что подходить к проблеме нужно глобально: необходима научная реформа! Да, науку нужно изменить коренным образом. Она должна вновь объединить все концепции на основе единого опыта. По сути, она превзойдет все концепции, — ведь этот опыт будет познанием «сущности вещей»! Я преодолею эту подмену предмета, к которому мы, ученые, пришли. И тогда то, что разделяет нас с Тадеушем, исчезнет! Да, задача колоссальная. Но это лучше, чем бездарно сдаться. И для этого... хм, а не пригодится ли мне этот демон? Он уж должен разбираться в законах и знать, как их выразить получше».

Резко крутанувшись на каблуках, Эльза фон Лейденбергер приблизилась к своей машине.

* * *

— Эй, демон, — окликнула она своего пленника, — я хочу расспросить тебя кое о чем. И не вздумай увиливать, а то тысячей вольт ты не отделаешься! Ты, кажется, сказал, что из-за нашего Контракта возник какой-то там новый закон. Но если закон есть, то должны быть разные способы его использовать! Может, можно обойтись и без талисмана. А ну-ка, опиши

мне его: в чем он физически выражается?

— Ты продолжаешь хотеть невозможного, — буркнул демон, — В современной физике нет для этого понятий. Не могу же я их с пустого места сочинить, — я, в конце концов, всего лишь демон, а не ученый! Я могу оперировать лишь теми формулами и образами, которые отыскиваю в твоём же сознании. Я их просто связываю, как нужно, чтобы получить твои реакции.

— Ага, строишь «концепции».... Так объясни хотя бы образами, раз уж с формулами такая беда. Что такое Контракт, как его заключают и как он действует?

— Хе-хе... Контракт — это фокус такой! Когда людям не хватает обычных законов природы, они могут создать новые, — с помощью нас, конечно. Демон и человек заключают соглашение: договариваются, что будет происходить, и откуда взять для этого энергию. У самих-то демонов энергии нет! Это и есть Контракт: для человека-Контрактера создается область, где физические законы действуют альтернативным образом. Часть такого закона демон создает из самого себя. А другая часть строится из души Контрактера! Но он может не беспокоиться, пока ему есть, чем платить. Только если вдруг однажды он воспользуется Контрактом, а плату предоставить не сможет, то ему придется расплатиться собственным Кристаллом! А как Кристалл сгорит — так и станет он сам демоном.

— Что за Кристалл еще?

— Ну, как я вижу, ты предостаточно читала про «материю» и «Дух». Эти составляющие есть и в людях! Считается, что «тонкий план» человека состоит из двух частей — земной и, так сказать, «небесной». Вот эта небесная и есть Кристалл. О, в твоей голове я вижу прекрасный схоластический термин: «субстанция»! Да, это «субстанция» человека. Это его «вечное зерно», «суть его существа, которая не подвержена действию времени и прочих земных условий»... Это «мера свободы его Духа»... Это «связь с трансцендентным измерением»... и так далее, и так далее. Короче говоря, демоны понятия не имеют, что это такое. Видеть мы его, естественно, тоже не можем. Мы знаем одно: это — то, что вообще позволяет Контрактам работать. Это источник энергии, и расплата всегда осуществляется Кристаллом! Да-да, несмотря на пышные термины, придуманные святошами всех мастей, на практике он уязвим. Просто можно расплавиться своим, постепенно разбивая его — как это сделала ты не от большого ума, а можно и чужим; способов много. Когда Кристалл полностью разбит, Дух теряет свободу, а человек — самого себя. Он полностью попадает под действие Закона причин и следствий, и сам становится механической частью этой великой Машины. Проще говоря, он становится демоном, — а если от взрыва его Кристалла и разлетятся последние искры, то они вернуться в круговорот мирового Колеса, давая жизнь разным низшим существам...

Так вот, если в Кристалле есть хоть маленькая трещина, степень несвободы, за нее уже можно зацепиться и заключить Контракт. Это оттого, что у человека есть и вторая, «земная» часть! Туда можно отнести всякие привязанности к миру — привычки, зависимость от физиологии, личные ограничения... Особенно же хороши раны, которые людям наносит опыт. В индийской традиции все это называется «клеши». Демоны воздействуют только на эту вторую часть — и не зря они всегда ищут тех, кто на них похож. Так гораздо проще заключить Договор. Когда возникают узы Контракта, демон словно бы «встраивается» в человеческие привязанности, «перепривязывая» их соответственно предмету договора. Но поскольку это части единого целого, то при этом изменяется весь человек. Он и демон, как я уже сказал, становятся парой симбиотов...

— Да, только один из нас — паразит! — отчеканила Эльза.

— Да, только тогда уж — оба! — не остался в долгу демон, — Я, между прочим, тоже застрял здесь из-за тебя! Твой Контракт не работает, и пользы мне от него нет. А нового Контрактера я завести не могу, и даже твоя смерть тут не поможет! Ведь в следующем воплощении ты родишься с тем же Контрактом, но еще и знать о нем не будешь, если я тебя не найду и не расскажу о нем! Узы Контракта не расторгнутся силами простого человека или самого демона.

— А какими расторгаются?

— Ну, к примеру, твоего демона может уничтожить какой-нибудь другой — и тогда Контракт рассыплется. Еще можно назвать имя, которое демон носил, будучи человеком. Еще можно стать Просветленным. Говорят также, что в древности были Просветленные такой силы, что могли расторгать чужие Контракты. Но ни тебе, ни мне это, видимо, не грозит...

— Хм... Я хочу понять, все ли демоны такие бесполезные, как ты.

— Вначале — да, — буркнул демон, — а потом — как пойдет. Но если Контрактеров еще нет, то сначала Договор может быть лишь один-единственный! И только когда первый Контракт «сгорит» — то есть, потеряет Кристалл — только тогда демон, что заключил с ним Контракт, получит возможность обзавестись вместо «сгоревшего» двоими новыми. Прежний тоже останется в его подчинении, — конечно, в виде демона с правом на один Контракт... Да, разумеется, все Контракты продолжают при этом работать, даже у «сгоревших»! Но у демонов питаются они уже той энергией, что приносят их собственные Контрактеры. Это проще простого: ведь стоит человеку «сгореть» — и Контракт из взаимовыгодного договора тут же превращается в полную подвластность демону-хозяину. Имея в подчинении «сгоревших» Контрактеров, хозяин может ими управлять, может поглотить их, а может и просто уничтожить. Так демоны строят свои Иерархии, которые еще называют Пирамидами, и обретают могущество.

А мне настолько «повезло», что мой первый Контракт в Пирамиде — это ты! Сейчас мне остается только ждать исполнения Договора, или пытаться заставить тебя разбить свой Кристалл иначе...

Эльза помолчала немного, потом решительно продолжила:

— Стоп! Что-то не сходится. Если ты так уж ничего не можешь, то как же ты тогда меня изводил?

— Ну, Контракт ведь только один из многих законов, что связывают человека и совместно воздействуют на него! Не забывай: обычными законами мы, демоны, тоже можем пользоваться. Я просто немного изменил биохимию твоего мозга, вверх тебя в галлюцинации.

— Я не о том! Я спрашиваю, откуда ты энергию взял?! Или, может быть, ты демон Максвелла, и обходишься без нее?

— Да от тебя же и взял! Ты сама мне ее уступала понемногу. Я тебя терзал, и ты постепенно сдавала, признавая диктат Закона... А твой Кристалл истощался мало-помалу. Знаешь ли, в конечном итоге, вовсе не демоны разбивают их, а сами люди. Да, таково людское могущество: человек способен отречься от своего Духа! Иногда к этому приводит кризис, а иногда — обычная серая жизнь...

— Что ж, видимо, неудачи — твоя судьба, раз это оказалось без толку. Но меня заинтересовало то, что ты сказал про совместное действие законов! Мне нужно как-то

перейти к моей задаче от всего, что ты мне рассказал. Действовать приходится наощупь... Сейчас проведем эксперимент. Я хочу проверить, как мой Контракт влияет на обычную физику.

* * *

Эльза принесла к ловушке оборудование что генерировало слабые токи и электромагнитные поля. Она пропустила их через демона в ловушке, через себя отдельно и через себя, подключенную к ловушке. Замерила все три раза возмущение электромагнитной среды вблизи от этих объектов. Да, разница была!

— Но как такое может быть? — спросила Эльза, — Контракт-то не работает!

— Представь себе такой образ, — откликнулся демон. — Представь, что связи причин и следствий, которые составляют физические законы — это река, и она течет. Вот мы с тобой заключили Договор: ставим поперек реки особое колесо с мотором, которое может, допустим, повернуть течение реки вспять. Мы стоим на берегу и держим рычаги. Но мы не можем залить в бензобак топливо, потому что мы потеряли воронку... как последние идиоты. Поэтому наше колесо безвольно крутится в потоке воды, как обыкновенный, скажем, камень или древесный ствол. Но вода-то все равно закручивается вокруг него, изменяя свое течение! А Контракт, — это очень, **ОЧЕНЬ** крупный объект в реке. Он не работает, но он существует... Чему ты радуешься?

— Но это ведь прекрасно! — сказала сияющая Эльза, — Пусть медальон не работает, но я все равно смогу построить свою Науку и вернуть Тадеуша.

— И каким же образом?

— Пока не знаю, но есть кое-какие наметки! Смотри. Во-первых, мои цели... дружба и настоящее научное познание... относятся к тому, что раньше называли «Духом», «истиной» и так далее. А тот монах, что никогда не врет, говорил, что и то, и другое доступно лишь тем, кто сумеет сбросить оковы Кармического Закона. Он называл это чудесами. То есть, — понимаешь? — эти чудеса начинаются там, где кончается действие Всемирного Закона. То, что они там вообще начинаются, примем как гипотезу.

Во-вторых, есть ты. Ты тоже никогда не врешь. Ты сказал, что законы физики — это сам Кармический Закон и есть. Но нынешняя наука тут не поможет, дальше него она не видит. Поэтому мне, как ученому, придется средствами физики разомкнуть сами законы физики — па-бам!

И тут начинается: «в-третьих». Мы упираемся в концепции, в слова! Как перевести на язык физики фразу: «оковы Кармического Закона»? Что именно оковывает людей и в чем это выражается? Но ты мне рассказываешь про Кристаллы и про то, что значит их разрушение! По твоим словам, есть связь между степенью утраты Кристалла и тем, насколько пассивен человек по отношению к Закону. Вот эту-то связь и предстоит исследовать! Она поможет назвать словами мой конкретный опыт. Я изучу то, что мне предстоит преодолеть. Она практически у меня в руках.

— Я, что ли? — спросил демон.

— Да, но смотри шире! У меня в руках — Контракт, физический закон, что отличает меня от прочих людей. Еще есть рычаг, который регулирует меру его влияния на меня, — то есть, напряжение в ловушке. Напряжение можно усилить или ослабить. Можно даже наглухо

изолировать тебя в ловушке, и тогда я практически не буду отличаться от других. А еще у меня есть мой Кристалл, который тоже может менять состояние. То есть, я могу разными способами регулировать «степень отягощенности Кармой»! Вот я и проверю, что именно от этого зависит. Мы должны выяснить, как именно законы физики распространяются на «духовный мир».

Мы можем предположить, что человек тем больше искажает вокруг себя законы природы, чем сильнее разбит его Кристалл. Он в одно и то же время и подчиняется Закону, и сам все больше становится его частью, реально влияет на физику. Я думаю, должна быть некая шкала, которая всех существ распределяет по этому признаку. Например, вы, демоны — предел этой «подчиненности Закону», Контрактеры — близки к пределу, а простые люди болтаются где-то посередине между Просветленными и Проклятыми...

* * *

Эльза была вымотана лихорадкой подготовки, строительством ловушки, занявшим двое полных суток, и самой охотой. Теперь она могла, наконец, насладиться сном без демонов и поэтических пейзажей Бардо, — что и вознамерилась сделать. Однако напоследок она сказала:

— Демон, ты, кажется, никогда не лжешь? И, кажется, ты мне кое-что предлагал? Так вот, я не отказывалась. Изволь исполнить «Полет валькирий»!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в которой Эльза придумывает прекрасный план

Эльза принялась за исследования на следующий день. А начала она, естественно, с того, что проверила, права ли она в принципе. В распоряжении у нее были только демон, ловушка и она сама. Поэтому Кристалл для проверки ей предстояло разбивать свой собственный. Надо было несколько раз повредить его и посмотреть, что получится.

Ученая закрепила на себе массу датчиков и подсоединилась к установкам, в которых протекали предсказуемые физические процессы; параметры этих процессов тоже постоянно фиксировались. Затем она заставила демона показать ей Бардо. Долго упрашивать его не пришлось.

Опыт продолжался до скачка в показателях, и Эльза повторила его десять раз, на что и потратила первый день экспериментов. Это было столь же мучительно для нее, как и раньше, но в итоге оба были довольны: она получила результаты, а демон поразвлекся, как и не рассчитывал.

Что ж, догадка ее подтвердилась: ее влияние на среду усиливалось раз за разом. Более того, она узнала, что чем дальше экспериментатор заходит по пути саморазрушения, тем быстрее будет ему даваться каждый следующий раз, и тем сильнее будет эффект.

— А можно ли вернуть Кристалл в первоначальное состояние? — спросила Эльза, разглядывая графики.

— Пфф! Пора бы уже уразуметь, что это не по демонской части, — с издевкой отозвался демон, — Тебе бы выйти ну улицу и срочно найти там пару-тройку Просветленных...

— Черт с ними, раз так. Мне главное — изучить Закон в динамике, а уж положительная она будет или отрицательная — дело десятое.

На том и порешили, и «Полет валькирий» был вторично исполнен на сон грядущий.

Спала она скверно.

* * *

На другой день Эльза проверила, как изменится результат того же опыта, если из процесса исключить демона. То есть, в очередной раз ей надо было разбить Кристалл исключительно своими силами: ведь демон говорил, что люди это могут. «Только не перестарайся», — сказал тот, когда она до предела выкрутила мощность ловушки, отсекая его от себя. Эльза усмехнулась такой «заботе»: да, ее смерть была бы для него сейчас проблемой.

Задача оказалась не из легких. Полдня она пропускала через свое тело ток, подвергая себя настоящей пытке, но физические мучения не смогли поколебать ее Дух. Вместо того, чтобы этим гордиться, она зло сжимала губы, искусанные в кровь, и пробовала снова. Наконец в полном изнеможении она осела на пол рядом со столом. Поражение нависло над ней, предстало перед ее глазами, как зримая картина.

...Она почему-то представила себе бескрайний пустырь, заваленный ржавым хламом. Унылый рельеф понижался к горизонту, насколько хватало взгляда. Закатное солнце заливало его красным гаснущим светом, а впереди прочь от Эльзы уходил Тадеуш. Тревога ее

пронзила: она поняла, что если сейчас он скроется из виду, она никогда его больше не найдет!

— Подожди! — кричала она и бежала следом, — Совсем немножко, Тадеуш! Я вот-вот его разобью, свой Кристалл! Я найду способ вернуть...

Тадеуш резко развернулся.

— Пустые слова, — заговорил он холодно, — И способ твой — глупее просто не придумать! Ты хочешь что-то там вернуть, что потеряла, когда Кристалл твой впервые треснул — так ли, Эльза? Но ты любой результат получить можешь, только разбивая свою сущность еще сильнее. То есть, с каждым разом ты будешь терять еще больше того самого, что хочешь вернуть! И знаешь, что? — ты уже изменилась с нашей последней встречи! Где твоя интуиция, доверие, понимание людей? Ты их выбросила, — ведь они тебя предали! Все это стали пустые слова. И ты с каждым таким разом будешь меняться, и это будет необратимо. И когда ты дойдешь, наконец, до своих целей, они превратятся в абстракцию, в ложь. И вся наука твоя — тоже ложь сплошная. Хочешь, я тебе скажу, зачем она тебе? Ты просто потеряла смысл жить, и теперь изобретаешь ему замену. Ты прикрываешься нашей дружбой, чтобы поставить перед собой хоть какую-то цель и идти хоть куда-то. Хватит уже! Оставь меня в покое, отцепись!

И он пошел дальше, а Эльза осталась неподвижно стоять, принимая, как правду, все, что он сказал. И когда она приняла это до конца, Кристалл ее треснул сильнее, чем от видений Бардо. Ее шатнуло, будто на секунду земля ушла из-под ног.

Но именно это ей и было нужно! Да, надо было раньше догадаться: чтобы его разбить, надо было немножко от него отречься. Сейчас она отреклась от него, согласившись, что будет отрекаться и дальше, — и от Кристалла, и от чудес, и от дружбы. И так — до самого конца, а потом... если она права, все это вдруг вернется к ней вновь.

Главное — способ найти.

От избытка эмоций Эльзу выбросило из видения. Приборы, которыми она себя увешала, зафиксировали скачок в показателях. Сорвав их с себя, она кинулась к столу: сверять полученные результаты с предыдущими.

— Гляди-ка, — провозгласила она торжествующе, — наши с тобой воздействия на окружающую среду не складываются, а перемножаются. Это принципиально! День прошел не зря.

— Впервые вижу, чтобы кто-то радовался смерти собственного Духа, — заметил демон, — Хотя мне это нравится.

— Не говори ерунды. Я радуюсь не смерти, а результатам. Ради этого можно потерпеть, — она вслушалась в свои ощущения. Конечно: боль утраты тупо саднила где-то в глубине, не смешиваясь с радостью, и накапливалась с каждым разом, — А занятно, — раздумчиво сказала Эльза, — я действительно больше не помню, было ли все это правдой до того, как я со всем этим согласилась, чтобы разбить Кристалл.

— Зато теперь ты понимаешь, почему демоны забывают, кем они были, — ответил демон, — В физике это называется «необратимый процесс», да?

— Хм... «необратимый», говоришь? А знаешь ли, что этим самым словом ты натолкнул меня на многообещающую мысль, демон?

— Ты не поверишь: догадываюсь.

— Тогда давай, играй «Полет валькирий»! Скоро, очень скоро я изложу тебе мою теорию.

И вот спустя несколько дней Эльза вновь сидела в своем подвале, подключившись к ловушке, и общалась со своим демоном. Помещению вот-вот предстояли перемены: над ловушкой она распорядилась возвести железобетонное перекрытие, упрятав ее в подполье, а рабочее оборудование перенести выше. Но пока она сидела в кресле перед пентаграммой, скрестив ноги, с бокалом виноградного сока в руке, в шлеме и в браслетах с клеммами на запястьях и ногах. В глубоком каменном мешке было тихо, как в склепе, только электричество ловушки потрескивало.

— Ты знаешь состояние нашей науки, демон, — говорила она, — но я вкратце пробегусь по принципиальным для меня моментам, чтобы перейти к своим построениям.

Видишь ли, до середины прошлого века наука строилась на классической ньютоновой механике. Среди физиков тогда царил оптимизм. Со времен Ньютона они считали, что мир — это большая машина, которая может работать в любую сторону. Все физические процессы считались обратимыми. Допустим, ученые изучали какую-то совокупность взаимосвязанных вещей — то есть, то, что называется физической системой, запуская в ней некий процесс... Так вот, они считали, что можно подождать, пока процесс закончится, а потом взять и запустить его в обратном направлении, — и вернуть систему в исходное состояние! Еще бы не быть оптимизму: они думали, что, зная состояние физической системы на данный момент, можно реконструировать ее прошлое и предсказать будущее!

И вот представь: в середине 19 века было открыто, что обратимых процессов в природе нет вообще. Оказалось, все процессы идут только в одном направлении — из места, где энергии много, в место, где ее мало, — да, это закон Фурье... То есть, количество энергии в системе сохраняется, но разница в ее распределении постепенно исчезает. А любой процесс в системе происходит только за счет этой разницы. Как только она окончательно выровняется, система остановится.

Что могут в таком случае делать ученые? Мы можем искусственно поддерживать энергетическую разницу в системе, если будем «накачивать» взятой извне энергией одну из ее частей. Исходя из этого, все системы делятся на те, где можно создать разницу извне, — то есть, открытые, и на те, где «крышка» захлопнута намертво — замкнутые. И замкнутым конец приходит быстро. Наступает равновесие энергии и остановка всякого движения, — то есть, тепловая смерть.

Стоит обратить особое внимание на то, что «закачивая» в свою систему энергию, мы ее откуда-то при этом отбираем. Ничего не происходит бесплатно.

Короче говоря, ученые выяснили, что мир — не просто механизм, а замедляющийся, ломающийся и тормозящийся механизм. И чтобы собрать рассыпавшиеся и замедлившиеся части и опять их запустить, мы постоянно должны строить новые механизмы. А для этого мы вынуждены брать откуда-то энергию. А этому, вероятно, есть предел. Потому что ломается всё у всех, и энергия нужна всем.

Остается, правда, один вопрос: действительно ли есть такой предел? Является ли наш мир открытой или замкнутой системой? Иными словами, есть ли у него внешний неисчерпаемый источник энергии, который возобновляет энергетическую разницу? Большая часть физиков считает, что такого источника нет. Я тоже так думаю: все мои опыты подтверждают это. А это значит, что вселенная будет рассыпаться и ломаться до тех

пор, пока не сломается совсем и не остановится — как любая замкнутая система. Да, нас ждет тепловая смерть, демон! Это неизбежно и необратимо.

Когда ученые поняли это, настала эпоха неклассической физики, изучающей необратимость. К Ньютоновым законам добавились законы термодинамики! И когда ты недавно произнес слово «необратимость», я поняла, какой именно закон можно распространить на так называемый «духовный мир»! Это закон, которому, как и Карме, подчиняется все. Это второе начало термодинамики, закон нарастания энтропии в замкнутой системе!

Эльза выдержала паузу, пригубив сок, и продолжила:

— Все, что ты мне рассказывал о Контрактах, можно связать с нынешними научными теориями. Смотри: здесь тоже возможно говорить о физических системах! Например, системой допустимо назвать Кристалл и то, на что он тратится, или связанных между собой различными отношениями людей... да и не только людей. Даже нас с тобой так можно называть. Все эти связи могут быть описаны законами, если мы способны измерять их параметры.

Источники энергии в таких системах — это Кристаллы. За счет них происходят все проявления Духа в сфере материи. И все эти проявления относятся к необратимым процессам, — то есть, энергия Кристалла идет только в направлении из него в материю, и постепенно растрачивается. Если энергию не восполнять, она заканчивается, Кристалл полностью «сгорает», и человек становится демоном.

И я полагаю, такие системы тоже делятся на открытые и замкнутые. Большинство их относится не к полностью замкнутым, а к частично изолированным, — иными словами, энергообмен все-таки происходит. Люди не превращаются в демонов на каждом шагу, потому что человек способен получать энергию извне. Но не будем забывать: если мы ее откуда-то взяли, там ее стало меньше! Таким образом, человек может пополнить свою энергию только за счет других людей.

— Хех! Может быть, мне не так уж с тобою не повезло. Но я жду не дождусь, когда ты перейдешь к практике.

— Практическое применение вся эта теория получает, когда мы знаем, как конструировать системы разных типов применительно к людям, — охотно продолжила Эльза, — А конкретнее — замкнутые системы. Они самые удобные, потому что позволяют локализовать происходящий в них процесс и взять его в чистом виде.

Есть два способа изолировать систему от среды и сделать ее замкнутой. Способ первый — не пустить в систему внешнюю энергию при помощи разных изолирующих устройств. Пример такого устройства ты можешь оценить сам: это моя ловушка-пентаграмма с изолирующим контуром.

Способ второй — запустить процессы в системе и вовне с разными скоростями. Чем заметнее будет разница, тем сильнее будет эффект изоляции. Это произойдет, если система и внешняя среда будут управляться разными закономерностями — например, законом Контракта и обычными законами физики.

В-общем, демон, остаются только вопросы техники! — Эльза улыбнулась, делая глоток.

— Почти. Спрашиваю из чистой любви к науке: а как ты ответишь на тот самый болезненный вопрос неклассической физики? В твоей трактовке мир людей — тоже замкнутая система?

Эльза усмехнулась:

— Есть ли у человеческого мира внешний неисчерпаемый источник энергии?... То есть, хочешь спросить: есть ли Бог? — помолчала секунду и резко продолжила: — Нет, демон. Никакого внешнего Бога у людей нет, — уверяю тебя, как физик-позитивист. Мои приборы не фиксируют какого-либо притока энергии в исследуемые системы «из ниоткуда». Это значит, все движения человеческого Духа будут постепенно вырождаться, амплитуда их уменьшаться, а люди — портиться, — ведь энергия их Кристаллов тоже конечна, чем бы они ни являлись. И даже если какое-то время они продержатся за счет имеющейся «разницы потенциалов», тенденция ясна. Это Закон. А главный вопрос совсем в другом, демон... Что там, за пределом Закона нарастания энтропии?

— Ладно, тогда вернемся к вопросам техники. План исследований ты уже составила?

— Конечно! Он весьма изящен, и состоит всего из пяти пунктов. Слушай.

Во-первых, надо узнать, как именно распространяется в мире «искажение физических законов», порождаемое разбитым Кристаллом. Устойчиво оно или нет, зависит ли его устойчивость от степени искажения, и так далее.

Во-вторых, нужно строго сформулировать, чем эти «искажения» являются. То есть, свести все явления, включая людей, к конечному набору постоянных и переменных, а потом описать это все формулой Закона.

В-третьих, предстоит научиться этот Закон воспринимать непосредственно — так, как древние мистики получали Откровение. Это поможет преодолеть словесные концепции. Пока не знаю, как это сделать, но вероятно, для этого мне придется что-то изменить в организме.

Ну а в-четвертых, научившись видеть Закон, следует понять методом исключения, что в него не укладывается.

И тогда, в-пятых, надо стать тем, кто может это исключение увидеть! Тот монах говорил, что это могут те, кто не связан Законом. Но давай рассуждать: что такое — «не быть связанным Законом»? Это значит — находиться вне замкнутой системы, которой он управляет. Отсюда, в свою очередь, следует: экспериментатор и система должны существовать на очень разных скоростях. А как это сделать? Естественно, повысить энергию Кристалла смотрящего в нужной мере! И вот тогда-то ему останется взглянуть на это «не укладывающееся» и увидеть, что оно собой представляет. Это и будет искомое — исключение из Закона!

— Bravo, bravo! Сегодня я сыграю тебе «Полет валькирий» с новой басовой партией.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, в которой наука Эльзы впервые требует жертв

Прошло несколько месяцев, — и лабораторию Эльзы было не узнать. Ловушка оказалась в подполье, а на полу в самом центре стояла ответная рама-пентакль, в которую следовало лечь для контакта с нижней, где был демон. Эту установку Эльза нарекла «Третьим глазом» — ведь именно она должна была стать ключом к новому видению мира. Пентаграмму окружали подключенные к ней разнообразные датчики, которые Эльза все это время строила, не покладая рук и не переставая разбивать свой Кристалл. Огромное круглое помещение осталось очень высоким, несмотря на переделку, а в этой высоте зависли механические лапы каких-то загадочных приборов, лампы, излучатели и опускающийся стеклянный купол. Ближе к стенам стояли экспериментальные столы, дальше — шкафы с мелким оборудованием и холодильники с реактивами, а между ними открывалось четыре проема, ведущих в небольшие смежные помещения. Все это было ярко освещено, сверкало стеклом, хромом и электричеством, но выглядело исключительно функционально и строго.

Теперь все было готово для исполнения Эльзино плана.

Правда, для «первого пункта» ей нужна была физическая система с большим количеством частей, чем она сама и демон. То есть, ей нужны были другие люди. А в качестве совместных экспериментов Эльза избрала спиритические сеансы. Найти участников было несложно: как уже говорилось, в Вене процветали опыты с чтением и трансляцией мыслей, изучением гипноза, животного магнетизма и прочих паранормальных явлений, а Эльза была в подобных салонах завсегдатаем. Довольно быстро она сговорила с троими спиритистками.

Это были сестры-двойняшки Аллерштайн, у одной из которых умер жених, и еще одна эксцентричная девица по имени Лотта Леманн. Причины для согласия на непонятный эксперимент у всех были разные. Ида Аллерштайн ударилась в спиритизм, чтобы говорить с возлюбленным, ушедшим за порог смерти. Эльза честно объяснила, что его посмертный призрак — это вряд ли он сам, а только его бранные привязанности, но девушка цеплялась за любые свидетельства его существования. Анни, ее сестра, участвовала во всем этом из сочувствия к ней. У Лотты Леманн, на взгляд Эльзы, в голове была каша, причем несъедобная. Она стремилась стать ученой, но мечтала поймать сигнал от инопланетного разума с Альфы Центавра, чтобы привнести новые идеи в науку, и носила длинные волосы, собранные в хвост, которые должны были этому помочь. К Эльзе она решила примкнуть, чтобы объединить их научные возможности. Правда, в ходе общения Эльза поняла, что конечной ее целью было попасть в помощницы к некоему Гансу Уберману, гениальному профессору, и махнула на все это рукой. Приблизная меланхолия сменялась у Лотты довольно агрессивными вспышками, и тогда Эльза становилась с ней очень вежлива. Она вообще прибегала к крайней формальной вежливости, когда собеседник впадал в неадекватность.

В-общем, их личные мотивы не были для нее важны. Главное — все они стали бывать в поместье Лейденбергер, в ее лаборатории.

Первые несколько сеансов прошли без участия Эльзы. «Дух погибшего» сестрицы вызывали сначала вдвоем, потом вместе с Лоттой. Эльза же только измеряла и описывала их воздействие на разные физические процессы.

Потом к ним присоединилась и она сама, причем, когда они встали в круг, касаясь друг друга пальцами, на Эльзе был шлем и браслеты, подключенные к ловушке с демоном. Напарницы ее не знали, что в этот момент их спиритический кружок превратился в замкнутую систему, отрезанную от окружающего мира законом эльзиногo Контракта. Теперь к уже известным ее параметрам добавились в виде множителей воздействия Эльзы и ее демона. Это был очень успешный сеанс! Призванный призрак заговорил узнаваемо и связно, к тому же стал ясно видим. Он вышел в виде беловатой эктоплазмы изо рта своей бывшей невесты и завис в полуметре от пола, неприятно подергиваясь в такт скачкам напряжения.

...Разняв руки, все четверо отправились отдыхать. Девушки были вымотаны, но в полном восторге.

На следующий день гости не могли дожидаться вечера. Этот раз был для Эльзы решающим. В сеансе она не участвовала и стояла, впившись взглядом в приборы. И она увидела то, что открывало ей дальнейший путь: эффект ее присутствия в системе некоторое время сохранялся. Да! «Искажение физических законов», порождаемое ее Контрактом, было чем-то вроде следа в материальной реальности, истиравшегося постепенно.

Оставалось выяснить, как сила и продолжительность этого остаточного эффекта зависит от того, насколько эльзин Дух подчинился Закону и увяз в материи. И она начала постепенно ослаблять защиту между собой и демоном, усиливая степень своего падения.

Сеансы продолжались.

Призрак часами повествовал о загробных реалиях, и Эльза порой узнавала в описаниях знакомый ландшафт Бардо. Несчастливая Ида впала в экстатический нервный восторг, а Анни опасалась за ее здоровье. Она говорила, что та почти потеряла сон, вскакивает по ночам с криком, да и ее саму посещают тревожные видения. Но сестра не слушала ее и, как одержимая, стремилась в поместье Лейденбергер снова и снова. Лотта Леманн возбужденно говорила, что ей, наконец, стали удаваться ее опыты с Альфой Центавра, и заявлялась на сеансы с собственными устройствами для передачи мыслей. Эльза смотрела на это спокойно, — она прекрасно видела, что все оборудование Лотты нежизнеспособно.

Тем временем напряжение в ловушке стало некуда больше снижать: шкала подошла к критической отметке, за которой демон бы вырвался на волю. Результаты, к тому же, ухудшились: спирит весьма сильно «истрепался» за время сеансов. Он, как и всякая материя, был подвержен старению и рассеянию, — тем более что его постоянно вызывали. Он стал говорить бессмыслицу, а то и вовсе пропадать. Ида и Лотта умоляли Эльзу исправить это средствами науки; она согласилась, ведь ей самой нужно было собрать статистику.

Что ж, решила она: если влияние демона больше усиливать нельзя, то придется усиливать свое собственное. Иными словами, пришла пора еще чуть-чуть разбить Кристалл, снизив его энергию. Это повлияет и на остальных: энтропия общей системы повысится.

* * *

Перед очередным сеансом Эльза в одиночестве подключилась к установке и вызвала в

воображении знакомый пустырь, который теперь больше походил на Бардо из-за присутствия демона. В тусклом закатном освещении Тадеуш уходил вниз и вдаль, и дорога постоянно изгибалась влево. Она быстро догнала его. Он обернулся с бесконечным презрением на лице. И заговорил он так, как не говорил никогда в жизни.

— Ты как собака, — сказал он, — понимаешь только пинки. Видимо, прошлого раза тебе не хватило: явилась опять! Что ж, слушай хотя бы от меня то, что ты сама себе сказать не в силах. Тебе мало того, что ты приговорила собственную душу, шаг за шагом забывая себя? На сей раз ты придумала кое-что почище — ты и других втянула в эксперимент. А не приходило ли тебе в голову, Эльза, что, познавая мир, ты его как раз этим и «искажаешь»? Ты думаешь, что мир сейчас — замкнутая система? Но ты этого не узнаешь наверняка, пока его не исследуешь! А вот когда ты это сделаешь — он с гарантией таким станет. Ты ведь все изучаешь с помощью своего чертова Контракта. А главное его свойство — усиливать действие второго закона термодинамики на мир! Неужели это еще не ясно? Тебе только то и доступно, что ему подчинено.

Ты тешишь себя иллюзией о каком-то новом мировоззрении, которое породит твоя Наука! А в это время ты на самом деле строишь совсем другую парадигму. Ты физически воплощаешь мысль, что Бог мертв, а из Закона нет исключений. И когда у тебя все получится, исчезнут последние проблески чудес, которые, говорят, еще случаются. Вместо дружбы и любви будет только энергетический взаимозачет, и тот — затухающий. Свобода воли перестанет что-то значить. Поступки человека будут определяться лишь тем, как вокруг него распределяется энергия, — то есть, внешними обстоятельствами! А потом «завод» у мира кончится, разница потенциалов исчерпается, и все остановится.

Ах, да, — еще одно! На то, чтобы так стало, ты сейчас тратишь «энергетическую разницу», которой в будущем замкнутом мире будет конечное количество! Где же ты возьмешь силы, чтобы преодолеть последствия своего «познания»? Ты окажешься в железных стенах Закона, Эльза, и никогда больше не вспомнишь о своих мифических целях! Давай, выполняй свой третий пункт, безумная. Как только ты достигнешь в нем успеха, о четвертом сможешь забыть!..О, ты молчишь?

— Тут нечего добавить, — глухо и тихо она ответила, — все так и есть, и мне больше не жаль.

Кристалл ее треснул — как всегда, оставив обморочное ощущение невесомости под ложечкой.

Видение пустыря дрогнуло, исчезая и замещаясь видом лаборатории. Она перевела дыхание и открыла глаза. Она улыбалась.

Демон сказал:

— Насколько я знаю тебя, ты всегда рациональна. Ты ведь сейчас разбила Кристалл только для эффекта в опыте, как и в прошлый раз? Если ты еще можешь радоваться и идти вперед, ты приберегла что-то, что тебе это позволяет. И в чем твоя надежда?

— Послушай, демон, а что изменилось с прошлого-то раза? И так понятно, что чем дальше зайдешь в использовании Закона причин, тем больше последствий получишь. Но знаешь, что? Как только с чем-либо внутренне согласишься, это перестает тебя останавливать. Разбив Кристалл, ты забываешь, почему раньше ты не мог на что-то пойти. И если не дожидаться тепловой смерти системы, появляются новые возможности для маневра. Я без жалости теперь перешагну через всех людей, кто может быть полностью описан вторым законом термодинамики! Такие — просто совокупность физических факторов, не

более. Быть может, подобный подход позволит мне раздобыть немного энергии там, где я раньше не подумала бы ее искать. А если кто-то против — так нечего ему рассуждать, пускай попробует остановить меня!

Демон хихикнул:

— Ну, я-то точно не против. А, кстати, то, что ты именуешь «искажением физических законов», люди неискушенные в старину называли проще: «проклятием»! И сжигали носителей подобных «искажений» на кострах, чтобы они не распространяли оные на окружающих. Так что все сходится.

— Темные, мракобесные времена.

* * *

Когда в очередной раз они уселись в круг, возможности их возросли в разы. Еще бы: ведь Эльза накануне вновь разбила Кристалл, и, как часть системы, провалилась в «энергетическую яму». Но, поскольку система была замкнутой, в «яму» хлынула энергия, отнятая у остальных участниц опыта, а не откуда-то извне. Что-то было в этом от вампиризма. Это перетекание энергии внутри системы и привело в движение «спиритический механизм». Эффект не заставил себя ждать, — вот только это был не тот эффект, на который все рассчитывали.

Спирит из рваной эктоплазмы сгустился в плотную мерцающую форму и набросился на Иду, стремясь с ней слиться. С воплями та упала на пол; на лбу ее, руках и ногах в точках контакта стремительно росли ожоги. Анни металась вокруг, читая молитвы, Лотта ломала руки, а Эльза пыталась разорвать контакт, вновь повысив напряжение в ловушке и ослабив влияние демона.

Наконец приступ миновал. Девушка пришла в себя, но была вялой. Вся компания отправилась пить чай, слуги собрали к ужину, однако разговор не клеился. Анни смотрела на Эльзу враждебно. Договорились отложить опыты на время.

Однако эти опыты пришлось отложить насовсем. Несчастливая девица впала в помешательство, не узнавала родных, отказывалась от пищи, перестала разговаривать. Врачи и священники оказались бессильны. Пришлось пеленать одержимую, но она исхитрилась освободиться и повесилась на потолочной балке в своей спальне.

Так Эльза выяснила на практике, что есть люди слабее, чем она. Не все выдерживают резкое возрастание энтропии в системе. Получив известие о смерти своей подопытной, она автоматически поглядела на свои руки. Да, это был несчастный случай, — формально. Но не она ли согласилась с тем, что переступит через всех, кто подчинится второму закону? Эльза вспомнила лабораторию, где они с отцом ставили опыт на собаке. Сейчас история повторилась. И... ни тогда, ни сейчас она не поступила бы иначе. Такова цена познания. Позитивная наука основана на эксперименте!

В тот вечер они ужинали вдвоем с дедом. Старый барон был удручен: сказал, что в обществе злые языки распускают мрачные слухи о зловещих научных опытах Эльзы. Он сам нисколько в ней не сомневается, добавил он, однако он просит и впредь никому не рассказывать о демоне, а то для многих глупцов это станет подтверждением слухов. Эльза криво усмехнулась: эти многие не были бы столь уж неправы!

Так или иначе, она в своем домашнем спиритическом салоне собрала все нужные ей на тот момент данные. Они позволили ей математически установить законы распространения и сохранения «искажающих эффектов».

Той же ночью Эльза призвала спиритическую оболочку погибшей Иды Аллерштайн, исследовала ее и обнаружила, что она воздействует на среду практически так же, как если бы девушка была живой. Правда, поскольку погибшая сошла с ума, от нее невозможно было добиться каких-либо связных ответов. Тем не менее, людей вполне можно было заменить на следующем этапе спиритами, потому что следующий этап был: свести все, подвластное измерению, к единой системе формул и величин. Одновременно с этим ей предстояло изменить свое тело, чтобы увидеть воочию мир как механизм действия Закона.

ГЛАВА ПЯТАЯ,

в которой у Эльзы появляются коллеги

Наступил 1924 год.

После истории со спиритистками Эльза стала меньше бывать в свете, — разве что Лотта Леманн ее огорошила, явившись к ней с чемоданами и сказав, что не мыслит себя иначе, чем ее ассистенткой. «То ли Альфа Центавра перестала выходить на связь, — подумала Эльза, — то ли с тем гениальным профессором что-то пошло не так». Она бы сразу вежливо выпроводила гостью, если бы не барон. Он сказал, что отец Лотты — его старый товарищ, хоть она и не законное его дитя, и попросил найти девушке хотя бы какое-нибудь применение. Эльза предупредила, что занятия будут редки. Она поселила ее в дальнем крыле поместья, честно давала ей мыть пробирки и пыталась учить математике. Но увы! — научных способностей у Лотты не было даже в зачатке. Все это порядком раздражало Эльзу, и она нет-нет, да и подумывала, как бы с ней распрощаться.

Сама же она подошла к тому моменту, когда ей понадобились помощники: хирург и механик.

Знакомый хирург у нее был. Его звали Вальтер Дитце. Он был старше нее на несколько лет, уже стал знаменит и подавал большие надежды. Вальтер происходил из буржуазной венской семьи, в которой были приняты интеллектуальные занятия, в детстве получил домашнее образование, затем закончил медицинский факультет Венского университета, слушал лекции мировых светил, посещал диспуты. На одном из них он и познакомился с Эльзой. Он имел прекрасные манеры и романтический склад характера, но был, увы, трусом, — правда, сам себе в этом не признавался. Особенно это проявлялось в общении с женщинами, а больше всех — с Эльзой, в которую он был влюблен. Для того чтобы однажды ей объяснить, ему пришлось основательно выпить, и он предстал перед ней в скверном виде. Но даже если бы не это, он, увы, был не в ее вкусе... Да и вообще, если честно, Эльза не слишком интересовалась романтическими отношениями. Ее дело ее занимало целиком. Тем не менее, она его ценила, как профессионала, и считала, что достаточно не подавать ему надежд, чтобы их отношения были ясными, деловыми и товарищескими.

Механика порекомендовал ей дед. Звали его Отто Штальберг. Он был одногодком Вальтера, служил адъютантом барона и ведал техникой в отряде. От деда она знала, что происходил он из дворянской семьи, но замужество его матери было мезальянсом. Семья не простила ей брака с простолюдином и подвергла травле. Отто пережил это крайне болезненно, отрекся от родни матери и, конечно, от любых претензий на титул. Отец его рано умер, мать пережила его ненадолго, и Отто отправился воевать на стороне красных, мстя всем дворянам за своих родителей. Он был ранен и подобран баронским отрядом, где и остался. Эта перемена была Эльзе непонятна, но повода выяснять ее причины не было.

...Да, никто, кроме барона, не знал, что случилось тогда. А дело было в том, что барон спас своего адъютанта из очень неприятной переделки. Когда хаймвер окружил красных, Отто поддался страху и переделся в форму врага, но был схвачен своими же и принят за белого. Коммунисты очень хотели узнать у Отто расположение и численность отрядов хаймвера, и никакие доводы не могли заставить их прекратить вгонять ему под ногти иголки и проделывать с ним другие столь же неприятные вещи. Только контратака «Бальмунга» прервала этот процесс, — и барон собственной персоной, который нашел истерзанного

Отто. С тех пор барон стал для него абсолютным и единственным исключением из дворянства, а вдобавок к знати он возненавидел еще и коммунистов.

Он был молчалив, замкнут, мал ростом, худ и вечно хмур, но имел острый ум. Еще он был крайне недоверчив, беспринципен, прагматичен и имел привычку сперва стрелять, а потом спрашивать, кто идет. Но Эльза не знала этого, потому что теперь не понимала и не чувствовала людей, пока они не проявят себя на деле. Она узнавала их лишь по последствиям их действий. Барон тоже этого не замечал — прежде всего, в силу великодушного доверия к людям, а еще потому, что видел беспримечную и абсолютную преданность своего адъютанта. Механиком же Отто был прекрасным.

* * *

Эльза встретила их в лаборатории, где был накрыт небольшой столик с вином и фруктами, являвший странный контраст с обстановкой. Она объяснила им свои цели относительно науки и предложила работать вместе.

— Сейчас в интеллектуальных кругах распространяется критический взгляд на науку, — так завершила свою речь молодая ученая, — Она его целиком заслужила, но что предлагается этими критиками? Бросить науку вовсе! Вернуться к древним практикам познания! Я считаю, что это утопия. Кто способен на древние практики — те ими занимаются, они и сейчас есть, хотя их стало очень мало. И все знают, как дойти до Шаолиня или Кармелитского монастыря. Но что толку? Есть, видимо, какая-то причина, почему огромное большинство людей отбросило их и слушают ученых, разинув рты.

Мы — тоже критики, но поступим иначе. Раз все слушают науку и ждут от нее ответов, то мы используем науку, — как есть, с ее картезианскими методами. Мы — дети своего времени, со всеми вытекающими. Мы не умеем медитировать и молиться, — по крайней мере, я не умею. Алхимические методы выглядят как полная абракадабра. Глупо гадать, что они значили, пытаться изображать из нашей науки алхимию. Мы — это мы, своим путем и пойдем. Мы наши собственные теории и практики воплотим собой! Мы работаем с материей. Мы говорим: «бытие определяет сознание», даже если на самом деле хотим выяснить, как сознание влияет на бытие. Что делать: до этого докатилось наше время! Но пусть то, чего люди ждут, этим методам противоположно, — мы вернем им это! Мы вернем им Истину, даже если люди сами забыли, чего они ждут. Даже если не ждут, если честно... Что скажете, господа?

Вальтер согласился, чуть поколебавшись между восторгом и смятением от странных эльзиных идей. Но она ему нравилась, это было главное. Отто просто кивнул. Помочь Эльзе его попросил барон фон Лейденбергер, и больше тут обсуждать было нечего.

Так что вино было распито, и было заключено соглашение. Решили, что союз их добровольен, и каждый волен его покинуть, когда пожелает и безо всяких претензий. Плодами их работы все они могут пользоваться в своей практике. Есть только одно условие: никто не должен ставить общее дело под удар. Например, не стоит выносить происходящее здесь в свет и в научные круги; не стоит привлекать посторонних; не стоит делать что-то, что всех касается, не посоветовавшись с ними.

Эльза не стала рассказывать коллегам о демоне, — потому, что об этом просил барон, — но изложила им остальные наработки. Она рассказала о Кристаллах и клешах, о предположительной единой основе всех явлений, подверженных Кармическому Закону причин и следствий, и о том, что должно быть возможно распространить на весь мир феноменов, включая людей, уже открытые наукой подходы.

Начали они со спиритических сеансов, — с огромного числа спиритических сеансов. Они изучали призраков-спиритов. Эльза раскладывала на составляющие весь спектр человеческих привязанностей, который представляли собой призываемые сущности. Она выражала в исчисляемых единицах то, что означают слова: черты характера, аффекты, опыт прошлого. Она увязывала их в формулы, как факторы физического мира.

Работали они слаженно, и только Вальтер все больше осознавал, что вся их затея — отнюдь не развлекательное совместное времяпрепровождение с Эльзой, на которое он надеялся. Много из происходящего его совсем не развлекало! Например, чтобы как можно лучше и полнее призывать спиритов, Эльза предложила вызывать их на определенной основе, к которой они были привязаны при жизни. Сильнее же всего на роль такой основы подходили их собственные тела, из чего вытекла идея раскапывать их могилы и привозить останки в лабораторию. Отто просто кивнул, как всегда. Вальтер остался в меньшинстве, и его протесты были тут же подавлены Эльзой. Она припомнила ему, что он врач, а вся медицина началась с подпольной анатомии под носом у инквизиции. А еще он наверняка сам резал трупы. А христианские заповеди вообще упоминать не стоит, потому что при его мещанской религиозности это напоминает трусость (Вальтер съежился от этого слова). То есть, либо смысл заповедей очевиден, и ты не режешь трупы ни при каких обстоятельствах, либо выходит, что люди соблюдают их на всякий случай: а вдруг ад и правда есть? Жалкое зрелище, заключила она.

Так что эльзино нововведение было единогласно принято, и одна из поместных автомашин превратилась в ночной катафалк. Чтобы утешить Вальтера, она предложила после опытов возвращать трупы на место. Вальтера это почему-то мало утешило, а что подумал Отто, никто так и не узнал (но вряд ли это было что-то хорошее).

За вторым примером того, что не развлекало бедного Вальтера, не нужно было далеко ходить. Как и собиралась, Эльза легла на операционный стол, чтобы увязать формулы Закона с личным опытом.

Вальтер, услышав об этом, был в полном ужасе, — ведь ему предстояло кромсать тело, которое он втайне мечтал обнимать. И врачебная этика! Речь ведь не о лечебных операциях! Эльза на это возразила, что он сам себе противоречит: если речь не о лечении, то и врачебная этика тут неприменима. Она рассматривает себя, как средство и инструмент науки, который нужно усовершенствовать. Ее отец ставил опыты на себе, прежде чем говорить о цене познания. То же сделает и она.

Покорившись, Вальтер вскрывал ей череп, сверлил позвоночник, и встраивал в ее тело

различные приборы, которые по ее эскизам Отто собирал в уменьшенном и оптимизированном виде. Своими руками он превращал Эльзу в измерительно-аналитическое устройство. Выглядело это ужасно и уродливо, вызывало массу осложнений, и страдания ей причиняло огромные, хоть она и старалась не подавать виду. Ему это тоже стоило нервов, терзаний и душевных перекосов. Вальтер говорил, что если всем людям придется ради новых знаний пройти через то же, что и ей, то у этих знаний будет еще меньше поклонников, чем у Шаолиня. Эльза от этих слов только усмехалась.

Одно было хорошо: это происходило не каждый день. После операций она подолгу восстанавливалась, и тогда они читали книги. Она надеялась там найти формальные критерии Истины, которую следует искать средствами новой науки, — но книги, увы, были темны. Они перелопатили большую часть огромной библиотеки поместья: прошерстили христианских мистиков, даосов, Веды, Каббалу, алхимию... Все это было не применимо к их делу. Эльзин разум пронесся через эту «тарабарщину», как нож сквозь масло. Она не могла найти никакой зацепки, чтобы увязать свои методы и теории с их предполагаемыми результатами и прийти к этим результатам практически. Вальтер чувствовал ее ярость, азарт и нетерпение.

* * *

С модификацией эльзино организма дело шло куда лучше, чем с чтением фолиантов. Постепенно восприятие ее так изменилось, что она действительно увидела весь мир явлений единообразно: все теперь выглядело для нее, как огромный механизм. Она почти утратила свое человеческое зрение, и его заменил «Третий глаз». Не замечая больше красоту мира, она научилась различать иное. Она могла теперь отслеживать, как взаимодействуют различные «искажения среды», порождаемые людьми и не только, — следы мыслей, энергетические отпечатки касаний, взаимосвязи привязанностей. Порой она цинично шутила, что полдела сделано: сиддхи, — то есть, магические способности Просветленных, они уже добыли, — и чем их наука после этого не сакральная? Дело за малым: добыть само Просветление. Тогда, может быть, отпадет необходимость ей глотать таблетки и зелья, чтобы поддерживать работу изуродованного тела.

* * *

Эльза и ее коллеги работали все время, что могли этому уделить. Когда Отто не был занят на службе, Вальтер — с пациентами, а сама она не была прикована к постели, они могли сутки напролет проводить в ее башне.

Надо сказать, что не только Эльза пользовалась плодами своей теории. Их ученая троица освоила огромную прикладную область, — и это касалось не только особых законов, порождаемых Контрактом, но и самой обыкновенной земной физики. Вальтер использовал их совместные открытия в медицине, а Отто с позволения Эльзы конструировал устройства военного назначения для нужд отряда. Эльза дала добро на это, но не вникала в подробности.

Как конструктор, Отто Штальберг опередил свое время лет на семьдесят — в том, что

касалось «обычной» техники. Но порой из его рук выходила и другая: «особое оборудование», что задействовало эффекты эльзиного Контракта. Правда, тут приходилось считаться с кое-какими условиями.

Во-первых, работало оно только тогда, когда Эльза была подключена к своей установке, а защитное напряжение, что сдерживало демона, было снижено. Притом имело значение, насколько далеко от поместья Лейденбергер все это использовать. Во-вторых, полноценно управлять такими устройствами могли лишь те, на кого распространялось влияние Контракта.

Но эти возможности были нужны Отто, поэтому он попросил и его «усовершенствовать» хотя бы отчасти так же, как Эльзу. В конечном итоге, это означало, что и он был «подключен» к ее установке. На слишком тяжелые операции он пойти не мог, потому что был нужен в отряде. Правда, была и еще одна причина, о которой он молчал: Отто боялся боли после всего, что ему довелось пережить. Ему стоило немалых усилий пойти и на частичную «переделку». Он держался только за мысль, что это ради барона.

Когда Отто снял одежду перед первой операцией, повисла неловкая пауза. Все его тело было в жутких шрамах от ожогов и не только, на плечах были вырезаны звезды, со спины, похоже, кожу снимали полосами. В полной тишине Отто буркнул, что в детстве упал с лестницы, и вопросов не последовало...

* * *

Так прошло три года. Эльза провела их почти отшельницей, видясь только с коллегами, дедом и слугами.

Ах, да: Лотта Леманн почти год прожила в поместье, изводя ее своей навязчивостью и безнадежной математической тупостью. В итоге Эльза все-таки не выдержала, несмотря на ходатайство дедушки. Как-то раз «ненароком» она зашла вместе с Вальтером в соседнюю от лоттиной комнату и достаточно громко спросила, не в силах ли он вкрутить той в лобные доли мозга такую-то и такую железки, чтобы она освоила хотя бы дифференцирование, ибо Лотте это необходимо. Вальтер, в принципе, уже был согласен вкрутить в лобные доли что угодно любому, кто попросит. За чаем Эльза радостно сказала, что, кажется, нашла для Лотты способ достичь научного прорыва. Они допьют чай и приступят к делу. Только Лотта почему-то довольно быстро засобиралась, и вскоре покинула гостеприимное поместье Лейденбергер, пообещав заходить на чай.

ГЛАВА ШЕСТАЯ, в которой Эльза находит, наконец, нужную книгу

Наступил 1927 год, и в этом году произошло знаменательное для Эльзы событие. Профессор Эванс-Венц перевел на английский язык «Бардо Тодол», Тибетскую Книгу Мертвых, — ту самую книгу, которую еще при первой встрече упоминал демон, когда объяснял, в чем заключается плата за Контракт.

Ее написали тибетские аскеты, что заглядывали за порог смерти. Книга и впрямь адресована была мертвым — вернее, тем, кто умер только что. Это был своеобразный «путеводитель» по загробному миру. Там говорилось, что Дух умершего сначала попадает в высшую область этого мира — Чокай Бардо, где может получить абсолютное Просветление; если он с этим не справится, то он опустится в область среднюю — Чониид Бардо, где тоже открываются возможности довольно высокого рождения в будущей жизни. Там повстречает он множество божественных пар — богов и богинь, и каждая из них на свой лад будет символизировать брак двух мировых начал, — Духа и Материи, Отца и Матери, Пуруша и Пракрити. Как Эльза уже знала, эти начала образуют в мире все, — в том числе и людей; поэтому человек должен, сохраняя спокойствие, приблизиться к богам, которых выберет, и они откроют ему Врата его новой жизни. Ну а если уж и тут он оплошает, то ему предстоит спускаться сквозь уровни Бардо все ниже и ниже, где ему будут открываться возможности все менее почтенных рождений, — в Сидпа Бардо, в миры Гневных Божеств и демонов. Увы, в следующем воплощении это будет посредственный, слабый и, прежде всего, трусливый человек. Трусливый — потому, что главный враг на путях Бардо — это страх.

Заполучив книгу, Эльза прямо-таки в нее впилась. Ведь это было так логично — поискать подсказку именно там! Для тибетского демона это книга описывала мироустройство, а сам демон входил в их с Эльзой закон Контракта.

Читая, она узнавала пейзажи нижних уровней Бардо, не по наслышке ей знакомые. Но главное было не это! Главное — она, наконец, поняла, где искать тот предел, к которому она стремилась.

* * *

«...Дух, покинув тело, первым делом может увидеть Блеск Предвечного Света Просветленной Яви, — читала Эльза, — Сознание, не заполненное отражениями внешних феноменов, зрит само себя, что и есть настоящая Реальность. Такое сознание само есть Вечный Свет — Будда Амитаба. Это встреча впрямую с последней истиной — Законом. Дхарма-Кайя. Если сумеешь распознать ее, то можно стать тем, что есть на самом деле. Тот, кому это удастся, познает тайну, морок Жизни и Смерти. А удастся это или нет — зависит от развития души. Если смертный охватит этот страшный Свет своим сознанием в момент смерти, крикнет ему: «Ты — это я!», то вмиг цепи Сансары спадут, и Спящий очнется в единственной яви...»

* * *

В-общем, это была практически инструкция к действию. Вот она, брешь в Законе! Истина открывается в момент смерти, когда старые привязанности отброшены, а новые еще не появились. Здесь, в мире явлений, остается хвост былых мирских связей — спирт, загробный призрак, а Кристалл сознания взлетает к Предвечному Свету.

Нужно было найти способ увидеть этот момент смерти, когда открывается Истина. Тогда ее Наука достигнет цели.

* * *

И Эльза направила усилия их команды на две вещи. Первое: ей нужна была возможность выходить из лаборатории, сохраняя связь с демоном. И второе: надо было создать устройство, позволяющее смотреть чужими глазами.

В ближайшее время ей пришлось претерпеть еще несколько весьма неприятных операций. Но в итоге она смогла покинуть поместье, оставаясь «подключенной» к «Третьему глазу» — правда, связь с установкой слабела с увеличением расстояния.

Устройство же совместного зрения состояло из пары шлемов, один из которых следовало надеть Эльзе, а другой — ее «собеседнику», и обручей с контактами на голову, руки и ноги для каждого. Все это попарно соединялось проводами, если речь шла об Эльзе и обычном человеке. Только с Отто они могли общаться бесконтактно и безмолвно, потому что оба перенесли «усовершенствования».

А потом Эльза попросила Вальтера проводить ее в больницу при богадельне, где он порой работал, когда там кто-нибудь будет при смерти. Вальтер посмотрел на нее, как кролик на удава. Эльза сказала, что не собирается причинять кому-то дополнительный вред, что это будет просто наблюдение над тем, что в любом случае произойдет. Она объяснила научный смысл этого и сказала, что он может присутствовать, раз дело у них общее. Надо только сделать третий шлем... Иными словами, она дала Вальтеру разумный повод согласиться, и теперь он сдался. И он был этому рад, потому что отказывать Эльзе не умел, — или пока не умел...

Кстати, каждый раз, когда она в чем-то убеждала Вальтера, она мысленно говорила с Тадеушем. Вальтер с его стремлением к добропорядочности служил ей приблизительной моделью Тадеуша. И Вальтер раз за разом соглашался... Эльза, конечно, понимала, что это лишь игра ее ума, и никакого согласия со стороны Тадеуша она не значит, но все равно играла в эту игру.

* * *

Недели через полторы Вальтер сказал, что пора. Они отправились в больницу на том же автомобиле, на каком ездили на кладбища, что окончательно выбило почву у него из-под ног.

В больнице умирал глубокий старик. Дыхание его уже было коротким и поверхностным. Вальтер украдкой перекрестился, пока Эльза крепила на всех троих свое оборудование. Она заранее переделалась в рубаху и добавила к приборам для наблюдения еще кое-какое медицинское, готовясь к длительному беспамятству. Вальтер за ширмой сделал то

же самое. Она легла на кушетку слева от умирающего, он — справа. Эльза видела их обоих и всю обстановку — вернее, движения сил, которые они собой являют. Потом она надела шлем и видела в основном потолок. Процессы в потолке были медленные.

А потом Дух старика покинул тело.

Произошел рывок! Она увидела, как внизу, на кровати, где лежал умерший, остается и стремительно разрастается спирит — посмертный призрак. Для нее он имел вид механизма, как и все прочее. Два других механизма, — видела она, — лежат по обе стороны от него — это были Вальтер и ее собственное тело. А она, глядя глазами старика, взлетала вверх, и всякие механические тяги, клубки связей, узлы и сочленения тянулись за ней, обрываясь по дороге. Потом было резкое ускорение. Через какое-то время движение достигло высшей точки своей траектории, Эльза на миг зависла, а потом стала падать. Ее несло вниз как будто по спирали, — вниз и влево, и механические обрывки, которые она отбросила при взлете, вновь постепенно формировали тело ее привязанностей. Не все части нового механизма были те же самые: после распада старого «агрегата» он был «пересобран» в новой конфигурации, соответственно его Карме к моменту смерти. Порой она замечала каких-то не то существ, не то машины, но не могла сконцентрировать на них взгляд. По мере падения вокруг становилось все больше хлама, ее трясло, как при турбулентности. Теперь она падала, цепляясь за узлы и продираясь через работающие механизмы. Затем Эльза увидела знакомый заваленный ржавым железом пустырь, по которому рыскали механические страшилища. А потом ее занесло в какой-то глухой закоулок, где она и застряла. Вокруг была какая-то невнятная дерганая пульсация; к ней протянулись сборочные механизмы, уплотняя и формируя ее новое тело. Она поняла, что наблюдает чью-то беременность перед новым рождением почившего старика...

А потом Вальтер снял с нее шлем. Тела старика рядом уже не было. А вот призрак-спирит еще болтался, лишенный сознания и смысла.

Вальтер сказал, что не смог досмотреть до конца: почти сразу же он потерял сознание, и связь разорвалась. Неудивительно: смотреть глазами Эльзы было трудно, нужна была повышенная вычислительная мощь разума, а Вальтер оставался обычным человеком. Эльза же провела в коме одиннадцать дней.

— Одиннадцать? Точно?

Он кивнул.

— Странно, — пробормотала она, — по книге должно быть две недели.

Они поехали обратно, в поместье Лейденбергер.

* * *

Эльза, бледная, с черными кругами вокруг глаз, азартно делилась своими соображениями, пока Вальтер вел машину.

— Видели ли Вы, герр Дитце, хотя бы сам момент разрыва жизни? — напирала она, — Обратили ли внимание, как образовалась спиритическая оболочка? Это важное наблюдение! Я склонна объяснить это тем, что для разрыва единого человеческого существа нужен был толчок, нужна была кинетическая энергия, и ей неоткуда было взяться, кроме как из потенциальной энергии Кристалла. Разрыв обеспечивает сам Кристалл, и он растрчивает часть своей энергии на то, чтобы оттолкнуться от материи.

И, кстати, все это подтверждает теорию о деградации мира, — думаю, Вы помните, сколько раз нам встречалось это в старинных книгах. От Золотого века мы падаем в Железный, и сейчас настало последнее время — Кали-Юга. Нечто, что там называлось «Духом», — ну, то самое божественное начало, которое воплощают мужские божества в Книге Мертвых, — это нечто не то угасает, не то засыпает, но больше не правит материей. Она, «Великая мать», организует себя сама — очевидно, за счет накопленных энергетических резервов. Но что значит это с нашей точки зрения? Старый знакомый второй закон термодинамики: энергетическая разница в мире постепенно сглаживается. Так вот: сейчас было видно, как это происходит. Всякий человеческий Дух с каждым новым перерождением немного слабеет, тратя себя на саму смерть, а в мире прибавляется посмертных ошметков. Возможно, с тех пор, как была написана «Бардо Тодол», мир уже заметно изменился. Может быть, теперь Дух почившего уже не может взлететь так высоко, как в былые времена, чтобы узреть Предвечный Свет, как описано в книге? Ведь я этого Света не видела. Наверное, чем слабее Кристалл, чем сильнее он отягощен, — тем ниже будет взлет. Бренные связи, конечно, бренные, но держат сильно. Вон, как долго тянулись следом. Не будь это так, я не могла бы ничего увидеть, ведь вся моя физика работает лишь с этими связями.

Хотя, быть может, разница в том, что «Бардо» писали тренированные отшельники-налджорпа, а не ученые-позитивисты? — вопрошала она вслух. Вальтер только пожимал плечами: для него все происходящее было дико, сколько бы времени он в этом не участвовал.

— Нужно понаблюдать еще за несколькими случаями, — заключила Эльза, — Проследить зависимость процесса от того, насколько умирающий погружен в земное.

...И она пробовала снова и снова, но результаты были схожими. Да, кому-то из умерших удавалось «взлететь» повыше, но никто не видел никакого Предвечного Света. И Эльзу мучило какое-то предчувствие, некая невнятная интуиция. Она не доверяла своей интуиции, и правильно делала. Интуиция у нее, как она с некоторых пор обнаружила, работала плохо, из нее невозможно было извлечь никакого руководства к действию. Эльзе она говорила лишь о том, что решение близко, для него уже есть все компоненты; надо просто взглянуть на эти компоненты иначе.

* * *

И вот во время очередного опыта Эльза поняла, как увидеть больше.

В тот раз она вновь лежала на кушетке в больнице богадельни. Ее опутывали трубки капельниц: Вальтер опасался за ее сердце. Недавно она перенесла еще одну операцию, чтобы улучшить контакт с подопытными.

Рядом тяжело умирала женщина. Доктор Дитце облегчал ее страдания, как мог.

Надев шлем, Эльза лежала и ждала, когда та скончается. Ждала, когда смерть рванет умирающую, и ускорение отсечет ее от земной реальности.

...В это время она думала: система, в которой она сейчас находится, состоит из нее самой, этой женщины и демона. Она является более-менее изолированной: процесс умирания происходит на таких скоростях и по таким законам, что отсекает умирающую от мира. В момент смерти эта система разделится на две за счет энергии Кристалла женщины,

который отправится на путь реинкарнации. Суммарная энтропия двух будущих систем будет выше, чем сейчас, до их разделения, потому что произойдет только трата энергии без притока извне...

И тут Эльзу озарило: а что, если... не просто смотреть, как система деградирует, а искусственно организовать внутри нее энергетический толчок в момент, когда она разделится на две? То есть, за миг до смерти подопытной, когда ее Кристалл вознесется вверх, разбить свой собственный?

Этот опыт будет совсем иным, чем со спиритистками. Тогда она повредила свой Дух заранее, ничем не восполнив этот ущерб, и к моменту сеанса энергия ее Кристалла была ниже, чем у напарниц. Из-за этого они и потеряли свою — буквально «слили в яму», которая образовалась вокруг Эльзы! Сейчас этого произойти просто не успеет: важна синхронность. Наоборот, Кристалл умирающей воспримет направленный энергетический вброс со стороны эльзино. Тогда эта женщина вознесется гораздо выше, чем могла бы, ценой Кристалла Эльзы, — и увлечет за собой ее саму.

Никакого чуда в этом не будет: сработает старый знакомый Закон. Поскольку их общая система останется изолированной, она будет продолжать деградировать, а общие показатели деградации — соблюдаться. И если в одной из частей системы возникнет энергетический провал, то в другой просто обязан будет возникнуть скачок.

Вот оно!

* * *

Эльза сосредоточилась, вызывая в сознании образ пустыря, но одновременно и глядя на осточертевший потолок. Потолок сотрясали судороги смерти подопытной, накладывавшиеся на эльзино зрение.

Попасть на пустырь получилось легче обычного. Как всегда, над ним висело тусклое красное марево солнца, вечно клонящегося к закату. Тадеуш был там, но больше не уходил, — наоборот, он бросился к ней и перегородил дорогу вниз.

— Стой, Эльза, — сказал он хрипло, — Стой, или пути назад не будет! Ты еще не догадалась, зачем ты пришла, да? А я уже понял это... Твое открытие, твой следующий шаг будут чудовищными! Знай: если ты его сделаешь, этот шаг, ты шагнешь и через меня! Я никогда его не приму! Забудь навсегда, что звала меня другом!

И Эльза впервые посмотрела ему в глаза по-новому — безнадежно, бесповоротно и беспощадно.

— Нет, Тадеуш, — она сказала, — я не отступлю. Нет никакого пути назад, да никогда и не было. Настоящее вытекает из прошлого, которое никто не в силах отменить. «Бытие определяет сознание», как говорится... Я принимаю свое прошлое и делаю из него оружие. Я есть то, что я есть благодаря обстоятельствам моей жизни. Мой путь не похож на путь добрых людей, а дальше будет похож еще меньше. И — слышишь? — я больше не стану думать, одобришь ты его или нет! Ты не одобришь, я знаю. Но я твой друг, ты никуда от этого не денешься! Этот факт, Тадеуш, сильнее разницы наших взглядов. Он значит, что я буду идти к тебе столько, сколько хватит сил. Я буду идти способом, единственным для меня! Ведь я когда-то я отдала тебе свой Кристалл, чтобы ты хранил его.

— Этот? — спросил Тадеуш. Он вытащил из-за пазухи медальон на цепочке, так хорошо

знакомый Эльзе, — тот самый, что она ему когда-то подарила. Это действительно был плоско ограниченный кристалл горного хрусталя в стальной оправе.

— Нет! — ответила Эльза, поднимая откуда-то взявшийся пистолет, — Этот ты забросил в речку, поэтому тебя самого я могу себе теперь только представлять! И ты не остановишь меня простым недовольством! Если ты не противопоставишь моему Закону то, что ему неподвластно — я и правда через тебя шагну! И не только чрез тебя!!!

Выстрел грохнул, пуля попала в медальон-кристалл. Эльза ощутила вкус крови во рту, разрыв внутри себя и короткую невесомость, будто она падала.

Но упал Тадеуш. И упал Вальтер, что, оказывается, стоял за ним. И упал позади них старый барон, прошитый той же пулей...

И упал кристалл медальона, раскрошенный почти наполовину. И упала Эльза... одновременно вниз и вверх...

* * *

... вверх, потому что женщина на соседней койке наконец отмучилась, а Эльза смотрела ее глазами. Ускорение было чудовищным. Она на свой манер сдержала слово, данное Вальтеру — не вредить тем, чью смерть она наблюдала. Ведь вознести душу этой уличной нищенки столь высоко было благом, не так ли?

Да, на такой высоте она еще не оказывалась. Она висела в пустоте, вверх и вниз уходили кольца уровней Бардо, теряясь в перспективе — и центробежная сила влекла ее по спирали вниз и влево...

* * *

И Эльза поняла, что делать дальше. Да, чтобы дойти до этой мысли, ей нужно было перейти «рубикон человечности». Предстояло не просто распространять влияние своего Контракта на всех, кто ему поддастся, а решиться применять к ним действительно любые средства. От этого ее до сих пор удерживало лишь желание сохранять что-то общее с Тадеушем, который бы на это не пошел. Но, отказавшись от него, она забыла, почему было нельзя. Вот зачем на самом деле она сейчас вновь надколола свой Кристалл.

В следующих экспериментах ей нужен будет не один подопытный, а двое. Все просто. Двоих нужно соединить друг с другом через пять контактных точек и изолировать от среды. Затем одному из них нужно полностью разбить Кристалл, а глазами другого смотреть. Этот второй должен увидеть предел, где прекращается действие Закона, а Эльзе, смотрящей его глазами, останется в этом убедиться. Высота «взлета» должна быть... сложно даже сказать, насколько больше. Но если не хватит одного, следует разбить одновременно два чужих Кристалла... или столько, сколько потребуется.

Эту машину она назовет «Ментальной Катапультой».

...Но пришла она в себя не в больнице, как обычно, а при совсем других обстоятельствах и гораздо позже, чем через две недели.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,

в которой внешние события вторгаются в обитель науки

Не две недели, а два с лишним месяца провела Эльза в коме после того, как нашла способ «возносить» один Кристалл за счет другого. Ее положили в спальне на самом верху башни на огромную дубовую кровать с балдахином, и Вальтер дежурил у ее ложа неотлучно, вглядываясь в заострившиеся ее черты. Он ни о чем другом думать не мог, и нить внешних событий практически утратил. Шел июль 34-го.

Когда Эльза пришла в себя, то была она крайне слаба, а мысли ее разбегались; но у Вальтера отлегло от сердца: жива! И стоило ему обрадоваться — как на следующий день ее поразил старый знакомый припадок, каких с ней не случалось со времен поимки демона. Это был ужас, — тотальный и сокрушительный ужас без видимой причины. Будь она в полном сознании, она могла бы бороться, но увы — она просто зашлась в диком крике, забилась и снова провалилась в беспамятство. Вальтер не знал, что и думать, в панике делая все возможное для ее спасения. Когда опасность миновала, он без сил подошел к окну, раскрыл его и глянул вниз.

Только тут он заметил, что в поместье царит небывалое оживление: бегают военные, к воротам из укрытий катятся один за одним грузовики отряда... Оглянувшись на Эльзу, Вальтер отправился узнать, в чем дело. Но там всем было не до него; он только понял, что в столице был какой-то бунт или попытка переворота, но она провалилась, а теперь восставших усмиряют силами армии. Канцлер Энгельберт Дольфус был убит, Отто носил черт знает где, а барон.... Барон фон Лейденбергер пропал, как в воду канул!

Вот это новости, подумал Вальтер, припоминая, что за день на дворе. Выходило 25-е июля.

...В середине дня вернулся Отто. Сказать, что на нем лица не было — значит, не сказать ничего. Он был изранен, измотан, глаза его ввалились, но главное — от висков к затылку теперь белела седина. Приехал он в незнакомом черном фургоне с крытым кузовом, привез троих раненых из отряда и еще что-то, накрытое брезентом. Отдав краткие распоряжения, он двинулся к эльзиной башне. Вальтер вышел ему навстречу.

— Эльза... — начал он было, но тот глянул на него так, что фраза застряла у бедняги в горле.

— Не время, — тихо и бесцветно сказал Отто, — Вы — медик «Бальмунга», Дитце. Там раненые. Позаботьтесь, — и направился в башню, чуть не задев Вальтера.

Не смея возражать, Вальтер ушел к раненым, — а когда вернулся, то по ошибке вместо эльзиной спальни спустился в подвал, в лабораторию. Там он увидел, что Отто лежит, распростершись в пятиконечной раме «Третьего глаза», и пытается вызвать призрак барона. «Проверяет, жив ли патрон», — понял Вальтер. Сам он вошел неслышно, и Отто его не заметил.

Скоро тот отключил контакты и выбрался, — а вернее, сполз на пол из железной пентаграммы. Отто был в небывалом состоянии: он коротко разрыдался, потом засмеялся, и, шатаясь, вышел прочь. Призрак на зов не явился, и он решил, что барон жив.

Вальтер вжался спиной в шкаф, почему-то очень не желая быть замеченным в такой

момент. Выждав, когда шаги стихнут, он двинулся было наверх, но там опять послышалось движение. Это вновь был Отто! На сей раз он спустился на механическом подъемнике, потому что на плече принес сильно изуродованный труп. Труп был в незнакомой, но весьма красивой черной форме со сдвоенной молнией на лацкане. Отто свалил его с плеча на стол и подключил к установке. Сам же он влез в пентаграмму и, как понял Вальтер, попытался вызвать спирита для «допроса», — но не тут-то было! Черт его знает, что стряслось, но он с воплем сорвал с себя крепления, прервав сеанс. Минуты через три он отдышался и запер труп в холодильнике с шифром, а сам ушел, наконец.

Когда же Вальтер тихонько вернулся в спальню, оказалось, что показатели Эльзы снова рухнули вниз...

* * *

Так повторилось еще два раза. В лаборатории стояли видеокамеры наблюдения, как и в эльзиной спальне, — да, она сама их некогда сделала, чтобы он мог отлучаться от ее постели. И на переносном мониторе Вальтер видел, как Отто притаскивает одного мертвяка за другим, подключает к «Третьему глазу и пытается «допросить», — но все зря. Он не выдерживал почему-то этой привычной уже операции, заходясь в крике, словно его бросали в котел с кипятком. И так же билась и кричала в это время Эльза, подключенная к тому же «Третьему глазу» через все приборы, что были вживлены в ее тело.

Взаимосвязь тут была настолько очевидна, что в третий раз Вальтер решительно двинулся вниз, дабы прекратить эти спиритические выходки... и запнулся. В этот момент он был почти вынужден себе признаться, что он панически боится Отто, — боится с первого дня знакомства, инстинктивно, без явных поводов. При Эльзе и бароне это было как-то переносимо, но один на один с механиком он чувствовал себя как в клетке с хищником. А тут была явно темная история, да еще связанная с какими-то военными, а от военных дел отряда Отто его всегда бескомпромиссно отстранял. Что, если он не должен был все это видеть? А что, если Отто узнает, что он это видел? Этому типу ничего не будет стоить позаботиться о его молчании — о, Вальтер это чувствовал! Тем более, что «усовершенствования» Эльзы были окончены, и услуги врача больше не были нужны... Вальтер страдальчески сморщился, борясь с собой. Больше всего на свете он боялся оказаться трусом. Но тут возникла спасительная мысль: а ведь врач Эльзе вновь понадобился! Поэтому он не может рисковать собой, иначе кто ей поможет, если что?

Единственное, на что его хватило — это найти Отто и робко спросить, не было ли сбоев техники, работающей на принципах фройляйн Эльзы. Ее состояние крайне нестабильно; с чем, по мнению Отто, это может быть связано? Может быть, стоит отключить всю подобную технику, чтобы не рисковать здоровьем фройляйн?

Отто посмотрел своим обычным тяжелым взглядом и ответил, что он обдумает слова Вальтера и примет меры, чтобы здоровье Эльзы не пострадало. Это в интересах их всех. Как сейчас она себя чувствует? И пусть Вальтер назовет точное время кризисов.

Вальтер ответил и назвал.

— Всё? — спросил механик; не дождавшись, пока врач закончит колебаться, он кивнул, развернулся и ушел.

Отто и впрямь не хотел, чтобы Эльза умерла. Во-первых, после этого отключилась бы куча оружия и приборов. Во-вторых, для барона она много значила, а сам барон для Отто значил всё. А в-третьих, теперь, когда он пропал, Эльза могла оказаться полезна и в поисках. Поэтому Отто должен был выяснить, что ей вредит, чтобы впредь этого не делать.

Он, конечно, сопоставил время ее припадков с событиями минувшей ночи и со своими недавними попытками вызвать призраков погибших в ходе этих событий. Совпадало. Дело было в том, что Отто и люди «Бальмунга» накануне в бою столкнулись с крайне необычным оружием. Оно было абсолютно незнакомым, а его разрушительная мощь была поистине жуткой. Кроме того, оно вызывало в Отто дикий необъяснимый ужас при любом с ним соприкосновении, и было похоже, что на Эльзу это тоже распространяется. Приступы с ней случались и во время ночной стычки, и позже, когда он пытался «призвать» тех, кого это оружие убило.

С собой он предусмотрительно привез четыре трупа; трое из них попали под воздействие того неизвестного оружия, а четвертого пристрелил он сам. С троими первыми он уже потерпел фиаско, пытаясь вызвать спиритов. Если его догадка верна, решил он, то четвертый не должен представлять опасности; но это нужно было проверить. Для начала он решил облучить его эмиттером «на физике фройляйн Эльзы», выставив минимальную мощность, чтобы проследить реакцию ее приборов. Если они не взбесятся от контакта с этим мертвецом, то можно будет попробовать все же «призвать» его... потому что вопросов у Отто к нему имелась масса.

Открыв холодильник, он вытащил четвертого; тот был все в той же щегольской черной форме. Уложив тело на стол, он нацелил и включил было эмиттер... и тут отключилось вообще все, что было на эльзиной физике.

Отто замер: неужели он угробил Эльзу? Затолкав убитого обратно в холодильник, он направился к лестнице наверх, но там встретил Вальтера. Тот был бледен, как полотно; с усилием выдерживая взгляд механика, он сказал, что только что у Эльзы случился очередной кризис.

— Не делали ли вы... чего-нибудь необычного, герр Штальберг? — спросил Вальтер.

— Не необычнее обычного, Дитце, — буркнул Отто, вперив взор в коллегу. Он удивился про себя: ведь эмиттер он даже не успел включить. Не врет ли этот размазня? Увы, даже после перенесенных «усовершенствований» ему не хватало проницательности понять это. Решив пока не выказывать недоверия вслух, он перенес проверку на завтра.

Надо сказать, подозрения механика были не беспочвенны: увидев, как Отто тащит на стол очередного погибшего, Вальтер не выдержал и отключил ее от ловушки. Он боялся ее нового приступа. Но что теперь было делать? Ее придется подключить обратно, или станет ясно, что он наврал. А Отто не успокоится. Нет, нужно собраться с духом... нужно сказать, что пока она не выздоровеет, отряду придется обходиться без Эльзы...

С этой неотвязной мыслью Вальтер и уехал в Вену за лекарствами. Оставив машину, он

пошел пешком; приветливо светились огни заведений, на улице под густыми липами было сыро. Внезапно почувствовав, что напряжение последних недель его вот-вот прикончит, он свернул в бар и заказал себе порцию рома. Тут его окликнули; оказалось, старый университетский приятель. Слово за слово — и вот Вальтер уже делился с ним своими многочисленными горестями, не разглашая, однако, секретов их ученого трио. Единственное, что он все-таки сказал — это то, что он частенько бывает в поместье Лейденбергер. Тут-то он и почувствовал, как в бок ему ткнулось револьверное дуло, и его собутыльник тихо-тихо приказал ему двигаться к выходу. Этот его приятель был вовсе не пьян, и был он полицейским осведомителем! Так что очень скоро Вальтер оказался в участке; там ему намяли бока и склонили к сотрудничеству.

Дело было в том, что полицию, а главное — английскую разведку, которая запустила туда щупальца, крайне интересовал отряд «Бальмунг». Он с недавних пор нарушил запрет, наложенный на Австрию послевоенным договором: не выпускать танки. Всего лишь день назад, 25-го июля, произошел бой с участием какой-то фантастической бронетехники, которая у них непонятно откуда взялась! На голубом глазу люди барона фон Лейденбергера сказали, что это не танки, в договоре таких машин не было, а следовательно, ничего они не нарушили. К тому же они дали понять, что их сил теперь достаточно для того, чтобы с Австрией считались все, кому не нравится ее бронетехника. И вот теперь англичане, французы и все их агенты рыли землю носом, стараясь прощупать, насколько велики возможности, которыми их пугают.

Незадачливый доктор Дитце и так-то не мог похвастаться силой характера, а допрос с угрозами и подавно заставил его выложить полиции, что в поместье есть лаборатория, которой через механика Отто Штальберга пользуется отряд.

Полицейский начальник был вне себя от радости: еще бы, целая лаборатория! Пожалуй, после этого успеха он станет полковником! И он решил забрать себе славу добытчика баронских секретов. Взяв с собой двоих подчиненных, он лично отправился в поместье. Вальтер был их провожатым; он окончательно раскис от ужаса и не понимал, что делать. Он должен был выдать им Отто. Он сам не знал, кому больше желает победы: полицейским или механику, и понимал лишь одно: он был в кошмарном положении.

Вальтер провел их в лабораторию, пока не работали приборы контроля. Он вновь подключил к установке Эльзу, и полицейские стали ждать, когда же явится Отто, чтобы продолжить вызывать «дух» злополучного погибшего. С ними остался и Вальтер, которому, конечно, уйти не позволили.

* * *

Отто появился поздно вечером, удостоверившись, что Эльза спокойно спит. Подключив к установке труп, он забрался было и сам в пятиконечную раму; тут-то на него и набросились полицейские! Он дрался прекрасно, но втроем они все-таки свалили его на пол. Он ожесточенно боролся, перехватив руки нависшего над ним полицейского, — и тут — БАХ! — полголовы его врага разлетелось на куски. В считанные секунды он вскочил, и все обернулись на выстрел.

На лестнице стояла Эльза, — худая, бледная, обритая наголо, в длинной ночной рубашке и с какой-то адской стреляющей конструкцией наперевес; Отто помнил, что она

когда-то переделала это ружье из старого охотничьего в подарок дедушке. Она была абсолютно спокойна. С изысканной вежливостью она поинтересовалась:

— Господа, не будете ли вы любезны объяснить мне, чем вы тут изволите заниматься?

Вальтер решил переметнуться и выкрутиться из положения. Он залепетал какую-то околесицу: дескать, полиция села ему на хвост, и он не мог предупредить коллег, но привел полицейских сюда, как в ловушку, чтобы тут с ними расправились и допросили. Ужасно было врать Эльзе, но еще ужаснее было признаваться, как его взяли в оборот: ведь она была бесстрашна... И на этом фоне он почему-то уже не удивился, что Эльза, никогда никого не убивавшая, только что пристрелила человека абсолютно без эмоций. Это просто вписалось в происходящее, как одна из деталей кошмара.

Эльза кивнула ему: я поняла. Вальтер почувствовал в этот миг, что больше они никогда не будут спорить, как прежде, что он теперь — пустое место для нее. Он подумал: это оттого, что Эльза заметила ложь. Да, отчасти он был прав: из-за «усовершенствований» она видела движения человеческой психики, хотя эта способность у нее была самой слабой и давала сбои: подводило умение верно их трактовать. Но, помимо этого, она просто перестала играть в спор с Тадеушем, как обычно делала в их беседах. Во-первых, она помнила, как именно разбила свой Кристалл в последний раз: там, на пустыре, она выстрелила в своего друга. А во-вторых, она подумала, что настоящий Тадеуш не привел бы в засаду ни полицейских, ни коллег.

И тут Отто сказал:

— Фройляйн... Барон фон Лейденбергер, ваш дед, исчез.

Пару секунд Эльза справлялась с собой; она вся подобралась, взгляд стал жестким. А потом она стала делать вещи, которые еще долго снились Вальтеру, заставляя его просыпаться с криком.

— Господа полицейские, ваши имена?

— Капитан Генрих Хольман.

— Сержант Ганс Прибке.

— Кто из вас троих главный?

— Вон он, наш начальник, убитый лежит, — ответили те, кивнув на труп в луже крови, — подполковник Конрад Брюгеман.

— Не убитый, а всего лишь раненый, — заявила Эльза, — Сейчас мы его вылечим. Герр Штальберг, несите раненого в центральный зал. Герр Дитце, эти двое — ваши пациенты. Извольте пройти с ними в боковую комнату, — вон туда, — и подготовить их к трепанации черепа. Я вас провожу, — и двинулась за ними, не опуская своего чудовищного оружия.

Полицейские наперебой заголосили, уверяя, что никому не скажут, что в лаборатории делают лучевые пушки, но Отто резко развернулся, подошел и угостил их ударами под ребра, свалив на кресла. Руки их и ноги он прикрутил к мебели веревками. Потом он вплотную приблизился к Вальтеру и сказал ему тихо-тихо, что тот будет следующим кандидатом на трепанацию, если выкинет хоть что-то. Отто тогда сам ему сделает трепанацию, а заодно лапаротомию.

Вальтер, зажатый со всех сторон, шагнул через очередные свои моральные установки. Теперь ему надо было доказывать коллегам свою лояльность. Он ввел пленников в наркоз и вскрыл им черепа.

В центральном круглом зале пылал белый свет; Эльза и Отто в бешеном темпе собирали какие-то устройства. Руководила Эльза.

— Думаю, Дитце не дотянет до следующего утра, — процедил Отто, — И остальные кто про это знает.

— Не стоит, герр Штальберг, — с холодным спокойствием отвечала она, — Нужно уметь ладить с людьми. Сейчас вы увидите, что консенсус вполне возможен... Герр Дитце, вы уже освободились? Прошу вас ассистировать мне; нужно поставить на ноги нашего больного. Видите эти приборы? Это реглеры, устройства контроля. Их нужно вживить в контактные зоны на руках, ногах и голове; вы знаете, как.

Вальтер повиновался, силясь справиться с дрожью.

— Так, — кивнула она, — а теперь, если вам не сложно, соберите обратно вон те части черепа с пола и поставьте их, по возможности, на место... Да, прекрасно: голова как целая. Теперь спустите кровь, введите в вены физраствор и консерванты группы А... Вот, теперь можете передохнуть. Дальше я сама.

Эльза переключила что-то на панели «Третьего глаза» и сконцентрировалась, вызывая спирита. Призрак погибшего явился мгновенно, возникнув прямо над телом в трескучем электричестве. Он задержался, подчиняясь мощному полю «Третьего глаза», а потом словно прирос к телу в пяти точках, где Вальтер закрепил реглеры.

Конрад Брюгеман открыл глаза.

— Как я и говорила, ранение не представляет угрозы для деятельности нашего гостя, — констатировала Эльза.

Вальтер почувствовал, как встали дыбом все волосы на его теле.

Затем они отправились к полицейским в соседнюю комнату, где им в мозг также вживили по устройству. Эти реглеры отличались от тех, что получил их начальник с разбитой головой, — и не в последнюю очередь тем обстоятельством, что к ним прилагались маленькие капсулы со сверхэффективной взрывчаткой. Черепные коробки вернули на место, а их привели в чувство.

Все закончилось довольно быстро: ведь медицина в исполнении Вальтера со товарищи давно обогнала свое время.

Эльза любезно улыбнулась:

— Господа, поздравляю с благополучным окончанием задания. Вы сами смогли убедиться, что в нашей лаборатории нет никакого лучевого оружия. Думаю, вас ждет хорошая карьера, если вы будете подчиняться приказам своего начальника, — но если не будете, мне сложно будет ручаться за ваши успехи и здоровье. А сейчас вы можете быть свободны. К счастью, ваша отлучка была недолгой. Уверена, никто даже не начал вас искать: ведь вы предусмотрительно промолчали о том, куда отправились... Хорошего дня, господа.

Полицейские ушли.

Вальтер стоял в ступоре. Эльза обратилась теперь к нему, продолжив свой кошмарно вежливый монолог:

— Герр Дитце, вас я также благодарю за сотрудничество и многолетнюю заботу о моем здоровье. Сейчас вы тоже можете быть свободны: я в порядке, и ваши последние пациенты — тоже, насколько это возможно. На мой взгляд, ваша совесть чиста: все три сегодняшних операции были абсолютно безвредны. Но вы наверняка устали от всех трудов, треволений и неразрешимых загадок; вы вполне заслужили отдых. На всякий случай добавлю: если вы, несмотря ни на что, чувствуете внутренний разлад после случившегося, вы можете быть свободны и навсегда. По вашим словам, вы не нарушили наш тройной договор, всего лишь завели полицейских в засаду...

Она заглянула ему в глаза, затягивая паузу. Вальтер понял, что это вопрос, — последний шанс сказать правду. Он вдохнул в грудь побольше воздуха: сейчас, сейчас, он не будет больше ей лгать... и словно со стороны услышал свой голос:

— Да, фройляйн Эльза, как я и сказал...

Она отрывисто кивнула. Шансов у Вальтера больше не было: она путем эксперимента полностью выяснила для себя его характер, и теперь его не имело смысла даже презирать. Чего-то ждать от такого труса было все равно, что обижаться на кошку за то, что она не собака. Эльза закончила безупречно светским тоном:

— Что ж, главное, чтобы вы не нарушали его и впредь, — особенно в свете того, что полиция нами интересуется. Но что бы вы ни решили, наша общая работа до сего момента была весьма плодотворна. Знаете ли, на память о сегодняшнем дне я хочу подарить вам одну вещь... прошу вашу руку... вот этот браслет. Я только что его сделала, как и те милые вещицы, что подарила нашим гостям. Мне он кажется весьма изящным, и я полагаю, что у вас не возникнет желания с ним расставаться.

Эльза застегнула браслет. О, как желал бы этого Вальтер, происходи все в иной обстановке! Но он догадывался, что в этом браслете были скрыты устройство наблюдения, маячок и все та же сверхэффективная взрывчатка. Она сработает, если браслет отключить от «контактной точки» на руке любым способом, — даже если эту руку отпилить.

Он поблагодарил и сказал с дрожью, что, пожалуй, и впрямь пойдет поспит, раз все так хорошо закончилось, но завтра зайдет проследить за здоровьем Эльзы.

Он прекрасно понял ее. Она позволила ему сохранить лицо и официально приняла его версию о полицейских. Но, поскольку он нарушил их тройственный договор, и она об этом знала, то просто так уйти он уже не мог, поэтому и получил смертоносный браслет.

* * *

Эльза и Отто остались одни в разгромленной лаборатории. Отто явственно видел, как ее качало: ноги плохо держали ее. Однако она не села, и даже к стене не прислонилась. Долгим взглядом она посмотрела на труп в черной униформе, но ни слова о нем не сказала. Барон был важнее.

— Герр Штальберг, — молвила Эльза, — думаю, нам надо поговорить. Мой дед и ваш патрон исчез. Я полагаю, мы можем объединить усилия в поисках. Я — абсолютно автономное лицо, я заинтересована в результате, а еще у меня в полиции есть теперь свои люди. Они — мои глаза и уши, и они могут быть нашими общими. Но я слишком долго провела здесь, никуда не выходя, я не особенно интересовалась политикой и вообще всем, кроме науки. Прошу вас, помогите мне восполнить этот пробел. Расскажите, что творится в мире, что случилось с дедом. Вы согласны?

Отто все это время оценивал ее поведение, и должен был признать, что оно впечатляло. С ней можно иметь дело до какой-то степени, решил он. Тем более, что в обстоятельствах, сопутствовавших исчезновению барона, и впрямь было кое-что, что ставило его в тупик, — а вот она со своими оккультными изысканиями могла и понять, что это все значило.

Так впервые в жизни Отто доверился кому-то другому в деле, действительно для него важном. Он кивнул:

— Да.

Эльза снова взглянула на труп:

— Это дело терпит промедления?

— Чем скорее я его «допрошу», тем лучше. Но вам тоже стоит это слышать. Но без объяснений вы не поймете. Начать надо с них. Поднимемся вверх?

— Не стоит, — Эльза накинула на плечи лабораторный злат и уселась в кресло прямо посреди разгрома, — «Допрашивать» его мы все равно будем здесь, как только вы закончите рассказ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

в которой Отто произносит самый длинный в своей жизни монолог

Отто спросил:

— Фройляйн, ваши опыты начались в двадцать четвертом? Тогда мне надо начать с этого времени.

— Вы переоцениваете мою осведомленность, — чуть улыбнулась Эльза, — Начните со времен Великой войны, если вам не сложно.

Отто чуть заметно вздохнул. Он не был мастером говорить: когда-то из ненависти к аристократии он научился выражать свои мысли короткими однотипными фразами, лишёнными всяких словесных красот, и это вошло у него в привычку. Голос у него был тихий и невыразительный. К тому же, обычно он открывал рот только по делу, ограничиваясь несколькими словами. Но делать было нечего: без знания ситуации Эльза не могла быть полезна. Он начал:

— Может, вы знаете, что войну мы проиграли. Мы — это Австро-Венгрия, Германия и... нет, Италия не проиграла. Перебежала к победителям. А победители — это Англия, Франция и... нет, Россия — не победитель. Она заключила сепаратный мир, а потом там была революция. Теперь она — Советский союз. Там коммунисты...

Так вот: победители заключили с нами договор. По нему мы платим огромные деньги. Нам нельзя иметь армию. Нам нельзя держать танки. Долго перечислять, что нельзя. Страна была разорена. Вдобавок у нас тоже была революция. И в Германии была. Империи пали. После этого установились республики у нас и у них. Глава страны — канцлер, при нем — парламент. Но многие были против договора и против республик. Армия была против. Армия стала белым движением. У нас оно называлось хаймвер. Наш отряд — его часть. Красные пытались свергнуть республики, установить коммунизм. Мы с ними воевали. Республика — плохо, но красные — хуже... Но наша борьба этим не ограничивалась. Об этом — позже, фройляйн. Это касается вашего деда. Потом во главе Австрии встал Энгельберт Дольфус... Его убили позавчера. При нем установилась диктатура. Государство заключило союз с церковью. Произошла реакция...

— На что?

— На демократию. На левых. На идеи Французской революции. На засилье банкиров. На ущемление армии. На разрушение сословий. На искусственное равенство... Так говорил барон. Я не силен в идеологии. Вам лучше поговорить об этом с фон Шоненвельдтом, он замещает барона... Он разбирается. Но, фройляйн, это не только у нас так. В Италии похожий строй с двадцать второго. В Германии — с тридцать третьего. Во многих странах произошли перевороты, армия усилилась. Правда, между ними всеми есть различия. Я расскажу только про Германию. Они — наши соседи. А главное — их цели пересекаются с нашими.

Германия теперь называется Третий Райх, фройляйн. У власти — национал социалисты,

это их единственная партия. Канцлер — Адольф Гитлер. Их цель... — Отто замаялся, — Они говорят, их главная цель — создать «сверхчеловека». Это из Ницше...

— Из Гёте.

— Ну, как бы ни было, с этим — к фон Шоненвельдту. Я скажу про ту их цель, которая понятна и для нас насущна. Это — собрать всех немцев в одном государстве. Видите ли, в Австрии полно немцев, фройляйн.

— Они и на наших претендуют?

— Еще как. Они хотят присоединить Австрию к Райху. Засылали к нам вооруженные группы. Двадцать пятого была попытка переворота. Мы ее отбили. Но СС убили канцлера...

— Кто такие?

— Вы видели одного в лаборатории. Труп в черном. Они — что-то вроде ордена. Мощная структура. Пронизывает все их государство. Хотят воспитать новую аристократию. Упирают на расовую чистоту. Углубляют новое мировоззрение...

— Как я понимаю, с этим — тоже к фон Шоненвельдту?

— Если хотите. Пожалуй, так будет лучше. Я — больше по практическим вопросам... Да, если практически, то СС заняли место штурмотрядов. Это раньше были боевые группы их партии. Потом штурмовики слишком усилились. Стали угрозой для партии. СС помогли произвести чистку их рядов. Это было с месяц назад. «Ночь длинных ножей». Думаю, теперь они пойдут в гору.

— Хм... Герр Штальберг, а что же старая аристократия, — и у них, и у нас? Как относятся ко всем этим переменам?

— Кто как, фройляйн. Многие поддержали. Говорят, это шанс для военных. Считают, что единственная альтернатива — коммунисты. Для них коммунизм — конец всему. Но некоторые сказали, что новая власть слишком плебейская. Таких оттерли от дел.

— А дед?

— Барон их понимает, но не принимает. Говорит: местечковое явление. У него есть собственный план. Он желает восстановить Империю. Объединить нас, Германию и прочие наши прежние земли. Ядром должна стать Австрия.

— Ого! Узнаю дедушку.

— Да. Он много сделал для этого. Действовал вместе с немецкими белыми отрядами, они назывались фрайкоры. Нелегально снабжал оружием и их, и наших. Позже у них из фрайкоров образовалась армия. Райхсвер. Состояла из двух частей: легальной и нелегальной. Нелегальную барон тоже поддерживал. Хотел разорвать «позорный мир», — он так его называл. Но он хотел именно Империю, а это не всем нравилось. У него были противники в хаймвере и среди немецких белых. Это было проблемой. Движение раскололось. Барон был против нашего сотрудничества с Советами...

— Позвольте, вы ведь сказали, что там — коммунисты? Какое же могло быть сотрудничество?

— Тактическое. Временное. Мы им — технологии и специалистов, они нам — оружие. Нам самим его было не достать. Многие из командования на это шли. Но барон не соглашался. Он терпеть не может коммунистов. В результате он оказался в меньшинстве, но не отступил. Сказал: будет сила — будет и единство. Стал наращивать силу. Наладил производство оружия в Польше. Вернее: в той части Польши, которая раньше была австрийской. В Силезии. Нас прикрывали их коллаборанты. Доставляли через Чехословакию. Барон и промышленники, которые пошли за ним, не жалели денег. До

тридцать третьего года все шло успешно. Пушки, пулеметы, патроны... кое-что из моих разработок. Не так давно там собрали броневые автомобили. Это сильнее танков. Намного.

— Но вы сказали: так было до тридцать третьего?..

— Да. В тридцать третьем на нас вышла польская военная разведка. Германское отделение. Конкретно — некто Стефан Лодзянский. Профессионал. Очень хорош. Они знали, что нас поддерживает кто-то из их магнатов. Но они не знали, кто. Решили скомпрометировать нас, чтобы припереть к стене... Так вот: они нашли меня. Сказали: или сотрудничество, или делу конец. Я согласился. Они склонили меня стать двойным агентом: их и Коминтерна... то есть, коммунистов. Якобы, я должен был подбросить от них дезинформацию красным. Но смысл был в другом. Вместо дезинформации они вручили мне австрийский государственный секрет. Когда бы я передал его коммунистам, поляки получили бы козырь. Но я заранее догадался, к чему они ведут. И я сделал по-другому. Я решил прикончить коммунистов в Австрии. После этого барона нельзя было обвинить в сотрудничестве с ними.

Эльза чуть вскинула брови: ничего себе адъютант! Интересно, что думал барон о том, сколь расширительно Отто трактует свои обязанности?

— Я многое выяснил про австрийских левых, пока был их агентом, — продолжал он, — У них тут были собственные боевые группировки, под названием: шуцбунд. Я разузнал, где у них склады оружия, базы, явки...

— И каким же образом, герр Штальберг?

— С помощью вашей установки. Я пристреливал их по-тихому, а после «допрашивал». С мертвыми я лучше умею ладить, чем с живыми... Вы против?

— В целом — нет, я ведь согласилась на ее использование. Но продолжайте.

— Я налазил контакты с полицией. Сдал им коммунистов. Полицейские и мы, хаймвер, провели против них провокацию. Может быть, вы что-нибудь слышали? Февральское восстание шуцбунда. В этом году. За два дня мы справились. Шуцбунда у нас больше нет. И у поляков не получилось задуманное. После этого они перешли к покушениям на барона. Это началось с месяц назад. Их было много. Но я окружил барона людьми с «особым снаряжением». Из покушений тоже ничего не вышло.

— Так. Я догадываюсь, что это «особое снаряжение» — то самое, связанное с «Третьим глазом»?

— Верно, — Отто выложил на стол перед Эльзой нечто вроде короткого ружья с толстым стволом, — Например, это. Это гиперболоид, лучевая пушка. Такими вооружен весь отряд. На бронемашину их тоже поставили. Кроме того — приборы наблюдения и связи. Без вашей установки такого не создать.

— Надеюсь, это пошло на пользу замыслу деда.

— Да. Мы были почти готовы к его реализации. Дело было за малым: опередить Германию. Мы знали: они тоже готовят аншлюс. Двадцатого числа этого месяца я отправился в Польшу. Оставалось установить гиперболоиды на броневые автомобили. Двадцать пятого я должен был вернуться вместе с колонной. Но я не успел. Нас встретили по дороге. Был бой. Бронеколонна разгромлена.

— Невероятно. И как же немцы смогли незамеченными вторгнуться на австрийскую территорию?

— Они не вторгались, в том-то и дело. Это был один человек. Впрочем, я не уверен, что человек... Я многого в этом не понимаю. Просто послушайте.

Отто перевел дух, помолчал несколько секунд, собираясь с мыслями. Он дошел до самой странной части своего рассказа.

Потом стал говорить.

* * *

— ...Технику мы погрузили в вагоны еще на заводе. Туда идет железнодорожная ветка. Наши поляки и чехи обеспечили секретность. Никто не интересовался нами до самой границы. Отановились, скатили машины по сходням. Дальше — своим ходом. Часть пути прошли скрытно, по руслу речки. Выбрались на дорогу, прибавили скорости.

Я сидел, переговаривался со штабом. Узнал про беспорядки. Потом на связь вышли мои люди... Двое, которых я негласно приставил к барону. Доложили: барон сел в свою машину и поехал из поместья. Взял «Обеиссан», который я усовершенствовал. Никому ничего не сказал. Никто его не остановил. Обычное дело. Они сказали, что успели только запрыгнуть в багажник под днищем. Он не заметил. Куда они направлялись — не знали. Помехи в связи начались из-за расстояния...

И тут, фройляйн, я увидел на дереве труп. Он висел вниз головой. Был проткнут штырем каким-то. Выглядел он странно...

— Да, я уже поняла. На дереве, со штырем...

— Я не о том! — речь Отто слегка ускорилась, — Я на него смотрел в особых очках. Они связаны с «Третьим глазом». В них все выглядит примерно как для вас. Весь мир — механизм. Так вот, этот труп был в механизме инородным. Он... не подчинялся общим законам. И почти не поддавался анализу.

Через минуту — еще один труп, такой же. Потом — два. А потом я увидел: на дороге, за поворотом, стоит человек. Такой же «инородный», как те трупы. Мне это не понравилось. Я скомандовал колонне: стоп! Но мы не успели остановиться. Передние машины свернули туда и пропали из эфира. Эфир стал гложуть. Меня вдруг одолел ужас... Не знаю, почему. Стало неестественно страшно.

Тут человек этот поднял руку. Бросил в нас непонятно, что. Из-за деревьев на колонну упало что-то огненное! Не снаряды. Кто-то из наших стал стрелять, кого не задело. Из пулеметов и из гиперболоидов. Как только попали лучом туда, где он был — пушки отказали. Связь пропала совсем. Бронемашины горели. У меня люк заклинило. Гиперболоид не стрелял.

Тогда он к нам подошел. Вскрыл корпус голыми руками, вытащил меня. А, говорит, тебя мне и надо. Чудно выражался, как в древней саге... Я попробовал бежать. Но он был очень быстрый. Скрутил меня. Достал нож, нацарапал мне что-то на спине. Я думал, умру от страха. Меня как парализовало. Свалился мешком. Он мне врезал по ребрам, потащил. Там рядом были развалины складов. Я еле соображал, но кое-что осознавал. Только мы оказались внутри — и в противоположную дверь вошли эсэсовцы. Я вам про них говорил...

— Да, помню. Так он с ними был?

— Нет. Началась перебранка... — Отто поколебался, но понял, что экспрессию ему не передать, и продолжил «телеграфным стилем», — Они велели ему отдать меня им. Он сказал, что не обязан. Что нашу колонну разгромил... «силой богов», так и сказал. Что я — его добыча. Что к СС он давно не имеет отношения. Один из них его вспомнил. «Шарфюрер

Эберт, уволенный за недопустимые выходки!»! И стал его поддевать: что, мол, вернулись в свой штурмотряд? Там вам и место, среди неудачников! Тот им велел «закрывать их бесчестные рты». Припомнил им «Ночь длинных ножей». Сказал, что это было подло. Что не их теперь дело, где он теперь числится. И так далее. Целая поэма. В-общем, было ясно: не договорятся.

Тут из-за спин эсэсовцев вышел толстый коротышка. У него было что-то вроде пушки на плече. Я его узнал. С год назад его у нас должны были судить. Это был Ганс Уберман, физик. Преподавал в Венском университете. Но простой физики ему мало было. Он занимался передачей мыслей на расстоянии, гипнозом. Все говорил о каких-то «мыслеволнах». Пытался их открыть. На мой взгляд, не открыл. Я считал, он — бездарность. В итоге он попался полиции на опытах с бродягами. Два года назад. Ассистенткой у него было Лота Леманн...

— О? — отозвалась Эльза, — Имя этого ученого я от нее и слышала. Она восхищалась его гениальностью. Что же, она тоже попалась?

— Да. Оба оказались в тюрьме. Но до суда дело не дошло. Кое-кто ставил палки в колеса полиции. Некто Эрхард фон Ландсдорф. Из Абвера, немецкой военной разведки. Сейчас это неважно. Потом их обоих выкрали из тюрьмы и перевезли в Германию. Теперь похоже, что за этим стояли СС.

— Так. И что же дальше было?

— Знаете, фройляйн... я видел с помехами, но теперь этот Уберман выглядел похоже на Эберта. Иностранно. Так вот: он стащил с плеча пушку. Сказал, что это «Машина Лояльности». Что она как раз для таких случаев. Навел ее на Эберта. И приказал: **НЕМЕДЛЕННО ОТДАЙТЕ НАМ ОТТО ШТАЛЬБЕРГА!** А потом нажал на спуск. И тут его пушки вырвался какой-то световой конус! Но вокруг Эберта... — Отто замялся на сложном описании, — появилось что-то вроде щита. Тоже из света. И луч его не пробил. Эберт ухмыльнулся. Сказал: драка ему нравится больше болтовни. Выхватил нож и обоим эсэсовцам перерезал горло. Одним махом. Повернулся к Уберману. Тот продолжал стрелять в истерике: **УМРИ! УМРИ! УМРИ!** Но без толку. Щит не пропускал лучи. А Эберт ножом разрезал себе левое запястье. Кровью нарисовал что-то на правом. Подобрал камешек с земли и бросил в Убермана. И в того ударило таким же огнем, как в нашу колонну перед этим. Его аж к стене отбросило. Обгорел до мяса. Но не помер как-то. Лежит, стонет. Тут в дверь вбежал еще один из профессорской группы. Пытался стрелять. Но тоже получил огнем. Эберт сказал, что потом с нами закончит. Выскочил за дверь. Оттуда раздались стрельба и крики.

— А вы?..

— Я понял: если не справлюсь со страхом — конец. А за спиной моей стоял ящик. И как-то я смог двигаться... До сих пор не пойму, как мне удалось. Стал обдирать себе спину, где он нацарапал мне знаки. Тогда меня отпустило. И видеть стал лучше. Я взял автомат у одного из зарезанных. Закатился за ящик. Стал ждать. Профессор стонал уже еле слышно.

Прошло минуты три. Эберт вернулся и двинулся к профессору. Медленно. С улыбкой. Что меня нет, он еще не увидел. А Уберман... Я слышал, как он бормотал: «Ублюдок!.. Мои машинки!.. Из за тебя я не смогу строить мои машинки!.. Нет, нет!.. Уж лучше...» Я, фройляйн, не разобрал, что ему было лучше. Только он как-то поднял в последний раз пушку. Глаза у него вылезли из орбит. И стал на гашетку жать. С тем же эффектом. Но его это, кажется, не заботило. Я подумал: просто предсмертная агония. Но потом... профессор

странно дернулся. Застыл на секунду, и... я увидел, как в нем... как он мгновенно изменился! Будто взрыв. Сложно описать. Весь стал плотный. Пророс структурой. Наружу и внутрь. И... стал вставать! Гляжу: а раны на нем затягиваются. Даже Эберт опешил, по моему. Тут профессор в последний раз в него выстрелил: УМРИ!!! И луч был сильнее прежнего в разы. Наверное, Эберт понял, что щит не поможет. Он увернулся, упал. А когда поднялся, профессор уже удирал. Он бы его наверняка догнал. Но он, наконец, взглянул туда, где меня бросил. А меня там не было. Это его сбило. Пока он озирался, я не медлил. Весь рожок выпустил ему в спину. Пару секунд щит держался. Но остальные пули он получил. Он ничего не успел сделать. Упал. Я думал, мертв. Человеку бы хватило.

Я подполз к двери. Выглянул. В поле зрения попал последний из тех, что с профессором приехали. Пытался скрыться. Я его пристрелил. Это его вы в лаборатории видели. Я прислушался. Стало тихо. Пошел поглядеть, что снаружи. Там их фургон стоял. И они убитые лежали. Эберт их порешил со вкусом. Я погрузил четверых в кузов. «Допросить» хотел. За Эбертом вернулся... а его нет. Тут я подумал: надо уходить. Все стало слишком непонятно... Сел в машину. Проехал через место боя. Забрал наших раненых.

Отто помолчал и закончил:

— Я прибыл в поместье. Барона нет. Связи с моими людьми нет... Потом я смог вызвать их через «Третий глаз». Их машина ехала несколько часов, в итоге свернула в реку. Похоже, барон сам ее утопил. Его самого... «призвать» не удастся. Распорядился о поисках. Пытался допросить троих убитых... Невозможно. Ваше оборудование отказывает. Вам становится плохо. Мне тоже. Это касается всего, что задело оружие Эберта. Ваш первый кризис совпал с нашим боем, — Он глянул в упор на Эльзу, — Что вы обо всем этом думаете, фройляйн?

Она пожала плечами:

— Пока ничего, герр Штальберг. Из этого ясно только, что у Германии, как и у нас, тоже есть необычное оружие, необычные технологии и необычные люди, и их люди между собой не слишком ладят. Но абсолютно не ясно, имеет ли это все отношение к деду.

Отто кивнул:

— Да. Но немцы — наши соперники. Барон им мешал. Поэтому я про них рассказываю. Предлагаю сейчас допросить четвертого. Возможно, он прояснит.

— Согласна.

* * *

Многострадальный застреленный был вновь извлечен из холодильника и подключен к оборудованию. Отто вел допрос сам. По счастью, в кармане формы у убитого нашлись его документы.

— Штурмфюрер Дитрих Лунге, явись на мой зов!

Над распростертым телом возник призрак.

— Что вы делали на территории Австрии? — спросил Отто.

— Докладываю: ехали в Вену, чтобы обеспечить аншлюсс! — бодро отозвался призванный.

— Каким образом?

— С помощью «Машины Лояльности», гениального изобретения профессора Убермана!

— Почему опоздали?

— Ооо, это целая история! Сложный вопрос! Мы всю дорогу ругались! Профессор кричит: «Какого черта ваши люди начали раньше времени?!» А я ему говорю: «Да они-то как раз вовремя, но произошел ряд накладок! Во-первых, мы с вами едем без приказа, лишь в расчете на успех. Увы: столь новые технологии, как ваша, еще не снискали доверия! Мы слишком долго обивали пороги и потеряли время. Но в победе я уверен, герр профессор, клянусь! Будущее — за прогрессивной наукой...» А он в ответ: «Я доказал еще в Германии, чего стою! В провале будете виноваты вы! А свалят все, как всегда, на меня! И кто-нибудь опять посмеет сказать, что я — бездарность!» А я ему: «Ну, не волнуйтесь вы так! Успеем вмешаться. И не только в нас причина нестыковок, а вот послушайте, — говорю ему, — есть еще другие. Во-вторых, дело в проклятых штурмовиках! Они на нас, видите ли, разобиделись за тридцатое июня, и не поддержали в Вене, хоть и обещали. В-третьих, кое-кто в правительстве Дольфуса кое о чем пронюхал, и некоторые успели удрать. В-четвертых, их армия, а особенно отряд «Бальмунг», не в большом от нас восторге...» «А в-пятых, — не унимается Уберман, — Ваши люди понятия не имеют, как братья за такие вещи! Да-да, я про вас, хваленый Черный орден, «элита Третьего Райха»! Какого дьявола они пристрелили Дольфуса, да еще и разорались на весь белый свет, чтобы наша дипмиссия вытащила их из собственного дерьма?! Идиоты! Я не удивлюсь, если скандал выйдет такой, что Муссолини въедет сюда на танках, как обещал! И знаете, герр Лунге, тогда уж я точно не ручаюсь, что моя Машина охватит пять его дивизий!» Тут он, конечно, был прав, и мне оставалось лишь сказать: «Человеческий фактор, герр профессор, и просто счастье, что есть блестящие исключения, не подверженные ему, — как, например, вы!»

Эльза невольно улыбнулась. Призрак был в десять раз красноречивее живого Отто Штальберга!

— Как вы оказались на месте нашей встречи? — хмуро продолжал Отто.

— Можно сказать, заехали мимоходом! Мы получили сигнал от нашего наблюдателя, что ваша колонна идет к Вене. Переносная радиоточка — нехитрое дело. В столице вы были бы проблемой, мы решили вас нейтрализовать. Но пока мы добирались, с вами было покончено. «Ну и черт с ними, кто бы там ни был, — говорит штандартенфюрер Шнайдер, глядя в бинокль, — Некогда. Едемте в Вену». Все согласились, но тут он видит: кто-то один идет и тащит Отто Штальберга! «Проклятие! — рычит наш полковник, — Это недопустимо! Штальберг нужен нам! Это гений, а все гении должны оказаться в нашем ведомстве! Задержимся на минутку. Перед нами — всего один человек. Другие, наверно, остались на поле боя.» Профессора порядком скривило, когда он услышал про чужую гениальность, но он не возразил. Ну, подъехали мы...

— Дальше я видел, — прервал Отто, — Имеете ли вы отношение к исчезновению барона фон Лейденбергера?

— Нет!

— Кто имеет?

— Не могу знать!

— Кто такой шарфюрер Эберт, что у него за оружие?

— Служил одно время у нас, когда его к нам забрали из штурмотряда. Потом его исключили. Лично его не знаю. Мне о нем ничего не известно.

— Что за оружие у профессора Убермана?

— «Машина Лояльности». Заставляет людей выполнять приказы. А как она работает —

это вы меня увольте объяснять! Одно слово — гений...

* * *

Эльза побарабанила пальцами по столу. Сказала:

— Ясно, эти — ни при чем. Но если я правильно поняла, дед мешал не только немцам. Еще он мешал полякам, англичанам, французам и половине хаймвера. Не считая коммунистов.

— Так и есть, фройляйн. Но я бы выделил из них немцев и поляков. Это я возьму на себя. Все, что касается политики и войны — моя часть. На немцев выходов пока нет. Надо создать. О поляках я кое-что знаю. Пока я на них работал, я и их ряды проредил. Незаметно. «Допросил» их... Но как добраться до Лодзянского, мне пока непонятно. И вот еще что... — Отто вытащил фотокарточку из внутреннего кармана, — Надо выяснить, кто это. Вы знаете его?

Он положил перед ней карточку. У Эльзы едва не оборвалось сердце.

Фото было не слишком хорошего качества, но... как же похож был этот человек на Тадеуша!

Усилием воли она успокоилась.

— Может быть, — ответила она ровно, — Он напоминает моего давнего знакомого, но с нашей последней встречи прошло около двадцати лет... А...

— Простите, фройляйн. Как зовут того вашего знакомого?

— Тадеуш... Тадеуш Ковалевский. А зачем он нам, и откуда это у вас? Вроде бы, снято в здании.

— Он участвовал в покушении на барона. А это — с нашей камеры наблюдения в гостинице. Было время, барон приказал мне вас прятать. Я имитировал ваши разъезды по стране. Смотрел, кто будет интересоваться. Пришел этот.

Эльза откинулась на спинку кресла. Потерла виски. Сделала долгий глоток вина.

— Герр Штальберг, — произнесла она медленно, — насколько я понимаю, странности не ограничиваются непонятным немецким оружием. Что еще за имитации? Зачем меня было прятать? Что происходило все эти годы, кроме войны и политики?

Отто встал:

— Для этого придется пройти в кабинет барона, фройляйн.

— Хорошо. Только прошу вас пять минут подождать в гостиной: я все же поднимусь к себе наверх. Хочу избежать прогулок по поместью в окровавленной ночной рубашке.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,

в которой дело запутывается еще сильнее

Глубокой ночью двое ученых шли по коридорам огромного поместья, не включая свет: оба прекрасно видели в темноте. Кабинет барона располагался в его центральной части — там, где четыре приземистых корпуса с угловыми башнями замыкали собой внутренний двор. Это было высокое помещение в готическом стиле, сплошь отделанное резным деревом, с галерейкой наверху. Добравшись, Эльза вызвала слугу и распорядилась подать поздний ужин.

Отто подошел к сейфу, вынул оттуда толстую записную книжку в черном кожаном переплете. Положив ее перед Эльзой, он сказал:

— Это и есть ваша часть расследования. Здесь я умываю руки. Вот дневник барона. Мой патрон забыл его... или переоценил мое благородство. Я вскрыл потайной сейф с его личными бумагами. Читайте.

Эльза открыла книжку.

Дневник барон вел между делом. Начинаясь он с 19-го года, деловые записи перемежались в нем с заметками и размышлениями. Эльза увидела пометки Отто, который отчеркивал карандашом самые интересные для них места.

Первой такой датой был май 1920-го.

«...встретились в салоне фрау Вильзер, — писал барон, — Там были фон Т. и фон А.-Э. Долго говорили. Похоже, с Польшей дело верное...»

— Инициалы — это промышленники, — Отто, оставшийся стоять, заглянул в тетрадь через стол, — они обсуждали производство оружия с бароном. Это не важно. Читайте дальше.

А дальше было: «...Кстати, окончание вечера скрасило серьезность нашей беседы. Еще к ужину явился некто Ш., принес новую книгу. Она весьма любопытна; автор — У.Сибрук. Речь там идет о неких башнях, называемых Башнями Сатаны. Одну такую мистер Сибрук посетил с женой. Он спускался в подземелья под ней в поисках святилища (таковое, правда, не нашел) и говорил с черным священником из народа езидов. В книге сказано, что эти башни дугой расположены в горах от Манчжурии до Курдистана. Ходят слухи, что с их помощью «священство Сатаны» распространяет зло в мире. Как будто, под этими Башнями заточены падшие ангелы, низвергнутые Богом с небес. Любопытно! — никогда не слышал о таком. Кажется, книжка станет сенсацией. Наши пресыщенные эзотерики тут же кинулись ее обсуждать. Салон бурлил. Кто-то вспомнил, что о Башнях было известно всегда, есть о них и у арабских мистиков, и у средневековых иудеев, и в Книге Еноха. Кто-то другой возразил, что знать-то знали, но в основном молчали. А теперь, когда о них вот так открыто говорится, конец мира, видимо, близок — ведь Башни эти запираются теми самыми семью Печатами Апокалипсиса, и они будут сорваны.

Отто, бедняга, не любит такие «сборища». Как только с делами покончили, он попросил позволения обождать в холле.

А на мой взгляд, вечер удался на славу. Чувствую, на Башни будет мода.»

Эльза отыскала следующую пометку.

Двадцать первый год: «...вот уж некоторое время они не дают мне покоя. Странные: не то китайцы, не то тибетцы. Они подходят ко мне, притом всегда выбирают время, чтобы

поблизости никого не было. Народец колоритный: все в халатиках своих, руки прячут в рукава, или перчатки зеленые носят. Четки перебирают из змеиных головок. И никто на этакое зрелище вокруг не оборачивается, — вот еще что чудно! По-нашему довольно чисто говорят, а разговоры заводят странные.

Они уговаривают привести к ним Эльзу. Не угрожают, нет; но говорят, что она в опасности, о которой не знает, дескать. И, мол, пока не поздно, она должна куда-то там «вернуться» и что-то «выправить», вроде как судьбу, которая пошла наперекосяк. Темнят, черти! Говорят: я не пойму, как мне ни объясняй. Ну, еще разик попробуют в том же духе — и пошлю их уже открыто к дьяволу...»

И дальше, несколько дней спустя: «...Сегодня опять явились. Я сказал им прямо, что если они мне ничего толком не расскажут, то все разговоры будут окончены раз и навсегда. И тогда они мне заявляют, что они явились от Седьмой Башни, и хотят ни много ни мало, как забрать с собой Эльзу, чтобы она стала ее Хранителем! Я, конечно, сразу вспомнил наш вечер в салоне у В. «Ну, господа хорошие, — говорю, — вы были правы. Где уж мне такое понять? Моей внучке — сторожить Башню Сатаны! Может, ей еще и жертвы ему приносить прикажете?» Тут он подскочил, руками замахал: тише, мол, тише, но я и слушать не стал. «А теперь идите к черту, откуда пришли, и попробуйте только еще раз подойти хоть ко мне, хоть к ней!» — так я его отшил.»

Следующим днем шло: «Что за чертовщина? Сегодня они откололи что-то новое. Подошли, как обычно, а потом на полуслове сунули мне под нос свои четки змеиные. И качают их, а я глаз отвести не могу! Был ли это гипноз? Попытался «разорвать»: ведь я учился. Бесполезно! Я натурально «поплыл». Чуть было не повел их к Эльзе. Спасибо Отто подошел, за плечо меня тронул, я очнулся. А пока с ним разговаривал, этот черт узкоглазый куда-то делся...»

Эльза глянула на Отто.

— Помню это, — буркнул тот, — Но не было никакого узкоглазого. Барон задумался. Так и сидел. Я окликнул пару раз. Подумал: он заснул... Он после этого с охраной стал ходить. Причину толком не объяснил. Теперь оказывается, он боялся за вас. Тогда и приказал мне скрыть, что вы в поместье. Сказал: чтобы ваше имя не связывали с вашими технологиями у нас.

Эльза перелистнула пару страниц: «...и что-то нервы распалились вконец. Отто бы точно решил, что я схожу с ума, если бы знал. Мальчик ужасный прагматик. Он-то их не видит, я это понял! Нет, надо молчать. Да и смешно: какие-то узкоглазые смутили меня. Нет, выбросить из головы... Завтра еду в Берлин. Нужно убедить их там отставить глупости. Пока они будут искать три миллиметра разницы в наших воззрениях, красные возьмут десять километров наших позиций...» — и снова шел бодрый деловой тон.

— Тогда он стал собирать все про эти Башни, — сказал Отто, — Беседовал про них с оккультистами. Книжки искал. Теперь я думаю: это из-за вас. Такими книгами уставлена целая комната за этой дверью, — он кивнул себе за спину.

Заканчивалась запись так: «...Надо почаще бывать с внучкой. Она, конечно, в меня: упрется — не сдвинешь. Вальтер режет ее вдоль и поперек. А я ведь думал, когда встретил его: он-то как раз не причинит ей вреда, ведь он ее любит. Я понимаю, он ни при чем: командует она. Но, признаться, это все ужасно выглядит...»

Ни Эльза, ни Отто не прокомментировали этот абзац...

— Дальше я совсем не понял, фройляйн, — сказал Отто, видя, до какой страницы она

дочитала.

И впрямь, дальше была не слишком давняя запись от 10 июня текущего года: «Вчера я узнал то, что не могу открыть даже бумаге. Ужасно. Могу ли я согласиться с такой платой за грядущую Империю? Я думал весь вечер, всю ночь. Я понял: не могу, но должен. Должен во имя людей, что мне доверились, но главное — во имя священного порядка на земле, который иначе не может быть установлен. Больше я не имею права перекладывать ответственность на других; нет, только сам, своими руками... Да простит меня небо, и мои предки да будут ко мне милосердны. Завтра я поеду туда! Я вмешуюсь в события. А.Е.И.О.У.»

11 июня: «Что ж, жертва принесена; я был там, куда вчера решил ехать, и сделал это. Знаю, мне нет прощения. Во имя Империи я пожертвовал тем, чем жертвовать нельзя: честью...»

Эльза прервала чтение:

— Что тогда было, герр Штальберг?

— Барон уехал один, — глухо выговорил Отто, — Не взял охрану. Иногда он так поступал. Куда — не знаю. Спрашивать было неуместно. Я никогда не был навязчив. Я ведь не говорил ему, что порой мне приходилось делать. Для него я был просто адъютант. И еще: тогда я не видел прямой угрозы. Это было до покушений.

А дальше речь шла о вещах не только загадочных, но и весьма конкретных. 20 июня барон писал: «...возвращались с вокзала. Не успели мы покинуть здание, как к нам приблизился юноша. Моя охрана вскинула оружие, но я сразу понял, что намерения его не враждебны, и приказал им не стрелять. Он был удручен и очень взволнован, хотел говорить со мной приватно. Мои люди отошли на несколько шагов, и он начал свою речь.

Это был Т. К., тот самый эльзин потерянный друг детства. Он поведал мне ужасные вещи! Он сказал, что нашел могилу Эльзы, которую я якобы тайно похоронил в (зачеркнуто). На вокзале он увидел меня случайно, и подошел выразить сочувствие, даже не будучи со мной знаком. Притом он обещал хранить молчание о страшных обстоятельствах ее гибели! Я не верил своим ушам. Но мальчик был абсолютно искренен, в его глазах стояли слезы! Пожав мне руку, он распрощался и ушел, а я стоял, как будто гром поразил меня. Я ничего не сказал своим людям... О боги, я поехал в (зачеркнуто) один, как только смог. Увы, прошло целых пять дней до того, как выдалась возможность! Я места себе не находил.

Местные жители в (зачеркнуто). прекрасно поняли, что я ищу. Они проводили меня, рассказывая кошмарные истории о смерти Эльзы, о ее похоронах в закрытом гробу! Это место у них на кладбище считается теперь дурным. И там я нашел ее, белую мраморную гробницу с обелиском и Башней, вырезанной на нем. Имя Эльзы было на мраморе! И кровью были начертаны знаки на белой плите! Пентаграмма Призыва, обращенная к Западу, а на ней — низкая пятиугольная жаровня из меди... с прогоревшим углем и обугленными останками какого-то мелкого животного, по видимости — кошки... Должно быть, ее сожгли там живьем, прикрутив проволокой. Вокруг могилы на земле было вырезано два круга, один внутри другого, и меж ними начертана Формула Призыва. А поодаль — еще три круга, просыпанных солью... Боги, боги!

Я запомнил все это, как мог, хотя и был потрясен. Опрометью я помчался обратно. Я понял, о! — я почувствовал, что здесь замешаны потусторонние силы...»

— Проклятие, — не выдержал Отто, — Барон очень не хотел выдать название места. Даже вы не можете прочесть его зачеркнутое, да? Дьявол... Не ясно, где эта могила. Но зато понятно теперь, кто ему про нее сказал. Фройляйн Эльза, «Т.К.» означает: Тадеуш

Ковалевский? Вы не можете не знать.

Эльза чертыхнулась про себя: ситуация ухудшалась на глазах. Начиная с этого момента, Тадеуш был в опасности. Она уже поняла, что Отто предпочитает все разговоры с людьми вести через «Третий глаз». Но лгать было уже бесполезно. Придется спасать Тадеуша иначе...

— Да, — сказала она.

— Кто он такой? Где он? — резко спросил Отто.

— Как я и сказала, я не видела его двадцать лет. Когда-то в детстве мы сильно поссорились. Но, герр Штальберг, для меня непредставимо, чтобы Тадеуш стал покушаться на моего деда, да и вообще на кого угодно. Он очень добрый. Тут какая-то ошибка. Я прошу вас не рубить с плеча.

— Фройляйн, — Отто с видимым усилием держал себя в руках, — Я не сделаю исключения ни для кого, если он причинил вред барону. Вы не согласны?

— Разумеется, согласна. Я лишь прошу вас не рубить с плеча и не убивать его раньше, чем выяснится его виновность.

Отто молчал секунд пять, уставившись в пол. Сказал, наконец, глядя на нее исподлобья:

— Вряд ли выйдет, фройляйн. Я видел, что он заодно с террористами. Я пытался его догнать после покушения. Он не остановился. Это единственный, кто смог от меня когда-либо уйти. Чтобы выяснить виновность, лучше убить. «Третий глаз» способствует честности. Кто для вас важнее? Ваш дед или какой-то тип, от которого двадцать лет ни слуху, ни духу? Если второе — я не стану иметь с вами дел.

Эльза выдержала его взгляд, кивнула:

— Я поняла вас, герр Штальберг.

— Тогда вернемся к дневнику.

Она вновь склонила голову над записной книжкой. Барон писал тем же числом: «... Вернувшись домой, я первым делом пошел в свою библиотеку. Где-то я видел эти знаки, что были на зловещей могильной плите и вокруг! Я стал листать книги по практической магии. Моя коллекция огромна, но я нашел — и ужас обуял меня! Это был некромантический ритуал из книжки, что я купил в лавке у букинистов тому назад несколько месяцев. Там говорилось о том, как из живого человека вытянуть душу и поместить ее в чей-то труп, лежащий в могиле. Тогда душой можно будет управлять, как и телом, которое она оживит подобием жизни. Не понять смысл происходящего было невозможно: кто-то с помощью колдовства пытается получить власть над Эльзой! Хорошо, что я никому об этом не сказал: ведь помочь здесь может лишь столь же тонкая сила, раз ритуал уже начат. Здесь, в книге, описан и способ противодействия. У меня есть только месяц с лишним на подготовку: первого августа настанет решающая ночь. Я должен, храня тайну об этом месте, отправиться туда. Я во что бы то ни стало спасу Эльзу!

Моя бедная внучка! Вальтер сказал, что она в коме от своих опытов, от перенесенной операции, но я знаю правду... Этому не бывать, пока я жив!»

Дальше записи шли каждый день, становясь все более сумбурными.

«...Я существую словно в параллельном мире, о которых так любят говорить наши любители оккультного. Мистика и сверхъестественное — то, что интересовало меня всю мою жизнь, что составляло для меня приятный досуг и волшебство мира, — вдруг выросло вокруг меня стеной, отсекло меня от прочих людей. Я не смею нарушить молчание: этого требует обратный ритуал, что мне предстоит.

Но кто они, мои враги? Неужели те странные тибетцы, которых я давно уж не видел? Или об этом они и предупреждали, когда говорили об опасности, что ей грозит? Надо было тогда расспросить их получше. Увы, я не узнаю этого, пока не встречу врагов лицом к лицу... Что ж, я готов, кто бы ни встал на моем пути!»

И еще, совсем недавно: «Мне предстоит поединок воль, поединок духа. Но чувствую я, что дух мой надломлен. С той самой ночи, когда я поступился своей честью, я перестал быть прежним. Я стал ощущать, как я стар...

Вспоминаю легенду о боге Тюре, что преступил клятву ради спасения мира. Он сделал, что был должен, но лишился руки. Из таких историй не выходят невредимыми... Но чего же, чего лишился тогда я? И не станет ли так, что именно этого мне не хватит, когда я повстречаю своего врага?..»

Последними шли обрывочные заметки практического свойства: об ингредиентах для зелий, каком-то мече, расчеты астрономических дат... Дневник обрывался двадцать третьего июля.

Эльза закрыла книжку, отложила в сторону. Брови ее сошлись к переносице, а взгляд уперся в стену.

— Вы и тут ничего не можете сказать, фройляйн? — спросил Отто.

— Отчего же, могу, — ответила она, — но, разумеется, это все гипотезы. Во-первых, все эти вещи — тибетцы и могила, — могут быть разными вещами, а вовсе не зловещей цепочкой, как думал мой дед. Во-вторых, Уильям Оккам советовал не плодить сущности без необходимости, и сначала рассматривать наиболее простые и вероятные варианты. Поэтому я предполагаю, что магия и черные ритуалы тут ни при чем, а вот к исчезновению барона эта так называемая «моя» могила отношение иметь может. Кто-то подстроил все это, играя на слабостях моего деда! Оцените, какой «удобный» ритуал: барон находит «рецепт» такой экзотики в собственной библиотеке! Он один отправляется куда-то, никому ничего не сказав! Его врагу достаточно было знать, что эта книга у деда есть, что я для него достаточно важна, и что он увлекается оккультизмом, а в последнее время даже слегка болезненно сосредоточился на этих Башнях, — и он сумел направить мысли моего дедушки в «нужном» направлении!.. Увы, я ничего не знаю ни о тибетцах, ни о Башнях, о которых впервые слышу. Но вы, кажется, упоминали, что соседний кабинет полон книг о них. Я хочу взглянуть.

— Для этого мы и здесь, — кивнул Отто, вставая.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

* * *

За высокой дверью помещалась комнатка без окон, однако искусно отделанная. Там был потайной сейф, который Отто вскрыл сразу после исчезновения барона; в нем хранились те самые книги. Впрочем, это были не только книги, но и рукописные записи, и разрозненные листы, и свитки...

Эльза не стала их тут же читать, но внимательно взгляделась:

— Герр Штальберг, тут, кажется, что-то лежало. Я вижу «энергетический след» от внимания моего деда, которое он сосредоточивал на этом предмете. Сейчас, погодите... — она сконцентрировалась, «связываясь» с Третьим глазом», чуть ослабила напряжение в ловушке, — Да, здесь была книга. Я могу даже сказать, как выглядел переплет. На ней

название: «Liber de Institorius».

— Наверное, это та, где ритуал, — предположил Отто, — Инститориус — знакомое имя.

— Да, один из авторов небезызвестного «Молота ведьм». Но если это именно она, то либо сей пламенный инквизитор не по наслышке знал предмет, либо над ним кто-то добродушно пошутил.

— Вы сможете ее опознать, если встретите?

— Я уже ее опознала. Она была у нас в библиотеке, стояла в собрании черномагических инкунабул. Потом дед ее оттуда забрал. Увы, я не читала ее. Тогда я пыталась установить характеристики Истины, а черная магия в своих подходах настолько близка к нашей науке, что там их следует искать в последнюю очередь.

— Не займетесь ли этим, фройляйн фон Лейденбергер? Он упоминал, что купил ее у букинистов. Обойдите их лавки. Найдите ее. Или узнайте, что в ней. Барон где-то готовит этот... ритуал. Возможно, мы пойдем, где он, когда прочтем. Также спросите, не покупал ли кто-то такую же.

— Хорошо, герр Штальберг. Заодно, если позволите, я перерисую знаки с вашей спины, которые на вас вырезал этот Эберт; расспрошу людей, которые в подобном разбираются. Я, кстати, буду ходить одна: вдруг и ко мне подойдут какие-нибудь тибетцы... В-общем, я займусь всем, кроме политики и войны, в которых не слишком сильна. А вы — поляками и немцами, как я поняла?

— Да. Еще — вашим другом. Еще я отправил людей искать утонувшую машину и «вашу» могилу. Они проверяют окрестные селения, расширяя радиус поиска. Будем держать друг друга в курсе. Сейчас идемте в лабораторию. Надо проверить, не «откликнется» ли барон. И надо там прибраться.

* * *

Эльза и Отто расстались часа через полтора.

Барон не «отозвался». Правда, это могло значить одно из трех: человек либо жив, либо утратил Кристалл и забыл свое имя, либо же разорвал Закон Обусловленности, и его имя не имеет над ним больше власти. Но ученые, пользуясь бритвой Оккама, считали, что первая возможность самая вероятная.

Когда они отмыли кровь, подняли опрокинутые стеллажи и расставили уцелевшие склянки, Эльза осталась одна. Только после этого она почувствовала, насколько устала. У нее было впечатление, что весь мир ждал долгих десять лет ее затворничества, чтобы скопить целый ворох странностей и высыпать ей на голову, как только она выглянет наружу. К тому же, она волновалась за деда. И Тадеуш, появившийся спустя два десятилетия посреди политических интриг, чертовых ритуалов и исчезновения барона, не давал ей покоя. Отто будет делать только то, что нужно для поисков своего патрона, — не считаясь с жертвами...

Правда, сейчас бы ей хотелось сказать, что утро вечера мудренее, и дать себе передышку; но спать было рано, оставалось кое-что еще. Нужно было узнать, что по поводу всего этого думает ее демон.

Эльза вздохнула и забралась в железную пентаграмму «Третьего глаза».

— Эй, демон, — позвала она, — я покажу тебе кое-что интересное. Позволяю тебе прочесть в моей памяти через «Третий глаз», о чем мы говорили с Отто Штальбергом, и что случилось сегодня. Думаю, ты можешь быть мне полезен. Ты должен быть в курсе, что за чертовщина происходила с моим оборудованием и со мной, когда этот Дэтлеф Эберт столкнулся с Отто.

— Ну, допустим, — проскрипел демон, — Допустим, не знаю, но догадываюсь. Я до сих пор ощущаю последствия этого на своей шкуре...

— Что ж, я уже поняла, что хороших новостей мне сегодня не услышать. Я тоже догадываюсь! Отто говорил о каких-то «аномалиях в Законе», когда описывал Эберта и Убермана. Но аномалия — это просто альтернативный закон. Отвечай: они — Контрактеры?

— Да.

— Чьи?

— Тебе и впрямь лучше знать, раз уж она отыскала мой след... Это мой враг, Эльза. Ее прозвище — Шинг Рта Кхор Ло... по-вашему — Колесница, и она тоже демон. Она искала меня — и теперь нашла. А ее Контрактеров зовут Колесничими, потому что она дает им править своей силой до поры до времени.

— Отлично... Прекрасно... Знаешь, что, демон? От тебя и раньше не было особенного проку, а теперь от тебя есть явный вред! А что, ты разве не должен был меня сразу предупредить, что за тобой гоняется половина вашего тибетского ада?

— Ну, если бы ты спросила — я не стал бы лгать. Демоны Дуд никогда не врут. Но мы не отвечаем на незадаанные вопросы! Ты заключила Контракт — и получила все последствия...

— Где ты ее взял?! Какого дьявола ей надо?!

— Я уже триста раз сказал: я не помню, кем был до того, как стал демоном. Причина нашей вражды приходится на мою человеческую жизнь. Понятия не имею. Я могу перечислить факты, но они ничего не объяснят.

— Что, и она тоже не знает?!

— Да черт ее поймет, что она знает, а что нет! Она безумная, чокнутая, помешанная на резне машина убийства. В чем она разбирается хорошо — это как отрывать мне руки и ноги, да еще и убивать моих Контрактеров раз за разом! Потому у меня до сих пор и нет Пирамиды... И Контрактеры ее такие же. Таких она и выбирает, наверное. Одно могу сказать: у нее у самой Контракт как-то связан с моей персоной. Это существенно облегчает ей поиски.

— Стоп... Стой. Ты говоришь, она тебя разыскивала?

— Да, еще до того, как ты поймала меня.

— Я припоминаю, как меня поражали припадки ужаса перед твоей поимкой! Тогда я думала, что дело в тебе. Так это был не ты?

— Нет. У меня в то время не было столько сил, чтобы являться тебе днем... вернее, у тебя их было больше. Это она нашла мой след через тебя. Но ты пробежала через христианскую кирху, чуть-чуть сбила ее с толку. А тем же вечером ты меня заперла в свою замкнутую систему...

— И... единственная причина, почему все эти годы она не объявлялась — в том, что ты

сидел в ловушке?

— Ага. И, предвидя твой следующий вопрос...

— Договаривай, чертов ты неудачник.

— ...да, я нарочно тебе поддался, попавшись в твои примитивно расставленные сети.

Даже такой неудачник, как я, может читать мысли своего Контрактера, как раскрытую книгу. Я позволил тебе меня поймать, чтобы скрыться от нее. К тому же, я ничего не теряю: у тебя хватило ума, чтобы разбивать Кристалл, даже не имея предмета Контракта. Как только ты достигнешь в этом окончательного успеха — я тебя заполучу, наконец.

— Это мы еще посмотрим. Сейчас меня интересуют эти... Колесничие. Они что, по случайности столкнулись с Отто?

— Похоже на то... То есть, изначально дело было в их военных делах, в бронемашинах и во всем, о чем ты знаешь. Но, поскольку твой коллега связан с «Третьим глазом», почти как ты сама, да еще и таскает с собой кучу «особого оборудования», ничем иным это закончиться не могло. Между вашими Контрактами — антагонизм, как и между мною и Колесницей. Когда они сталкиваются — моих Контрактеров охватывает смертельный страх, а ее Колесничих — желание разорвать их на кусочки. Их заклятия не действуют на меня и тебя по назначению, но работу Контракта они ломают. И, Эльза... теперь они не отступятся, раз взяли след. Жди этого Дэтлефа в гости. А может быть, и вместе с профессором. Хорошо хотя бы, что он из своей пушки не попал в Отто.

— Видимо, прием мне придется подготовить. Кстати, поделись версией: что все-таки произошло с Уберманом? Как он выжил?

— Да взрыв Кристалла с ним произошел, что же еще? Он предпочел «сгореть», нежели скончаться подобру-поздорову. Видимо, сильно был одержим своими машинками. В виде демона он смог уйти и не забыть, как их строить. Демоны могут обитать в своих телах, и физические повреждения переносят куда легче людей. А удрал он, я думаю, с максимальной скрытностью. Ему стало не до амбиций с аншлюссом! Слишком много народу знает его имя... Но в общем, куда бы он ни подевался, скорее всего, скоро появятся новые Колесничие. Для начала — двое.

— То есть, Колесница начала строить свою Пирамиду в наших краях, — и все ради нас с тобой. Красота. Но ладно... А что насчет тибетцев, которые преследовали деда? Это что, тоже с тобой связано?

— Если и да, то я этого не помню. А о Башнях я слышал, и одна из них находится неподалеку от моих родных краев. Но, опять же, мне ничего не ведомо о том, чтобы ты была как-то связана с ними.

— Хех... Радует одно: этой странной ерунде не предвидится ни конца, ни краю, — саркастически заметила Эльза, — По крайней мере, скучно мне не будет, а то все наука да наука. Даже не знаю теперь, когда у меня дойдут руки до исследований.

— Надо сказать, что из всех моих Контрактеров ты самая оптимистичная. Остальные умирали куда покорнее. А что касается твоей науки — так все происходящее ей вовсе не противоречит. Чем больше используешь Закон причин — тем больше получаешь последствий.

— Хм... Намекаешь, что мне теперь придется изучать «системы», выходящие за пределы моей лаборатории?

— Ну, это очевидно. Ты, конечно, сидела взаперти, но Отто разгуливал снаружи с твоими приборами, твой дед за тебя боялся и угодил из-за этого в неприятности, за мной

идет по пятам Колесница... и так далее. Как ты понимаешь, ты опутана огромным количеством связей. Куда бОльшим, чем тебе казалось.

— Что ж, на то я и ученый, чтобы разбираться в связях феноменов. Законы функционирования разных систем мне давно известны... Но это — завтра.

— Тогда — спокойной ночи. Знаешь, я даже без специальной просьбы сыграю тебе сегодня «Полет валькирий»...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ, в которой Эльза встречает таинственных тибетцев и Колесниченко

Всю неделю, что оставалась до ритуала, Эльза и Отто делали, что могли.

Эльза на следующий же день отправилась по букинистическим лавкам. Обойти их все оказалось трудным делом: Вена изобиловала лавками, лавочками, магазинами и магазинчиками антикваров, букинистов, переплетчиков и всевозможных людей искусства. Она спрашивала о «Книге Инститориуса». Мнения в ответ приходилось слышать самые разные. Но большая часть знатоков сходилась на том, что это мистификация конца восемнадцатого века. Обстоятельства ее появления были темны, но исполнена она была настолько искусно, что вокруг нее до сих пор не утихали споры. Да, она пользовалась успехом; «Точно такую же не так давно купил один человек», — сказали Эльзе всюду, где экземпляры гримуара совсем недавно были...

Букинистам вообще оказалось на удивление легко вспоминать, какие книги приобретал у них барон. Дело было в том, что несколько недель назад... да, в двадцатых числах июня почти ко всем из них приходили странные люди и пытались купить то же, что было у него. Особенно их интересовала некромантия. Объяснения у всех были разные, и все получили то, что хотели. Увы, к вечеру второго дня можно было сказать определенно, что теория Эльзы получала подтверждение. Кто бы это ни был, он выбрал из этих книг подходящий для себя рецепт.

Еще три дня Эльза потратила на то, чтобы заказать рукопись в библиотеке и нанять художников, что со слов букинистов восстановили внешность этих любителей некромантии. Оставалось только надеяться, что художники рисуют лучше, чем таинственные книголюбы маскируются.

По настоянию Отто она носила с собой «маячок» на случай опасности; правда, она прекрасно понимала, что второе назначение этих устройств — следить за ней. Все эти дни она путешествовала пешком и в одиночестве по Вене, затопленной летним солнцем. Она ожидала, что ее найдут те самые загадочные тибетцы, но пока все было тщетно: никто к ней не подходил, кроме ее старых знакомых. У одного из них она спросила, кстати, что за знаки Колесничий вырезал ножом на спине Отто; оказалось, то были скандинавские руны. Их сочетание можно было расшифровать, как: «неподвижность и молчание».

Каждый вечер они с Отто встречались в поместье, обменивались достигнутыми успехами. Лишь одного не сказала ему Эльза: о том, кто такой Колесничий. С тех пор, как он дал понять, что не станет церемониться с Тадеушем, она не говорила ему ничего, что не касалось непосредственно расследования. А Отто докладывал о вещах, которые, увы, не давали никаких решающих подвижек в поисках. Оказалось, шпионскую сеть Лодзянского несколько «повредила» французская разведка... Нашли автомобиль барона в реке, с двумя трупами под днищем... Австрия по закрытым дипломатическим каналам передала ультиматум Третьему Райху на случай, если те захотят повторить затею с присоединением... Полицейские Эльзы выяснили, что Тадеуш Ковалевский покинул пределы Австрии примерно месяц назад... Впрочем, Эльза и сама прекрасно знала об успехах своих полицейских. Отто собирался изъять с их помощью журналы регистрации пассажиров во

всех пунктах, где можно было пересечь границу. Так он рассчитывал выяснить, куда уехал Тадеуш.

Оставалось два дня до даты ритуала. Эльза отправилась в библиотеку за рукописью, которую, наконец, доставили туда из-за границы. Правда, у нее была еще одна цель. Кем бы ни считал ее теперь Тадеуш, она не могла позволить ему вот так умереть, чтобы быть «допрошенным». Она решила, что сама выяснит у него, какое отношение он имеет к покушению и могиле. В конце концов, полицейские подчинялись ей, а не Отто. И она приказала им передать ей собранные журналы на некоторое время, — до того, как они попадут к герру Штальбергу. Разумеется, втайне от последнего...

В своей лаборатории она собрала маленький пистолет, стрелявший капсулами с паралитиком. Этот препарат когда-то разработал Вальтер. Он использовал его в операциях, чтобы обездвиживать разные группы мышц. Превысив дозу, можно было оставить человека навсегда в виде бессмысленно функционирующего недвижимого тела. В отличие от спирита, такого даже Отто не смог бы допросить... Она сделала это на случай, если кого-то надо будет заставить замолчать надолго.

Никогда, никогда ничего подобного не одобрил бы ни Тадеуш, ни барон фон Лейденбергер! Но то, на что уже решилась Эльза ради своих исследований, было хуже во сто крат. Холод разливался в ее груди, и светлые ее глаза горели холодно и мрачно.

* * *

В библиотеке, забрав рукопись, она незаметно повесила свой маячок на библиотекаря. Теперь для Отто все должно было выглядеть так, будто она разбирала весь день рукописи в библиотеке, и только потом отправилась «пройтись». На самом деле Эльза взяла с собой целых два маячка. Один она держала при себе выключенным. Как только она закончит с делами, она встретится в городе с библиотекарем, когда тот пойдет домой, отключит его маячок и включит свой. И дальше Отто будет наблюдать ее действительное местонахождение.

Так Эльза получила алиби до конца рабочего дня библиотеки.

Она провела минут пятнадцать в читальном зале, потом положила рукопись в сумку. В уборной она достала из этой сумки длинный легкий плащ, черный парик и шляпу с вуалеткой. Переодевшись, Эльза вышла из здания, села в автомобиль и отправилась на встречу с Гансом Прибке, «своим» полицейским.

В условленном месте тот передал ей большой чемодан. С ним она не решилась, да и не успела бы поехать в лабораторию; вместо этого она отправилась к знакомому переплетчику. Его она знала через деда. Он был не только переплетчиком, но и прекрасным реставратором рукописей, и работал с богатейшими коллекционерами.

Он держал маленькую контору в одном из самых старых кварталов. Она состояла из букинистического магазина, мастерской и кабинета. В кабинет они и прошли. Там Эльза приподняла вуалетку, и он ее узнал.

Его не нужно было уговаривать слишком долго: мешочек с драгоценными камнями был достаточно веским доводом. К тому же, Эльза его уверила, что серьезным нарушением закона тут и не пахнет. Требовалось всего лишь подделать записи в журналах регистрации; вместо настоящих имен вписать повсюду имя Тадеуша Ковалевского. По ее замыслу, так

Отто должен был получить множество ложных следов, а она — время, чтобы найти Тадеуша...

Переплетчик принял у нее чемодан и отправился в мастерскую, — но вдруг замер, не успев повернуться к Эльзе спиной. Между ним и Эльзой чья-то рука в зеленой перчатке качнула четки с костяными бусинами в виде змеиных черепов.

Рядом с Эльзой стоял человек восточной внешности, облаченный не то в рясу, не то в халат. Вроде тибетца.

— Со мной такие шутки не проходят, — сказала Эльза.

— Знаю, — ответил тибетец, — зато с ним проходят. Нам надо поговорить, Седьмая. К тому же, так он точно тебя не выдаст.

Тибетец сделал рукой с четками несколько быстрых знаков, и переплетчик ушел в мастерскую.

— Идем, сядем сюда, — кивнул он на миниатюрный диванчик, — Твое поручение займет у него какое-то время.

Они уселись довольно далеко друг от друга. Тибетец некоторое время совершал сложные пассы, а потом вынул из-за пазухи маленький сверток.

— Слишком опасно говорить без защиты. Прошу, позволь мне скрыть нас.

И — не успела Эльза ничего сказать — он подбросил сверток в воздух. Тот развернулся над ними в некое подобие сетки, что тут же упала вниз и накрыла их обоих. Сетка была связана неравномерным плетением, в узлах которого тут и там крепились кусочки бирюзы и змеиные костяные головки. Но, кроме того, Эльза увидела, что сеть непростая. Она давала эффект замкнутой системы, отрезав ее и тибетца от окружающей среды.

— О чем вы хотите говорить? — спросила она, — и почему я — Седьмая?

— О тебе, — промолвил он, — о твоей миссии, и об опасностях, что окружают тебя. Ты — хранитель Седьмой башни... Слышала ли ты когда-либо о Великих Башнях?

— О... Башнях Сатаны? — спросила Эльза, опешив.

Тибетец подскочил:

— Тихо!! Никогда... никогда не называй Его так! Слишком опасно... даже здесь.

— Да, я о них слышала. Мой дед ими увлекался, но я сама — никогда. Сделайте милость, объясните: каким образом я — Хранитель, и что это значит?

— Дело в твоём демоне. Он был Хранителем, когда еще был человеком. Потом он попытался избежать своей высокой участи, но он уже принял Печать Башни на свою руку. После этого нет другого пути. Хранитель должен вернуться. Но он — демон, он сам теперь не годится. Вместо него годишься ты. Ты его Контрактер. Вы все больше становитесь единым целым. Дай руку... на тебе должна быть такая же Печать!

Он протянул руку к Эльзе. Она выхватила и быстро направила на него маленький пистолет:

— Нет! Я не помешала вам раскинуть эту сетку, но извольте держаться на расстоянии от меня. Тронуть себя я не позволю. Но... продолжайте. Что делает Хранитель?

Тибетец опустил руку, вздохнул:

— Хранит мир от залога его разрушения, который сокрыт в Башнях. Ты, должно быть, знаешь, кто там заточен. У вас их зовут падшими ангелами.

Так вот, ценой многих принесенных великих жертв Дух Хранителя напитывается их силой; он сияет, как бриллиант. Тогда Хранитель способен держать Замки закрытыми... но увы, приходится прикладывать все больше сил...

— ... «Ментальная Катапульта»! — прошептала Эльза.

— Что?

— Я изобрела нечто подобное.

— Ну, естественно: ты ведь Хранитель.

— Так... — вскинула она руку, — Пойдите. Оставим пока это. Сейчас скажите мне вот что: имеете ли вы какое-то отношение к тому, что мой дед пропал? Я спрашиваю потому, что и о вас я знаю от него. Вы подходили к нему...

— О, нет! — сложил он на груди руки, — Клянусь, Седьмая, что нет. Мы не причиняли ему никакого вреда. Мы всего лишь хотели говорить с тобой. Мы нашли Хранителю временную замену, но он долго не продержится. Мир движется к концу своей истории, солнце заходит. Но, Седьмая, еще не поздно! Мы можем дать ему отсрочку. Мы прибыли за тобой. Ты должна ехать!

— Видите ли, — сказала Эльза, — Я очень сомневаюсь, что могу бросить тут все, как есть, и отправиться с вами. Мой дедушка, барон Лейденбергер, исчез. Мы ведем расследование. Кроме того, у меня у самой есть кое-какие цели. Я собираюсь создать Науку, что размыкает предел Закона Кармы. Упомянутая мною «Ментальная Катапульта» — именно для этого.

— Но ведь мы предлагаем тебе то же самое! Все, что ты хочешь увидеть с помощью своей Науки, ты увидишь, пребывая в Башне. Ты станешь Просветленной.

— Но больше я не покину ее, так?

— Об этом и речи быть не может. Но тебе этого и не захочется!

— Знаете ли, — сказала Эльза, — Мне не слишком нравится ваша идея. Я не увижу ни деда, ни друга, если с вами пойду. Зачем мне мир без них? К тому же, я думаю, что со всеми своими проблемами должна разобраться сама.

— Ты эгоистка, Седьмая, — сурово сказал ее собеседник, — Это очень плохо. Ты не понимаешь, что конец мира положит конец и твоим личным устремлениям. Но у тебя ничего не выйдет! Тебе не справиться с Колесницей. Нас приехало сюда много, чтобы дать тебе возможность уйти незамеченной. Но, если она догонит тебя, то и мы не сможем ее одолеть! Она очень сильна. Знаешь ли ты о судьбе, постигшей предыдущих Контрактеров твоего демона?

— Да, — поморщилась Эльза, — Он мне рассказал в красках. Он только не знает, отчего она гоняется за ним.

— Что ж, я могу просветить тебя. Немного времени у нас еще есть. Быть может, это заставит тебя одуматься. Слушай же...

* * *

— ...Когда твой демон был человеком, — а было это несколько столетий назад, — был он учеником аскета в тибетских горах. В те времена его звали Сэнгэ... по-вашему это означает: «лев». Впрочем, это просто прозвище; от настоящего своего имени он отказался, отвергнув судьбу Хранителя. Учитель так назвал его, когда спас его от хищников на пустой дороге и взял к себе. Тогда-то Сэнгэ мысленно поклялся отдать свою жизнь за жизнь своего спасителя, если будет надо.

А учитель его был знаменитым подвижником. Земли, где он прославился, считались

излюбленным местом черных колдунов и демонов, — но он принес обет сотворить в течение нескольких лет обряды, ограждающие народ от злых сил на многие столетия. На такое мог отважиться лишь тот, кто преодолел мирские соблазны. По его указаниям был возведен монастырь, и высоко вознеслись его золотые крыши. Благоденствие пришло в их край, демонам не стало хода за священные границы...

Но однажды он лишился расположения неба. Обряды перестали даваться ему. Это был дурной знак. Мало того, что беды стали происходить все чаще, — так еще и самого аскета, который начал и не завершил обряды, ждала страшная участь. Злые духи растерзали бы его на месте! Ученик напряженно искал способ вернуть учителю божественную благосклонность. Он посетил всех мудрецов, до кого смог добраться, но все было тщетно. Он не мог понять, чем столь безупречный подвижник мог навлечь гнев небес на себя.

А дело было в том, что его учитель воспылил страстью к дочери правителя, и вся его мудрость стала бессильна. Звали ее Бальжинима, что значило: «солнце счастья». Ее положение было высоко; но не потому девушка не ответила взаимностью старику. Ее сердце было уже тайно отдано другому: она была влюблена в юного Сэнгэ с неистовой силой первого чувства.

Бальжинима не имела способа открыться предмету своих желаний, потому что видела его только на церемониях. Аскеты жили затворниками высоко в скалах, куда вела лишь тонкая и опасная тропка; она же была вечно окружена свитой и почестями. Тогда, сгорая от любви, она согласилась на недопустимую сделку со старшим из отшельников: она проведет с ним ночь, а он проводит ее к своему ученику.

Так они и сделали; но ученик отказал дочери правителя. Он прислушался к голосу рассудка: если бы он уступил, он бы нарушил обет аскезы и потерял право искать милости небес для учителя.

Бальжинима была растоптана. Ни слова не говоря, она развернулась и исчезла.

А ученик постепенно отчаивался: все его усилия не давали ничего. И тут ему явился демон; о, они знают, в какой момент могут найти ключи к человеческому сердцу! Он предложил помочь. И Сэнгэ, верный своей безмолвной клятве, заключил с ним Контракт.

Условие было такое: то, что пожелает совершить старший аскет путем обрядов, будет исполнено, — но не силой богов, а силой демонов. Ученик просто посвятит алтарь демону тайным ритуалом, и все жертвы, принесенные на этом Алтаре, пойдут тому на корм. Если же силы жертвоприношений не хватит на нужный отшельнику результат, то недостающая часть будет отнята у его ученика, вплоть до разрушения его Духа. Но никто ничего не заметит: внешне все церемонии будут выглядеть, как прежде.

О, безрассудный! Так и случилось в итоге! Бальжинима, которую он отверг, погубила и его, и его наставника. Она ведь тоже повстречала демона тогда, и тоже заключила Контракт! Условие его составило всего одно желание: навечно стать для юного аскета дороже всего, что есть на земле, в высших и нижних мирах. За то, чтобы ее желание исполнялось, она платила нетленной частью своего существа. Но любовь ее извратилась и стала ненавистью, и больше всего она хотела ему страданий. Сэнгэ стал ею одержим, а она, смеясь, отвергала и мучила его.

А старший из аскетов тем временем завершал ритуал. Это было сложно: спокойствие его Духа поколебалось, и вдобавок все окрестные демоны стали сильнее, получая жертвы с его Алтаря. Но близился срок окончания; он готовился принести последнюю жертву. Оставалось совсем немного времени, когда правитель объявил ему, что его дочь Бальжинима

изъявила волю стать этой жертвой.

Коварная! Она все обдумала, одним ударом уничтожив обоих. Одни лишь демоны знают, чего стоило старику-отшельнику поднять руку с жертвенным кинжалом! Она упала на Алтарь, исполнив месть. Ликующая улыбка застыла на ее лице, словно маска. О, как страшно закричал его ученик! Гибель всего мира, свою смерть, преступление клятвы предпочел бы он в этот миг тому, что ее не стало!

Но она-то знала, что уже не могла стать жертвой ни для богов, ни для демонов. Во исполнение Контракта она заплатила всем, что у нее было. Да, превратилась она в демоницу, и Колесница — это она! Поскольку же стала она пустой оболочкой, сила для обряда старшего аскета была отнята у его ученика. Увы: это оказалось больше, чем он мог отдать! Он тоже стал демоном.

Так и случилось, что старик не завершил обряд и не исполнил обета. Со всех сторон бросились на него демоны и растерзали его плоть. Тьма пала на те земли... Мы нашли его скитающимся в нижнем мире, и от него узнали то, что я рассказал тебе.

Твой же демон был привязан и к Алтарю, и к своему хозяину, с кем заключил Контракт. Именно из-за него Алтарь продолжал действовать, отправляя демонам силу принесенных на нем жертв. Это была причина, по которой он дожил относительно невредимым до этих дней: если бы не его хозяин, Колесница захватила бы его, чтобы мучить вечно.

Но другие демоны хотели заполучить Алтарь, и случилась из-за этого меж ними война. Демон, что был хозяином Колесницы, и вся его свора напали на хозяина Сэнгэ и тех, кем он правил. Они победили; победитель поглотил побежденного, и теперь им нужен был только Сэнгэ, чтобы управлять Алтарем. Огляделись они вокруг и увидели, что Сэнгэ сбежал! Когда его хозяин погиб, цепи Контрактов с ним разорвались, и Контрактеры получили свободу.

Верховный демон-победитель был страшно зол. И тогда он отправил Колесницу, чтобы найти беглеца и доставить к нему. О, как же ждала она этого поручения! Некоторое время она играла с ним, словно кошка с мышью. Вдоволь над ним поиздевавшись, она уже приготовилась его схватить — но тут ему подвернулась ты! С твоей помощью он получил возможность покинуть Тибет.

Она просто взревела от ярости, когда поняла это! Уничтожив всех своих подчиненных, она поглотила их силу и получила свободу гнаться за ним. И она не успокоится, пока не догонит!

* * *

— ...Слушай, Седьмая! — возвысил голос тибетец, — Она — страшный враг! Да, тем сильнее демон, чем ярче сиял при жизни его Кристалл и острее были страсти, — и потому она очень сильна! Все попытки мира не способны ее усладить, кровь всех людей не может залить пожар ее ненависти! И все, кого она избирает как Контрактеров, становятся такими же! Они безумны, беспощадны, импульсивны, извращены! А если они встретят тебя — ни у кого не хватит фантазии представить себе, что они с тобой сделают! Мы встречались тут с одним из них, мы знаем, чего он стОит. Все они заканчивают свои дни одинаково: утратив над собой контроль, обращаются в демонов, и тогда она впрягает их в свою упряжку. На них она разъезжает по нижним мирам быстрее мысли — потому и носит свое прозвище.

Ты не сможешь противостоять Колесничим, и ни один из Контрактеров твоего демона

не мог. Наоборот: они покорно принимали смерть, и даже... желали ее! Жуткая связь между Колесницей и твоим демоном проходит и через тех, у кого с ними Контракт. Больные страсти соединяют их судьбы. Стоит влияниям их Контрактов соприкоснуться — и пути назад не будет.

Идем же с нами! Или ты не проживешь здесь долго... О, проклятие... — тибетец закрыл глаза, словно прислушиваясь, — Он идет сюда! Идем! Нет, беги сама, я задержу его!!

Он отшвырнул сетку, совершил четками пасс. Четки загорелись синим.

— Да кто же? — растерянно оглянулась Эльза. Она могла видеть куда дальше, чем позволяли стены, — и она увидела...

По улице приближалась высокая, чуть сутуловатая фигура. Для Эльзы она выглядела, как аномалия в сложной структуре мира. Все было так, как рассказывал ей Отто.

Колесничий.

...Тут дверь мастерской распахнулась, и показался переплетчик с чемоданом.

— Да, да, — быстро сказала Эльза, — Сейчас... — она перетащила чемодан через стойку.

— Скорее!!! Через внутренний двор!!!

Но времени уже не осталось. Колесничий вдруг ускорил шаг, быстро вошел, сделал круг по магазину, — и дверь кабинета слетела с петель.

* * *

Он был тощ и действительно высок: головой чуть не задевал за притолоку. На нем была потертая форма без знаков различий, а волосы, не по-военному длинные, неаккуратными прядями падали на глаза из-под фуражки. На вид — лет двадцать пять — тридцать, но таким людям на самом деле может быть сколько угодно. Худое, несколько костлявое лицо, большие глаза чуть навывкате и чуточку слишком веселы. И улыбка, слишком широкая для просто дружеской.

Левое запястье его было разрезано; с пальцев на пол капала кровь — прямо на дорогой ковер. Кровавая дорожка шла от места, где он стоял, в магазин за его спиной. Оттуда нарастали возмущенные крики.

— Ты! — радостно заявил он тибетцу, — Что же, не желаешь ли поохотиться на меня теперь еще раз? Дичь бежит на ловца! Но поздно! Ныне я сам на вас охочусь, дабы скрасить радостью битвы время ожидания битвы иной. Злокозненный враг мой, презренный Оттон, с поля боя сбежавший и тем заслуживший сотню хулительных песен, теперь избегает со мною встречи. Его я найду, — но сейчас сгодишься и ты!

Дальше события разворачивались стремительно.

Тибетец шагнул вперед, заслонил собой Эльзу и перекрыл Колесничему дорогу, делая рукой с сияющими четками быстрые движения. Крикнув, он попытался достать ими врага, но тот оказался проворнее. Окровавленной левой рукой он чиркнул по запястью правой, — прямо по мелким шрамам в виде двадцати четырех рун, — и этой рукой перехватил руку с четками. Тибетец закричал, рука его задымилась под ладонью Колесничего. Тот быстро выкрутил ему руку; отчетливо хрустнула кость. Тибетец уже не кричал, а выл. Колесничий одним движением зашел ему за спину, продолжая выворачивать руку.

— Ха-ха-ха! Славную песнь о своей победе сложу я сегодня!.. А ты куда, ползущий

подобно крабу, недостойный мужчиною зваться?! — и он пнул ногой диванчик, который перевернулся и перегородил дорогу переплетчику, ползком пробирававшемуся к черному входу. Ему — и Эльзе; теперь ей приходилось бежать через «поле боя».

Эльза выхватила свой маленький пистолет и выстрелила. Колесничий блокировал: вокруг него вспыхнуло белым некое подобие щита с руническим знаком. Он мгновенно перерезал тибетцу горло, вновь чиркнул кровью по руке, окрашивая другую последовательность рун, прыгнул к ней и сбил ее с ног. Ее скрутил нечеловеческий ужас: их Контракты соприкоснулись, и воспоследовала неизбежная реакция. Колесничий дернулся, словно под током, замер на секунду, перестраиваясь на новый лад, — и расхохотался, сгребая Эльзу за ворот и за шею. Она захрипела, повисая на его руке. На лице у него был полный восторг.

Из магазина донеслось: «Полиция Австрии! Никому не двигаться!»

Контрактер Колесницы пронес руку над столешницей, оставляя на ней дорожку крови. Дорожку он закончил рунами Феху и Райдо. Кровь вспыхнула, огонь по дорожке плеснулся в магазин, оттуда раздались дикие вопли. Но пока он отвлекся, Эльза собрала в кулак волю и кое-как преодолела страх. Извернувшись, она выхватила из рук упавшего тибетца четки и изо всех сил ударила ими Колесничего. Четки разлетелись синей вспышкой.

— АААААА!!!! — закричали противники в унисон; их демонам досталось одновременно.

Колесничий согнулся, будто ему живот свело. Эльза пришла в себя чуть быстрее: все-таки у нее был сильнейший самоконтроль. Она бросилась к выходу, не выпуская из рук чемодан. Он схватил было ее за волосы, но только сорвал парик.

Эльза стрелой пронеслась во внутренний двор; за ней выхлестнулся из двери язык огня. Но она успела вбежать в дверь соседнего дома, и, миновав парадное, выскочила на улицу. Перед глазами плыло: «демоническое» зрение возвращалось медленно. Но ее машина была недалеко...

— Фройляйн Лейденбергер! Стойте! — раздалось рядом, — Это полиция! Стойте!

Проклятие, подумала Эльза: она теперь без парика и вуали, и ее узнали. Но она может сказать, что ходила к переплетчику сверять рукописи... Нет, ведь Отто видит ее маячок в библиотеке и думает, что она там... что делать?

И тут чемодан расстегнулся, и журналы регистрации высыпались на мостовую. Ситуация осложнилась еще больше, ведь никто не должен был знать о ее манипуляциях! Подбежавшие полицейские помогли их собрать.

— Мы лишь проводим вас, — любезно сказали они, — Тут опасно, вы можете пострадать! Давайте мы поможем вам нести чемодан... Потрясающе, где вы взяли столько вокзальных журналов?

Так полицейские подписали себе приговор. Она не могла им дать уйти после этого.

— Спасибо, — сказала Эльза вежливо, — Но, господа, нужно забрать мою машину, я оставила ее в тупичке неподалеку. Я вам покажу.

И они все свернули в подворотню, а потом в абсолютно глухой каменный мешок, где стояла ее машина. Там Эльза выстрелила в обоих капсулами с паралитиком. Потом, надрываясь, затолкала упавших полицейских в багажник. Чемодан она бросила на заднее сидение, села за руль и нажала на газ.

Скоро она встретилась с Гансом Прибке, что отдал ей чемодан, и вернула его. Тот пошел отчитываться перед Отто, а Эльза отправилась в поместье. Правда, она еще сделала

небольшой крюк по городу, проехала рядом с библиотекарем, у которого закончился рабочий день, отключила его маячок и включила свой.

* * *

Эльза загнала машину в личный гараж. Полицейских она оставила в багажнике. И что с ними теперь было делать? Положить под капельницу в какой-нибудь дыре на всю оставшуюся им жизнь? Да, она знала, что делала, применяя такое оружие. Да, но... ощущение было неожиданно мерзкое.

Она взяла рукопись «Книги Инститориуса», дочитала ее и отправилась в ту часть поместья, где был штаб «Бальмунга». Отто разбирал там журналы из хорошо знакомого Эльзе чемодана.

— Этот Тадеуш оказался непрост, — сказал Отто, — Я удивлялся, что он не пользуется псевдонимами. Но зато теперь он воспользовался своим настоящим именем, чтобы исчезнуть. Он пересек границу в целых семи местах! Его поиски отнимут много сил. Не попробуйте теперь говорить о невинности.

Хоть что-то хорошо, подумала Эльза.

— Объявился Дэтлеф Эберт. Устроил резню с пожаром, — продолжал Отто делиться новостями, — Спалил лавку переплетчика. Выживших нет. «Допросить» погибших, скорее всего, не удастся. Это не было похоже на обычный огонь... У меня все. А что у вас?

— Вот, — сказала она, открывая рукопись в нужном месте.

— Я плохо владею латынью, фройляйн.

— Хорошо, я вам переведу...

— Просто перескажите.

— В общих чертах, тут описывается, как прервать ритуал. Тот, кто на это решится, должен приготовить ритуальные предметы, затем уединиться на семь дней для подготовки. В это время ему полагается поститься, читать Заклятия Четырех и Семи, воскурять соль, ладан и травы, облачившись в белое одеяние и обнажив магический меч. В назначенный срок явиться на кладбище с могилой и бросить некроманту вызов; тут приводится формула. При этом он ставит на кон свою бессмертную душу рядом с душой жертвы. Дальше следует поединок. Если он победит — и он, и жертва спасутся; если же нет — оба погибнут вовеки.

— Вонючая книжонка, — вдруг резко бросил Отто, — Бред! И в поисках бесполезна. Завтра — последний день, фройляйн! — в голосе его была боль.

— Рано отчаиваться. Это последний день, но у нас есть еще целый день.

Кратко попрощавшись, они расстались. О тибетцах Эльза ничего не рассказала Отто. Это повлекло бы за собой слишком много ненужных подробностей. Да и зачем, если поискам барона это никак не помогало?

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ, в которой Эльза запускает «Ментальную Катапульта» и находит барона

Покинув Отто, чей кабинет был рядом с кабинетом барона, Эльза отправилась к себе. Вопреки обыкновению, она пошла не внутренними коридорами, а через небольшой поместный парк. Прохлада ночи и душистый воздух, напоенный липами, из-за ее «демонического» восприятия не дарили ей никаких эмоций, — но почему-то ей так хотелось.

Она медленно шла по аллее; вверху, в огромных кронах еле теплились фонари. Она думала. Мысли были несколько сумбурны и невеселы.

Самое скверное было в том, что у нее иссякли идеи, как искать барона. Слишком много было в истории белых пятен и оборванных концов. Куда отправился ее дед тогда один, без охраны? Что он узнал перед этим, что сделал потом? При чем тут Тадеуш? Откуда он сам знал про могилу? Поляки, дьявол их побери, могли бы пролить на это свет... или нет? Отто с головой ушел в запутанную игру разведок, но пока это никак не приводило к решению.

Завтра — последний день... Что же, остается лишь надеяться на чудеса?

Раздумья Эльзы вернулись к полицейским, лежавшим в автомобильном багажнике. Их нужно было срочно куда-нибудь деть, потому что увидеть их мог не только Отто, но и любой, кто не поленится надеть «специальные очки».

Эх, проклятие: почему же дальности этих очков не хватает, чтобы увидеть, где ее дед?..

Она как раз добралась до своей башни, когда эти две проблемы вдруг щелчком свелись воедино, — и привели к решению. А что, если в поисках посильнее задействовать мою Науку? — подумала Эльза. По крайней мере, это стоило попробовать.

Еще тогда, в больнице богадельни, она поняла, как увидеть предел действия Закона. Ей нужен был эксперимент с двумя подопытными; так вот, этими подопытными станут полицейские! Их никто никогда не найдет, даже Отто — и этому будет готовое объяснение, учитывая, что погибших от действия способностей Колесничего невозможно «допросить». Они будут считаться жертвами пожара или пропавшими без вести.

Она запустит «Ментальную Катапульта» — и исполнит четвертый пункт своего давнего плана! А после этого — одно из двух: или она закончит свою Науку и неведомым пока образом узнает, где барон, — или, по крайней мере, на время станет способна вычислить структуру мироздания в гораздо большем радиусе, чем сейчас. Если он не уехал в Австралию или Японию — она найдет его.

* * *

Ночью она перенесла полицейских в лабораторию; дело облегчили каталка и подъемник.

Подопытные слабо провожали глазами ее движения, когда она подключала их к приборам. Она знала, что они в полном сознании и полны ужаса. Еле заметно они шевелили губами...

Эльзу захватило ощущение кошмарности ее поступка. Одно дело — убийство, даже если человек умрет после многолетнего паралича. Смерти нет, — она это знала; она видела посмертное перерождение много раз. Но совсем другое — полное уничтожение Духа... Небытие. И сейчас она это сделает с одним из них. Сейчас она на деле перейдет черту, которую уже перешла мысленно.

Передвинув пару рычагов, она ослабила защитное напряжение «Третьего глаза».

— И кто из них это будет? Может, бросишь монетку? — прорезался насмешливый голос демона, — Шучу, просто шучу. Я знаю, что монетка не поможет. Ты ведь заранее просчитаешь результат ее падения.

— Какая разница? — глуховато сказала Эльза, — Я не судья человеческих душ.

— Да ты никак колеблешься, Эльза? — спросил демон со скрытой подначкой, — О, понимаю. Все происходящее похоже на нелепый гротеск, не так ли? Так просто сделать шаг от детской мечты к больной, претенциозной мании. И так просто можно НЕ ДЕЛАТЬ того что ты задумала! Быть может, остановишься? Вокруг тебя целая жизнь. Люди ходят, занимаются простыми вещами, и они правы. А всякую блажь оставляют детству с его глупостями.

— Нет, — сказала она, и к ее ужасу добавился восторг. О, демон прекрасно умел играть на струнах ее души! Но это и было сейчас ей нужно, — Нет, демон. Время не лечит ничего, — лишь заносит песком забвения. Я этого не позволю! То, что однажды погасило свет во всем моем мире, не имеет срока давности. Без этого незачем жить. Я не останусь болтаться на полдороги. Мне не нужны оправдания моих средств, и я не боюсь применить к самой себе такие же.

Она надела шлем «Ментальной Катапульты», подключившись к зрению того, кому суждено было после смерти переродиться. Второй же был подключен к первому и к установке напрямую, — тот, кто должен был навеки исчезнуть. Она активировала контур, отсекающий их замкнутую систему от мира.

— Демон, — сказала она, — Дай ему познать Гневных богов Бардо!

О, демон не заставил себя упрашивать. Второй зашелся в адском крике, — и не выдержал! Не будь он в замкнутой системе, — смерть стала бы ему спасением, но сейчас он не мог покинуть место пытки. Предельный ужас взорвал его Кристалл.

В этот же миг разряд тока убил первого.

Эльза не смогла даже различить чудовищную скорость, с которой первого забросило на самый верх. Просто перед его — и ее! — глазами вдруг разверзлась та бездна Предвечного Света, которую обещала «Бардо Тодол».

То есть, для него это, наверное, выглядело как Свет. Ведь он отбросил здесь все то, за что Эльза «зацепилась», чтобы ее затащило сюда. Только так можно было увидеть и признать, что ты и этот Свет — одной природы.

А для Эльзы это было бурлящее, враждебное и полностью чужеродное ей ничто! Ее зрение стало бессильно, она ослепла, ее раздирало на части. И она поняла, что сейчас будет просто уничтожена. Для нее, Проклятой, здесь не было ни шанса! Все, что она до сих пор делала — это уничтожала в себе то, что было этому Свету сродни, — то есть, Кристалл. Все, что она в себе знала, — были ее демон, различные концепции, ее и чужие цели, — и все это Свет сейчас сжигал. Единственным, что она чувствовала, была страшная боль горения. Сейчас сердцевина ее существа разорвется окончательно от невыносимой муки, — и все!!

— ПАДАЙ ОТСЮДАААААА!!! — взвыл демон.

...Она успела. Кристалл ее не взорвался, но лишь получил очередную глубокую трещину. Отдача от его разрушения швырнула ее вниз. Ее захватило знакомое ощущение: пустота под ложечкой, чувство разрыва в груди. Она падала, падала вниз и влево, и ветер Той Стороны ревел вокруг. Потом тело встретило удар. Падение прекратилось. Она увидела себя лежащей среди оплавленного хлама на своем пустыре.

Потом видение пустыря тоже отступило. На самом деле она лежала на полу в лаборатории, постепенно приходя в себя. Дыхание рвалось, сердце выскакивало из груди, носом шла кровь. Оказывается, она сорвала крепления, мечась в беспамятстве, и упала — этот-то удар она и почувствовала! Но она была жива, она даже не впала в кому на этот раз...

— Ну, и? — просипел демон, — Что дальше, Икар недоделанный?

— Сейчас... — задыхаясь, ответила Эльза, — проверю кое-что — и отвечу...

Она сняла шлем и встала, шатаясь. Ее демон тоже принял удар Предвечного света, — поэтому «особое» зрение появлялось короткими вспышками в черноте.

Один из подопытных был просто мертв; другой, чей Кристалл полностью разбился, смотрел, шевелил губами и уже пытался встать. Эльза заранее прочла в их документах их имена. Она назвала по имени того, кто потерял Кристалл. Тело задергалось, вспыхнуло и вскипело в «точках контакта» — руки, ноги, голова. Для демонов их имена смертельны. Исчезло даже больше, чем сам демон! Эльза разглядела: в структуре мира образовалась огромная прореха там, где он был. Разрушились все связи, что соединяли его с остальным Законом.

После этого она попыталась вызвать того, кто в этом опыте должен был узреть Предвечный свет. Через некоторое время сомнений не осталось: он не отвечал! А это значило, что опыт как таковой удался: он все же понял таинственную Истину.

Эльза рассмеялась тихонечко и чуть-чуть безумно.

— Вот теперь я отвечу тебе, что дальше, демон! А дальше будет пункт пятый моего плана. Не думай, что я была глупа настолько, чтобы заранее не понимать: когда я увижу предел действия Закона, моему зрению не будет доступно то, что видят Просветленные. Это и есть признак, что то, что я вижу — именно Предел. Это было очень убедительно. И теперь мы знаем, что его можно достигнуть, и действительно возможно его перейти, раз у него получилось.

Теперь мне нужно увеличить энергию своего Кристалла настолько, чтобы самой покинуть Систему. Древние делали это движением Духа, но это не для меня. Я только отречься от него умею! Но не беда, ведь мы только что убедились, что пассивным, механическим способом тоже можно это сделать... по крайней мере, можно создать максимально благоприятные условия для этого. Смотри-ка: этот свежееиспеченный Просветленный и пальцем не шевельнул, чтобы попасть, куда попал. А это значит, что я сама стану следующим подопытным, чьи привязанности сгорят! Да, я сожгу их за счет кого-то другого! Тогда я стану способна смотреть на Предвечный Свет — своими глазами!!!

— Э, нет! Не пойдет! Ты же меня прикончишь, чего доброго! Я заявляю: с этого момента я не на твоей стороне!

— Слишком сильные слова для того, кто заперт в ловушке. Хотя и по своей воле.

Она отправила тела подопытных в маленькую кремационную камеру, которая тоже была в лаборатории с тех пор, как Отто наотрез отказался ездить и хоронить обратно выкопанные для экспериментов трупы.

Она переступила черту.

Некоторое время Эльза просто сидела в кресле, приходя в себя. Вообще-то, лучше было перенести продолжение экспериментов на несколько часов: после таких потрясений она всегда бывала без сил, а способности ее терпели ущерб. Но сейчас ею владела какая-то нервная лихорадка. Кроме науки и поисков барона, срочно надо было сделать что-то, что отодвинет на второй план то, что она сотворила с полицейскими. Нужно было уйти от «рубикона человечности» подальше на противоположную сторону... дальше и дальше, чтобы стать способной на следующие шаги.

Поэтому, как только зрение к ней вернулось, она вскочила на ноги и стала собирать установку, которая позволяла бы взорвать одновременно сразу десяток Кристаллов. Она закончила, когда солнце уже касалось горизонта. Последний день догорал. Она направилась напрямиком к Отто. Тот сидел в кабинете с огромными синими кругами вокруг глаз.

— Герр Штальберг, — с порога начала Эльза, — возможно, удастся понять, где барон, если я закончу свои опыты. У меня есть идея. Мне нужны подопытные. Мне нужен допуск в венскую тюрьму. Там ведь достаточно всяких убийц и прочих, которыми Австрия не дорожит?

«Понять, где барон» — это были ключевые слова. Отто этого было достаточно, чтобы не то что венской тюрьмой пожертвовать, а и всем человечеством. Конечно же, допуск Эльза получила.

...Подопытных, связанных и с кляпами во рту, охрана провела в специально оборудованную камеру. Их усади в кресла — кого силой, кого просто свалили туда, как мешок. На них застегнули шлемы. В глаза их было страшно смотреть — но Эльза смотрела...

Не отводя взгляда, она опустила рычаг «Катапульты»:

— Узрите же сорок восемь Гневных!!!

Так же, как накануне ночью — только быстрее и свирепее в десять раз — ее забросило вверх, в клокочущую и уничтожающую ее бездну. Нет, покинуть предел Закона она не смогла и теперь! Наверное, она кричала, — хотя это было излишне: все ее существо превратилось в крик. Но усилием воли она сохранила сознание и на сей раз. Вот Кристалл раскалывает трещина, — ускорение вниз и падение, — Бардо проявляется спиралями, уходящими вниз и влево, — ржавые пустыри, наполненные потусторонним ветром и скрежетом... Она рванулась, прокусывая губу — и перенесла свое сознание в земную реальность.

Высоко-высоко над землей зависла точка, откуда взгляд Эльзы пронзил пространство. Ценой принесенной жертвы глубина просчета реальности в этот момент возросла для нее настолько, что вся Австрия была под нею, и дальше — окрестные страны. Но она искала изо всех сил всего одного человека.

— Нашлаааа!!!! — закричала она, выгибаясь в кресле, запрокидывая голову, — Нашла его!!! Он... он... в Альтхофене!!!

Отто отстегнул крепления установки от ее бесчувственного тела, быстро назвал по именам всех, кто потерял Кристалл; потом взвалил Эльзу на плечо и бегом бросился прочь из здания тюрьмы.

На улице ждали их возвращения люди из отряда «Бальмунг» с двумя машинами.

— Фройляйн доставить в поместье! — на ходу распоряжался Отто, — Вызвать к ней

врача! — Он включил передатчик, — База, ответьте! Это Штальберг! Приказываю первому и второму отделению в боевом порядке выдвигаться на южный автобан! Встречаемся на выезде из Вены!

Автомобили рванули с места, направляясь в разные стороны.

* * *

...Эльза открыла глаза. Разумеется, зрение работало «пунктирно»: мгновения видимости словно прорывались сквозь помехи и слепую черноту. Постепенно она разобрала, что находится в собственной спальне, что неподалеку над столиком со склянками склонился Вальтер, а в изголовье кровати сидит Отто Штальберг и словно бы чего-то ждет. Вот только она никак не могла сообразить, чего...

Друг на друга бывшие коллеги не смотрели. Вальтер теперь редко бывал в поместье: только если был критически нужен в отряде. Тогда он навещал и Эльзу, и они вели мучительно-пустые светские беседы. То есть, мучительны они были только для него: Эльза давно вычеркнула его из всех списков, и просто составляла фразы, как складывают мозаику. Ведь официально считалось, что он ничем не провинился перед их троицей... Выглядел он неважно, — впрочем, Отто выглядел куда хуже; седина расплзлась от висков на всю шевелюру, лицо осунулось. А уж сама-то Эльза...

«Краше в гроб кладут, чем мы все трое», — прорезалась в ее мозгу первая оформленная мысль. И тут же молнией ударила другая: «Дед!!!»

Она дернулась, поворачиваясь к Отто.

— Вижу, вы очнулись, — кивнул тот.

— Герр Штальберг, который сейчас день? Что с моим дедом?

Отто отрывисто бросил:

— Покиньте нас, Дитце.

Вальтер вышел безропотно.

— Вы были без сознания трое суток. Мы... опоздали, фройляйн. Барон мертв.

Эльза ничего не сказала, чувствуя лишь боль, которую принял ее Кристалл, обрыв под ложечкой и ощущение падения.

— Мы отправились в Альтхофен, — продолжал Отто безжизненным голосом, — Там его не было. Но он не мог уйти очень далеко. Я разделил людей. Направил на поиски. Проверили все окрестные кладбища. Нашли «вашу» могилу. Это в соседнем селении. Он там.

— Где? — пересохшими губами выговорила Эльза.

— В... могиле, фройляйн. В «вашей».

Эльза продолжала на него смотреть. Словно через силу, Отто добавил:

— Мы оставили все, как есть. Не стали вскрывать. Решили дождаться вас. Тот, кто это сделал, замел следы. В могиле — негашеная известь. Может быть, вы разберете хоть что-то. Взгляните своим зрением. Вы можете двигаться?

Эльза поднялась, села на кровати; спустила на пол ноги, встала, сделала несколько шагов.

Отто кивнул:

— Тогда собирайтесь.

Через несколько часов Отто, Эльза и люди «Бальмунга» были на месте. Военные машины, сопровождаемые клубами пыли и лаем собак, остановились перед воротам старого сельского кладбища. По обе стороны от решетки ворот были полуразвалившиеся каменные тумбы; одну из них все еще венчал ангел. За поваленными местами оградой возвышался настоящий дремучий лес.

Все вышли из машин и, не говоря ни слова, углубились в темную аллею; потом свернули направо. Через несколько минут, по-прежнему молча, они достигли восточной стены кладбища. Там давно уже сомкнулись заросли над остатками старых гробниц, и только одна из них была на расчищенном месте. Белый мрамор ее сиял в пятнах солнечного света, что, словно иглами, прошивал лиственный мрак. Плита венчалась высоким обелиском с вырезанной на нем башней. На ней красовались буквы: «Здесь покоится Эльза фон Лейденбергер, 1905 года рождения от Рождества Христова, безвременно погибшая в лето господне 1934...»

Впрочем, это было не единственное, что красовалось на плите. Прямо на ней, словно на алтаре, была лужа запекшейся крови — очевидно, собачьей; посередине плита треснула отчего-то. Кровь стекала на землю через надпись, заполнив вырезанные в камне буквы эльзиного имени. Вокруг лужи остались огарки черных же свечей, как и на земле. Расставлены они были вдоль девяти прочерченных кровью кругов. Земля была истоптана, кое-где по ней что-то словно волочили. Неподалеку от могилы лежала мертвая собака.

Монотонно жужжали мухи.

Метрах в пятнадцати стояли часовые, которых выставил Отто. При приближении отряда они вышли навстречу, но тоже хранили молчание.

Первыми к зловещему месту шагал Отто, за ним — Эльза. Приблизившись, он кивнул людям отряда:

— Начинайте.

Двое дюжих солдат приготовились отодвинуть плиту.

— Нет-нет-нет-нет! Стойте, благородные господа, стойте! — заголосили из ближайших кустов. На полянку опасно вышло несколько местных жителей, которые осмелились приблизиться к «окаянной могиле», увидев военных.

— Что еще?! — развернулся к ним Отто.

— Помилосердствуйте! Не тревожьте это место, господа, во имя Господа нашего Иисуса! Там девица Лейденбергер похоронена, скверное это место! И сразу-то было неладно: не хоронят так добрых людей, как ее — ночью, да тайно! А потом-то что началось! Чуть не каждую неделю дьяволы шабаши были тут! Не трогайте, ради Бога! Вы-то уйдете а нам здесь жить...

— Господа, — ледяным тоном сказала Эльза, — Прошу вас успокоиться. Вам ничто не угрожает. Эльза фон Лейденбергер — это я.

Слова ее произвели действие, противоположное ожидаемому. Выпучив глаза и толкаясь, местные бросились наутек прямо через заросли, и долго еще оттуда доносилось: «Господи Иисусе, помилуй нас, грешных!»

Не обращая на них больше внимания, хмурый Отто кивнул солдатам. Те отодвинули и сняли плиту. Она оказалась расколота надвое. Эльза стояла рядом, горящими глазами

впиваясь в структуру физических взаимодействий этого места...

Увы: барон был там, на дне ямы! Он лежал лицом вниз, и на нем были «специальные очки». От тела мало что осталось: рядом с пустым гробом в могиле стояла ванна с негашеной известью. Только то, что мертвый угодил в нее, чуть перевесившись через край, позволило его с трудом опознать. На бароне остались обрывки ритуального белого одеяния, в руке до сих пор был зажат магический меч с гравировкой. Рядом с головой из толщи засохшей извести выступал корешок проклятой «Книги Инститориуса».

Вниз спустили лестницу. Минут через десять останки барона подняли наверх и поместили в закрытый цинковый гроб.

...Люди остановились вокруг черного провала. Они заранее знали, что найдут, но жуткое зрелище всех подавило. Кое-кто крестился, шепча молитвы. Надо было ехать, но они стояли, не в силах ничего сказать, глядя в землю. Эльза бросила быстрый взгляд на Отто и увидела, что его бьет еле заметная дрожь.

Она нарушила молчание.

— Господа, — обратилась она к стоящим, — Здесь нашел свою смерть барон Франц-Ульрих фон Лейденбергер, мой дед. Обстановка выглядит фантастично, но ничего паранормального тут не произошло. Кто-то обманом выманил его сюда в одиночестве и убил. Убийца прятался в этой самой могиле. Видите? — это не совсем обычная могила. В ней можно сидеть, дожидаясь жертву, а потом подняться вот по этим выступам в обелиск и встать во весь рост. В обелиске есть дверца, — посмотрите. А вот с этой стороны, где вырезана башня, в нем имеются отверстия, замаскированные рельефом. Именно оттуда убийца выстрелил чем-то вроде ядовитого дротика. Барон погиб от яда типа кураре. Затем убийца швырнул его в эту яму и выпустил в его мертвое тело шесть пуль.

Эльза помолчала несколько секунд. А потом она вынула кинжал из рукава, вытянула левую руку над могилой и разрезала запястье. Кровь закапала в могилу. Она произнесла:

— Я, Эльза, баронесса фон Лейденбергер, клянусь отомстить убийцам моего деда. Клянусь отомстить всем, кто задумал это и сделал. Если они еще живы, они умрут! Их не спасут никакие оправдания. Я клянусь отомстить любой ценой.

И вдруг Отто, вечно молчаливый и не склонный к пафосным жестам, резко шагнул к могиле и тоже выбросил вперед руку, полоснув по ней кортиком:

— Я, Отто Штальберг, клянусь отомстить всем, чьи действия привели к смерти барона Франца-Ульриха фон Лейденбергера. Никто не уйдет от этой мести!

Эльза в который раз почувствовала в груди словно бы слабый рывок, а потом краткое ощущение пустоты под ногами. Своими нечеловеческими глазами она видела, как из центра ее грудной клетки выстрелила тонкая золотая цепь, уходя в пространство, заполненное узлами, тягами, связями и шестеренками; прямо над ее головой она опустилась, переброшенная через сложный блок. На ней была подвешена золотая же шпага. Так выглядела эльзиными глазами клятва на крови, и цепь готова была оборваться, если она будет нарушена.

Эльза взглянула на Отто. Над ним зависла очень похожая шпага.

* * *

Торжественное погребение должно было состояться на следующее утро. Тело барона

доставили в поместье. Точно пришибленные, ходили его верные люди...

Отто остановил машину у эльзиной башни, и солдаты перенесли гроб на платформу-подъемник: так он распорядился. Они с Эльзой встали рядом, опускаясь вниз, в лабораторию.

— Я пытался вызвать барона, когда вы были без чувств, — сказал Отто, — Хотел спросить, кто убийца. Я не рискнул выставить максимальную мощность. Не хотел вам повредить. Барон... не «откликнулся», фройляйн. Но... могло ведь не хватить мощности? Или «привязок» к земной жизни...

— Попробуем теперь снова, — кивнула Эльза на гроб с останками.

Вдвоем они водворили гроб на стол, сняли крышку. Эльза сжала зубы: сейчас ее дедушка лежал на месте, где до него побывали сотни таких же подопытных!

Она улеглась в пентаграмму «Третьего глаза», снизила защиту до минимальной, повысила мощность контакта, сосредоточилась...

Ничего! Ничего не произошло!

Эльза вытерла испарину со лба и обернулась к Отто. Тот сжимал и разжимал кулаки, силясь успокоиться. Не получалось.

— Одно из двух... — начала Эльза очевидный вывод.

— Знаю!!! Какое из двух?! Потерял он Кристалл, или...?!

— Я... Мне сложно сказать наверняка, герр Штальберг. Причинно-следственные связи вокруг тела деда были деформированы. Так бывает, когда назовут по имени того, кто утратил Кристалл. Но... они могли быть выжжены и энергией, которая выбросила его за пределы Закона причин и следствий. В описании ритуала говорилось, что возможно и то, и другое.

Отто зашагал по залу, сжав кулаки:

— Как?! Как вообще что-то такое могло случиться? Занюханная фальшивая книжка! Подделка для дураков! Она не работала! Не должна была сработать!!! Какой еще ритуал, к черту? Что, неужели кто-то вытягивал из вас душу?

— Нет, конечно. Но дело может быть не в книжке, герр Штальберг, — произнесла Эльза, выбираясь из пятиугольной рамы, — Дело может быть в самом дедушке. Видите ли, в конечном итоге только сам человек, своими силами и добровольно может отречься либо от Кристалла, либо от привязанностей. Я мало что могу сказать о втором варианте, а о первом наслышана. Мне говорили, что из таких получаются... демоны.

Отто сжал руками голову, пробормотав: «Абсурд...» Взяв себя в руки, он спросил:

— Как проверить?

— Можно только вычислить. Видите ли, все, кто связан со мною, подчиняется законам замкнутых систем. Количество энергетических пиков в таких системах точно уравновешено количеством провалов, а энергетическая разница между ними сглаживается со временем по определенным законам. Приведу пример: один Кристалл, полностью освобожденный от привязанностей, равен одному «сгоревшему» Кристаллу, полностью превратившемуся в привязанности... как правило. Они уравновешиваются, как плюс и минус. А у нас в том и вопрос, «плюс» или «минус» случился с бароном. Так вот: нужно выяснить, кто еще среди людей, связанных со мной и подверженных моему влиянию, в то же самое время терял Кристалл или, наоборот, взвинчивал его энергию до полного Просветления и покидал систему. Зная это, мы поймем, какого знака в уравнении не хватает. Этот знак и придется на смерть барона. Так мы выясним природу того, что произошло с ним. Я буду работать над

этим, герр Штальберг.

— Оставляю это на вас. Я займусь более понятными делами. Поговорим после похорон. Сейчас — только одно. Вы видели место преступления. Вы умеете читать энергетические следы. Вещи, людей. Как с той книгой. Вы сможете опознать убийцу?

Эльза кивнула:

— Да, когда встречу его. И, возможно, он даже есть среди портретов, которые я заказывала. С вероятностью в двадцать процентов это либо третий из них, либо пятый, — и, в ответ на выразительный взгляд Отто, пояснила, — Вы ведь знаете, память на лица у меня скверная. Я запоминаю другие характеристики.

Отто помедлил, потом вдруг спросил:

— Фройляйн, над вами висит золотая шпага?

— Да. Вы ведь видите ее? У нас одинаковое зрение.

— И надо мной.

— Вижу. У нас одинаковая клятва. Смерть виновным в смерти.

— Думаю, не одинаковая, фройляйн. Позвольте вопрос? Как вы будете определять, виновен человек или нет? Будете ли брать в расчет его намерения?

— О чем вы говорите, герр Штальберг? Конечно, намерения важны. Я ищу тех, кто задумал и осуществил всю эту провокацию. И тех, кто это приказал, если они есть. И тех, кто приказал им это приказать. И так далее. Такое нельзя сделать случайно.

— Значит, мы поклялись в разных вещах. Я собираюсь уничтожить всех, кто сделал так, что барон не мог не погибнуть. Даже если при этом они думали, что делают что-то другое.

— Достаточно... радикально. А зачем вы мне это сообщили?

— Мы союзники. Не хочу, чтобы между нами было недопонимание. Возможно, я не смогу по-другому объяснить десяток-другой смертей.

* * *

Утро следующего дня выдалось свежим и солнечным; птичий щебет наполнял аллеи старого венского кладбища. Даже траурная процессия, направлявшаяся к фамильному склепу фон Лейденбергеров, выглядела нарядно в это утро. Сверкало серебряное шитье и золото на погонах имперской формы, вынутой из старых шкафов; сияли сапоги и пуговицы солдат хайвера и даже райхсвера; качались черные плюмажи изящных карет бывших аристократов, и длинная вереница лиц простого сословия тянулась за ними, неся в руках цветы. Что и говорить, яркая личность барона привлекала самых разных людей.

Впереди четверка вороных катила открытый катафалк с богато украшенным и наглухо закрытым гробом. Оркестр играл марш.

Эльза ехала в карете вместе с отцом и матерью. Они редко виделись, хотя давно достигли примирения, — по крайней мере, формального. С отцом Эльза порой вела прежние заинтересованные разговоры, а с матерью была предельно сдержана и вежлива. Все ее отношение к дочке укладывалось в различные оттенки недовольства.

Потом были пышные, торжественные похороны. Речи говорили даже бывшие недоброжелатели барона: кто искренне, а кто и потому, что с «Бальмунгом» стало сложно не считаться. Люди разошлись и разъехались только далеко за полдень.

Эльза механически исполняла светский протокол; пустота в ее груди продолжала расти.

Гротескно и бесповоротно было все случившееся, о чем знали только некоторые люди отряда. Странно было вспоминать любимого деда, — веселого, авантюрного, яростного, живого, — и тут же — ужасные останки в мерзкой, залитой кровью могиле. И Эльза леденела внутренне, и многие поколения фон Лейденбергеров в ее крови говорили о мести. Но, кажется, никто из предков не смог бы представить себе, на что пойдет для этого их наследница.

Выяснить тайну смерти барона было несколько сложнее, чем она сказала Отто. Дело было в том, что среди тех, с кем ее связывали различные узы, была Колесница, которая практически не поддавалась изучению эльзиными методами. И пока это было так, никакие расчеты в системе не были возможны. Нельзя было вычислить ни распределение «плюсов» и «минусов», ни размер гекатомбы, которую следовало устроить, чтобы Эльза могла свою систему покинуть. Она была Проклятой, и для нее было мало того, чего хватало для обычного человека.

Напрашивалось очевидное решение: чтобы двигаться дальше, Колесницу необходимо уничтожить, и чем скорее — тем лучше. Уже сейчас система Эльзы разрослась почти критически: к этому вел сам способ ее действий. А если оставить безумную демоницу творить, что ей вздумается, ситуация могла стать неуправляемой.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ, в которой Эльза и Отто ведут тайную войну

После того, как броневладельцы Отто были разгромлены, а отряд «Бальмунг» остался без барона с его неукротимой энергией, Австрия утратила инициативу. Придя в себя после смерти патрона, Отто постарался вернуть ситуацию в свои руки, — но недолгого времени хватило, чтобы инициативой успели воспользоваться другие. После памятного ночного боя 25 июня стало ясно, что с прежними мерками к Германии подходить нельзя. У них было оружие, способное противостоять разработкам лаборатории Эльзы, — и нужно было выяснить, что это такое и насколько оно опасно. Теперь Австрия и Третий Райх плечом к плечу наращивали силы, бросая друг на друга косые взгляды.

— Герр Штальберг, выходит, вы не оставили затею с Империей? — спросила Эльза вскоре после похорон барона, — Помню, вы говорили, что никакие абстракции вроде установления священного строя вас не трогают.

— Это так, — подтвердил Отто, — Но этого хотел барон. Его замысел и месть за него — все, что меня интересует.

Он не посвящал Эльзу в дела больше, чем требовалось, — но держать ее в неведении он не мог. Теперь она занималась научными разработками при инженерно-технической службе отряда «Бальмунг», которую возглавлял Отто. Сам он официально стал заместителем фон Шоненвельдта, командующего отрядом после смерти барона фон Лейденбергера.

Разумеется, деятельность Отто была обширнее и богаче, чем предполагала его должность. Он всегда исповедовал принцип: если хочешь, чтобы что-то было сделано хорошо — делай это сам.

Именно благодаря ему австрийские государственные институты начали, наконец, работать прилично и прекратили напоминать дырявое решето, сквозь которое в них внедрялись агенты всех окрестных государств. Вернее говоря, они продолжали внедряться, — но только с ведома герра Штальберга. Он окружил канцлера толковыми людьми, твердо решив не дать тому разделить судьбу Дольфуса. За исключением нескольких шпионов, эти люди, так или иначе, зависели от него. Некоторые носили на руках браслеты, как у Вальтера.

Особенный же упор Отто сделал на армию, полицию и разведку. Он, фактически, организовал разведслужбу при австрийском Генштабе, — Отдел информации под началом полковника Беме. Основными его целями были поляки, немцы и французы, — из-за барона; он пытался распутать сложную шпионскую комбинацию, в которую они были ввязаны. Но теперь, когда Отто был озадачен государственными заботами, приходилось обращать внимание не только на них.

Почти каждый вечер он и Эльза встречались либо у него в кабинете, либо в ее гостиной, чтобы держать друг друга в курсе дела, — пусть и с некоторыми умолчаниями. Они были полезны друг другу, — и, к тому же, оба пока не нарушили договор, который нарушил Вальтер.

— Удалось выяснить кое-что про Эберта, — говорил ей Отто в один из весенних вечеров 37-го года, — Он состоит в диверсионном отряде Абвера. После нашего столкновения он вернулся в Германию. Правда, ему там не сидится. Время от времени он является к нам. Ловит тех, кто пользуется нашим «специальным» оружием. Потрошит их на

все лады. Не только их. Тех, кто подвернется под горячую руку — тоже. Вот список жертв, если вам интересно.

Он положил перед Эльзой два листа, набранных мелким шрифтом. Она пробежала их глазами: примерно в четверти случаев стояло: «опознать не удалось», и шесть раз встретилось: «неустановленное лицо восточной нации».

Тибетцы, догадалась она. Судя по всему, отказ Эльзы не убедил их оставить затею с ее «возвращением» в качестве Хранителя. Что ж, в поместье они проникнуть вряд ли смогут, а встречаться с ними она не испытывала больше никакого желания.

— Сегодня он отрезал голову полицейскому. Полковнику Брюгеману. Тому, которому вы ее тогда прострелили, — продолжил Отто.

— И отнес ее в свой диверсионный отряд, должно быть, — кивнула Эльза, — Жаль, что моя аппаратура в ней отказала, а то мы узнали бы много нового... Впрочем, герр Штальберг, нашего полковника и так в скором времени пришлось бы отправить в отставку по болезни. Он, конечно, сделал блестящую карьеру, но всему есть предел. Консерванты помогали все хуже, и спиритическая оболочка пришла в негодность. Собаки выли, кошки шарахались, а люди поспешно уступали ему дорогу... Но скажите, собираетесь ли вы что-то делать с Дэтлефом Эбертом?

— Пока нет. Ограничиваемся стычками. Он является инкогнито. Я знаю, что он из Абвера. Но не хочу, чтобы в Абвере узнали, что я знаю. Думаю, ему запретили усердствовать. Иначе он бы уже явился к поместью, — Отто сделал паузу, — Вчера ночью из Германии вернулась наша секретная разведгруппа. Там были и ваши сотрудники. Их доклад вы наверняка уже получили.

— Этот доклад сводился к длинному списку физических показателей, но кое-что помимо них я все же поняла. Я знаю, что в Германии идут научные работы... хм... нетрадиционные, как и у нас. Знаю, что в основном это связано с профессором Уберманом. Суть его деятельности мои люди и пытались понять, фиксируя «искажение» среды от работы его приборов. Но буду вам признательна, если вы проясните для меня положение самого профессора.

— У него тоже есть поместье и лаборатория. В Берлине. Оно хорошо охраняется. Большой штат сотрудников. Лотта Леманн — там. Его секретарь. Он общается со всеми только через нее. Причина затворничества неизвестна. После нашей встречи в 34-м Убермана официально привлекли к сотрудничеству. Он состоит в исследовательском обществе «Аненербе».

— Что за общество, кстати? И при чем тут чьи-то предки?

— «Наследие предков» — потому что сначала они занимались историей и культурой. Потом решили расширить интересы. Это инициатива СС. Они давно хотели использовать «наследие» практически. Скрестить науку и древние практики...

— Но тут нет ничего особенного, — пожала плечами Эльза, — и нет нужды что-либо скрещивать. Наука и магия — лишь произвольное разделение одного и того же Закона.

— Да. Я бы гораздо больше удивлялся, если бы не вы, — Отто опять помолчал, — Возможно, вооружение Дэтлефа Эберта — плод таких разработок.

Эльза лишь кивнула. Формально так и было: подобные «разработки», судя по всему, действительно были сродни «вооружению» Колесничего. И происхождение имели то же.

— СС намерены включить «Аненербе» в свой состав, — продолжал Отто, — Если те хорошо покажут себя... После боя 25 июня они не слишком утратили позиции.

— Несмотря на провал присоединения Австрии?

— Да. Когда мы предъявили ультиматум, они сделали ответный ход. Обвинили Эберта и Абвер. В том, что те превысили полномочия, уничтожив их группу.

— Умеют сделать из лимона лимонад, что и сказать.

— Фройляйн, так что за работы они ведут? Каковы ваши выводы?

Эльза начала неторопливо, формулируя свои мысли так, чтобы не упоминать ни Контрактов, ни демонов.

— Похоже, профессор Уберман нашел способ использовать энергию Кристаллов. Насколько я могу судить, его основное направление — психотропное оружие и передача мыслей на расстоянии. Та пушка, которую вы видели 25 июня, — «Машина Лояльности», — имеется у него в единственном экземпляре.

Сейчас лаборатория герра Убермана занимается новым проектом: «Машины Пропаганды». Видимо, их собираются использовать, чтобы все-таки осуществить аншлюс...

— Дьявол бы их взял, — ругнулся Отто.

— ...Это мощные излучатели, расположенные в закрытых фургонах и подключенные к громкоговорителям. Придают убедительности любым речам, причем радиус действия пропорционален количеству людей, попавших под облучение, — Эльза поглядела на гаснущий за окнами башни красный закатный свет, — Пока это все. Других разработок мы не выявили. Могу добавить, что мы сталкивались только с «Машинами Пропаганды»; они заставляют наши приборы работать с помехами, но не выводят их из строя, как оружие Дэтлефа Эберта.

...Если Эльза была права, то это могло означать, что управляющий этими машинами — не Колесничий. Вероятно, они был всего лишь Контрактером кого-то из Колесничих, — «производной второго порядка», так сказать.

— Ну а Эберт?

— Да, то, чем он пользуется, сродни разработкам профессора Убермана. Он тоже использует энергию Кристаллов. Правда, у него это имеет не столь научный внешний вид. Энергию он добывает с помощью жертвоприношений... Это не то же самое, что полностью «сжечь» чей-то Кристалл, но на следующий виток реинкарнации человек уходит с ущербом. Так вот: помните те трупы на деревьях, пронзенные штырями, о которых вы мне рассказывали? Как я поняла, этот способ он любит. Впрочем, у него есть и другие: «специальный» нож, или жертвенные круги на земле, начерченные кровью... Он рунистер: пользуется рунами, древними письменными и магическими знаками скандинавов. Видимо, помешан на героях и богах. Все его способности делятся на контактные и бесконтактные; последние называются «Великие Заклятия Хавамал», и питаются его собственным Кристаллом. Похоже, именно таким он себя исцелил, когда вы выпустили ему очередь в спину.

— По-моему, — неуверенно проговорил Отто, — это больше похоже на магию, чем остальная наука...

— О, всего лишь вопрос антуража, — заверила его Эльза.

* * *

Наступил год 1938-й. Противостояние входило в решающую фазу: силы примерно

сравнились. Третий Райх оцетинился многочисленными спецслужбами и оружием своей обновленной армии; Австрия же действовала куда менее открыто. Отто Штальберг вообще не слишком любил афишировать свои ходы.

С австрийской стороны ситуация была подготовлена. Армия, отлично вооруженная, ждала только приказа. Канцлер Шушниг по закрытым каналам переговорил с Италией, заручившись ее поддержкой. Тут, правда, стоило добавить: в случае успеха Австрии, и при соблюдении итальянских интересов. Австрия же должна была денонсировать связавший ее со времен Версаля Сен-Жерменский договор и начать собирать свои старые владения, — кроме некоторых, которые отойдут к Италии. Первой присоединенной страной будет Германия. Если действовать достаточно быстро и ограничиться только своими прежними землями, это не встретит серьезного противодействия стран — союзников из бывшей Антанты, — так считали и Отто, и фон Шоненвельдт, и канцлер. Они будут поставлены перед фактом реставрации Империи — и должны будут его принять. В противном случае их ждет война, которая никому не обойдется дешево...

Эльза тоже готовилась. Теперь ее лаборатория занимала не только подвал башни, но и примыкавшее к ней крыло поместья; там трудились ее сотрудники, собиравшие опытные образцы. Но, в отличие от Отто, она не слишком хотела, чтобы Австрия напала на Германию первой: для ее собственных планов было лучше, чтобы действие происходило поближе к ее поместью, где ее Контракт работал с максимальной мощностью. Там наверняка будет Колесничий, думала Эльза, — а он — ключ к победе над демоницей, путающей ей все карты.

Впрочем, ей оставалось только ждать развития событий, — и совершенно неожиданно они развернулись благоприятно для нее.

* * *

На очередном вечернем совещании в своем кабинете Отто сообщил:

— Нас немного обошли, фройляйн. Канцлер Шушниг сдал немцам неплохой козырь. Проявил излишнюю самостоятельность. Я все больше думаю: жаль, что мы не надели ему браслет... Так вот: у него было досье на канцлера Германии. На Гитлера. Его собрала наша полиция. Не без моей помощи...

— То есть, не гнушаясь фальсификациями?

— Главное — эффект. Было и другое досье. Его собрал последний веймарский канцлер, Шлейхер. Оба хранились у Шушнига в сейфе. Казалось, он понимает важность... Но немецкие агенты убедили его, что оружие Райха сильнее нашего. Заверили его, что наша инженерная служба переоценивает свои силы. Что мы ставим Австрию под удар. Сказали, он должен принять дополнительные меры. И он решил запугать Гитлера. Передал ему, что обнарудует досье...

Своим «специальным» зрением Эльза ясно прочла несколько крепких ругательств у Отто в голове. Однако он сдержался:

— ...Шушниг отправил ему копии. Ответ не заставил себя ждать. Ему пригрозили, что убьют его жену, если он не успокоится. СД... это одна из их спецслужб... и посол Третьего Райха развернули охоту за бумагами. А потом жена канцлера погибла. Автокатастрофа. Случайность. Никто не подстраивал. Но списали на недосмотр нашей охраны. Моих людей оттерли от дел. Бумаги — у немцев. Страну сотрясают теракты. Постоянные стычки «за» и

«против» аншлюса. Вермахт... то есть, германская армия... уже приводится в боевую готовность. Через сутки-двое они будут у австрийской границы.

Эльза улыбнулась уголками губ и ответила невозмутимо:

— Что ж, герр Штальберг, браслетов на всех не напасешься. Из этого следует, что на тех, кто их не носит, не стоит делать ставку. Нам нужен план, не строящийся на чужих дипломатических способностях.

Естественно, Отто заметил камень в свой огород, — как и то, что, похоже, придется уступить ей следующий ход.

— И у вас есть такой план? — спросил он с такой же невозмутимостью.

— Пожалуй, да. Мы позволим Германии напасть...

— Что?!

— Дослушайте, прошу. Наверняка они будут использовать «Машины Пропаганды», если уж они их построили. Немцы выдвинут армию к нашим границам, но вторжение не начнется раньше, чем они убедятся: мы не дадим им отпора. Нет, сначала здесь появятся их агитаторы: думаю, «Машины» направятся в расположение армейских частей и в крупные города. Вряд ли у них будет сильная охрана: ведь если они сработают, она не понадобится, а если нет — она не поможет. Как только они прибудут — настанет время действовать и нам. Мы обнаружим их и захватим.

— Каким образом?

— Видите ли, я заранее проработала возможность защиты от психотропного оружия. Уже собрана пробная партия шлемов, блокирующих любое внешнее воздействие на носителя...

— Разновидность замкнутой системы? Как в «Третьем глазе»?

— Верно. Человек в таком защитном шлеме становится отрезан от внешнего мира. Мы снабдим ими наших людей, и они сохранят трезвый рассудок. Мы сделали и для армии столько, сколько успели... Разоружим нападающих, а в идеале — обратим их оружие против них же. Занятно будет посмотреть, как Вермахт возьмет Берлин.

Отто оставалось только проглотить все это, как и очередные несколько ругательств, но он не мог не отдать ей должное: апломб у нее был, как у всей Германии, вместе взятой. Ему это не нравилось, и не нравилось сильно. Особенно не нравилось ему то, что она не носила браслета... Худшими из людей Отто Штальберг считал тех, кто способен вести свою собственную игру и кто не был ему при этом подконтролен.

А Эльза думала о моменте, когда в ее игру вступит Колесничий. Для нее это будет решающий момент. То, что он зависел от жертвоприношений, было плюсом: если у него не будет возможности их совершать, он «сгорит», как любой Контрактер. И когда это случится, Колесница явится, чтобы забрать его Кристалл. Обычно она странствует по нижним мирам, но это условие, которое демоны не могут обойти: она появится в грубой земной реальности — и предстанет перед Эльзой, которая не упустит этот момент.

И тогда Эльза назовет ее имя. Бальжинима. Главное — успеть...

Возможно, в этом помогут четки, которые она забрала у зарезанного Колесничим тибетца там, в лавке переплетчика. Они лишились примерно третьей части бусин, — но их еще оставалось достаточно.

...В который раз образ, — вернее, общее ощущение присутствия Колесничего непроизвольно всплыло в ее памяти. Это начинало настораживать. Тревожащие слова тибетца о том, что Контрактеры Колесницы и ее демона обречены на большие страсти, тут

же вспыхнули следом.

Эльза, сосредоточившись, резко отсекала своей волей и то, и другое. С ней такие фокусы не пройдут.

* * *

Поздней ночью того же календарного числа, — вернее даже, ранним утром следующего, — в Берлине, в одном из зданий, занятых Центральным аппаратом СС, светилась примерно половина окон. Подготовка операции по присоединению Австрии приближалась к окончанию, и приходилось жертвовать сном ради блага партии и государства.

На верхнем этаже оберштурмфюрер СС Клаус Кернер разбирал бумаги и глотал кофе, силясь разлепить глаза, когда в дверь постучал секретарь:

— Срочная почта, герр оберштурмфюрер.

— От кого?

— Анонимная. Установить не удалось.

— Ладно, оставьте там, на столе...

Провозившись еще минут пятнадцать и поставив последнюю подпись, Кернер уже хотел, наконец, отправиться домой, как вспомнил о проклятой посылке. Он пробормотал ругательство, взял пакет, сорвал упаковку и обнаружил два конверта.

В первом было письмо, написанное острым, резким почерком.

«Мне стало известно, что руководство СС делает ставку на профессора Ганса Убермана, — читал Кернер, — Полагаю, оно поступает опрометчиво. Уберман — угроза для Третьего Райха. У вас нет средств контролировать его. У вас нет уверенности, что вы еще не под контролем его машин. Я могу предложить вам такое средство. Это — разработки баронессы Эльзы фон Лейденбергер. Они позволяют отслеживать любые влияния на людей. У ее устройств есть также другие возможности. Они могут быть вам полезны.

Я понимаю, что борьба Австрии проиграна. Но баронесса и отряд «Бальмунг» собираются стоять до конца. Я докажу свою лояльность Райху. Я найду способ выманить ее из поместья и взять в плен. Взамен я желаю получить членство в СС. Также я претендую на место в научной группе, которая займется разработками фройляйн фон Лейденбергер.

В случае моей неудачи вы ничего не теряете. Я не рассчитываю на авансы.

Отто Штальберг, главный инженер инженерно-технической службы отряда «Бальмунг», заместитель командующего отрядом. 10 марта 1938 года.»

Сон как рукой сняло. Кернер быстро вскрыл второй конверт, — и глаза у него едва не полезли на лоб, а лицо покрылось красными пятнами.

Там была копия досье, содержавшего его собственную биографию и генеалогические выписки на членов его семьи до десятого колена — все то, что Кернер, как он думал, надежно изъясил из всех архивов. А еще там была короткая записка, написанная тем же острым почерком:

«Насколько я знаю, быть евреем у вас считается плохо. Не советую делать резких движений, герр Кернер».

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ, в которой Эльза становится пленницей, а Австрия — частью Германии

Атмосфера раскалилась до предела. 11 марта канцлер Шушниг ушел в отставку под явным немецким давлением. Народное голосование, назначенное по вопросу о присоединении к Германии, было отменено. Новым канцлером Австрии стал Артур Зейсс-Инкварт, национал-социалист.

Италия молча наблюдала. Те, кто рассчитывал на ее помощь, знали: она вступит в борьбу только тогда, когда Австрия добьется перевеса сил. Итальянцы крайне не хотели бы остаться один на один с резко усилившимся Берлином в противном случае...

13 марта Вермахт должен был пересечь австрийскую границу. А двенадцатого случилось то, что и предсказывала Эльза.

В городе появились агитаторы сторонников присоединения. Они были в фургонах с громкоговорителями, украшенных транспарантами и цветами. Десятки таких машин разъехались по стране, бестрепетно направившись в расположение австрийских военных частей. Громкоговорители убеждали войска не оказывать сопротивления, присоединиться, содействовать Германии. И войска послушно сложили оружие... или, по крайней мере, уверили в этом агитаторов.

Эльза теперь умела вычислять структуру мира дальше и подробнее, чем до опытов с «Катапультой». Она видела, как искажаются законы физики на всей территории, охваченной излучением «Машин Пропаганды». Ее приборы тихо потрескивали, а у нее болела голова, — но все же это было куда лучше, чем ужас прикосновения Колесницы.

...В Вене толпы высыпали на улицы — нарядные мужчины, женщины с букетами. «Машины Пропаганды» разъезжали по городу, и цветы буквально усыпали их путь. Только люди из отряда «Бальмунг», надев защитные шлемы, скептически взирали среди восторженных горожан на народную радость и нисколько ее не разделяли. Они последовали всюду, куда отправились эти Машины. Они ждали приказа командующего. А тот, в свою очередь, ожидал веского слова своего заместителя.

Через несколько часов всеобщего ликования, когда все машины достигли пунктов назначения, солдаты «Бальмунга» смели их жидкую охрану, скрутили пропагандистов и уселись на их место, следуя указаниям Отто. Они были людьми старой закалки и ценили свободу человеческой воли, — но тут и им было ясно, что зловерное влияние следует выправить.

Через некоторое время над толпой раздались крики:

— Наша цель — Священная Империя!

— Верно!

— Austria Erat In Orbi Ultima!

— Германия будет с нами!

...Телефон в кабинете канцлера раскалился. Кажется, никто больше не считался с ним: все его приказы игнорировались! Послушные неведомой ему воле, австрийские войска покинули места дислокации и грузно двинулись к границе, через которую планировал войти немецкий Вермахт.

— Вы говорили о чрезвычайных мерах! — кричал в трубку Зейсс-Инкварт, — Если они у вас есть, самое время их применить!

* * *

... В штаб-квартире отряда ZZ, специального подразделения Абвера для захвата архивов Отдела информации австрийского Генштаба, в это время маялся от безделья Дэтлеф Эберт. Его, рунистера и воина, направили захватывать какие-то бумажки! Да, командир обещал, что выпадет случай проявить доблесть, — но в это верилось чем дальше, тем меньше. Ведь основную часть операции поручили СС! А это значило, что вместо битвы во славу богов сейчас происходило катание на разукрашенных машинах и пустословие на потеху толпе.

Дэтлеф понять этого не мог. Он сидел, сложив ноги на стол, и развлекался бросанием ритуального кинжала. Оружие Контракта вонзалось в стену едва ли не по рукоять, но тут же возникало вновь в руке Контрактера. Его нельзя было ни сломать, ни потерять.

Эрвин Фон Лахузен, командир отряда, уже исчерпал аргументы, почему не нужно так развлекаться, и молча мерил шагами кабинет. Он как раз недавно приказал сменить в нем обивку. Но он делал скидку на неисправимые особенности характера своих людей, польза от которых перевешивала вред.

... Телефон зазвонил. Фон Лахузен снял трубку, выслушал краткое сообщение, коротко ответил: слушаюсь, и повернулся к Дэтлефу. Приказ касался именно его.

Ему предстояло устранить источник помех для Германии: захватить штаб-квартиру «Бальмунга», а в первую очередь — обездвижить их инженерную службу и научно-экспериментальный отдел.

— Так и знал я, что презренные СС вновь опозорятся! — возвестил Дэтлеф, выслушав командира, — Справедливо было бы заставить их захватывать бумажки, пока мы свершим то, что сами они свершить похвалялись! Но справятся ли они и с этим?

— Сержант Эберт, не время сводить счеты с СС! Сейчас мы занимаемся одним делом. Отправляйтесь. Вам выделяется отряд, приписанный к резервной машине «Аненербе». Приказываю работать с ними совместно.

Дэтлеф ухмыльнулся и поднялся. В руках у него был какой-то сверток.

— Это еще что? Ну и запах...

— Трофей, — заявил Колесничий.

— Ладно, ступайте, только не вздумайте своевольничать. И, кстати... не могли бы вы прибрать свои художества?

— Как скажешь, командир, — ответил Колесничий, — Хотя, по разумению моему, недостойны мужа сии заботы.

Он располосовал руку и кровью написал на стене несколько рун. Дырки в стене затянулись. Руны остались.

«Придется повесить картину», — подумал фон Лахузен.

* * *

В старой части Вены, недалеко от моста через Дунай, в гараже стояла резервная

«Машина Пропagанды», которую до сих пор держали исключенной.

Двое сотрудников профессора Убермана встревожено склонились над чем-то, напомиавшим радиоточку.

— Что, работают? До сих пор?

— Не знаю... не разберу. Ими управляют наши враги.

— Проклятие... Потратят всю энергию...

— Запас еще есть. Мы должны были продержаться до подхода армии...

Третий — старший лаборант Мартин Фогель, который и построил эти Машины — стоял, прислонившись к стене и безучастно глядя в никуда. Сегодня он был какой-то странный, заметили его коллеги. Впрочем, может быть, просто устал за последние дни?..

В ворота гаража раздалось несколько крепких ударов, и зычный голос крикнул:

— Явился я, дабы убогость вашу вновь узреть! Открывайте!

Пока профессорские сотрудники пытались сообразить, кто это мог явиться в секретный гараж, ворота от очередного удара распахнулись. Длинная, сутулая и тощая фигура показалась в проеме. О, нет! — подумали оба, догадавшись, с кем имеют дело...

— Шарфюрер... эээ... сержант Эберт... Здра...

— Труды я свои оставил, ибо приказано мне увенчать победой ваше бесславное начинание, — а вы не в силах даже врата отворить!.. Заводите свою машину, да не путайтесь под ногами. Ваше дело — собрать людишек, дабы мог принести богам я жертву. Остальное свершу я сам!

— А... что говорить-то?

— Тьфу, — сплюнул Дэтлеф, — Воистину я забыл, с кем имею дело. Пусти, — он оттолкнул одного из сотрудников, взявшего было громкоговоритель, — И вперед отправляйся не медля!

Второй из людей профессора схватил за рукав пребывавшего в прострации Фогеля и втянул его в фургон. Машина покинула гараж, двинувшись на людную площадь.

Там Колесничий встал на платформе во весь рост, одной рукой сжав громкоговоритель, а другой — развернув свой сверток, и поднял за остатки волос голову полковника Конрада Брюгемана. Голова сильно сгнила, однако продолжала пытаться моргать, говорить и шевелить облезлыми мимическими мышцами. Толпа шарахнулась, но далеко отбежать не успела. Дэтлеф торжественно возгласил:

— Эй, жители славного города! Меня вы помнить должны! Множество раз сходил я в бою с прислужниками презренного Оттона на ваших улицах, — но сами вы до сих пор не возвышали против него свои голоса! Неужто промолчите и на сей раз?! Узрите же! — потряс он отрезанной головой, — Вот творение рук этого Оттона! Вот каким образом он хранит благоденствие Вены! Поднимает мертвых! Он мерзкий колдун! Что, будете и дальше ходить под его защитой? Раньше вы не так себя вели, — вы, называющие себя христианами! Неужто вы настолько заплыли жиром?! Неужто не знаете больше, как взяться за вилы? Неужто не в силах зажечь вы факелы, дабы явиться под стены его крепости и покарать чернокнижника?! Неужто ваши святоши умоют руки?

Толпа взорвалась ревом. Люди кинулись выворачивать из мостовой камни и выламывать палки из деревьев. Кто-то выстрелил вверх. Машина двинулась вперед, сопровождаемая возбужденным гудением двух с лишним сотен людей, которые все ускоряли шаг. То и дело все новые участники присоединялись к процессии, появляясь из переулков и дверей домов.

Дэтлеф вручил громкоговоритель тому, у кого его отнял, велел ему:

— Повторяй, что я молвил, раз боги обделили тебя красноречием, — и спрыгнул с машины. Затем он подобрал брошенную кем-то палку, всадил ее в капот и нанизал сверху голову.

Он бы охотно принес жертву прямо здесь, но фон Лахузен ему строго-настрого это запретил. Слишком много зевак! Лучше будет все списать на «Бальмунг», решил его командир. Поэтому Колесничий, ссутулившись, шагал рядом с Машиной, затерявшись в толпе.

Они двигались к поместью Лейденбергер.

* * *

Когда разгневанные горожане явились под стены «колдовской цитадели», людское скопище заполнило и мощеную подъездную площадь перед центральным входом, и дорогу, что вела к поместью от шоссе, и само шоссе, куда хватало глаз. Но никто из «Бальмунга» даже не удостоил их ответом, тем более — выстрелом. Да и дело ли было старым солдатам Императора стрелять в безоружных суеверных дураков? Тем более, что у толпы, явившейся к поместью, не было ни шанса взять его штурмом. Это действительно была почти крепость.

Но вовсе не это от нее требовалось! Колесничий шел среди людей, неся на отлете разрезанную руку. Он замыкал вокруг группы беснующихся горожан кровавое кольцо, чтобы принести их в жертву и получить силу для боевых заклятий.

Со стен заметили его.

— Где их Машина? — спросил Отто, быстро поднимаясь по внутренней лестнице на верх стены.

— Вернулась в город, — отвечала Эльза, еле поспевая за ним и слясь отдышаться; она сейчас видела не так далеко, как с «Катапульта», но полностью окинуть взглядом Вену могла, — Пересекла мост только что... Ей не нужно быть здесь: толпа тянется оттуда и до нас...

— Прием!! — Отто включил передатчик, — Внимание всем в городе! Враг у моста! Найти и уничтожить! Затем — двигаться к поместью!

Они приблизились к фон Шоненвельдту.

— Герр командующий. Разрешите обратиться, — начал Отто, — Это необычный противник. Он использует неизученное оружие. Оно питается человеческими жизнями. Смотрите, он чертит круг. Если закончит его — получит силу. Прикажите стрелять туда сейчас. Он убьет их все равно...

— Чтоооо, Штальберг?! — воскликнул старый дворянин, — Что вы изволили сказать сейчас?! Там люди! Это живые люди!

— Уже нет, — бесцветно сказал Отто.

Люди в жертвенном круге упали замертво.

— Видели? — крикнул Колесничий уже без громкоговорителя, — Колдун и через стены дотянулся до вас!

Толпа заголосила и заорала:

— Смерть! Смерть!

— Господи, порази его небесным громом!

Гром не заставил себя ожидать. Правда, Бог тут был ни при чем: Колесничий окропил кровью руны на руке, поднял горстку камешков и бросил в стену. Стена с грохотом обвалилась на ширине метра в три. Толпа пришла в восторг:

— Господь с нами!!!

Дэтлеф ухмылялся. Сам он, ясное дело, верил совсем в иных богов, и его забавляло то, какая от христианства порой бывает польза. Вошедшие в раж «борцы с колдовством» ринулись было в брешь, — но тут их все-таки настигла пулеметная очередь со стены.

— Да что с ними творится?! — по щекам пулеметчика текли слезы, — Они же без оружия!

— Где этот дьявол?! — гневно рявкнул командующий; он нашел глазами Колесничего, — Снайперы! Пристрелить его!

Ударили выстрелы, но, разумеется, они не причинили рунистеру никакого вреда. Над ним вспыхнуло бледное очертание Турисаз — руны щита.

— Не может такого быть, — произнес кто-то убежденно, — Не может!

Отто тем временем встал за пулемет и хладнокровно выпустил очередь в бегущих к пролому горожан, прицелившись повыше:

— Их лучше останавливать на подходе.

...Толпа, наконец, отхлынула, ропща. Пули продолжали методично бить в землю. В отряде поднялась беготня: кто тащил мешки, чтобы заделать брешь, кто — орудия.

Но Эльза понимала, что никакие пули не остановили бы людей, которых гонит вперед невидимый луч Машины. Нет, дело было в чем-то другом...

Она прошила взглядом пространство до самой Вены: Машины у моста больше не было. Там были только люди «Бальмунга», — а Машина стремительно удалялась, унося с собой два трупа и третьего, который их застрелил... О, черт! Это был сам Контрактер «Машин Пропанды»! Он все кричал и кричал что-то в громкоговоритель, пока его Кристалл не разнесло взрывом...

Теперь он мог заключить свой первый Контракт, а Профессор — целых два новых.

Колесничий же вновь шел с рукой на отлете; он решил покончить с делом быстрее, и на сей раз обводил кровавой линией примерно семь десятков человек.

Пора, поняла Эльза. Она шагнула вперед.

— Герр Шоненвельдт, достаточно! В отряде объявляется чрезвычайное положение! Ввиду непонимания вами происходящего вы отстраняетесь от командования. Управление отрядом переходит к инженерной службе, которая поддерживала до сих пор порядок в стране. Герр Штальберг! Действуйте, во имя Империи! Уничтожить собравшихся!

Внезапно люди «Бальмунга», что стояли вокруг командующего, быстро направили на него оружие; от неожиданности тот даже не успел ничего сказать. Не подпуская остальных, они расчехлили мощные стационарные гиперболоиды, что стояли у каждой амбразуры, и навели на людское море под стенами.

Командир второго батальона выхватил гиперболоид, навел на Отто:

— Отойдите от командующего, Штальберг!

— Остыньте, — бросил Отто, — И все посмотрите на свои руки. Я недавно раздал вам эти браслеты вместе со шлемами. Пришло время открыть: они вовсе не для работы шлемов. Это реглеры. Кто не будет слушаться — костей не соберет.

— Во имя...! — начал командир второго батальона, нажимая курок...

Взрыв отбросил его искореженное тело к каменному борту стены.

— Примерно так, — резюмировал Отто.

Отряд потрясенно замолк, но тут же раздались гневные крики:

— Бастард! Бесчестный выродок!

— Лучше смерть, чем это!

Раздался выстрел, за ним еще один; двое упали, все еще сжимая пистолеты. Один выстрелил себе в голову, другой — в сердце.

— Видимо, это те, кому смерть лучше, — кивнул Отто, — Да, это второй выход.

Десятки глаз горели в ответ ему страшной ненавистью, но больше желающих возразить не нашлось.

...Это часть гекатомбы, думала Эльза. Взгляд ее скользил по искаженным злобой лицам.

И тут... она увидела лицо, смотревшее прямо на нее. Лицо с совсем другим выражением.

Тадеуш, ее друг, которого так и не смог поймать Отто, стоял среди всех этих людей, предназначенных в жертву! Талисман — кристалл, тот самый, что он когда-то зашвырнул в реку, горел у него на шее...

У Эльзы подсклились колени, и она ухватилась за бетонный край.

* * *

Это все меняло. Мысли бешено понеслись в ее голове.

Тадеуша она спасет любой ценой. Любой!

Да, она разделается с Колесничим иначе. Она лишит его возможности принести жертву другим способом, пусть и менее надежным. Надо просто разогнать толпу! Теперь, когда Машина не действовала, их можно было... ну, хотя бы напугать.

Но люди были взвинчены до предела. Эльза напряженно пыталась сообразить, где взять достаточно сильное средство...

И тут ее осенило. Если Тадеуш вернулся — значит, он все же признал, что он — ее друг! Иначе бы он не пришел. Но он нашел в себе силу преодолеть их разрыв. И это означало, что их обмен талисманами, наконец, состоялся. А из этого следовало, что тот, который она до сих пор носит — теперь действительно ее собственный! Да! Предмет ее Контракта — у нее в руках!

Она отстегнула амулет с цепочки и зажала в кулаке.

На нее накатило безудержное счастье. Она собственными глазами видела чудо! Чудо, не порожденное ни одной причиной! Сейчас по линии взгляда, соединившего их глаза, механическая структура Закона рухнула. И в ней самой случилось то же самое: что-то живое вновь заняло место механизма, потеснив его. Чудо дружбы разомкнуло замкнутую систему ее Проклятия. Оно смогло даже чуть-чуть залечить ее Кристалл, — как бальзам, пролитый на рану.

Что бы она ни совершила до сих пор, — это сейчас не имело значения! Он ее друг, потому что друг!

...Отто поднял руку, чтобы отдать команду. Но Эльза, улыбаясь, подошла вплотную, тихо сказала:

— Я ЖЕЛАЮ, ЧТОБЫ ВЫ НЕ СТРЕЛЯЛИ В НИХ И НЕ ПЫТАЛИСЬ М

ОСТАНОВИТЬ! — и прижала к его руке медальон.

В груди рвануло, под ногами на пару секунд будто образовалась пустота. Такое знакомое ощущение. Это треснул Кристалл, оплачивая работу Контракта.

Отто как-то механически опустил руку:

— Слушаюсь, фройляйн, — и приказал: Не стрелять в толпу!

— В остальном придерживайтесь плана, — сказала она, — Будьте готовы прикрыть меня. Как только люди разбегутся — весь огонь сосредоточьте на Эберте.

И она стремглав бросилась бежать по стене — туда, где кладка обвалилась. У самого края она приложила медальон к собственной груди и произнесла:

— ЖЕЛАЮ, ЧТОБЫ НОСЯЩИЙ МОЙ МЕДАЛЬОН БЫЛ НЕУЯЗВИМ ДЛЯ ЛЮБ ОРУЖИЯ, ВКЛЮЧАЯ ПСИХОТРОПНОЕ!

Теперь у нее тоже была «магическая защита»! Напрягаясь изо всех сил, она вырвала из крепления на стене знамя рода Лейденбергеров, а затем спрыгнула вниз, на каменную осыпь.

— Фройляйн! Куда?! — закричали ей со стен.

Она не обращала внимания. Там, рядом с вывороченными камнями кладки, лежали мертвые тела тех, кого навеки остановил пулеметчик. Эльза сжала медальон:

— ЖЕЛАЮ, ЧТОБЫ МЕРТВЫЕ ВСТАЛИ И ВЫПОЛНЯЛИ МОИ ПРИКА СТРОЙСЯ!

Пробежав среди мертвецов, она коснулась их медальоном по очереди. Своим измененным зрением она видела: с ними произошло то же самое, что они с Отто и Вальтером проделали однажды с убитым полицейским, заставив его ходить и двигаться. Единственная разница состояла в том, что сейчас все обошлось без помощи приборов. Их спиритические оболочки вернулись к телам, которым прежде принадлежали, — и теперь ими можно было управлять.

Ничего невероятного для Эльзы в этом не было, — чего не скажешь о венских обывателях! Жуткая шеренга поднялась, и переднему Эльза вручила знамя. Разбитое пулями его лицо слепо глядело вперед.

Сверху долетел сорванный голос фон Шоненвельдта:

— Баронесса, я знал вашего деда!.. И я рад, что он умер, не увидев этого дня!..

Однако Эльзу сейчас больше волновало другое... Маленькое, слишком маленькое вышло у нее войско! Шестнадцать трупов — против толпы в несколько сотен человек. На них даже никто до сих пор не обратил внимания в общей сутолоке. Но метрах в семидесяти от стены лежали те, кого скосила очередь Отто. Этим было десятка три.

Опасно было отходить от поместья, — но и делать было нечего. Убедившись, что Колесничий увлечен своим кругом, она скомандовала:

— Прокладывайте путь в сторону убитых!

Процессия под знаменем двинулась, куда было приказано, загребая перебитыми ногами.

Эльза справилась быстро. Еще тридцать два жутких солдата примкнули к ее «отряду». Передние ряды горожан застыли с нелепо раскрытыми ртами, — заметив происходящее, наконец.

«Чертов балаган, — выругалась про себя Эльза, цепляя медальон на шею, — Чертовы базарные фокусы...»

— Эй, вы!! — заорала она, надсаживаясь, — Вы немного ошиблись, господа! Ведьма здесь — я!!! Это мне вы бросили вызов! Бегите теперь!!! Или умрете — и присоединитесь к

моему войску!!! — она набрала воздуха в грудь, — Взять их!!!

И все, кто был поднят подобием жизни, бросились на толпу, хватая и валя людей наземь. Поднялся дикий крик; люди не выдержали и кинулись удирать изо всех сил, толкая и топчя упавших....

Пора было возвращаться. Но где же Колесничий?..

Ответом ей был шквал огня и стали, который обрушился вниз со стены поместья, накрывая высокую тощую фигуру. Колесничий опередил ее. Он быстро шагал прямо к поместью, качаясь, как под сильным ветром, и щит над ним мерцал... Он расхохотался, потом резко оборвал смех и запел, модулируя голос:

Знаю третье заклятье, которым возможно

Врага волшебством оковать:

Иступиться заставлю оружие противника,

Не сможет рзить его меч!

«Так... так... Великие Заклятья питаются Кристаллом напрямую, — мысленно шептала Эльза, — Иди сюда... Иди, Бальжинима...» Бусины четок холодили руку в кармане.

Стальной ливень иссяк. Сверху послышались приглушенные ругательства; потом раздалось:

— Что встали?! Резервный взвод, батарею сюда!!!

Но было поздно.

Продолжая хихикать, Дэтлеф окровавленными пальцами нарисовал на стене руны Хагалаз и Райдо, приложил к камням ладонь. Всю стену, что выходила к парадной площади, сотрясла судорога, — а потом она словно взорвалась бурлящей мешаниной осколков и пыли... Выстрелы зазвучали откуда-то из двора.

«Герр Штальберг! Прием! Ответьте!» — безмолвно звала Эльза. Но Отто молчал.

Она вглядывалась в пыльную завесу, быстро отступая от нее прочь — к краю площади, под широкую липовую сень. Неужели Отто умудрился погибнуть? Ведь это только начало! Теперь Колесничий двинется внутрь поместья — и там его встретит все, что инженерная служба приготовила для возможной войны с половиной Европы...

Вдруг ее глаза расширились от удивления и боли: низко летящая пуля «чмокнула» ее прямо в правое плечо... Самая обыкновенная шальная пуля.

Талисман больше не хранил ее! Тадеуш не просто ушел, — нет, он отрекся от нее снова. Отрекся, растоптал свою вернувшуюся дружбу, увидев то, что она проделала! Горло ей сжал спазм.

— Достойного противника ныне я встретил! — вдруг раздалось совсем рядом, и высоченная фигура Колесничего выступила из пыльного облака. Он вовсе не пошел в поместье! — Прочие обождут. Теперь с тобою намерен я биться, поднимающая мертвых! Сзывай же свое воинство!

Эльза выпрямилась, опустил руку и чувствуя, как кровь заливает тело под одеждой. Горе сменилось безнадежностью, потом — яростью, почти веселой. Какая ирония! Встреченное, наконец, чудо привело ее прямо к смерти. Прекрасный план рухнул на пустом месте! Хуже все обернуться не могло, и никто ей теперь не поможет. Особенно — «воинство», поднятое силой ее Контракта. Ну, что ж... баронесса фон Лейденбергер примет гибель, как подобает.

— Воинство мне не нужно, — ответила Эльза хрипло, — Героям полагается биться один на один.

— Ха! Гордая речь. Но вижу, что ты ранена! Окажу уваженье тебе. Сравняем наши

шансы!

И, смеясь, он вдруг вонзил нож себе в плечо:

— Так! И... так! И... — выдернув лезвие во второй раз, он с комичным удивлением себя оглядел, — Ой, я немного увлекся! Опять стало несправедливо! Это надо исправить... Теперь нужно разок воткнуть нож в тебя!!! — и двинулся к ней, весело скалясь.

Эльза почему-то вдруг поняла, что если этот ненормальный до нее доберется, последствия будут намного хуже, чем любая боль. Она с усилием подняла пистолет, безрезультатно выпуская пулю за пулей. Левая рука в кармане сжала четки. Что ж, пусть подойдет... Только бы хватило ловкости... Хотя бы на один удар...

— Я сомневался, — говорил он, с улыбкой приближаясь, — но теперь я уверен. Я тебя узнал, хоть не видел тогда твоего лица! Ты не идешь у меня из головы. Ты умеешь делать по-настоящему больно! Ну-ка...

Неуловимым движением он выбил у нее пистолет и сгреб Эльзу в охапку, пока она вынимала четки. Он перехватил ее руки, заводя их ей за спину, и прижимая ее к себе. Наклонившись к ней, он выдохнул:

— Моя очередь! — и раздавил четки, едва не сломав ей вместе с ними пальцы правой руки.

— АААААААЙ!!! — донесся до нее сквозь черноту ликующий вопль Колесничего.

Ее зубы впились в губу, сдерживая крик. И что-то разом изменилось в ней: вместо того, чтобы бороться, она вдруг поняла, что оказывать сопротивление — невозможно, кощунственно, нелепо, что бы он ни сделал! Надо было просто поддаться... поддаться... Только на самом краю ее рассудка билось что-то, не согласное на гибель: «Нет!!! Нет!!! Нет!!! НЕТ!!!...»

Эльза откинулась назад, почти теряя сознание. Но тут он совершил одну ошибку: выпустил ее правую руку. «Нет!!!» — мысленно выкрикнула она, преодолевая помрачение. Заведя руку себе за спину, она выхватила из своего левого рукава маленький кинжал, всю оставшуюся силу вложив в удар...

Получилось у нее лишь потому, что в такой ситуации Колеснице впервые дали отпор. Оплеуха свалила Эльзу на землю. Колесничий с искренним восхищением разглядывал кинжал, который вытащил из собственного бока. Потом залился безумным смехом, вновь приближаясь:

— Оооо, ты знаешь толк..! С ножиком веселее, да! Я тебе покажу...

В руке его сверкнуло лезвие Оружия Контрата.

«Не встану... - неслось в эльзиной голове, — Больше не встану... Прощай... Тадеуш...»

... Тут в Колесничего ударила длинная очередь. Щит Турисаз полыхнул, отражая пули. В полной черноте погасшего зрения Эльзы голос Отто Штальберга рявкнул:

— Стоять!!!

Отто был не один. По бокам от него стояли еще четверо в форме СС и с оружием.

Колесничий скверно ухмыльнулся, сверкнул глазами:

— Гляжу я, в СС совсем плохо с людьми стало, когда вербуют таких недомерков. Тебя бы с повышением поздравить, коль ты бы и впрямь хоть на ладонь повысился, цвергово отродье! Прочь от моей добычи!

Отто безразлично смерил его взглядом, раскрыл папку с какой-то бумагой, развернул к нему.

— Нет времени препираться. Ознакомьтесь, что это и кем подписано. Дальнейший спор

неуместен. Баронесса фон Лейденбергер отправляется с нами.

Один из эсэсовцев подхватил почти потерявшую сознание Эльзу и понес прочь. Дэтлеф стоял, испепеляя прибывших взглядом. Проводив взглядом Эльзу, он улыбнулся широко:

— До встречи, фройляйн. Уверен, что скорой! Я знаю, ты сама захочешь меня найти!

Отто опустил глаза, нагнулся, поднял из грязи эльзины четки и какую-то рваную тряпку. Четки он намотал на руку, а ткань бережно и медленно сложил и взял под мышку, прижимая к груди:

— Знамя Лейденбергеров... я забираю, как трофеем.

* * *

Эльзу отнесли к машине и перевязали. Голос Отто неподалеку докладывал кому-то, что Италия полностью на стороне Райха, что поместье удалось захватить силами СС, используя потайные ходы, что сопротивление «Бальмунга» жестко подавлено, что Вермахт вошел в столицу, что Третий Райх вернул себе Австрию, как законную территорию....

Ей сковали руки за спиной, Отто лично довел ее до машины и толкнул на сидение. Сам он сел за руль. Эсэсовцы, что были с ним, разместились во второй машине и поехали следом. Они отправлялись в Берлин, в лабораторию профессора Убермана.

— Должно быть, в детстве вы вступали во все кружки, герр Штальберг, — с ядом произнесла Эльза.

— Должно быть, вы мало получили по морде, — чуть дрогнувшим голосом сказал Отто, — Могу добавить. Откройте только рот.

Эльза замолкла. Но тут Отто прорвало:

— Вы намекаете на измену? Не вам о ней говорить! Вы предали барона. Предали Империю. Предали даже наш давний тройной договор... Вы убедили меня в вашем плане. Я сделал на вас ставку. А вы..! Вы все сломали к черту. Вы бездумно покинули поместье. Попались в руки врагу. Врагу, которому вам нельзя было попадаться, — вы это знали. И конечно, он вас победил! И все, что держалось на вашем «Третьем глазе», отказало! Все защитные шлемы, все оружие! И тогда... Райх пустил в ход что-то новое. Какую-то новую убермановскую пушку. И некому было противостоять..! Наши войска прекратили сопротивление. Италия перевернулась к Германии. Шах и мат. Вы в чем-то упрекаете меня после этого? Вступить в «кружок» к СС — единственный шанс продолжить расследование. Я давно забросил к ним крючок. Я бы не задействовал его, если бы не ваш поступок! Но вы его совершили — и других шансов не стало. Ради клятвы я... вместе с ними уничтожил поместье... и «Бальмунг»...отряд барона... Почему вы это сделали? — вдруг обернулся он к ней, — Почему не дали стрелять в толпу? Я вас знаю. Я видел ваши опыты. Не поверю в вашу гуманность. Тут что-то другое... Молчите? И черт с вами. О причинах я дознаюсь иначе. В Берлине уже подготовили комнату для допроса. Вы все скажете, фройляйн. Вы скажете... что вы сделали со мной. Как заставили меня повиноваться. Что еще вы скрываете. И тогда я использую вас по назначению. Вы — деталь «Третьего глаза», не более. Верить можно только тем, кто под контролем. Я обеспечу контроль. Я отомщу за барона.

Эльза молчала.

Автомобили, покинув пределы Австрии, вдруг выкатились на поразительно ровную новую дорогу. Она запрокинула голову. Зрение, наконец, вновь работало. Над ними на

огромной высоте распростерся бетонный орел с прямыми крыльями, венчавший мост, под которым они проезжали.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ, в которой Эльза томится в заключении, но в итоге обретает свободу

Автомобиль ехал по широким берлинским улицам, облитым солнцем. Люди спешили по своим делам; вот прошел молодежный отряд под такт барабана... Вдоль дорог и на множестве зданий реяли огненные флаги: алый фон, белый круг, черная свастика.

Машина затормозила у какого-то здания, — огромного и приземистого, несмотря на многочисленные колоннады и статуи. Один из эсэсовцев отправился доложить об их прибытии. Их ждали: через пять минут из здания стремительно вышел человек в форме оберштурмфюрера СС в сопровождении двоих лейтенантов. Они заняли еще одну машину, — и Отто снова тронул автомобиль вперед.

Минут через двадцать все три машины были у ворот помпезного городского поместья профессора Убермана. Пройдя многочисленную охрану, как пустое место, эсэсовцы и Эльза добрались до профессорской приемной, поражавшей взгляд мрамором, золотом, тяжеловесными резными панелями, картинами, статуями и гобеленами. В углу сидел охранник, который эльзиным зрением воспринимался, как характерная аномалия в причинно-следственной структуре. Колесничий, поняла она. Еще один...

Лота Леманн встала навстречу:

— Ооо, баронесса Эльза! Ах, сколько зим... И вы, господа...

— Нам нужен профессор Уберман, — прервал ее Клаус Кернер. Эльза уже уяснила: формально распоряжается здесь этот лохотный тип, хотя практически — она была уверена — Отто Штальберг. Считалось, что Кернер завербовал Отто и вынудил того сдать СС поместье и Эльзу.

— Профессор сейчас занят, — жеманно произнесла Лота, переключая кнопки на переговорном устройстве, — Впрочем, я могу передать...

— Передайте, — отчеканил Кернер, — что, если он не соизволит уделить нам время, мы подберем ему другого секретаря.

Лотта, скорчив гримаску, вновь переключила кнопки и пересказала профессору услышанное. Охранник в углу закончил полировать ногти, и теперь лениво поднялся из своего кресла.

Но удар попал в цель. Профессор, конечно, не хотел себе другого секретаря. Только Лотте, безгранично ему преданной, он доверял настолько, что даже позволял входить в свой кабинет.

— Расскажите господам из СС то, зачем они пришли, фройляйн Леманн, — проскрежетал из-под потолка механический голос, — У нас нет от них секретов.

Охранник медленно сел...

Эльзу провели в соседнюю комнату, где стоял стол, несколько стульев и кресло хищного медицинского вида; начался перекрестный допрос. Первыми пришлось отвечать Лотте и профессору, — но увы, из их ответов Отто не понял ни слова, не говоря уж о Кернере. Тот, наконец, сдался:

— Новобранец Штальберг, вы — куратор разработок баронессы фон Лейденбергер. Прошу вас продолжить...

Отто выступил вперед:

— Да. Только нужно отключить ее от «Третьего глаза»... от ее установки. Иначе она будет сопротивляться.

Эльзу усадили в кресло, пристегнули наручниками к подлокотникам и ножкам. Она, конечно, не унилась до того, чтобы извиваться и изрыгать проклятия; к тому же, ясно было, что тут это бесполезно. Отто зашел за спинку кресла, снял с нее парик, ловко нажал что-то на черепе и сместил пластину, что закрывала электрическое нутро ее головы, — все то, за долгий десяток лет вживил в ее мозг Вальтер Дитце. Он уверенно отключил пять контактов, отвечавших за связь с установкой:

— Готово.

— Взгляните сюда, баронесса, — с улыбочкой молвила Лотта, — Видите? А вы говорили, что из моих идей ничего не выйдет...

Один из подчиненных Кернера поднял эльзину голову за подбородок. Впрочем, в этом не было нужды: луч Машины Внушения действовал, если даже и вовсе закрыть глаза. Лотта Леманн сняла с плеча что-то вроде пушки, направляя Эльзе в переносицу...

Рраз — и весь мир неуловимо сместился, вместе со всеми «можно» и «нельзя». Яростное внутреннее сопротивление Эльзы длилось с полминуты — но Машина была сильнее. От эльзиной воли больше ничего не зависело.

— Что вы хотите знать? — чужим, покорным голосом проговорила баронесса фон Лейденбергер.

— Все, что вы специально скрыли, фройляйн. И первое: кто вы?

— Я — Контрактер.

— Что такое Контракт?

— Это любое соглашение с демоном, которое меняет физику мира с помощью демонов...

* * *

Допрос длился больше двух часов, но Отто должен был выяснить все до конца. Помимо ее собственных секретов, Эльза поясняла и то, что говорили Лота с профессором.

— ...Значит, профессор теперь... демон?

— Да.

— Повторите еще раз, кто состоит в Пирамиде Колесницы.

— Дэтлеф Эберт... Профессор... Вон тот охранник... Еще кто-то, кого я не знаю...

— Фройляйн Леманн, кто? — обратился к ней Кернер

— Ах, я тоже не знаю... Но у нас еще есть астролог, он предсказывает, куда надо наводить мою «Машину Внушения», — это новое изобретение герра профессора... Профессор — гений, я говорю вам! Ему принадлежат идеи, которые мы здесь лишь воплощаем!.. Так вот: астролога не перечисляли.

— Хорошо, возможно, это он. Дальше, фройляйн Эльза.

— Остальные — не Колесничие, а их собственные Контрактеры. Лотта Леманн..

— Я отвечаю за «Машину Внушения», только и всего! — чуть плаксиво вклинилась Лотта, — Да, ту самую, что заставила Австрию сдаться. Но я делаю это только из любви! С сегодняшнего дня я стала управлять Машиной, чтобы оплатить свое желание...

— Какое же?

— Слишком личное! Ах, ладно, слушайте... Я лишь хочу на веки вечные оставаться с профессором, помогать ему в его гениальном творчестве и никому не позволить погубить его науку. А если мне это не удастся, то — пусть я буду проклята! — врагов его настигнет месть, и покоя им не будет даже на том свете!

— Лирика, — небрежно бросил Кернер, — Дальше.

— Не знаю его имени... — продолжала Эльза, — Он управлял «Машинами Пропаганды»... «Сгорел»... то есть, потерял Кристалл. Я видела это. Теперь он может сам заключать Контракты.

— Мартин Фогель, — вдруг раздался голос профессора, — Я нарочно ему велел себя потратить! Облучил бедняжку «Машиной Лояльности». Мне нужно больше возможностей строить машинки! Аншлюс все равно был одноразовым проектом...

— Кстати, где теперь этот Фогель? — спросил Кернер.

Уберман чуть вскинулся, будто его обвинили в недостатке рачительности:

— Как это — где? В доме умалишенных, конечно же! Несчастный, он пытался разобраться в моих теориях!.. Его взяли в Вене, когда он там раскатывал с двумя трупами на борту. Бедные мои сотрудники... но иначе они бы пристали к нему с расспросами, сами понимаете: еще и по имени бы обратились! У него фальшивые документы на имя Густава Менца, и я велел ему вести себя тихо... До тех пор, пока за ним не закроется дверь.

— Представляю, как он там развернулся, — задумчиво сказал Кернер, — Но за него у вас должно было появиться еще двое Контрактеров. Одна из них — фройляйн Леманн. А второй?

— А, ну, он предназначен исключительно для текущих нужд Райха. Этот человек заключил Контракт под влиянием «Машины Лояльности», и все мои устройства опираются на его... кхм... энергетическую базу. Но изобретаю их я! Я! Никто больше не посмеет усомниться в моих способностях!

— И какова же база? — осведомился Кернер.

— Жертвоприношения, — утомленно сказал механический голос, — Тюрьмы, лагеря... Знаете, как у нас много неблагонадежных элементов.

— Ах, не волнуйтесь: там все спокойно, — милым голоском добавила Лотта, — Моя «Машина Внушения» постоянно поддерживает там спокойствие.

...Отто слушал все эти откровения внешне бесстрастно — только скулы чуть побелели. Было понятно, что «наверх», и даже куда-нибудь «в сторону» такие новости пропускать нельзя.

Что ж, они все — включая Эльзу и профессора — были теперь ему подвластны. А следовательно — стали пешками в его собственной игре, и все их возможности стали возможностями Отто Штальберга.

* * *

Отто негласно прибрал лабораторию профессора к рукам. Машину Внушения он сохранил в тайне от правительства Райха, дав профессору дополнительный стимул сотрудничать. О демонах и прочих «ненаучных» материях знал лишь он и те из СС, что вместе с ним курировали профессора.

Сам же он вновь с головой ушел в расследование, используя и эльзин «Третий Глаз» и «Машину Внушения». И уж, конечно, искал он Тадеуша Ковалевского, который вернулся, по словам Эльзы. Но — поразительное дело! — по-прежнему нигде его не находил.

А Эльза вновь оказалась в Вене. Ее доставили обратно в поместье Лейденбергер, и контакт с «Третьим Глазом» ей вернули, иначе от нее не было бы пользы, — но она работала под постоянным наблюдением и делала лишь строго оговоренные вещи. Она фактически стала пленницей в собственной башне. Даже на время еды, сна и коротких прогулок ее не оставляли одну: с ней всегда было двое конвоиров в «специальных очках». Теперь ее лабораторное крыло, да еще немногочисленный гарнизон охраны были единственными очагами в поместье, где теплилась жизнь. Огромные корпуса, что раньше занимали гордые эльзины предки, а потом — отряд ее деда, нуждались в починке после последнего штурма силами Колесниченко и СС; стена, выходящая к дороге, до сих пор лежала в руинах.

Эльза работала автоматически, равнодушно. Поручений ей давали немало: видно было, что в Райхе заинтересовались ее разработками. В ее распоряжении был штат сотрудников в тридцать пять человек.

Она допрашивала умерших — для нужд разведки. Она занималась созданием «бессмертных солдат» — ее шеренга мертвецов впечатлила кое-кого из военных. Она совершенствовала системы связи и защиты от влияния машин профессора. Неделю за неделей она выполняла все, что скажут...

Медальон ей оставили, потому что иначе она наотрез отказалась работать — и «Машина Внушения» тут была бы бесполезна, поскольку ей противостоял «Третий Глаз». Но Отто проверил медальон триста раз: он не действовал.

Она не злилась на Отто. Во-первых, она вообще редко злилась, воспринимая большинство людей как набор системных факторов. К тому же, обвинить его было не в чем: она действительно сама пошла на риск, и теперь приняла последствия.

Куда более болезненны были мысли о Тадеуше. Кроме того, что он вновь отказался от побратимства, было кое-что еще. У чуда, подаренного ей, имелась вторая сторона: все, что она делала до сих пор, оказывается, можно было не делать. Можно было просто взять и подождать, пока он передумает! Эльза на секунду с ужасом поняла, что балансирует на краю ненависти к своему другу. Но потом она подумала: это просто повторение случая с собакой, только масштаб изменился. Поэтому останавливаться нет никакой причины. Эксперимент продолжается.

Надо было найти способ выбраться. Надо было прикончить Колесницу...

Мысль о Колесничем вернулась, заставив вспыхнуть на щеке след пощечины. Черт...

Нет, на него она тоже не злилась. Она знала, что он одержим, и иначе вести себя не может. Дело было в другом: в его присутствии механизм ее рассудка, доселе четкий и ясный, увязал в чем-то чужеродном, неподвластном ее расчетам. Ее словно затягивало в какое-то злокачественное магнитное поле, центром которого была бездна — и в этом поле исказились все ее характеристики. Она пристально вгляделась в свою психическую структуру...

— Хм... Я бы назвала это режимом эмуляции симпатии к субъекту с ограничением условий нанесения вреда оному. Иными словами, я веду себя так, словно он мне дорог, и мне сложно поднять на него руку.

— А ты, часом, не влюблена? — бестактно вклинился демон.

— Пока нет, — ответила Эльза, добросовестно перебрав характеристики состояния

«влюбленность», которые ей удалось выяснить за время прежних опытов со спиритами, — И приложу все усилия, чтобы до этого не дошло. Но я осознаю такую опасность. Грань близка.

— Ты точно уникам, — сказал демон, — Все прежние мои Контрактеры сразу же...

— Да-да, я наслышана. Не удивляюсь, что тот тибетец говорил после всего этого о «больных страстях». Я тоже получила такую возможность в наследство вместе с Контрактом. Но видишь ли, демон, наши с тобой характеристики не складываются, а перемножаются. А я, в отличие от твоих предыдущих Контрактеров, думаю о науке, а не обо всяких... глупостях. Мой множитель в данном уравнении близок к нулю, и в этом наш с тобой шанс. Когда я сокрошу твою демоницу, я разорву и то, что связывает меня с Дэтлефом Эбертом. Когда это случится, без своей магии он станет обыкновенным нелепым человеком...

* * *

Прошло три месяца.

Однажды утром прибыл из Берлина представитель лаборатории Убермана в сопровождении охраны, облаченной в черную униформу. Эльза встретила их в гостиной на втором этаже башни. Ей сообщили, что по поручению руководства СС профессор Уберман разработал возможность совместного использования их открытий на благо Райха. Планировалось произвести ряд экспериментов в связи с проектом «Бессмертные бойцы», которым она занималась. Профессор полагал, что их возможности значительно повысятся, если перед тем, как сделать «бессмертными», их облучить «Машиной Внушения» еще в обыкновенном, человеческом состоянии. Эльзе было приказано подготовить лабораторию: после обеда придет оборудование, и ей предстоит работать вместе с берлинскими коллегами, чтобы синхронизировать его с «Третьим глазом».

На это ушло два дня. В центре лаборатории поставили стол с фиксаторами для подопытных, куда подводилось электричество и подключались эльзины устройства для закрепления спиритических оболочек на телах. Вокруг — излучатели Убермана, производящие его знаменитые «мыслеволны». К каждому излучателю присоединялся охлаждающий агрегат. От эльзиных приборов профессорские отличались громоздкостью и зрелищностью: огромные прозрачные емкости, разноцветные жидкости с пузырьками, куча стеклянных трубок, сверкающая латунь, электрические вспышки и лампочки. Впрочем, Эльза видела искаженное поле, формируемое его Контрактом для этих машин: в тех, специально для них измененных природных условиях, все это вполне было уместно.

Что касалось сути эксперимента, то подобное давно ее не смущало. К смерти она не относилась как к концу всего и сама абсолютно не боялась ее: она знала, что это — только перерождение. К тому же то, что она проделывала в тюрьме Вены, было неизмеримо хуже.

...Наконец, все было готово; на следующее утро должны были прибыть подопытные и члены комиссии из высокопоставленных чинов СС и представителей армии.

* * *

В назначенный день в поместье былолюдно. Черные мундиры эсэсовцев соседствовали

с армейской формой и белыми халатами сотрудников обеих лабораторий. После легкого завтрака все прибывшие спустились в подвал башни и разошлись по обходной галерее, что опоясывала центральный круглый зал на высоте трех метров. Среди них остался и Отто. Вниз отправились только те, кто непосредственно проводил эксперимент.

«Если и можно представить себе день, меньше подходящий для побега — то это получилось бы с трудом», — подумала Эльза, занимая место у пульта.

Подъемник доставил сверху троих подопытных в сопровождении двух конвоиров из числа людей профессора. Один из конвоиров, к некоторому удивлению Эльзы, оказался Вальтером Дитце. Но стоило ей перевести взгляд на жертв — и ее удивление сменилось куда более сильным впечатлением.

Среди подопытных был Тадеуш Ковалевский! Двое других находились в ступоре, а он — в полном живом внимании. Он, конечно, увидел Эльзу, но не подал виду, что знает ее. Вместо того, чтобы ужасаться, он пытался понять, что происходит.

Отто дернулся, когда увидел Тадеуша. Конечно, он узнал его, но сейчас ничего сделать не мог. Вмешаться означало: раскрыть все расследование перед посторонними. Эльза видела, что он отдает безмолвные приказы охране и Лотте, взявшей лабораторию под прицел «Машины Внушения». Сам он, как и все присутствующие, был в защитном шлеме.

Эльза все силы направила на то, чтобы выглядеть хладнокровно, но рассудок ее панически перебирал варианты действий. Вариантов находилось немного. Подопытных подвели к столам.

Она вдруг поймала взгляд Вальтера. Да, она с самого начала заметила, что с ним что-то не так. Вальтер смотрел на нее с непередаваемой мукой; Эльза видела его как крайне нестабильную совокупность факторов. Настолько нестабильную, что она вообще не понимала, как он может существовать. Она наблюдала такое только в своих экспериментах. Так выглядели ее подопытные перед взрывом Кристалла. Она не знала, что с ним творится, но вгляделась в него, расплетая причины и следствия, что привели его к этому состоянию... и вдруг поняла. Это он, Вальтер, выбрал в качестве подопытного Тадеуша. Он сделал это специально...

Вальтер словно бы чего-то ждал. Эльза сказала очень вежливо:

— Герр Дитце, благодарю вас, вы прекрасный профессионал. Я бы не подобрала подопытных лучше.

Она не понимала людей и не планировала того, что дальше случилось. Но тут Вальтер не выдержал. Нет, он ничего не произнес, просто невидимый Кристалл в центре его существа разлетелся вдребезги! Это действительно было похоже на взрыв, направленный одновременно наружу и внутрь. Все существо того, кто потерял Кристалл, заполняют части вселенского механизма. Тяги, шестерни, цепи, передачи прорастают в него, встраивают его в Великий Закон, как новую часть этого Закона, полностью уничтожают его волю. Так выглядит Отречение от себя.

Эльза расширила глаза. Отто тоже увидел неладное. И, что странно, что-то почувствовал и Тадеуш, пристально глядя в своего конвоира. А потом посмотрел на Эльзу, и Эльза посмотрела на него. Рука его сжала медальон под рубахой...

...И в этот момент второй раз случилось невероятное: Эльза увидела как факт, что медальон абсолютно точно сейчас сработает. Неважно, как Тадеуш снова смог это вернуть — но он смог, вопреки всему.! Структура Закона обрушилась по линии их взглядов. Чудо вошло в замкнутую систему ее Проклятия. Тепло разлилось в ее груди, а за спиной будто

выросли крылья.

Теперь Эльза стала способна на все! Она хоть горы своротит, но они спасутся.

...И она громко спросила:

— Герр Вальтер Дитце, вам плохо?

Вальтер, услышав свое имя, издал жуткий крик, кожа его задымилась, пошла пузырями на руках, ногах и лбу, и он упал. Поднялся переполох.

Она схватила свой медальон, коснулась пульта:

— Я ЖЕЛАЮ, ЧТОБЫ ОХЛАДИТЕЛИ ОТКАЗАЛИ!

И включила машину.

— Огонь ей по ногам! — резко крикнул Отто.

Охрана выстрелила, но медальон с прошлого раза хранил эльзино пожелание защищать того, на ком он находится. Пули ушли мимо. Кристалл ее треснул, расплачиваясь за это. Она мельком удивилась: оказывается, талисман всегда при случае выполняет все, что ему когда-то заказывали! Что ж, следовало этого ждать от демона: она не оговорила данное обстоятельство в условиях Контракта, и он сделал так, чтобы ее энергия истощилась как можно скорее...

Генераторы Убермана взорвались через шесть секунд. Эльза просчитывала ходы быстрее. Требовалось, чтобы между медальоном и предметом, на который он воздействует, был прямой контакт... Еще требовались хорошие формулировки, чтобы не размениваться на частности, а еще — беречь все-таки свой Кристалл...

Она успела добежать до подопытных, прижимая к груди медальон и тихо произнося:

— ЖЕЛАЮ, ЧТОБЫ ДЕЙСТВИЕ МОЕГО МЕДАЛЬОНА РАСПРОСТРАНЯЛОСЬ ВСЕХ, С КЕМ ЕГО НОСИТЕЛЬ ВСТАНЕТ В ЦЕПЬ... Тадеуш!!! — крикнула она уж голос, — Хватай этого за руку! А вы — хватайте следующего!

Да, Тадеуш был с детства ловок и быстр! Он успел схватить за руку ближнего к нему собрата по несчастью, — но второй долго соображал, и не взял за руку третьего, уже лежащего на кушетке. Увы! Пламя накрыло всех, кто оказался рядом. Взрыв удался на славу. Лаборатория превратилась в гудящий огненный ад. Но Эльза уже открывала люк под установкой, который вел в нижний уровень, к ловушке. Остальные спрыгнули следом. Захлопнув люк за собой, она приложила медальон к каменной стене и еле слышно сказала:

— ХОЧУ, ЧТОБЫ ОТСЮДА И ДО РЕКИ ВЕЛ ПОДЗЕМНЫЙ ХОД!

Это оказалось потруднее прочего. По условиям Контракта медальон выбирал самые низкотратные пути, чтобы исполнять ее желания, но тут таких не было в принципе. Поэтому Эльза увидела, как родники внутри склона, на котором стояло поместье, меняют русла от стечения тектонических факторов, как пробивают новое, как обваливается и пересыпается земля в недрах холма... Ее потрянуло очень сильно, до черноты в глазах: плата за фокус. Открылась дыра подземного хода. Внутри повсюду была грязь от бушевавшей здесь только что воды.

— Берегись!! — крикнул Тадеуш. Он впотьмах ничего не видел, в отличие от Эльзы, но почувствовал, что творится нечто ненормальное.

— Все в порядке, вперед! Нет, секунду...

Эльза развернулась к ловушке и вытащила из нее какую-то деталь. Ловушка отключилась. Отключились и все устройства, что использовали влияние Контракта Эльзы.

Демон оказался на свободе.

— УААА-ХА-ХА-ХА!!! — он взмыл к потолку, перетягивая цепи в механизме Закона

Кармы.

— Теперь бежим! — приказала Эльза, — Руки не отпускать!

И они кинулись прочь из поместья со всех ног.

...Наверху бушевал пожар. Отто, который сумел спастись из пламени, успел еще и отдать приказ Лотте по «специальной связи». Она должна была направить в поместье группу поддержки, увеличить мощность «Машины Внушения» и накрыть два квадратных километра вокруг поместья приказом: «НЕ ДВИГАТЬСЯ!» до их прибытия. Лотта все исполнила. Но до этого Эльза отключила ловушку, поэтому защитные шлемы перестали работать, и особые возможности Отто — тоже. Он свалился, где стоял, пораженный приказом Машины, — как и остальные, кроме троих беглецов.

Да, Отто снова утратил инициативу, — и, кстати, Пирамиду Колесницы больше ничто не сдерживало.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ, в которой Эльза слушает историю Тадеуша

Эльза бежала, задыхаясь и держась за руку Тадеуша, потому что без «демонического зрения» была слепа. Демон ее обретался неизвестно где. Она ведь отключила «Третий Глаз», чтобы подставить Отто под его же удар, догадавшись, как тот будет действовать. К тому же, иначе он и сам бы отключил ее от установки, как только пожар позволил бы, а потом вновь заполучил бы Эльзу с помощью Лотты.

...Они нашли и отвязали лодку, Тадеуш быстро повел ее вдоль берега. Эльза чуть касалась его ноги своей, чтобы талисман хранил его, а руку положила на плечо другого бывшего подопытного. Они покинули Вену; дальше начинались леса. Там второй из подопытных тихо спрыгнул в воду, сказав, что ему так сподручнее, и поплыл к берегу.

— Куда теперь? — спросил, налегая на весла, Тадеуш.

— В Виндульгсмауэр. Это ниже по течению, знаешь?

— Да уж помню как-нибудь, — усмехнулся Тадеуш. Он вдруг бросил весла и сгреб ее в охапку, — Эльза!..

Радость встречи на несколько мгновений затмила для обоих все — даже то, что случилось в лаборатории. Но эйфория быстро оставила Эльзу. Гибель Вальтера встала у нее перед глазами со всей ее неотменимостью. И еще она предвидела, чем закончится их с Тадеушем разговор...

Он снова сел, но не взялся за весла. Лодку несло течением — прямо в закат, к огромному гаснущему солнцу. Тянуло сыростью, холодом ранней осени.

— Выходит, я тебе жизнью обязан, — улыбнулся Тадеуш, — Я с самого начала не верил, что ты проведешь этот жуткий опыт. Тебя заставляли это делать, да? Но как...

— Подожди, Тадеуш, — прервала его Эльза, — Я клянусь, что отвечу тебе на все, — но позволь мне расспросить тебя первой! Это очень важно, клянусь. Знаешь ли ты, что мой дед погиб?

— Да, — грустно сказал Тадеуш, — Узнал об этом, когда вернулся из Америки... Я его видел единственный раз, но он был очень хорошим, Эльза. Правда, я тогда не понял, зачем он устроил эти похороны...

— Нет, об этом тоже позже. Расскажи с самого начала. Откуда у тебя медальон, что ты делал все это время, почему ты оказался на месте покушения на моего деда, как тебя угораздило узнать про эту проклятую могилу и рассказать ему?

— Так... — Тадеуш собрался с мыслями, затрагивая непростую тему, — Ну, медальон я выловил из той речки. А раз уж выловил — то взял и надел... Знаешь, долго не мог я до конца простить тебя. Не укладывалось у меня в голове, что из дружеского чувства ты могла сделать такую вещь, и что я этого раньше не видел. Но понял я, что все-таки по тебе скучаю, несмотря на это все. А потом стали говорить, что ты сошла с ума. Тут я возьми и подумай: это, наверное, от горя, что я выбросил твой медальон. И так мне стало жаль тебя, что я отбросил сомнения. Нырял целую неделю, но медальон нашел. После этого решил я и тебя найти — и, представь, не смог! Всю Австрию исколесил, с Германией в придачу: то на день опоздаю, то на полдня! Приду в очередную гостиницу, где ты должна быть — а ты уже съехала, оказывается. Да еще все портят меня спрашивают, глазами сверлят. Что, думаю, за напасть? Ну, и решил я тогда бросить эти разезды, а пойти прямо к твоему деду. Хоть я

и не был с ним знаком, но говорили о нем с уважением. Это тоже оказалось сложно, очень уж он был занятой. Но я облюбовал кафе неподалеку от военного министерства, где он бывал. Думал: тут я его точно дождусь. И вот в тот самый день я добрался до места через подземный ход...

— Стой. Почему через подземный ход?

— Хах!.. — улыбка осветила его лицо, — Ну, ты ведь знаешь, я с детства увлекался подземельями, сокровищами, археологией и всем подобным. Мы и с тобой в эти подземелья забирались, помнишь? А потом я их очень неплохо изучил: там катакомбы, начиная от древнеримских, а то и постарше... И порой, если мне в Вене нужно было куда-нибудь попасть, я шел через них. Так выходило короче... Хотя, если честно, в тот день была еще одна причина. Мне все казалось, что кто-то ходит за мною. Я весь извертелся, пытаюсь понять, кто — и ничего не выходило у меня. Вроде бы, никого и нет — а чувствую на себе чье-то внимание... И до того мне это надоело, что решил я идти катакомбами. Пусть там поплутают, думаю.

Выбрался я неподалеку от кафе; прислушался к ощущениям: вроде, отстали. Дед твой вскоре появился с кучей охраны; вышли они из машин, — и я к ним напрямиком. Хотел его перехватить, почти успел... И тут как начнется! Налетели какие-то люди, стали стрелять, потом взрыв был. Охрана барона отбивается. Я наземь упал, а сам думаю: нельзя бежать! Так меня за террориста примут, пристрелят ненароком. Ну, и стал я потихоньку выбираться из-под огня. Но вдруг меня за руку кто-то схватил и поволок прочь! Какой-то верзила из тех, кто на барона напал; руку сжал, как в тисках: не вырваться.

— И ты его не знал?

— У меня нет друзей среди террористов, знаешь ли! Впервые видел.

— Так. То есть, на глазах у всех террорист утащил тебя с поля боя. И что было дальше?

— Мы бежали. А за нами бежал безумный адъютант барона...

— Отто Штальберг.

— ...да, и стрелял по нам из какой-то жуткой пушки, сжигая по полздания разом. Нас спасло только то, что я хорошо знаю подземелья, — и то моему спутнику пришлось кинуть гранату, чтобы между нами и этим Отто проход завалило... Потом он спросил, где мы, развернулся и ушел.

— И ничего не объяснил?

— Нет, нет. Тут же оборвал все расспросы... Ну, выбрался я тоже, походил по городу и отправился восвояси. Что теперь делать, думаю? К барону-то стало не подобраться.

А где-то примерно через неделю сижу я в трактире, а рядом со мной — двое, вида самого обычного, но стоят спиной. И слышу я их разговор... Тут меня аж пот прошиб, Эльза! Один другому рассказывает, что видел твою могилу, а второй подхватывает: да, еще бы барону не скрывать такое!

Как они ушли — я вскочил, и напрямиком туда, в то селенье, что они упомянули. И там... Ты видела, наверное, раз спрашиваешь.

— О, да.

— Эх... Сам не думал, что буду так горевать. Два дня там пробыл.

— Подожди. Как выглядела могила?

— Ты же говоришь, что видела! Ну, белая мраморная гробница, белый обелиск с башней... Видно, что новая...

— И все? Больше ничего необычного?

— Нет, вроде бы. И не появлялся там никто... Эльза, да что с этой могилой за история?! Неужели барон и вправду все это подстроил...

— Мой дед был найден мертвым в этой самой могиле, — резко перебила Эльза, — И я сама хотела бы знать, чей это мерзкий розыгрыш. А когда узнаю — жить этому шутнику останется недолго, кем бы он ни был.

Лицо Тадеуша дрогнуло, и он, ни слова не говоря, сжал ее ладонь. Она чуть сдвинула в ответ его пальцы, принимая сочувствие, и попросила:

— Продолжай, пожалуйста.

— Через двое суток...ну, что ж... пошел я домой, что было делать. Прихожу, навстречу — мать с расспросами. Выслушала — и говорит: а давайте уедем отсюда все. Тебя теперь тут ничего не держит, а я на черный день кое-что приберегла от отца, на билеты хватит. Собрались мы и поехали в Америку... Ох, постой. Я ведь тогда во второй раз встретил твоего деда, когда за билетами на вокзал пошел! Смотрю — он. Ну, толкнуло что-то меня, — и я двинулся к нему, не думая о его охране. Сказал ему, что случайно услышал о его секрете, что разделяю его горе... Стой, Эльза! — так он, выходит, ничего не знал? А то я чувствовал: неладно что-то, слишком уж он ошарашен.

— Да, он узнал от тебя.

— И... после этого пошел туда? — потрясенно спросил Тадеуш, — И там его убили? Так это, выходит... я поспособствовал...

— Не говори глупостей. Твое поведение было естественно. Предположить настоящее положение дел было довольно сложно. И все-таки, рассказывай дальше.

Тадеуш кивнул:

— Жили мы в Америке четыре года. Мать с сестрами хозяйство завели, я поступил на археологический, ездил в экспедиции... И вот встречаю я однажды путешественника, немца. И узнаю от него, представь, что ты жива-здоровая!

Я не знал, что и думать, но рад был без памяти. Поехал обратно в Австрию. Тут узнал и другие новости: что барон погиб, что ты наукой занимаешься, что должность у тебя в отряде... А у меня с собой бусы были ацтекские, в подарок тебе привез. И решил я пойти, вручить подарок-то.

У вас как раз праздник был, все хотели к Германии присоединиться. Даже меня веселье захватило. Иду через старый город к мосту; гляжу — толпа стоит, галдят. Подошел поближе; а они вопят что-то несуразное. Что, вроде бы, Отто Штальберг — колдун, и они сейчас пойдут с ним разделаться... С ума посходили, думаю. И тут... я не знаю... накрыло меня какое-то умопомрачение. И я пошел с ними. Иду — и чувствую: что-то не то мы все делаем...

— Тадеуш, у тебя просто талант оказываться в плохое время там, где не нужно.

— А что это было-то?

— Психотропное оружие. Люди попали под действие особых лучей, и им внушили этот приказ.

— Ну и дрянь! — искренне сказал Тадеуш, — Это что, теперь у вас в ходу?

— Смотря у кого, — уклончиво ответила Эльза, — Так что дальше было?

— Ну, дошли мы до вашего поместья. Там все бесновались, а я мало что понимал: вроде бы и от нас стреляли, причем чем-то странным, и от вас в долгу не оставались. Только я как-то стряхнул с себя наваждение и хотел уже выбираться оттуда, как поднимаю глаза — и вижу тебя. Назвал я тебя по имени... А рядом со мной какой-то господин стоял, с

чемоданчиком. Обернулся ко мне, аж глазами впился. «Что, — говорит, — знаете ее?» Я кивнул. «Я — Вальтер Дитце, врач, — говорит он этак... с лихорадкой, — А вы, позвольте узнать?» Я представился. А он как будто слышал про меня от тебя. «А, — говорит, — тот самый... «друг детства»! Дружить, значит, пришли? Или колдунов убивать, как эти?» Да они, говорю, сами как одержимые. «Нет, — отвечает он мне, — Они правильно пришли. Но это не колдовство, о, нет! Это у нас называется передовой наукой. Пока вы там болтались неизвестно где, уважаемый «друг детства», я был рядом с ней! Я вскрывал трупы, я призывал «духов», я поднимал мертвых!» Смотрю на него — и чувствую: он верит в то, что говорит. Но вижу и другое: он взвинчен до предела, и вряд ли в себе. Тут он смотрит на свою руку. А на ней браслет... И он говорит: «А! Ха-ха! Я жив! Я все выложил — и я жив! Что-то заело твоей машинке, Эльза!» — и срывает этот браслет, как бешеный. Тут я точно уверился: бедняга сошел с ума. Но вдруг гляжу — народ бежит от поместья прочь, как ошпаренный. Чуть нас не затоптали. «Смотри! — кричит мне этот Вальтер, — Смотри!!! Я говорил!!!»

И... Эльза... я увидел...

— Мое славное воинство, — помогла ему Эльза, — И понял, что Вальтер сказал правду. Тадеуш жег ее глазами: она чувствовала это даже в крошечной тьме.

— Все опять развалилось на части, — произнес он, наконец, — Я понял, что все было напрасно. Повернулся и пошел прочь, но быстро сообразил, что просто идти недостаточно: сомнут. Побежал. Смотрю — и Вальтер тут же, рядом держится. Ушли мы чуток с обочины, гляжу — толпа редеть стала. Выбрались на дорогу: там человек лежит, стонет. Затоптали его, видать. Я Вальтеру говорю: вы ведь врач, помогите ему! — а сам над раненым склонился. Вальтер открыл саквояж, вытащил оттуда что-то... в-общем, упустил я момент, да и не ожидал такого: он вместо того, чтобы раненым заняться, зашел мне за спину и прижал к моему лицу тряпку с какой-то гадостью... пахнуло этак остро... а потом я потерял сознание.

— Ничего себе... — прошептала Эльза.

— Очнулся я, — продолжил Тадеуш, — в каком-то подвале. Лампочка горит, ведро железное, на полу матрас и я на нем — к трубе прикован за ногу. Долго сидел один. Потом явился этот... Вальтер. Встрепанный весь. Слова не давал сказать: «Заткнитесь, — кричал, — Заткнитесь! Не говорите ничего!» Однако воды принес и хлеба. И ушел чуть ли не бегом... Понял я, что он меня привез к себе домой, а зачем — я не знал.

Потом я опять долго сидел в одиночестве, а потом он стал меня навещать. С виду-то он успокоился — но только с виду. Я бы иначе сказал: он встал на какую-то свою... лыжню, и спокойствие его было только от того, что лыжня эта никуда не сворачивает. Меня он ни о чем не спрашивал, только сам говорил — иногда часами. Говорил о тебе, и о вас троих, когда вы занимались наукой... Он тебя любил, — ты знала?

Эльза кивнула. Не дождавшись больше ничего, Тадеуш повел рассказ дальше:

— Он сказал, что из-за этого и стал с вами работать. Но любовь его была безответна, а вы делали вещи, которые он принять не мог — однако же принимал. Он, как я понял, был довольно мягкотел... Он шагал через себя, чтобы оставаться с тобой, и сам в этом себе не признавался. Вместо этого он придумал, что ты ведешь с ним какую-то извращенную игру... Он решил, что ты хочешь, чтобы он стал, как ты. И когда он отбросит человеческую мораль и примет твою, — тогда ты на его чувства ответишь.

Эльза слушала, не говоря ни слова. Она и впрямь зашла далеко за свою черту — но возвращение Тадеуша воскресило в ней тени чувств, которые она могла бы сейчас

испытывать: недоумения, досады и горечи.

— Он долго так делал — но потом все же решил воспротивиться. Ему пришло в голову, что надо найти что-то такое, что ты переступить не сможешь. Так, думал он, получится показать тебе, что все, над чем ты смеялась и отрицала — не просто слова. Он хотел опередить тебя в злодействе, — так он выразился... Но долгое время он не знал, как за это взяться. А когда вы проделали ту штуку с полицейскими, — да, он мне рассказал, — вот тогда он вообще усомнился, что ему хватит фантазии это переплюнуть. Потом ты надела ему браслет, прежней работы у вас уже не было — и он долго ходил, выброшенный из жизни, одержимый своей навязчивой идеей.

Ходил он так до того самого дня, как тоже оказался под стенами вашего поместья, попав под эти лучи. Он шел не то к пациенту, не то обратно — но и его захватило. И там он увидел меня, и, как я понял, его взяла досада, что он полжизни занимался всякими гадостями — и не приблизился к тебе ни на сантиметр, а я палец о палец не ударил, — но продолжаю считаться твоим другом. Тогда он поддался порыву и оглушил меня эфиром, притащил к себе, но зачем я ему — он и сам не знал до поры до времени. Он был в ужасе от содеянного, но и отпустить меня уже не мог, — вдруг я в полицию пойду?

А потом его навели представители новых властей, работать у них предложили. И он согласился, при этом сделав все, чтобы оказаться к тебе поближе. Так он попал в группу профессора... как его...

— Убермана.

— Да, его. Он сказал, что там он, наконец, увидел кое-что похлеще твоих опытов, и понял: вот у кого уж точно хватит воображения тебя превзойти в изуверстве. Он стал правой рукой Убермана, участвовал во всех его опытах, — и наконец дождался часа, когда профессор предложил провести с твоей лабораторией совместные испытания. И вот тут-то он понял, зачем ему я. Он решил проверить, сможешь ли ты меня убить ради науки.

— Проклятие... — пробормотала Эльза.

— Он все ходил кругами и повторял: «Это выше моих сил... Укрепи меня, господи... Дай мне сил, о, сатана...» По-моему, он вообще забывал, что он в подвале не один. А я сидел, как в камере-обскуре, и смотрел, как его словно бы заливает чернота.

Смотрел я на него и думал: а мне ведь и самому такие сомнения не были чужды. Интересно, думал я: не мог бы я оказаться на его месте? И вдруг решил: никогда, ни за что я на его месте не окажусь. Злость меня взяла на себя: я опять готов был выбросить медальон, услышав чужие безумные речи и увидев что-то непонятное, — и при этом даже с тобой не поговорив! Нет, решил я: раз уж я поддался порыву, из самой Америки приехал — то уж встречусь с тобой с глазу на глаз и тебя выслушаю, а до этого ничего больше решать не буду! И вот... я здесь. Скажи мне, Эльза...

Вот и все, поняла она. Сказочке — конец.

Лодка легонько ткнулась в песок.

Эльза выпрямилась:

— Хорошо, я скажу тебе. Все, что ты видел, и все, что говорил Вальтер — это правда. Но и это еще не все! Мое главное изобретение называется «Ментальная Катапульта». Она может сделать из обычного человека того, кого раньше называли «Просветленными» — то есть, освободить его Дух от пут земных условностей. От самого Закона Кармы — понимаешь? Только для этого кто-то другой должен потерять свою бессмертную суть навсегда. Как Вальтер Дитце. И я запускала ее, — свою машину! Таких, как я, называют

чудовищами... Да, я производила этот опыт над людьми! И продолжу производить дальше — потому, что другими способами Просветленные почти перестали рождаться. Потому, что они уже ни на что в мире не влияют. Потому, что цель науки — по-прежнему познавать Истину! Потому, что последнее откровение было дано вовсе не каким-то аскетам — а именно нам, ученым. Оно называется: второй закон термодинамики! Это закон деградации, Тадеуш — и это закон, по которому умирает наш мир. И «Ментальная Катапульта» — мой способ его преодолеть.

А ты, мой бедный друг, зря явился! Лучше тебе и впрямь выбросить медальон в речку. Ты никогда не вычислишь внесистемный ответ на свой вопрос, потому что ты находишься внутри системы, которая его порождает! Понятно ли я выражаюсь? Нет, лучше так... ты будешь вечно сравнивать разные обстоятельства и размышлять: сначала — можно ли простить другу собаку, потом — можно ли простить опыты с мертвецами, потом — можно ли простить опыты с живыми. В итоге ты повстречаешь такие условия, что загасят твою «негасимую дружбу» и «вечную любовь» в два счета. Вопрос лишь в мере того, что ты способен «переварить». А все потому, что своего способа разорвать Закон Причин у тебя нет — и мир играет тобою, как игрушкой! — закончила она со скрытой яростью.

Эльза не видела его своим изувеченным зрением, но ощутила, что он поднялся, и знала, что его трясет.

— Ты спасла меня, Эльза. Ты спасла еще одного пленника, и пыталась спасти третьего. Знай, что только поэтому я не думаю, не убить ли тебя сейчас. Да, нам и впрямь лучше не видеться больше. Я не принимаю твой способ! И Закон твой дурацкий не принимаю! Прощай, и хоть бы нам больше не встретиться!

Он шагнул через борт прямо в мелкую воду, и ушел так быстро, как мог.

Но все равно он расслышал за своей спиной тихий и злой смех Эльзы.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ, в которой Эльза почти проходит Испытание

Тадеуш ушел — а Эльза, сторбившись, продолжала сидеть в лодке.

Чудо погасло. Она осталась наедине с ситуацией, — и ситуация была не в ее пользу. Она ничего не видела, у нее не было ни оружия, ни денег, ни средства противостоять «Машине Внушения» — как и прочему, что успел изобрести «сумрачный гений» профессора. При этом сейчас ее искали, и во главе поисков стояла Колесница.

Она сидела и слушала, как приказы Машины Внушения накрывают землю, прокатываются, словно морские валы, ломая волю людей. Для всех, кто попадал в поле их действия, эти приказы казались их собственными мыслями. Но к ней они пока не относились.

ЕСЛИ Я — КОММУНИСТ, Я ДОЛЖЕН СДАТЬСЯ! Я ДОЛЖЕН ПОКИНУТЬ УКРЫИ СЛЕДОВАТЬ В УЧАСТОК!

ЕСЛИ Я — ЕВРЕЙ, Я ДОЛЖЕН СДАТЬСЯ! Я ДОЛЖЕН ОТПРАВИТЬСЯ В ПУИ РЕГИСТРАЦИИ!

ЕСЛИ Я ДЕРЖУ РАДИОТОЧКУ, Я ДОЛЖЕН СДАТЬСЯ!

ЕСЛИ Я УКРЫВАЮ НАРУШИТЕЛЕЙ, Я ДОЛЖЕН СДАТЬСЯ!

Это неожиданно помогло ей собраться. Все это звучало, как голос самого Закона Кармы. Она сидела, слушала приказы, заполнившие мир, — и в ней возрождался живительный протест.

Она вслепую встала в лодке, — но тут эфир заполнил вой:

ЕСЛИ Я — ЭЛЬЗА ФОН ЛЕЙДЕНБЕРГЕР, МОЕ ЕДИНСТВЕННОЕ НАМЕРЕНИЕ ВЫЙТИ И СДАТЬСЯ!

Все прочие мысли из ее головы вымело. Выйти и сдать, — не этого ли она ждала? Эльза деревянно шагнула в воду...

— Пффф! Мне стоило сюда тащиться хотя бы ради того, чтобы на это полюбоваться, — сказал в темноте ее демон. Он коснулся пальцем ее лба, и разум Эльзы тут же прояснился, — Прискорбное зрелище. Что, в тебе заговорила тяга к самоуничтожению? Или ты ждала тут какого-нибудь чуда?

— Во мне заговорил здравый смысл, — ответила Эльза, — И он сказал мне, что ты не оставишь своего единственного Контрактера, раз до сих пор не смог его угробить. А при твоей тяге к театральным эффектам ты просто обязан был появиться сейчас.

— Хм. А что мешает мне тебя угробить прямо сейчас?

— Досадная малость: моя смерть тебе в данный момент не на руку. Ты останешься в этих местах, а тут полным-полно тех, от кого тебе не сдобровать.

— И впрямь, досадно. Тогда получи назад свою дееспособность, — и он прошел сквозь нее. Мир опять стал похож на машину, а демон — на точный измерительный прибор. Эльза была связана с ним в точках контакта прочными механическими соединениями. И она сама была гораздо больше похожа на механизм, чем прочие люди, — с каждым разом, когда разбивался ее Кристалл, ее живое существо заменялось мертвой машиной.

— Твой Тадеуш так и не понял, что вы выжили благодаря медальону, — сказал демон, — Ты нарочно так резко его огорошила, чтобы ваш обмен талисманами опять оказался расторгнут? Чтобы он сохранил при себе свою волшебную цацку, которая его

теперь может спасти?

— Версия, не лишенная изящества... и правды. Поскольку его здесь снова больше ничто не держит, талисман должен уберечь его от случайностей на пути к границе. А ко мне должен был вместо этого явиться ты... Но хватит лирики. Демон, мне нужен Отто. Мне нужно до него дотянуться. Я верну ему трезвое самосознание, включу обратно все защитные шлемы необходимых мне людей, — но на моих условиях. Им придется подчиниться мне, если не хотят ходить в рабах у Колесницы и не добиться никаких своих целей. А от своей цели я не откажусь, и у меня есть план. Ты опять можешь читать мои мысли, ты знаешь, о чем я.

— Учти, я больше не в твоей ловушке, и заставить ты меня не сможешь, — отозвался демон, — Во-первых, твоя финальная цель — сжечь наш с тобой Контракт, а может быть, и меня самого, — так с чего же мне тебе помогать? А во-вторых, я совершенно не хочу, чтобы твоя попытка дотянуться до Штальберга наткнулась на какое-нибудь действие Колесничих. Может, они как раз будут подтягивать твоего Отто к потолку, когда ты осчастливишь его своим «выходом на связь», ха-ха! Как только они поймут, где ты, они накроют это место приказом такой силы, что даже с моей помощью ты не сможешь сопротивляться. И, в-третьих, план, для которого тебе нужен Отто, — это не план, а форменное безумие. Даже если не касаться твоей финальной цели.

Эльза усмехнулась.

— Я все же предлагаю временное сотрудничество. До моей цели еще далеко, а нынешнее положение дел опасно для нас обоих. К тому же, мы примерно одинаково можем и помочь, и навредить друг другу.

— Ну что ж... на временное — подчеркиваю! — временное сотрудничество я могу согласиться. При одном условии: если ты не будешь соваться в пекло безо всякого разума.

— Ну и славно. Я и сама об этом думала. Мне нужны инструменты и убежище на несколько дней, чтобы собрать кое-какое оборудование для дальнейших шагов. С этим оборудованием мы вернемся в Вену, и ты дашь мне связаться с Отто, или хотя бы с кем-то из тех двоих полицейских, которых оперировал Вальтер. Ехать далеко сейчас не имеет смысла: больше вероятность попасться. К тому же, местным ученым мне есть, что предложить за их помощь. Местных я могу освободить от ментального контроля, например. Быть в подчинении у Лотты Леманн и жить с усеченным сознанием им, должно быть, неприятно... Я не зря выбрала это место. Я, в-общем, понимала, что Тадеуш так и отреагирует. В этом случае я собиралась навестить герра Шварца, который живет тут неподалеку. Вот случай и настал.

* * *

Будучи самоучкой, Тиль Шварц не имел ученых степеней, но был электриком, механиком и изобретателем. Правда, поскольку он изобретал всякие безумные винтокрылые машины, на которых никто не рисковал летать, то ему приходилось держать маленькую автомастерскую, а изобретательством заниматься на досуге во флигеле. У него напрочь отсутствовала практическая жилка, но как конструктору ему отдавал должное даже Отто.

Идти было не очень далеко, — к окраине Вильдунгсмауэра. Добралась она в сумерках.

Вокруг не переставали звучать приказы Машины Внушения. Каждый второй был адресован ей.

Эльза не пошла напрямик к хозяину, а очень осторожно вскрыла его автомастерскую хитро закрученной проволокой. Сигнализацию она, конечно, отключила. С ее особым зрением освещение ей не требовалось, и она принялась за работу в полной темноте.

Первым делом она собрала гиперboloид. Следом — защитный шлем. Это было сделано очень грубо и заняло часа четыре. К герру Шварцу она явилась за полночь. Дверей он отродясь не запирает, поэтому Эльза беспрепятственно попала в кабинет на втором этаже, где и нашла хозяина. Это был маленький хрупкий старичок с большой головой. Он весьма удивился, увидев ее, но сам настолько витал в облаках, что визит его не слишком шокировал.

— Герр Шварц, — сказала Эльза, — Прошу меня извинить за столь бесцеремонное вторжение. Я не имею чести быть с вами знакомой, но позвольте мне назвать себя после того, как я представлю вам мое детище. Я слышала о вас, как о мастере, который сможет его оценить, — и протянула ему шлем.

— Ооо! — изобретатель тут же загорелся, — Никогда не видел подобного!

Как только старик надел шлем, он остановился, пораженный переменами в ходе собственных мыслей. Потом повернулся к Эльзе:

— Это... потрясающе! Моя голова не была столь ясной с тех пор, как... но с каких же пор..? И, постойте: я до сих пор не знаю вашего имени!..

Довольно быстро, — и, естественно, опуская подробности, — Эльза объяснила ему суть происходящего. Старый изобретатель поблагодарил ее за шлем и сказал, что она может остановиться у него. Конечно же, мастерская тоже была к ее услугам...

Так Эльза получила краткую передышку, — которую, впрочем, использовала отнюдь не только на отдых. Она сделала хотя бы минимум нужных ей инструментов, а гостеприимный герр Шварц сходил в местные аптекарские лавки и купил ей ингредиенты, чтобы она могла смешать хоть какое-то подобие жизненно необходимых ей снадобий. Вернувшись, он сообщил: все селение обклеено листовками с портретом Эльзы. Она кивнула: это было ожидаемо. Несмолкающие приказы Машины Внушения теперь содержали нечто новое:

— ЕСЛИ Я ВСТРЕЧУ ЭЛЬЗУ ФОН ЛЕЙДЕНБЕРГЕР — Я ДОЛЖЕН СХВАТИТЬ И УНИЧТОЖИТЬ ЕЕ!

Все жители Виндульгсмауэра знали это, как азбучную истину — кроме старого Тиля Шварца, который носил шлем.

...Она, наконец, закончила свои дела. Теперь ей нужно было в Вену. Старик предложил сам ее отвезти. Эльза согласилась; ехать решили утром следующего дня.

Увы, планам этим не суждено было осуществиться.

Ночью Эльзу подкинуло на кровати от слишком знакомого ощущения: разбился ее Кристалл. Да не просто разбился: ее трясло минут пять, будто от невидимых пулеметных очередей, пока она летела в пустоту и безнадежность. Она поняла: Тадеуш попал в крупные неприятности, и ее медальон принял на себя удар. И еще она знала, что дело происходило в Вене...

Эльза вскочила, вытирая со лба холодный пот. Она разбудит Шварца, решила она: ждать было нельзя! Еще несколько таких встрясок — и дело кончится для нее плачевно. Она наспех оделась, схватила сумку и гиперboloид — и тут ее накрыла волна ужаса, вышибающего дух, — того самого, что вызывало соприкосновение с контрактом Колесницы. Она даже упала, сжавшись в комок и ловя воздух ртом: сейчас, когда ее демона больше не

защищала ловушка, эффект панической атаки был сильнее прежнего. Это длилось недолго: словно кто-то невидимый вдруг отвел от нее свой страшный взгляд.

— Что... это было?! — еле выговорила Эльза, вставая.

— Демоны их знают! — чуть ли не завопил ее демон, — Видимо, профессор изобрел что-то новенькое, какой-нибудь поисковый прибор, и вручил кому-то из Колесничих! Слушай! Ты должна бежать. Сейчас! Немедленно!!

— Да ты вконец помешался от страха, демон! Я живу благодаря лекарствам. Я и ста метров не пробегу! Сейчас я разбужу Шварца...

— Идиотка!!! Нет времени! Они задели тебя — и теперь будут сужать радиус поиска! Беги сама...АААААА!!!!

Новый одуряющий припадок заставил ее вцепиться в спинку кровати и истошно заорать. А когда ужас схлынул, она увидела, как со второго этажа по лестнице спускается старый Тиль Шварц. Он был с ружьем и без шлема. Пока Эльза корчилась под ищущим ее лучом, шлем был бесполезен — и теперь добряк изобретатель тоже услышал приказ Лотты Леманн. Он шел, чтобы прикончить Эльзу.

— Все, хватит! — пронзительно взвизгнул демон, — Я тебе покажу, что ты бегаешь лучше, чем думаешь!

На лбу, руках и ногах у нее проступили кровавые письмены — и в этот миг демон перехватил контроль над телом Контрактера.

Эльза преодолела расстояние от своей спальни до входной двери за несколько секунд, врзалась в дверь всем телом, распахивая ее — и рванула от домика Шварца прочь, будто за ней гнался весь ад. Вслед ей раздался выстрел.

Демон абсолютно ее не щадил, — и она не могла остановиться! Тело ее не слушалось! Так она мчалась, не помня себя, падая под невидимым лучом и вновь вставая, — все чаще, чаще, чаще... Сердце выскочивало из груди, дыхание не вмещалось в легкие. Под ногами зачавкало: вокруг была речная пойма. Эльза бежала, порой утопая в грязи чуть ли не до колена, пока не упала в какую-то глубокую яму с водой на дне и гнилыми корягами. В этой яме она скорчилась, закатившись под вывороченные корни.

— Молодец...! Убежал...! Спрятался...! — злобно прохрипела Эльза.

— Хм, кажется, это твой предел, — сказал демон, материализуясь рядом с ней, — Нет, я вовсе не тешил себя надеждой, что нам удастся скрыться. Я привел тебя сюда, чтобы наконец забрать твой Кристалл. Ты проиграла, признай. Нам не вырваться теперь. Твое существование подвергает меня слишком большому риску.

Эльза увидела, как прямо на мокрой земле вокруг нее ярко проступает и дымится кровь — дорожки знаков, что он начертил у нее под ногами, когда заключал с ней Договор. Она знала, что эта кровь — ее.

— Ты сильно облегчила мне задачу. Ты — наполовину мое детище, после всех твоих усовершенствований. И знаешь, что еще?... Я НИКОГДА не хотел убить Колесницу. Прощай Эльза.

— Чертов подкаблучник!!! — безмолвно заорала она. Говорить она не могла: все тело сковал паралич. Демон приблизился, достал кривой и узкий нож, рассек на ней одежду вместе с кожей от самой шеи до низа живота — и рванул руками в разные стороны, обнажая окровавленный механизм. А потом он упал на нее и сквозь нее, и оба провалились в Бардо, рухнув на таком знакомом ей пустыре. Дул ледяной ветер, нес сеченое ржавое железо.

Демон вскочил, рванул на себя связи Контракта, растаскивая ее на все шесть сторон, раздирая на части. Они вдвоем больше напоминали единый механизм, чем два отдельных — и этот механизм словно набросился сам на себя.

— Отрекись! — гневно крикнул демон, — Тебе больше нечем сопротивляться! Ты сама создала то, что тебя убивает! Ты родила это из себя, растратив Кристалл!

Ее сознание распадалось. Он был прав, тысячу раз прав! Но одно дело было разбивать Кристалл ради цели, а другое — вот так, бессмысленно...

Эльза нашарила рукой железный ржавый лом — и вонзила его в одно из соединявших их машинных колен, прямо между деталями. Нет, ей не удалось его даже поцарапать, — но сочленение разложилось в длину, дав ей немного свободы. Она вонзила лом в мусорный грунт и подтянулась на руках.

— Ну давай, трепыхайся, если можешь! Надолго тебя не хватит. Кристалл твой сейчас — жалкий осколок, — и демон прыжком вновь оказался рядом. С одной только разницей — теперь они все же находились на метр выше...

...Она не знала, сколько это длилось. Кажется, от нее осталось только одно: немислимым усилием поднимать лом, вгонять его в ржавое железо пустыря, подтягиваться... Иногда подтянуться не получалось, — тогда ее тащило вниз, и тело ее ломалось. Но, хоть и медленно, она ползла вперед, волоча за собой истязавшего ее демона. Впервые она двигалась не вниз и влево по нисходящей спирали, а направо и вверх, навстречу иссекающему все ветру.

А потом она увидела Врата — одни из Врат Бардо, сквозь которые падают обратно в мир переродившиеся. Это были Врата Двенадцатого Дня, последние, нижние врата Чониид Бардо — уровня, что предшествовал Сидпа Бардо, краю Гневных Божеств, где сейчас и пребывала Эльза с ее демоном. Она и раньше видела их, когда смотрела чужими глазами. Врата возвышались вверху и вдали, — железные, не тронутые ржавчиной, с ослепительно правильным геометрическим рисунком. И когда она почти до них добралась, ее догнал в очередной раз демон. Он сгруппировался и прыгнул к ней, отнял у нее лом и всадил ей в правый глаз. Шестерни так и брызнули. Мир почернел; только врата сияли. Они были совсем близко... Так близко, что можно было развернуться, ухватившись за лом, и ударить по ним ногой изо всех оставшихся сил...

Железо Врат откликнулось глубоким гулом, от которого демон отпрянул. А Эльза была в створку снова и снова, пока Врата не распахнулись изнутри от хорошего пинка, и в проеме не возникла богиня Карма-Кротишварима.

Богиня вышла, пылая гневом, чтобы устроить взбучку наглым демонам, осмелившимся тронуть Врата. В левой руке у нее была раковина с кровью — ее непременный атрибут, а в правой она держала булаву — принадлежность ее супруга, Будды-Херуки.

Но вместо орды демонов богиня увидела пригвожденную к земле Эльзу. Лом, вонзенный в землю, по-прежнему торчал у нее из глаза, и Эльза отчаянно пыталась скосить второй, чтобы хоть что-то разглядеть. Демон же откатился от нее так далеко, как мог, чтобы только не видеть лица богини; однако он был привязан к Эльзе, и совсем сбежать не мог.

— Давно же не видела я тут аскеток-налджорма, — сказала богиня, приблизившись, — Правда, ты должна была сама открыть Врата... но тут главное — что они вообще открылись.

Она простерла руку и коснулась лома. Эльза приготовилась к тому, что богиня его выдернет, — но лом просто рассыпался в пыль от божественного прикосновения. Она попыталась подняться, чтобы приветствовать божество, — и это удалось ей, хоть и с большим трудом. Да, говорить с богиней, сидя в куче хлама, казалось чем-то неуместным... Впервые в своем царстве механизмов она видела сущность, которая имела человеческий облик. Впрочем, богиня больше напоминала ожившую статуэтку, — или миниатюру из какого-нибудь трактата. Губы ее бесстрастно улыбались, а голос исходил словно из ниоткуда, не размыкая ее уст.

— Я благодарю вас за помощь, — начала Эльза, — Но прошу извинить мое замечание... Я вовсе не налджорма, а атеистка и ученый — позитивист...

— Ерунда, — прервала богиня, — какая разница, как тебя называть? Главное — то, что ты делаешь. Ты преуспела в медитации, научившись попадать на пустыри нижних уровней Бардо. Ты путешествовала вместе с духами мертвых. Твоя Наука стала подобна древним практикам, как ты того желала. Оставалось лишь одно: явиться сюда своими силами, как пристало аскету, а не падать сверху раз за разом, как бессознательный простец! И вот, наконец, ты решилась на это! Ты проводишь обряд тшед, как я вижу. Раньше для этого аскеты уединялись в самой мрачной и страшной местности, и дули в трубу из берцовой кости человека. Они сзывали демонов, чтобы те пили их кровь и терзали плоть — и забрали с собой все то, что их притянуло! Тогда-то аскет и становился настоящим Просветленным. Ты выбрала иной способ — но это твое право. И позволь тебе заметить, что я впервые встречаю атеиста, который общается с демонами и богами.

— Но я не вижу здесь противоречия, — честно ответила Эльза, — Я читала книгу, «Бардо Тодол»... Там сказано, что все божества — это проекции сознания. Ведь вы, госпожа Карма-Кротишварима, и ваш супруг Будда-Херука — это низшая ипостась соединения двух мировых начал. Так они выглядят в свете человеческих мыслей — то есть, моих мыслей. Вы — Божественные Отец и Мать, Предвечный свет — Пуруша и матрица его проявления — Пракрити, в которой он воплощается и создает мир феноменов...

— Так и есть, — сказала богиня, — потому ты и смогла все-таки увидеть меня, хоть и заучила про «проекцию сознания» из книжки. Для познания этой ипостаси Предвечного Света требуется только разум. Потому ты и находишься в самом низу Чониид Бардо, что разум — это самое низшее проявление мудрости. Но это гораздо выше, чем обычно забираются ученые-позитивисты, чьи головы замусорены до предела всяческими ложными концепциями... Однако же, долго ли ты собираешься привередничать? Войди во Врата, раз уж ты добралась сюда! Не этого ли ты хотела, когда строила свою безумную «Катапульту»? Тебе остался один, но главный шаг — туда, куда могу входить лишь я! Пойми же, как это сделать! Скажи, что ты — это я! Шагни с обода Колеса — на его ступицу, от разумности — к уму, от абстрактного рассуждения — к зрячему суждению! Ибо ждет нас там мой супруг!

— Это что же... — проговорила Эльза с бьющимся сердцем, — Это и есть: «покинуть предел системы Причин и Следствий»?

Смех богини звучал, как колокольчик.

— Ха-ха-ха! — заливалась она, — Как смешно выражаются нынешние налджорма! Но — да, если тебе так угодно. Теперь ты видишь, что логика здесь не помощник. Никакие «причины» и «следствия» сюда не доведут! Ты совершила беспричинное действие, поэтому ты здесь. Ты просто ползла, и на все вопросы «почему?» отвечала: «потому что». Ответ, достойный подвижника! Так всегда и бывает, когда логика кончается. Тогда просто берешь и

идешь. Осталось только перейти порог — и раны твои исцелятся, а Контракт с этим уродливым демоном сгорит навеки.

Впрочем, когда ты продвинешься дальше, ты, наверное, сможешь поймать этих демонов, сколько тебе понадобится, и править ими, как захочешь. Только это будет совсем иначе, чем Контракт. Контракт — это взаимозависимость, с ним ты — часть системы сдержек и противовесов, которой является мир, подверженный Карме. Ты платишь и получаешь результат. Источник твоей силы — не в тебе. А налджорпа, стоящий на ступице Колеса Закона, сам — вне системы, и Колесо вращается присутствием его свободной воли! — завершила богиня ликующе.

— Верно ли, что я так смогу? — спросила Эльза с сомнением.

— Как знать, — ответила богиня, — Предсказать можно только то, что предсказуемо. Все зависит от тебя! Что найдешь ты в центре, куда попадешь? Останешься здесь или двинешься выше? Мироздание подобно башне с бесчисленными этажами. Встанешь ли ты в центр лишь собственного Я со всеми возможными его состояниями, либо же — в центр всего уровня мира, где ты находишься, либо же обрящешь сияющую Ось, что соединяет центры всех миров? Получишь ли ты силу, достаточную для повеления легионами демонов? Насколько очистится твой разум? Все это — это не абстрактные вопросы, не задачка, где можно вычислить результат. Это — предстоящее тебе дело! Но стоит ли интересоваться такой суетой, как то, сколько времени займет путь?

Эльза застыла, опустив голову... и, наконец, ответила:

— Слова ваши для меня — огромное искушение. Совсем недавно я согласилась бы на это, не раздумывая. Но... сейчас я не могу пройти во Врата.

— Н-да, тяжелый случай... И почему?

— Потому что я не могу потерять этого демона и этот Контракт! Он связан с медальоном, что висит на шее моего лучшего друга и защищает его от любого оружия. А мой друг попал в какую-то переделку, и пока я тут буду «просветляться», он лишится своей защиты и его убьют! Он даже не знает, что дело в медальоне! И сейчас для меня согласиться пройти во Врата — это худший эгоизм и предательство Тадеуша. Ведь ради дружбы с ним я ступила на эту дорогу....

— Подобной глупости я не слышала даже дольше, чем не встречала здесь налджорма! — воскликнула богиня, — Ты — добровольно — выбираешь дорогу черных колдунов и демонов? Ты сознательно выбираешь попасть в рабство Закону, превратиться в демоницу? Ради друга? Но у демонов не бывает друзей!

— Я знаю, — твердо сказала Эльза, — Но это мой способ. Даже если он теперь навсегда отказался от нашего с ним побратимства, — я видела дважды, как размыкается моя замкнутая система. Даже если это больше не повторится, я это видела, — и этого достаточно. Я не дам ему умереть, когда могу спасти.

— Так знай же, Эльза, что этим ложным шагом ты его предаешь! — голос богини зазвучал гневно, — Ты выбираешь путь, который окончательно извратит твое зрение и понимание, в том числе — и взгляд на дружбу. Когда змея познания закусит свой хвост... говоря проще, когда причины событий станут неотличимы от их последствий, ты поймешь все, что случилось с тобой, твоими близкими и миром, — но поймешь неверно. И тогда ты доведешь до логического конца свою духовную смерть, которую посеяла и растишь уже давно...

Эльза молчала, не опуская взгляд.

— Что ж, прощай, — молвила Карма-Кротишварима, — Отныне и этот уровень Бардс будет тебя жечь и уничтожать, как когда-то огонь Предвечного Света, в лицо которому ты самонадеянно взглянула. Прощай, черная колдунья.

— Прощайте... Прощай, Высокая. И — спасибо.

* * *

Эльзу и богиню разделило пламя. Пустырь горел. Она обернулась туда, где, скрючившись, лежал и плавился от жара демон. Она резко дернула на себя механические связи Контракта, соединявшие их. Демон, взвывая, пролетел к ней по воздуху и рухнул у ее ног.

— Эй, демон! Наш бой еще не окончен! Я, почти-налджорма, почти прошла Испытание и стою у этих Врат, хоть и в последний, должно быть, раз! Все, что ты разрушил во мне, я восполню за счет тебя. И больше я не позволю брать надо мной контроль! Вот, — она заблокировала несколько механических узлов демона, вбив в них железные штыри, — Наш тандем будет вновь действовать так, будто ты — в ловушке под защитным напряжением.

И тут она почувствовала, как ее Кристалл в очередной раз раскололся, отводя от Тадеуша удар.

— А теперь, — сказала Эльза, — я осмотрюсь. Ведь здесь — Врата Познания Истинь Разумом? Я желаю видеть место, где происходит действие моего Контракта!

Жар трещал и плавил все вокруг. Демон выл. Эльза сама чувствовала, что долго не продержится. Но все же она увидела, что происходит с Тадеушем.

* * *

Она увидела, что Тадеуш бежит в бесконечных венских катакомбах, и с ним — еще человек двадцать. Они мчались, выстроившись в цепочку за руки — а за ними по пятам шла погоня. Но они стали неуязвимы для оружия, — ведь с ними был Тадеуш, а на нем — эльзин медальон. Те, кто бежали последними, вдруг остановились и дали две слитных очереди из ручных пулеметов, уложив почти всех преследователей. Кто-то крикнул: с нами сила Господня! А потом беглецы подпустили оставшихся поближе и швырнули гранаты практически себе под ноги, накрыв взрывом и себя, и их. Все! Больше за ними не гнались, — а им гранаты не причинили вреда...

* * *

Эльзе, в отличие от них, далекий взрыв нанес немалый урон. Отдышавшись, она с трудом воздержалась от не подходящих аристократке слов. Сила Господня с ними, видите ли! И они в расчете на эту силу нападают на вооруженных до зубов противников! Они думают, что это какое-то чудо, которое они оседлали! А на самом деле они раз за разом расплачиваются ее Кристаллом!

Видение погасло.

Эльза падала, заваливаясь вниз и влево по спирали. Она взглянула напоследок вверх, на

закрывшиеся для нее Врата...

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ (ЧАСТЬ I), в которой Тадеуш становится подпольщиком, а в игру вступают новые силы

Расставшись с Эльзой, Тадеуш некоторое время шел, не разбирая дороги. Внутри у него бушевала буря. Наивный идиот! Она права: зря он приехал. Надо зашвырнуть чертов медальон куда придется — и вернуться назад, уйти в экспедицию на край земли, выбросить всю эту историю из головы..!

Споткнувшись об очередную корягу, Тадеуш, наконец, остановился и сел прямо на землю. Он посидел так некоторое время, а потом снял медальон, взвешивая его в руке... И понял, что он никуда не уедет, потому что так это все не оставит. Каким-то образом это его касалось. Он чувствовал, что история с могилой и спасший его террорист — это не просто случайные эпизоды, которые могли бы произойти с кем-то другим. И, дьявол побери, он выяснит, при чем тут он. Впрочем, было кое-что еще... Тадеуш задумался, пытаясь ухватить суть проблемы. Ясное дело: с Эльзой их разделила пропасть. Он отнюдь не собирался соревноваться с ней, как Вальтер — но после ее яростных слов он действительно хотел найти альтернативу ее чудовищному способу «вставать над Законом». Вопрос, кажется, был серьезнее, чем их детская история с побратимством.

Тадеуш хмыкнул, в последний раз подбросив в ладони медальон, и повесил его обратно на шею. Когда он найдет «свой способ» — он его выбросит, раз и навсегда.

Но, черт побери, с чего начать?

Первым делом, решил он, надо вернуться в Вену и выяснить, что тут вообще творится. Как ни крути, а Эльза не сама по себе действовала. Он кое-что слышал о сути эксперимента — и от Вальтера, и от лаборантов профессора. Уж не те ли это люди держали ее взаперти, что изобрели тот излучатель, о котором говорила Эльза... психотропное оружие? Он нахмурился: эта дрянь казалась ему куда хуже пушек и пистолетов. Эх, суметь бы ее уничтожить... такая вещь просто не должна была существовать.

* * *

Тадеуш пошел обратно в город, откуда только что сбежал. Он старался не привлекать внимания; помогала прекрасная спортивная форма и то, что шел он по ночам, держась топкого берега Дуная, а днем отдыхал. Пару раз он наткнулся на патрули и ждал.

На третью ночь он добрался до Фишаменд-дорфа. Тут пришлось выйти ближе к дороге, потому что путь пересекала топь. Селение было за дорогой, и зоркий Тадеуш углядел неладное на его окраине. Там какой-то военный патруль арестовал довольно большую группу людей. Их выводили из крайнего дома, грузили в зарешеченные грузовики и готовились увезти. Что поразило Тадеуша — так это отсутствие всякого сопротивления при численном превосходстве арестуемых. Неужели это мирные люди? Он решил подойти поближе.

В итоге он приблизился настолько, что смог различать лица. У арестованных было даже оружие, которое у них отбирали без спешки! У всех на лицах было абсолютно апатичное

выражение; только в одном читалась борьба. Этот вдруг разразился громкой молитвой и смог справиться с оцепенением. Он выхватил пистолет, бросился в сторону, попытался выстрелить, но был тут же застрелен. Остальные стояли безучастно!

И вдруг Тадеуш узнал кое-кого из пленных. Это был тот верзила, что спас его из-под пуль при покушении на барона фон Лейденбергера. Он стоял в каком-то десятке метров. «Но ведь есть шанс сбежать, — лихорадочно подумал Тадеуш, — Почему же они не пытаются? Неужели это... то самое невидимое облучение? Нет, вряд ли. Тогда, когда толпа шла к поместью Эльзы, я его тоже чувствовал, а сейчас — нет...» Он пристально посмотрел на верзила, потом мысленно просчитал траекторию. Да, он спасет хотя бы этого, отдаст старый долг. Надо подбежать и рвануть его за руку в канаву, потом, пригнувшись, — за угол... Только сдвинет ли он его с места, такого быка? К черту сомнения, сказал себе Тадеуш. Да, это идиотство, но будь что будет.

Он выскочил из укрытия и бросился к высокой фигуре. И, едва он коснулся своего старого знакомого, как того моментально покинула покорность! Правда, сбежать они не успели: верзила долго соображал от неожиданности. По ним ударили очереди. Но... о, чудо! Мимо! Тут уже его спутник прыгнул в канаву, и они бросились прочь. Когда отдышались, Тадеуш отпустил руку спасенного. Тут же глаза верзилы вновь заволокла дымка, и он двинулся обратно! Тадеуш изумился, но быстро схватил его за плечо. Взгляд верзилы прояснился.

«В чем дело?! — силился сообразить Тадеуш, — Что, я умею возвращать людям разум?.. Стоп... тогда, когда мы бежали из поместья, Эльза сказала: не размыкать руки, и мы выбрались из огня... Я что, и это умею? Выходит, эти ученые знали о моем таком свойстве..? Или, может...»

— Ты! — поразился его спутник, — Ну ты даешь! Спасибо. И чего это на меня нашло? Встал, как столб... Только... это... за руки держаться неудобно, когда воюешь. А нам сейчас придется.

— Нет, руки отпускать нельзя. Я и сам ничего не понимаю — но те, с кем я вот так встаю в цепочку, становятся неуязвимыми...

— Ты чего это, парень, несешь такое?..

— Ясно, что вы мне не поверите без проверки. Я и сам удивился, когда понял.

Проверить это им пришлось скоро: после побега их искали. Так спутник Тадеуша убедился в правдивости его слов. Невероятно, но пули их не брали! Верзила не преминул этим странным обстоятельством воспользоваться, подстрелив пару врагов и добыв оружие для Тадеуша. Тадеуш сунул револьвер за пояс, думая о том, как это будет — убивать людей.

— Тадеуш Ковалевский, — протянул он руку.

— Милош, — коротко представился верзила, — Только не начинай, пожалуйста, расспрашивать, зачем я тебя тогда с площади утащил. Дело прошлое, мы в расчете.

Вместе они добрались до Вены. Милош сказал, что у него есть тут какие-то связи. Он был согласен с Тадеушем, что нужно разобраться в происходящем и как-то научиться противостоять зловещему оружию. Вместе они и взялись за дело.

«Связи» Милоша оказались несколькими весьма крепкими людьми, и выяснилось, что все они состояли к немецкому режиму в оппозиции, — за что их товарищам пришлось поплатиться. Именно эту сцену и застал по дороге Тадеуш. Он пытался расспросить, как они угодили в оппозицию, но быстро понял, что эти люди не намерены распространяться о себе.

Было решено вызволить, кого получится, — то есть, ни много ни мало, совершить налет

на тюрьму. Через некоторое время Тадеуш вместе с новыми товарищами бежали от тюремного здания прочь, держась за руки растянутой шеренгой, — а сзади поднимался дым пожара, что полыхнул от их зажигательной бомбы.

Потом было еще несколько налетов. Видимо, никакого отпора от тех, кого облучала психотопная пушка, не ждали, — и потому им удалось вытащить из застенка нужных им людей. Все спасенные пришли к единому мнению: они решили организовать в Вене подполье для сопротивления непонятному и невидимому террору на ее улицах. Обосноваться было удобнее всего внизу, — в бескрайних венских подземельях, особенно имея при себе такого прекрасного проводника, как Тадеуш. Одно было плохо: земная толща совершенно не спасала от лучей «Машины Внушения».

— Хороши же мы будем, усевшись в кружок и держась за руки, — с невеселой усмешкой сказал высокий мужчина, которого все звали по прозвищу: Ткач. Насколько я понимаю, это у нас — единственный способ не попасться под эти самые лучи, как их там... Ну, в таком случае, недолго мы продержимся. Она, судя по всему, вообще выключаться перестала, их машинка. «Проверки лояльности» ввели, каждый вечер весь город утюжат: все, кто совершил правонарушения, — ну, по-ихнему, то есть, — должны выйти и сдать. А кто им сдастся — назад уже не возвращаются, разве что с вашей помощью, — он взглянул на Милоша.

— Пойдите, — вспомнил Тадеуш, — я видел, что, когда их брали, — он тоже кивнул на Милоша, — среди них был один, кто сумел вернуть себе разум. Он... молился.

— Хм... — задумался Ткач, — Ну что ж, попытка — не пытка. Кристин, ты у нас особоретивый прихожанин... — обратился он к одному из подпольщиков, — Знаешь кого-нибудь из попов хороших?

* * *

Привлечь на свою сторону священников оказалось недурной идеей. В их присутствии можно было вести почти нормальную жизнь, — правда, им самим приходилось почти постоянно дежурить, друг друга сменяя.

В подземельях были устроены лагеря, куда стекались горожане, бегущие от преследований. Там тренировались и диверсионные отряды повстанцев. Тадеуш лично возглавил один из них — правда, он состоял из трех человек, но это были сорвиголовы. В их отряде не было священника, и они полагались на странную способность их командира создавать неуязвимость: работали в тройке и не расходились далеко. Тадеуш быстро приобрел популярность и симпатии окружающих благодаря личному обаянию и тому, что именно он дал им свободу и вдохновил на борьбу. Он же наладил обучение проводников, которые ориентировались в подземельях и приставлялись к отрядам. Карты не рисовали, чтобы не давать подобных знаний врагу.

Тадеуш был знаменем подполья. И мало кто знал, что основная работа по координации жизни подпольщиков лежит на Ткаче, — скромном и малозаметном ответственном за снабжение...

Через три недели жизни Сопротивления стало ясно, что, несмотря на все успехи, потери эти успехи затмевают. Силы подполья подошли к пределу, а вражеским конца было не видно. И, что хуже, более эффективных методов борьбы с ними изобрести пока не удалось.

— Придется принять помощь со стороны, — сказал однажды Ткач Милошу. Они сидели в небольшом помещении, которое, по словам Тадеуша, осталось с римских времен. Здесь был личный «кабинет» ответственного за снабжение, в который далеко не все подпольщики знали дорогу.

— Ты про итальянское подполье, что ли? — спросил Милош, сидя на ящике с патронами, — Воля твоя, а они мне доверия не внушают. Вроде бы, называют себя антифашистами — но те обычно комми, ну, или республиканцы, — а эти прямо религиозные фанатики какие-то. Прямо средневековая инквизиция. Откуда такие берутся?

— Ватикан, — коротко ответил Ткач, — Похоже, что католическая церковь тоже в игре. Но у них есть оружие и люди, а главное — их самих не надо охранять да защищать. По крайней мере, поговорить с ними стоит. Завтра от них прибудет делегация. Встретишься с ними — ты и другие командиры отрядов. Послушаем их условия. Я участвовать не буду, но, — Ткач улыбнулся, — тоже послушаю.

* * *

Ватиканцы явились поздним вечером. Их было трое: два человека средних лет и один старик. Старик явно был главным; его звали отцом Умберто, и, несмотря на возраст, в нем чувствовалась неукротимая энергия. Он быстро двигался, резко разворачиваясь на месте, и даже разговаривал как бы бросками; в глазах его светился ум.

Обменявшись приветствиями с командирами отрядов, он тут же проследовал в лагерь беженцев. Он благословил людей, потом краткой молитвой облегчил мучения одержимых, с которыми не справлялись местные священники. Затем он призвал всех к походной мессе там же, в лагере. Он сам провел ее, пылая взглядом; голос его величественно и мощно раскатывался под сводами. Один из молодых сопровождающих подал ему кропило и святую воду, и отец Умберто пошел вдоль ряда паствы. Но когда он добрался до Тадеуша, и святая вода попала тому на рубашу, случилось нечто странное: Тадеуш вскрикнул от неожиданности и схватился за грудь. Пар поднялся от мокрой ткани рубашки. Тут же старый клирик подошел к нему и гневно потребовал расстегнуть воротник. Изумленным взором представился здоровенный и глубокий ожог от медальона. Увы, заклятый эльзин талисман просто выполнил то, что было ему приказано: защитил носителя от враждебного внешнего воздействия, каким для демонов является святая вода.

— Слухи о чудесах, что у вас тут творятся, доходили до меня, — заявил отец Умберто, — И я радовался, что Господь не оставил вас своею милостью. Но ныне я вижу, что ваши «чудеса» — обыкновенная черная магия! Где вы его взяли, молодой человек? — он впился взором в Тадеуша, чуть сгорбившись, как старый кондор.

— Мне дала его... девушка, которая была мне когда-то, как сестра, — Тадеуш не опустил взгляда, — Это долгая история. Но она не ведьма, а ученый.

— Имя! — прогремел святой отец.

— Эльза фон Лейденбергер.

— Что я слышу?! — поразился старик, — Уж не та ли самая, против которой уже поднимались ваши горожане? Кажется, тогда она подняла в ответ шеренгу мертвецов! Вот что скажу я вам: я ехал к вам, как к союзникам, но и представить себе не мог, что вместо борцов с дьяволом найду здесь гнездилище ереси еще худшей. Вы боретесь со злом

посредством зла! Церковь не может принять таких методов. Или вы, юноша, немедленно снимете это и исповедаетесь, — или, — он сделал паузу, — покинете ряды повстанцев. Я, конечно, не ваш командир, — но это условия, на котором мы только и можем иметь с вами дело, — он обвел взглядом бойцов Сопротивления и вперил взгляд в Тадеуша.

Тот стоял, немного опешив от напора святого отца и явно на что-то решаясь.

— Нет, — наконец, сказал он, — Прошу меня простить, но я этот медальон не сниму. Сделок с дьяволом я не совершал! Ничего подобного я не замечал и за медальоном, — а он со мной почти всю жизнь. Я... ношу его сейчас в знак собственной задачи. Раньше, чем я ее разрешу, я не расстанусь с ним. А остальные пусть сами решают, как относиться ко мне! — Тадеуш вскинул голову.

Среди присутствующих поднялся ропот. Они явно поделились на две части. С одной стороны, слышались голоса, что это не дело — бросать командира, который всех их спас и без которого вообще бы подполья не было. Другие, более набожные, говорили, что, раз правда вскрылась, к нему нельзя относиться по-прежнему. Спор затягивался.

Милош попытался исправить положение, хоть и не мог сравниться в красноречии с отцом Умберто. Выйдя на середину каверны, он сказал:

— Ээ... может, не время ссориться, когда враг един и силен? Если так пойдет дальше, наше движение развалится надвое и ослабнет вдвое. Мы тут все, конечно, люди грешные, в тонкостях распознавания дьявола не искушены. И все же, святой отец, мы все это время спасали людей, уж как умели! Если вас смущает один из наших командиров, — что ж, подполье не ждет военной помощи! Но проявите милосердие хотя бы к обычным горожанам. Помогите тем, кто хочет покинуть страну, исцелите больных...

Однако старый священник страшно разгневался.

— Хорошо, сын мой, — холодно сказал он, — хорошо, мы им поможем. Сейчас же мы обсудим с вашими командирами необходимые меры. Но не думайте, что я принял ваши аргументы. Ваши доводы — просто отказ от помощи церкви! Вы предпочитаете союз с дьяволом? Называйте вещи своими именами! Знайте: поступая так, вы объединяетесь с грешниками ради призрачной земной выгоды. Подумайте о том, что ждет вас за гробом! Не предайте себя Сатане, приняв его оружие — ибо с Сатаной сражаетесь! Он же, одной рукой одаривая, второй отбирает. Единство на дурной основе не даст вам настоящую силу. И если вы решите отвергнуться зла — то такой раскол будет лишь благом! Это отделение зерен от плевел, а агнцев — от козлищ, как было предсказано!.. А ты, — обратился он снова к Тадеушу, — был рядом с ней, этой Эльзой, знал о ее злодействах, и дал ей уйти! Глупец!! Говоришь, она была сестрой тебе? Но после этого ты сам ей злейший враг. Заботясь о брэнной ее жизни, ты обрек ее на муки ада, позволив ей дальше творить зло. Она — одержимая! Она — ведьма в дьяволовой власти! Посмотри же на свою грудь, на эту отметину, и подумай об этом.

И, круто развернувшись, старый священник проследовал на совещание командиров отрядов.

* * *

Когда представители Ватикана ушли, Ткач и Милош снова встретились в импровизированном «кабинете» ответственного за снабжение.

— Черт его дерит, — пробурчал Милош, — И как все некстати сложилось! Тадеуш с этой его цацкой...

— Нет, — медленно ответил Ткач, — Это далеко не случайность. Знаешь, кто это был?

— Старик-то?

— Да. Это Умберто Бенини, друг мой, — если имя его тебе о чем-то говорит.

— Признаться, нет, — сказал Милош, — Разве что, кто-то его упоминал, но очень уж давно. Я не знаю, чтобы такой в каких-то нынешних делах участвовал. Или это псевдоним?

— Не псевдоним. Отец Умберто явился собственной персоной, так он всегда и делал. Но ты прав: очень уж удивительно узнать, что старикан в игре. Страшно подумать, сколько ему может быть лет. Он ведь легенда...

Он лет пятьдесят назад еще начинал, — в восьмидесятых годах прошлого века, в Италии. Тогда как раз Папская область приказала долго жить, а итальянские власти выгнали со своих земель французов. Но с папой, представь, итальянцы общего языка не нашли. Он у них жил практически затворником в собственном Ватикане, и стерегли его у всех дверей, чтоб не сбежал. Это же, — вообрази только! — был бы международный скандал... Но мало было папе этих проблем — так у них еще и внутри раскол начался, в церкви-то. На два лагеря разделились священники: на ортодоксов... на традиционалистов, то бишь, — и на обновленцев.

Ну вот, тогда-то он себя и проявил, — Бенини. Он был ортодоксом, да еще каким ревностным. Но главное — он попытался организовать, наконец, в Ватикане спецслужбу. Со времен Папской области они лишились очень сильной сети, а новой не было. Сначала он преуспел, но в итоге надорвался и погорел. Он, фактически, все замкнул на себя, — отчасти от недоверчивости, отчасти потому, что с окружением ему не повезло. Церковь давно сдала те позиции, за которые он боролся. Но, с другой стороны, то, что он сделал, для одиночки было грандиозно. Он заменил собой целую контору, к тому же, умудрился изобрести светочувствительную бумагу и много чего еще, — да и вообще, в технике прогресс он вполне приветствовал, не то, что в вопросах веры...

Но все-таки итог его работы выглядел, как поражение. Казалось, он тогда сгинул в неизвестность. Я, признаться, тоже так думал. Но теперь, похоже, придется другие версии строить. Еще тогда некоторые говорили, что он на самом деле просто разуверился в церкви как в платформе для своей разведки и решил прилюдно исчезнуть, заметя за собой след... Как бы то ни было, это очень сильный игрок, Милош. Кем бы он сейчас ни представлялся, — священником Ватикана, агентом итальянской СИМ, или еще кем-нибудь — прежде всего, он серый кардинал, который привык сам дергать за все нитки.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Ну а от нас ему чего надо?

— Хм... Возможно, он и впрямь хотел с нами сотрудничать, а может быть, и нет. В любом случае, скандал он устроил намеренно, и добра теперь не жди. Одним движением руки он внес в наши ряды раздрай. Теперь нас постараются лишить инициативы, а наше подполье тихой сапой наводнить своими людьми, которые будут представляться кем угодно, только не теми, кто они есть. Может, он хочет нас сделать своей разменной монетой в каком-нибудь торге, а может, ему самому нравятся наши подземелья: тут удобно прятаться, если хочешь играть на австрийской территории...

— Стефан, — не выдержал Милош, — Ты все это так говоришь, что хоть ложись да помирай. Что делать-то думаешь?

— Ну, зачем помирать, — раздумчиво произнес Ткач, — Надо просто реально смотреть на ситуацию. Мы все-таки не зеленые юнцы, и имя Стефана Лодзянского тоже способно кое-кого удивить. А Бенини, похоже, не знает, кто мы такие на самом деле, и принимает нас за обыкновенное местное партизанское движение. Не будем его в этом разубеждать, а лучше оглядимся, кто еще годится на роль союзника.

— Да негусто с кандидатами-то.

— И тем не менее. Пока, если честно, кандидатов всего двое. Первый — это Абвер. Третьему Райху вряд ли понравятся игры итальянцев на их территории, и Ватикан им можно просто сдать. Но, — упреждающе пресек он возражения Милоша, — я понимаю, что кандидатура сомнительная. Во-первых, неизвестна роль абверовцев во всем происходящем, а во-вторых, расследование мое показало, что инициатива устранить нашу группу в 34-м исходила именно от них.

А второй кандидат — это все-таки Ватикан, Милош. Правда, для этого нам придется накачать Тадеуша снотворным и вывезти куда-нибудь на Мадагаскар. И, знаешь ли, мне это уже не кажется слишком плохим вариантом. Да, Тадеуш нас спас. Да, желание его участвовать в Сопротивлении — это половина причины, почему и я в нем участвую. Но остается еще и другая половина причины. Я все же хочу довести до конца расследование и месть за свою группу. Хочу выяснить, кто нас тогда подставил. Некоторое время подполье давало мне для этого базу, — а теперь оно само становится проблемой...

— Черт их дери, — сказал Милош, — Не нравятся мне что одни, что другие. Время еще есть. Давай не будем делать резких шагов, а?

— Что ты, — успокоил его Лодзянский, — Шаги будут исключительно деликатные. Некоторые я уже предпринял. Я, видишь ли, попросил двоих наших священников переметнуться в лагерь сторонников Ватикана, и теперь я более-менее в курсе, что там происходит. К тому же, я им поручил узнать, в каких областях и странах активизировалась деятельность церкви.

— Это еще зачем?

— Оценить размах ватиканской затеи. Я, например, уже сейчас по косвенным свидетельствам сильно подозреваю, что этими областями могут оказаться Австрия, Рурская область, Бавария и долина Дуная.

— Стефан, ты, конечно, голова, но я человек простой. Объясни.

— Независимо от конкретных намерений, Милош, все эти территории — прекрасный плацдарм, с которого можно разрезать Райх пополам. К тому же, это — отличная наступательная позиция для действий в восточном направлении, — в двух шагах от румынской нефти...

* * *

Примерно в то же самое время, как Лодзянский говорил с Милошем, в Берлине, в кабинете Вильгельма Канариса, возглавлявшего Абвер, раздался звонок. Секретарь докладывал, что некто Умберто Бенини добивается с ним встречи.

Канариса мало что могло удивить, — но, при всем его опыте и стаже, внезапное возникновение живой легенды на его пороге вызывало изумление. Он приказал немедленно проводить гостя в свой кабинет.

Войдя, Бенини кратко приветствовал его, — но жестом попросил обождать с разговором. Затем он сотворил крестное знамение и молитву, обходя помещение. Тут Канарису пришлось удивиться еще раз: он действительно заметил, как перестраивается ход его мыслей!

— Теперь, когда дьявольское наваждение оставило вас, мы можем говорить, герр Канарис, — величественно начал Бенини, — Но я опасюсь, что свое внезапное прозрение вы склонны объяснить простой переменной настроения. Увы! — у меня для вас плохие новости. Если вы мне не поверите, я попрошу вас отправиться со мной, и мы продемонстрируем вам обряд экзорцизма над несколькими вашими гражданами. Но суть дела я изложу вам сейчас... Слушайте же! — и Германию, и Австрию захлестнула пандемия одержимости. На ваших улицах исчезают люди, а в городе множатся ведьмы, сумасшедшие и жертвы дьявольских козней, — словно взывая к временам, когда здесь пылали очистительные костры! Чего стоит одна Эльза фон Лейденбергер, деяния которой наблюдали множество людей! Я знаю: некоторые называют это наукой, психотропным оружием, — но хорошо же оружие, от которого спасает молитва и экзорцизм! И это оружие, герр Канарис, у вас использует кто-то, причастный к управлению страной...

Мир катится ко власти тьмы! Не в смертных силах предвидеть дату Страшного суда, но знаки всюду, — они не скрыты. В безбожии своем и слепоте люди не видят их, шагая в пасть Зверя! И мы, призванные быть пастырями людских стад, — можем ли мы остаться в стороне? Сможете ли вы списать наше вмешательство на чисто политические интересы? Я не скрываю, что участвую в политике, но в первую очередь я — защитник Божьего Престола. Политика — лишь средство! И я готов подтвердить свои слова тем, что предлагаю вам полностью вывести решение проблемы из сферы политических интересов. Германия должна собственными силами восстать против дьявола! Мы лишь поможем ей, поскольку не хватает ей верных. Судите сами, скатились бы вы в преддверие ада, не будь это так? Если вы — христианин, вы не откажетесь принять в свои ряды нас, — священников и бойцов с Сатаной, ваших братьев во Христе, готовых сражаться! Усиление Церкви не может идти вразрез с интересами любого государства, считающего себя христианским. Все — все! — еретики должны раскаяться или быть уничтожены!! — Бенини перевел дух, на висках его блеснул пот; секунду спустя он продолжил спокойно и сурово, — Вернувшись, я явлюсь с отчетом к папе. Я буду настаивать на том, чтобы Германия выбирала: Крестовый поход против еретиков — или отлучение от церкви всей страны! Это повлечет невиданный международный скандал в случае вашего отказа. Решайте, герр Канарис!

А сейчас — прошу, идите со мной, если вы сочли мои слова заслуживающими внимания. Я не желаю, чтобы хоть тень сомнения осталась у вас...

* * *

...Спустя два часа Канарис возвратился к себе, расставшись с Бенини. Он видел экзорцизм, и спорить со старым священником ему было сложно. Упомянутые Бенини странности в мире действительно присутствовали, и булла Понтифика могла стать действительно большой проблемой. И, к тому же, эти странности действительно угрожали Райху. Он сам, Канарис, явно пребывал до сего момента в некоем затмении. Неизвестно было, кто за этим стоит и каково его влияние на происходящее, — и это было не лучше, чем

вмешательство Ватикана.

Канарис нахмурился. Он, конечно, понимал: что бы ни говорил Бенини о вторичности политики, святой отец имеет сильный шанс на нее повлиять. Известно, что итальянские фашисты скорее уживаются с церковью, чем опираются на нее. А тут — прекрасная возможность выдвинуть на политическую арену Ватикан! Сейчас святой отец получил его согласие — и страна «совершенно случайно» наводнится не только добрыми священниками, но и сотнями внедренных агентов, террористами явными и тайными, спрятанными до поры в Германии. А поскольку старик и не скрывает связей с СИМ, то понятно, что сначала Ватикан подомнет под себя собственную страну. Италия неожиданно перетянет одеяло на себя в складывающейся антикоминтерновской коалиции, СИМ начнет диктовать условия Абверу с позиций силы...

Кстати, надо срочно узнать, в каких странах активизировалась деятельность церкви, — подумал Канарис. Это поможет предположить масштаб намерений Бенини.

Что ж... придется все же сотрудничать с ним, принять негласную ватиканскую помощь — но постараться свести потери к минимуму...

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ (ЧАСТЬ II), в которой Эльза возвращается в игру

Когда Эльза фон Лейденбергер вновь открыла глаза, она обнаружила себя все в той же яме, — правда, не скорчившейся на дне, а сидящей в позе лотоса. Она вернулась в земную реальность, будто всплыла из темных пространств на поверхность залитого солнцем озера. Странно: тело даже не затекло, и вообще она была в порядке, — насколько это было возможно при ее испорченном здоровье. То, что демон содрал с нее кожу, было, конечно, видением. Теперь же она контролировала его своими силами — и это меняло все ее восприятие.

Гиперболоид и сумка с приборами были все еще при ней. Вокруг стояла тишина. Эльза вгляделась в окрестности; домик Тиля Шварца пустовал и был разорен. Она сейчас не видела никакой возможности ему помочь — и это было досадно. Она, баронесса фон Лейденбергер, всегда платила по долгам.

Она сконцентрировалась, отыскивая своим «спецзрением» связь с Отто. Он откликнулся тут же. По счастью, его в этот момент не пытали Колесничие. Правда, он чуть не упал от неожиданности, взясь в мастерской при лаборатории профессора.

— Я приветствую вас, герр Штальберг, — подчеркнуто вежливо произнесла Эльза, — и хочу узнать: предпочитаете ли вы вести дальнейшие дела со мной, или желаете вернуться в состояние ментального рабства? Увы, в ваше распоряжение я вряд ли явлюсь.

— Думаю, мы можем побыть тактическими союзниками, — после паузы отозвался Отто, — Между нами — ничего личного. Дело — прежде всего. Говорите, фройляйн.

Действительно, что ему еще оставалось?

— Что ж, вы больше не будете подчиняться «Машине Внушения», как и прочим профессорским игрушкам... Он ведь не догадался проверить, насколько вы отличаетесь от обычных людей. Но скажите: долго ли меня искали?

— Вас и сейчас ищут. Правда, не так активно, как сначала. Вас не было тридцать пять дней. Вам это должно быть известно.

— Теперь известно, — кивнула Эльза, — Но я многое пропустила. Скажите, что творится в городе... и вообще?

— Благодаря вашей выходке профессор получил полную свободу, — принялся докладывать Отто, — Кажется, он стал «сжигать» своих Контрактеров одного за другим. Сейчас у него должна быть огромная Пирамида. Я не знаю, где они и что могут. Власть в Райхе держат СС. Они чудовищно усилились. У их общества «Аненербе» масса научных центров. И множество проектов. Аппараты на вриль-двигателях и тахионаторах Туле...

— На чем?!

— Увольте, фройляйн. Спросите у тех, у кого на них Контракты. Остальные разработки — того же свойства. Устройства для чтения мыслей. Телепатия. Психокинез. Естественно, психотропное оружие. Профессор Уберман возглавляет самый перспективный отдел. «Машина Внушения» накрывает теперь все соседние страны. Но... не все так гладко. Появились подпольщики. Они нашли какой-то способ бороться с Машинной. Сидят в катакомбах. У них есть боевые группы. Туда ушли неблагонадежные. Церковники, коммунисты, евреи...

— Странная компания. Я имею в виду сочетание церковников с прочими.

— Кажется, именно они и противостоят Машине. Но это не все. Кроме подполья, Машине не подчиняется венское отделение Абвера. Пытаются мешать СС. Жалуются высшему руководству. Даже проводят операции. Я догадываюсь, как им это удается...

— Дэтлеф Эберт, — произнесла Эльза, — Как я помню, он не любит СС и состоит среди диверсантов Абвера.

— Его я и имел в виду, — подтвердил Отто, — Но на этом исключения заканчиваются.

— Есть еще мы с вами, герр Штальберг, — сказала Эльза, — И думаю, мы способны устроить герру Уберману сюрприз. В его Пирамиде есть очевидная ахиллесова пята. Это — он сам, запертый в своей лаборатории в собственном человеческом теле. Он слишком привязан к своей брэнной оболочке... Если вытащить его из скорлупы, то через него, как за ниточки, можно будет управлять его Контрактерами.

— Просто только на словах, — сказал Отто, — У него прекрасная охрана, включая одного Колесничего. Я — под постоянным наблюдением. Кроме того, все его машины работают. Я уже перечислил, кому они не страшны. Это — капля в море.

— Все, кого вы перечислили — это и есть те, кем мы воспользуемся. Будьте готовы выполнять мои распоряжения. Отбой, герр Штальберг.

* * *

Она прервала связь с Отто, и через минуту уже говорила с Генрихом Хольманом — одним из полицейских, что ей подчинялись. Он заметно продвинулся по службе: благодаря «Третьему глазу» он побил все рекорды раскрываемости преступлений, и теперь занял пост начальника отделения в звании подполковника. Второй из полицейских, по имени Ганс Прибке, по-прежнему состоял среди его собственных подчиненных.

— Добрый вечер, герр Хольман. Помните меня?

— Госпожа Лейденбергер..?

— Да, это я. Вам придется выполнить несколько моих поручений. Прежде всего, ответьте: насколько свободно вы можете располагать собой и своими людьми?

— Ну... Подчиненные в точности выполняют приказы вышестоящих. Если и те, и другие смогут пройти Проверку Лояльности, никто не будет перепроверять каждый приказ без причины.

— В таком случае, вам и Прибке проверки больше не будут страшны, а остальным придется давать обдуманые поручения... Еще один вопрос: кто у вас занимается повстанцами? Теми, что в катакомбах.

— Да ими весь город занимается, баронесса...

— Отлично. Расскажите вкратце, что они собой представляют, и какие у вас на них выходы.

— Несколько человек мы к ним внедрили. Их там до последней недели было сотни три, а теперь — сложно сказать. К ним откуда-то подкрепление пришло. Вроде бы, иностранные антифашисты, — но все, как на подбор, религиозные. Теперь у них там назревает раскол, и я думаю, эти пришлые хотят власть перехватить. Старые подпольщики их «инквизиторами» величают. Эти «инквизиторы» настаивают на том, чтобы истреблять тех... ну... кто у них в лагерях теряет над собой волю. Как мы выяснили, речь о таких, кто не может пройти Проверку, но не может ей и сопротивляться... Таких «инквизиторы» считают одержимыми

дьяволом. Но остальные — прежние, то есть, подпольщики — считают одержимыми самих инквизиторов. Уже начались стычки. У тех, старых, людей меньше. Самый знаменитый их командир — некто Тадеуш Ковалевский. Он и основал это подполье.

— Сможете ли вы организовать с ними переговоры? Со старыми, я имею в виду. Нужно, чтобы к ним отправился Прибке. Я скажу ему, куда идти и что говорить.

— Хм... Да, пожалуй, да. Сегодня вечером.

— Хорошо. И последнее: вы наверняка составили портреты членов подполья. Прошу положить копии в тайник, который я вам укажу.

— Слушаюсь.

— Благодарю за сотрудничество. Конец связи, герр Хольман.

* * *

День Эльза скоротала, выстирав и высушив одежду и кое-как приведя себя в порядок. Было пасмурно и сыро, осень вступала в свои права, — но она не решилась разжечь костер. От холода она спасалась, выставив на шкале гиперболоида режим слабого теплового излучения.

Вечером на связь вышел Прибке:

— Я на месте, госпожа баронесса.

— Да, вижу, — она действительно видела, как полицейский дошел по подземельям до точки, что она ему указала, — Сейчас на вас выйдет патруль. Положите сверток на землю, поднимите руки и ждите. Потом — повторяйте за мной...

Полминуты — и Прибке заметили. К нему бросились трое, держа его на мушке. Эльза знала, что эти стрелять не будут — это было бы совсем не похоже на того, кто был у них главным.

— Эй! Не двигаться!

— Не двигаюсь, — сказал Прибке, — Я пришел к вам по делу. Могу я поговорить с вашим командиром?

— А сам-то кто таков? — спросил Тадеуш Ковалевский.

— Полиция Вены, сержант Ганс Прибке...

— Что?!

— Прошу вас только выслушать и передать мои слова тем, кто у вас принимает решения, — Прибке слушал себя, как со стороны; он в жизни не выражался столь длинными и отточенными фразами, — Мы предлагаем вам сделку. Нас крайне беспокоят фанатики, которые появились в ваших рядах. Знаем, что и вам они доставляют проблемы. Вы поможете нам с ними справиться. В обмен мы снабдим вас вот такими шлемами, — он указал себе на голову, — Это защита от «Машины Внушения», которая облучает город. Я принес вам один на пробу. Они у нас остались со времен отряда «Бальмунг». Благодаря им не все в полиции подчиняются приказам Машины.

— А после «инквизиторов» вы разделаетесь и с нами, — недоверчиво сказал Тадеуш.

— Нам будет не проще это сделать тогда, чем сейчас. И... я не могу раскрывать детали, но не всем в стране нравится «Машина Внушения», — в том числе у нас, в полиции. Если я не ошибаюсь, подполье в основном образовалось из-за нее. И если в один прекрасный момент Машина все же перестанет работать — полиция обещает амнистию всем, кто

сложит оружие после этого, а сейчас окажет нам помощь.

Тадеуш задумался на пару секунд, потом тряхнул головой:

— Сами понимаете, нам нужно это обсудить. Сейчас вы пойдете с нами.

— Прошу меня простить, — сказал Прибке, — но если вы возьмете меня в плен, я не смогу потом вернуться в полицию, и все сорвется. Сейчас я должен идти. Вот, возьмите шлем, — он кивнул на сверток у своих ног, — Если вы примете предложение, завтра встретимся здесь же...

— Отлично, герр Прибке, — сказала Эльза, когда повстанцы удалились, — А теперь, если вам не сложно, отправляйтесь за город, к селению Виндульгсмауэр. Я выйду к дороге, когда замечу вас. Вы доставите меня в Вену.

* * *

Поздней ночью Эльза фон Лейденбергер покинула автомобиль полицейского, миновала несколько подворотен, открыла люк в углу двора и нырнула в катакомбы. С ее зрением ей было несложно избегать встреч с повстанцами; гораздо сложнее было передвигаться в коридорах, временами становящихся то низкими, то слишком крутыми, а то и полузаваленными — и тут выручал гиперболоид.

Она искала то, чего совсем недавно постаралась бы избежать. Толща земли над головой не была преградой, — и нашла она довольно быстро. Прямо над ее головой шла кровавая линия ловчего заклятия, прочерченная Колесничим. Это было что-то вроде паутины, в которую раньше он ловил членов «Бальмунга», а теперь — зазевавшихся эсэсовцев, да и прочих, кого подсказывало ему вдохновение.

Она выбралась на поверхность, сдвинув ливневую решетку. В ее руке было письмо, зашифрованное несложным шифром и запечатанное в конверт. Она положила его рядом с линией. Вздохнув несколько раз, как перед прыжком в воду, она решительно наступила на черту...

Сердце сжалось, дыхание сбилось, — но теперь это не был прежний тотальный ужас, поглощавший все ее существо. Она сохранила самоконтроль, — и если бы не это, то здесь закончились бы все ее планы. Она стояла, наблюдая, как стремительно приближается по улицам фигура Колесничего. Когда ему оставалось преодолеть лишь один поворот, Эльза сошла с линии и прыгнула в чернеющий проем, успев задвинуть решетку за собой. Там ноги ее подкосились, и она прижалась к стене, стараясь не дышать...

Дэтлеф Эберт вылетел из-за угла, бешено озираясь. В ловушке никого не было! — только белел на земле бумажный прямоугольник. Подобрав его, он прочел: «Начальнику абверштелле Вены — лично в руки».

...Через полтора часа в назначенном месте затормозила машина; навстречу ей из ближайшей тени выступила Эльза.

— Располагайтесь, баронесса, — сказал тот, кто открыл ей дверь, — как вы и просили, ваше место — безо всякой защиты.

Эльза заглянула внутрь и с трудом удержалась от улыбки: весь салон был исписан кровавой вязью, и на шеях у сотрудников Абвера висели рунические амулеты. Ее шансы явно повышались: вряд ли они были в восторге от таких украшений.

...Интерьер начальственного кабинета украшали уже знакомые рунные письмена —

через все четыре стены и потолок.

— Зовите меня Теодор Росс. Я уполномочен говорить с вами, госпожа фон Лейденбергер, — сухопарый человек в пенсне прямо глядел на Эльзу, сидевшую от него через стол; она уже успела поест и переодеться. Одежда была ей немного велика, — Я вас слушаю.

Эльза мило улыбнулась. Она, конечно, будет звать его Теодором Россом, хоть и видит его настоящее имя.

— Как я и писала в письме, я могу вам кое-что рассказать о странностях, которые вы не могли не заметить, — начала Эльза, — И также могу предложить средство избавиться от них. Но для этого придется сделать небольшое теоретическое отступление...

И она, как могла кратко, поведала своему собеседнику о демонах, Кристаллах, Контрактах и Пирамидах, — а закончив с этим, перешла к своему плану.

— Наверное, вы испытываете сомнения по поводу моих выкладок, — завершила Эльза, — И могу лишь подтвердить: риск в этой операции есть. Увы, устранить его мы не можем: наш противник силен, и мы не знаем, насколько. Но от нашей попытки хуже не станет, не так ли?

— Хм... То, что нам приходится пользоваться этим, — Теодор Росс обвел взглядом кабинет, — убеждает меня, что понятие науки несколько расширилось. Должно быть, ваши слова имеют под собой почву. Но, фройляйн, чего хотите лично вы? Вам мешает профессор, как я понял?

— Не столько он сам, сколько демоница, с которой у него Контракт. Моя настоящая цель — она, но эти подробности совершенно не касаются дела. Профессора я отдам вам. Взамен я прошу амнистию для всех подпольщиков, что оставят борьбу к окончанию операции, а также пересмотра того, кто и почему попал в тюрьмы и лагеря. Большая часть заключенных — просто кандидаты в жертву, чтобы работала «Машина Внушения». И, уверяю вас, после этого причин для существования подполья станет гораздо меньше.

«Как и шансов потерять Кристалл — для меня», — добавила про себя Эльза.

— Видимо, вы очень добры, раз вас волнует судьба невинных жертв, — усмехнулся ее собеседник. Конечно, он слышал о том, чем занималась Эльза, находясь в плену, — да и раньше.

— Объяснение не хуже прочих, — улыбнулась в ответ Эльза. Она не собиралась раскрывать все карты перед своим случайным союзником.

— Правдивое мне понравилось бы больше, — парировал Росс, — Но пока оставим это. Итак, у вас есть связи в полиции, среди повстанцев и, наконец, с нами. Я ничего не упустил?

— Кое-кто в окружении профессора.

— Ах, да... Вы неплохо освоились в мире спецслужб, баронесса.

— Ну что вы. Я всего лишь действую так, как действовала бы в собственной лаборатории — решаю систему уравнений с заданным числом переменных и одной большой неизвестной... Но что скажете о моем предложении?

Теодор Росс снял пенсне, протер, снова водрузил на нос и качнул головой с улыбкой:

— Что и говорить, предложение необычное. Вам придется немного подождать. Без одобрения Берлина мы не можем решать подобные вопросы...

— Простите, но я вынуждена вам напомнить: «Машина Внушения» накрывает и Берлин.

— Не волнуйтесь, баронесса. Я не вправе вдаваться в подробности, но я уверен: конфиденциальности нашего дела это не повредит.

«Очень интересно... и странно, — подумала Эльза, — неужели Колесничий умудрился и в Берлине исписать все рунами?»

* * *

Но дело было не в Колесничем.

На шее Канариса под кителем был католический крест, врученный ему лично Умберто Бенини.

Выслушав представителя венского абверштелле, он думал недолго: Вена получила от Берлина карт-бланш. Если с профессором удастся справиться своими силами — это позволит выбить почву из-под ног Бенини, который, кажется, решил все нити собрать в своей руке. Ну, а если уж не удастся... тогда от абверштелле Вены не поздно будет откреститься.

* * *

Эльза почти дошла по коридору до комнаты, которую отвели ей на время ожидания, — как вздрогнула и остановилась. В замочной скважине алела роза.

Она обернулась. На подоконнике окна как раз напротив комнаты устроился весело улыбающийся Колесничий. Она не заметила его из-за его же рунической защиты, покрывавшей все стены.

— Как и говорил я, ты сама захотела меня найти, — сказал он.

— Еще бы, герр Эберт, — ей удалось сохранить спокойный тон, — Мне ведь нужно было, чтобы кто-то передал письмо. Увы, я не могла явиться в Абвер с парадного входа. Как вы меня на сей раз нашли?

— Твой след ни с чьим бы я не спутал, — проникновенно произнес Колесничий, — А раз так, то оставалось лишь явиться мне по адресу письма.

— Зачем? Вы хотите, наконец, сломать мне руку? — с холодом в голосе осведомилась Эльза, шагнув к двери, — Учтите, ваше начальство этого не одобрит.

— Лишь в том вопрос, одобришь ли это ты, — отвечал тот, улыбаясь шире. Он кошачьим движением соскользнул с подоконника и быстро отсек ей путь и к комнате, и к лестнице.

— Что вам нужно?! — Эльза сделала шаг назад и спиной уперлась в стену. Она почему-то словно забыла, что можно просто позвать на помощь. В голове крутилась мысль: надо узнать, он ли побывал в Берлине у их начальства...

Колесничий резко схватил ее за руки, притискивая к стенке, — и вдруг сказал странным, незнакомым голосом:

— Я лишь явилась взглянуть на твоего нового Контрактера поближе, Сэнгэ!

Эльза застыла... Ей стало понятно: с ней говорит вовсе не Дэтлеф. Это Колесница через него обращалась сейчас к ее демону. Тот дернулся, хоть это и было всего лишь прозвище, — и Эльзе стоило немалого труда удержать над ним контроль. Сердце грохотало ударами крови в ушах.

— Похожа на тебя, как и прежние! — звонко сказала Колесница, — Тоже думает, что

можно оплатить свою цель чем-то, что не имеет цены! Прямо как ты! Прямо как ты когда-то! Одно лишь необычно... — голос вновь сменился, и Дэтлеф договорил своим собственным: — Если ты все равно платишь тем, что себя разрушаешь, то почему не продолжить нам танец?

— Потому что это средство, а не цель! — яростно выдохнула она, пытаясь его оттолкнуть.

— Ха-ха-ха! — залилась Колесница высоким смехом, — Ложь! Средство — то же, что цель. Я расскажу тебе кое-что, что слышала от одного налджорпа, Сэнгэ. Знаешь, почему мы, демоны выбираем в Контрактеры тех, кто на нас похож? Нет, вовсе не только для того, чтобы проще было заключить Контракт! Раз за разом мы безнадежно хотим, чтобы этот человек прошел наш путь в обратном направлении — ведь когда-то мы тоже были людьми! Мы хотим на самом деле, чтобы он сжег свой Контракт. Мы хотим, чтобы он исполнил то, из-за чего мы сами когда-то себя потеряли. Мы хотим этого, хоть для нас, демонов, это и верная гибель! Потому что быть демоном — хуже смерти... Он сказал: мы желаем саморазрушения. Так он сказал, тот старый дурак! Я оторвала ему голову... Но это правда, Сэнгэ! — пальцы Колесничего сжали подбородок оцепеневшей Эльзы, — Я лишь сделаю, чего ты и сам хочешь, я сломаю тебя, потому что ты мой...

— Эберт!! — гневно рявкнул кто-то сзади, — Немедленно прекратить!

Дэтлеф вздрогнул и ошеломленно расширил глаза, будто проснулся. Он явно не сразу сообразил, где и зачем находится. В это время Эльза, наконец, вырвала руку из его хватки и врезала ему по физиономии.

Теодор Росс быстро приблизился к ним:

— Что вы себе позволяете?!

— Нанес визит я баронессе в знак давнего нашего знакомства...

— Было не похоже! К тому же, вам запрещено приближаться к госпоже фон Лейденбергер.

— Каково знакомство — таков и визит! Впрочем, я принес розу, — прежний тон возвращался к Колесничему.

— Думаю, если вы еще раз попытаетесь меня коснуться, кинжалом в боку вы не отделаетесь, — глаза Эльзы сузились.

— Думаю, что это лишь вопрос времени, — ухмыльнулся Дэтлеф, — Ибо предвижу я, что ты можешь и передумать. Увидимся, фройляйн... и тогда станцует наш танец с тобой до конца!

Не сводя с нее горящих глаз, он двинулся прочь мимо Росса. У того на скулах заиграли желваки.

— Прошу извинить, баронесса, — сухо сказал он, когда Эберт скрылся, наконец, из виду, — Этот наглец дождетя все-таки трибунала. Я прикажу усилить охрану.

— Это ожидаемо. Он — глаза и уши своей демоницы, а она начинает беспокоиться. Но он пока нам нужен.

— Только поэтому он еще на свободе, госпожа фон Лейденбергер, — кивнул Теодор Росс, хотя взгляд его продолжал оставаться недоверчивым, — Но в подобных случаях лучше все-таки звать охрану.

Коротко кивнув, он удалился.

...Эльза опустила взгляд на свои руки. Они почти не дрожали; теперь, после победы над демоном, ей стало куда проще сохранять самообладание даже в отношении Колесничего.

Она взяла розу, поглядела на нее несколько секунд — а потом резко сломала в кулаке.

* * *

Эльза вошла в комнату и огляделась; обстановка была дежурная, но не лишенная изящества. Она поставила сумку в угол и вытянулась на кровати — впервые за последний месяц, усмехнулась она про себя.

Заложив руки за голову, она вызвала Отто.

— Герр Штальберг, — сказала она, — Если вы не заняты, я хочу обменяться с вами новостями о расследовании.

— Могу говорить, — лаконично ответил Отто.

— Тогда начну первой. Когда я покинула лабораторию вместе с Тадеушем Ковалевским, я расспросила его о деле, — и Эльза пересказала то, что касалось могилы и покушения, — Как видите, он действительно не был злоумышленником, — заключила она, — У меня сложилось впечатление, что кто-то использовал его, чтобы донести информацию до барона.

— Мои сомнения — при мне, — сказал Отто, — Я просмотрел портреты подпольщиков. Те, что ваш полицейский положил в тайник. Знаете, кто орудует в подземельях? Люди Лодзянского. Нескольких я узнал. И этот Тадеуш — снова с ними! Не много ли совпадений?

— Да, это новость для меня, — медленно проговорила Эльза, — Но это не опровергает моего предположения. Не знаю, зачем он Лодзянскому, — но он и сам может этого не знать. Вспомните: впервые он услышал о могиле еще до того, как на ней появились все оккультные декорации. Прямым следствием этого стал его отъезд. Возможно, у могилы было два предназначения: первое — заставить его уехать, а второе — заманить в ловушку моего деда.

— Пока это не прояснится, он — на подозрении, — упрямо повторил Отто.

— Я понимаю, — вздохнула она, — А что у вас с вашей частью — войной и шпионажем?

Если Отто и поколебался, то лишь долю секунды. Эльза догадывалась, что он тоже обдумывает, что ей говорить, а что нет.

— Конечных выводов пока нет, — сказал он, — Собрал некоторые факты. Группу Лодзянского частично уничтожили французы. Они же заставили поляков свернуть прочую легальную деятельность у нас. Вы это знаете, я говорил. Но, похоже, французская внешняя разведка это сделала под немецким давлением.

— Абвер..?

— Да.

— Но как французам это удалось? Я имею в виду: свернуть чужую сеть, как свою собственную.

— Неудивительно. Поляки изначально у них были на коротком поводке. Французы опекали их разведку с рождения. И пользовались, почти как как своей.

— А почему сами они вдруг стали играть в немецкие игры?

— Как я понял, их прижали. Недавно Райх разгромил англичан. Уничтожена вся английская сеть. Была жесткая акция. А Франция привыкла полагаться на Англию. Французы остались без поддержки. Райх дал им возможность избежать английской судьбы. За это они заплатили поляками.

— А немцы формально сохранили чистые руки перед Польшей, — догадалась Эльза, —

У них ведь до сих пор есть какой-то камень преткновения?

— Данцигский коридор... Кстати, у Польши ухудшились отношения с Францией. Достаточно было пары намеков со стороны Абвера.

— Ясно, — усмехнулась она, — Но вы правы: до конечных выводов относительно барона тут далеко. Это все?

— Почти. Я искал, кто именно в Абвере отдал приказ. Выяснил: там был некий офицер. Пока не знаю, кто. Только псевдоним. Вильгельм Линц. Он навел Абвер на барона. Он предложил и план, как избавиться от поляков вместе с французами. Но потом сам стал мешать коллегам его осуществлять. Он пропал без вести. Похоже, его убрали свои.

— Странная история. Как я понимаю, вы ее считаете возможной зацепкой?

— Верно.

— Может быть, я что-то узнаю, пока буду сотрудничать с ними. Насколько я поняла, они хотят продолжать использовать профессора со всеми его связями, — но, когда Колесницы не станет, его Пирамиду придется реорганизовать. Тут им не обойтись без меня.

— Хорошо. Но, фройляйн...

— Я помню, — пожала она плечами, — Они не должны узнать о степени вашей осведомленности. Не волнуйтесь: уж настолько-то я освоилась в мире спецслужб. Да, кстати: когда вы упоминали, кто не подвластен влиянию профессорских машин, вы не упомянули берлинское начальство Абвера.

Тут пауза в разговоре вышла явной.

— Не упоминал, потому что не знал, — отозвался, наконец, Отто, — Вы уверены?

— Я — нет. А вот их венский реферат — да. Хорошо бы было узнать, наш ли это старый знакомый Дэтлеф Эберт о них позаботился. И если это не он — выходит, мы что-то упускаем. Или — кого-то.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ (ЧАСТЬ I), в которой Эльза захватывает профессора, а потом все снова идет прахом

Берлин дал добро на операцию через три дня, и еще двадцать ушло на подготовку. Эльзу отвезли на венскую окраину, где под прикрытием фабрики находилась техническая мастерская и автобаза для нужд военной разведки. Помогать ей было некому, и ей пришлось в одиночку собрать оружие и защитные шлемы — для Абвера, полиции и для тех повстанцев, что согласились сотрудничать.

Все это время и полицейские, и Отто держали ее в курсе дел. От полиции она узнала, что противостояние среди подпольщиков вот-вот обернется вооруженным столкновением. «Инквизиция» день ото дня становилась нетерпимее и напористей, уже были драки и даже неудавшееся аутодафе. Тогда их удалось остановить, но в завязавшейся стычке был ранен Тадеуш Ковалевский — знаменитый командир повстанцев. У них великолепная подготовка, докладывал Прибке. Они не только прекрасно дерутся, но все свободное время проводят в молитве, уверенные, что это защитит их от дьявольских козней, — так они упорно именуют «Машину Внушения»; и приходилось признать, что Машина их не пугает. Если это действительно был Ватикан, как считали подпольщики — то выходило, что церковники вернулись к идее боевых орденов на новом уровне. Должно быть, у них были тренировочные лагеря и все, что полагается частям специального назначения.

Прибке получил от делегатов лояльной части Сопrotивления согласие на совместную операцию, в которой они вместе с полицейскими выбьют из катакомб «инквизицию». Видимо, подумала Эльза, перевес не на стороне людей Тадеуша, раз уж они решились вмешать в свои дела «легалых»... В подтверждение союза полицейские передали повстанцам защитные шлемы, что она сделала для них.

...Отто теперь тоже знал, что задумала Эльза, — по крайней мере, ту часть плана, что касалась профессора. Он должен был взять в свои руки лабораторию Убермана, когда придет время, и теперь подробно сообщал ей, где находится огромная «Машина Внушения», где обычно пребывают Колесничие, где и сколько у профессора охраны, какое у них оружие и с чьими Контрактами связано, — ведь теперь у него снова было «особое зрение». Хорошей новостью было то, что целых два Контрактера построили для профессора новую защиту — что-то вроде «изолирующего контура», которым пользовалась Эльза. Это давало шанс, что Колесница не доберется до него, когда поймет, что настоящая цель — она; ведь если Уберман будет отрезан от мира, он даже не сможет передать своим подчиненным приказ эту защиту отключить, — а напрямую Колесница может приказывать лишь собственным Контрактерам — Колесничим.

Эльза не посвящала Отто в излишние подробности о жизни подпольщиков, но все же поделилась подозрением, что за «инквизицией» может стоять Ватикан. И если это так, то они вполне могут быть теми, кто вывел берлинское командование Абвера из-под влияния Машины. Отто ответил, что, если это и правда, то это говорит о двойной игре Берлина, но все не повод отменять план, — время покажет, за кем будет перевес. Что ж, тут Эльза была с ним согласна...

Октябрь шел к концу.

Вечером 26-го в мастерскую Эльзы пожаловали гости, — впрочем, ожидаемые. Вошли двое диверсантов; каждый нес на плече нечто, завернутое в рогожу. Следом в помещение шагнул Теодор Росс.

— Положите на стол, — вон туда, — и ждите на выходе, — распорядился он.

Когда они вышли, он сам отбросил край рогожи с одного из свертков:

— Вот тот, кто вам нужен. Хайнц Штраубе, врач, полковник СС. Вот его документы, — он развернул к Эльзе бумаги, держа их рукой в перчатке, — Как видите, немногие имеют право чинить ему препоны.

— Очень хорошо, — кивнула Эльза, — Завтра это будет кстати.

Росс снял и протер пенсне; такая у него была привычка, когда приходилось говорить необычные вещи.

— Скажите, баронесса: не помешает ли мое присутствие вашим дальнейшим действиям? Я слышал о вашей работе, и, признаться, мне интересно увидеть материальные подтверждения вашего плана.

— Конечно, — Эльза улыбнулась, — Я ведь не средневековый некромант, которому нужна таинственность, кладбище и новолуние.

Она развернула рогожу, окинула взглядом тело; диверсанты сработали чисто, и на нем не было видно повреждений. Она сняла с мертвеца обувь, расстегнула ему манжеты рубашки и откинула со лба прядь волос.

— Жаль, что нет хирурга, — светским тоном произнесла Эльза, — Но думаю, я справлюсь, — и она склонилась над телом с какими-то инструментами. Послышался звук, который заставил начальника абверштелле поморщиться: она явно вскрывала Хайнцу Штраубе череп. Повозившись еще немного, Эльза защелкнула на руках и ногах трупа тонкие браслеты, — Это реглеры, — она продолжала разъяснения, как любезная хозяйка, — Они удерживают спиритическую оболочку, связывая ее с телом, а также позволяют им управлять. Сейчас нам необходим контакт..., — она быстро присоединила к пяти точкам на теле провода, застегнула на себе браслеты и надела шлем, — И электричество, — с этими словами Эльза переключила пару тумблеров на генераторе рядом.

Послышался треск разряда, остро запахло озоном. Тело дернулось. Эльза, прямая и неподвижная, простерла над мертвецом руки:

— Встаньте!

Теодор Росс почувствовал, что холодный пот с затылка стекает по его спине. С колотящимся сердцем он увидел, как мертвец открыл глаза, неловко и медленно сел.

— Как вас зовут? — повелительно продолжала Эльза.

— Хайнц Штраубе, штандартенфюрер СС.

— Приветствую вас, герр Штраубе. Вы вызваны для выполнения важного задания. Завтра в 8.20 вы должны прибыть в больницу для умалишенных по адресу, который вам сообщат. Там вы предъявите свои документы и распорядитесь, чтобы вас провели внутрь. Вам нужен пациент по имени Густав Менц... так он зарегистрирован в лечебнице. Вы освидетельствуете состояние местных больных и составите акт, по которому заберете его и еще двоих для дополнительного обследования. На любые расспросы отвечайте, что ваша

цель не подлежит разглашению. Можете упомянуть, что она связана с возможной программой кардинального решения вопроса излечимости подобных пациентов. После этого вы препроводите его к машине, где вас будут ждать, и в дальнейшем будете выполнять мои приказы. Как поняли меня?

— Я понял, — интонации становились все более живыми, — Я исполню приказ.

— Отдыхайте, — приказала Эльза. Тот послушно улегся, и она накрыла его рогожей.

— Да, вы правы: это не какое-то средневековое мракобесие... — выдавил из себя Росс, — А зачем еще двое?

— Не стоит привлекать внимание к одному Менцу... вернее, Мартину Фогелю, вдруг куда-то увезенному. К тому же, есть еще одна причина, на которую я Вам уже намекала.

— Ясно, — Он обошел стол и снял край ткани со второго тела; показалось удивительно красивое лицо, — Вот девушка. Ее звали Грета Крайн, она — член подполья. Не прошла Проверку Лояльности позавчера, вышла сдаваться. Насколько я понимаю, она подходит для провокации среди подпольщиков, которую вы замыслили.

— Вполне, — невозмутимо ответила Эльза, скользнув взглядом по юному лицу покойной, — Она получит роль, о которой и мечтать не могла, — и положит конец расколу среди своих товарищей.

И она склонилась над Гретой Крайн, орудуя инструментами.

* * *

...Утром 27 октября Эльза сидела в закрытом фургоне в сопровождении людей Абвера. Было уже 9.05, но Хайнц Штраубе все не выходил; впрочем, она видела, что он занят осмотром. С ним были два санитары и главный врач, — и это были единственные обыкновенные люди среди всех, кого они встречали в палатах. Нет, причина заключалась не только в психических болезнях, — просто кроме абсолютно неменяемых, прочие пациенты либо принадлежали к Контрактерам, либо уже потеряли свои Кристаллы. Структура реальности вокруг здания была искажена десятками невиданных физических законов.

...Наконец, дверцы распахнулись: Штраубе втолкнул в фургон двоих людей в смиренных рубашках и третьего, — Мартина Фогеля, того самого, что управлял «Машинами Пропаганды»; того, кому профессор приказал «сгореть», чтобы сам он мог строить свою Пирамиду. Это оказался нервный молодой человек с нездоровой привычкой постоянно быть в движении. Он то потирал пальцы, то теребил волосы, а потом нашел между досок скамьи щепку и принялся ее вертеть в руках.

Фургон закрыли; Штраубе сел впереди, рядом с водителем, и автомобиль тронулся, направляясь к окраине.

— Доброе утро, — сказала Эльза Мартину Фогелю, — У меня к вам дело, господин Менц. Мне нужен Контракт с вами. Я знаю ваше настоящее имя, поэтому думаю, что вы согласитесь.

— Да, да, хорошо, хорошо, — тот забормотал, обводя присутствующих беспокойными глазами и улыбаясь, — Что вам угодно, фройляйн?

— Мне необходим ментальный контроль над пространством радиусом в сто метров от того, кто был рожден под именем Ганс Уберман. Должна быть возможность выборочно концентрировать усилия на отдельных людях.

— Хорошо, хорошо... А оплата?

— Человеческие жертвоприношения.

— Оружие Контракта..?

— Гиперболоид.

— Хорошо! — глазки Фогеля сверкнули, — Тогда... вашу руку, фройляйн..?

— Эльза фон Лейденбергер.

Она протянула руку, и Мартин Фогель чиркнул по ее запястью отросшим ногтем. Порез вышел удивительно глубоким. Он тут же подставил руку, собирая кровь в пригоршню. Поднеся ладонь ко рту, он выпил ее немного, а оставшейся начертил Эльзе знаки на лбу, руках и ногах, — и еще несколько на полу и стенах фургона (сопровождающие потеснились на скамье, избегая соприкасаться с ненормальным). Структура мира дрогнула и перестроилась, — к великому Закону добавилась новая часть.

— Отлично, — Эльза кивнула, рассматривая гиперболоид, что возник в ее руке движением ее воли. Неожиданно подняв ствол, она сделала два выстрела. Тела двоих умалишенных обмякли. На их лбах запеклись две крохотных точки. Оружие Контракта приняло свои первые жертвы.

Никак это не прокомментировав, она обратилась к водителю через зарешеченное окошко:

— Будьте любезны ехать быстрее. За нами погоня. Удивительная бдительность: кто-то озаботился позвонить по месту службы нашего доктора.

Водитель нажал на газ, но через несколько минут машина остановилась. В условленном месте за городом их ждал второй автомобиль Абвера. Все, кроме Хайнца Штраубе, покинули фургон. Эльза повернулась к Мартину Фогелю:

— Полагаю, вам опасно и ни к чему оставаться в своем теле, — с этими словами она подняла гиперболоид, и плазменный луч оставил от него пустое место, где дымилась земля, — Кстати, прикажите тем троим, кто вам прямо подчиняется, при первой же возможности тоже покинуть тела, — она повернулась к врачу и бросила ему свой гиперболоид, — Герр Штраубе, вот вам оружие. Прошу вас сесть за руль и прокатиться куда-нибудь в ад вместе с нашими преследователями. Уходим, — кивнула она остальным.

Вторая машина рванула с места, резко свернув на боковую дорогу, а штандартенфюрер Хайнц Штраубе развернул фургон навстречу погоне. Он быстро скрылся за поворотом, но Эльза видела, как он сближается с двумя автомобилями... как они пытаются затормозить и перегородить дорогу... как он поднимает гиперболоид... как вспышка плазмы перерезает обе машины вместе со всеми, кто был внутри и кто попытался все-таки выскочить... и как фургон Штраубе врывается в горящий остов одной из них, занимаясь пламенем.

Эльза сжала руку, и гиперболоид — без единой царапины, — появился в ее руке.

* * *

Теодор Росс ждал ее звонка, протирая пенсне и вновь насаживая его на нос. Да, он немного нервничал.

— Все прошло успешно, — доложила Эльза, — Мы готовы к последней фазе операции?

— Да, баронесса. Наши люди уже заняли позиции у секретных объектов СС. Остальное — за вами.

— А герр Дэтлеф Эберт — с ними?

— Да. Разве он мог пропустить такое? Думаю, он порадует нас не одним десятком отрезанных голов... Госпожа баронесса, — с сомнением в голосе сказал ее собеседник, — Мы вняли вашим словам и держали его в неведении о нашем плане, и он многое сделал для нашей безопасности... но в последнее время он внушает мне серьезные опасения.

— Хм, только в последнее?

— Я ценю вашу иронию, но раньше он хотя бы был управляем. А еще раньше, если хотите знать, это был просто романтический юноша: говорил, что хочет вернуть мир богов и героев, увлекался стихами, древними преданиями, битвами, рунами, и отнюдь не проявлял склонностей к мучительству. Я читал его досье... Но сейчас он идет в разнос, если называть вещи своими именами. Он шляется ночами по городу, и у меня неутешительные сведения о том, чем он там занимается. Между прочим, большинство его жертв навязчиво похожи на вас.

— Очевидно, он тренируется. Увы. Я говорила вам: все Колесничие на пике могущества сходят с ума, становясь слепыми орудиями их демоницы. Вся их сила — от того, что они ей сдаются, и обратного хода этот процесс не имеет. Его время пришло.

— Мы не можем держать в своих рядах сорвавшегося с цепи маньяка. Не лучше ли устранить его уже сейчас?

— Нет. Во-первых, это даст Колеснице лишние поводы для подозрений, а во-вторых, он не слушает вас. Но могу ли я считать, что получила санкцию на его уничтожение?

— Баронесса... вы?

— Да. Поверьте: у меня тут теперь больше шансов, чем у всего диверсионного отдела, вместе взятого. К тому же, это необходимо для нашего плана. Нам предстоит битва с Колесницей, — а это значит, ее нужно лишить всех ее Контрактеров, чтобы она ниоткуда не могла получать подпитку. Я заставлю «сгореть» ее астролога, чтобы встретиться с ней лицом к лицу. Но остальные Колесничие слишком сильны, чтобы пытаться взять их живыми.

— Я понял, баронесса. Что ж, я положился на вас однажды — и полагаюсь впредь... Я объявляю начало последней фазы.

— Приступаю к выполнению, — четко сказала Эльза, — Конец связи!

...Она сосредоточилась, отслеживая влияния своих Контрактов. Ее «демоническое» зрение позволяло ей действовать экономно и точно.

В одно мгновение все люди в радиусе ста метров от профессора оказалась под ее управлением. Эту цифру она включила в условие Контракта не случайно: именно столько отделяло кабинет профессора от флигеля, где стояла громада «Машины Внушения». Там неотлучно дежурил Колесничий-астролог, и Эльза не хотела задеть его полем своего второго Контракта: неизвестно, сколько энергии ушло бы на то, чтобы сломить его волю. Нет, это можно было сделать потом: у Вальтера имелось когда-то много интересных препаратов с такими побочными эффектами... Довольно было и того, что под воздействие попал другой Колесничий — личный телохранитель профессора. Эльза скрипнула зубами: энергия жертвоприношения утекала вокруг него, как в воронку. Еще немного — и ей придется оплатить Контракт лично...

Охрана, вооруженная лучевыми пушками — профессорской версией гиперболоидов, — разом повернулась к нему. Тот что-то выкрикнул, и несколько человек свалилось, — но это все-таки был не Дэтлеф. Десятка лучей раскаленной плазмы хватило, чтобы отправить его на следующий круг перерождения. Они успели: эльзин Контракт все еще работал силой

принесенных жертв.

Затем пушки выжгли огромную дыру в обшивке профессорского кабинета. Уberman сделал все, что мог: сначала он выстрелил из «Машины Лояльности» с воплем: «Стоять!!!», потом включил «защиту», а потом открыл огонь из лучевой пушки. Но силы внезапно изменивших ему охранников все равно были больше. Профессор встретил вошедших, нацелив на себя гиперболоид. Как ни привязан он был к своему телу, — к самому существованию он был привязан больше. Освободившись от тела, он мог спастись. Демоны — существа прагматичные, одно у них строго перевешивает другое. Но он медлил, пока была возможность...

...За несколько минут до этого Колесничий-астролог с перекошенным лицом ворвался к Лотте Леманн, стоявшей у Машины.

— Фройляйн Леманн! — завопил он, — Опасность! Скоро здесь будет враг! Наведите Машину прямо на нас! На поместье! Скажите всем, чтобы не двигались и бросили оружие!

— Ах, вы хотите невозможного, — сварливо возмутилась Лотта, — Как я могу приказывать всем тут бросить оружие, если моя Машина — тоже оружие?! Я ведь брошу ее в тот же миг, как это произнесу! Это... это самое... нонсенс! И еще — парадокс! — самодовольно выговорила она трудные слова, — Надо сказать охране...

Но что она собиралась сказать охране, осталось тайной во веки веков, — потому что в этот момент дверь слетела с петель, и в комнату ворвалось несколько охранников, скрутив и ее, и астролога. На астрологе тут же оказался защитный шлем.

— Не думаю, что вышло бы, как он сказал, — появившийся следом Отто кивнул на Колесничего, — «Машина Внушения» сейчас не действует. Как и прочие Контракты профессора. Он сам включил «защиту». Она работает в обе стороны.

— Вы!!! Штальберг!!! — Лотта задыхалась, — Я всегда знала, что вам верить нельзя!..

— Не тратьте слов. Идемте. Ваш... научный руководитель должен вас подпустить к себе.

Охранники двинулись вперед, толкая перед собой Лотту. Над лабораторией поднимался дым.

— Что вы сделали с профессором?! — голос ее сорвался на визг, — Я вас..! — и она замолкла, попав в стометровую сферу, где действовал второй Контракт Эльзы.

...Через пару минут она уже стояла перед профессором Уbermanом, протягивая ему записку.

«Вашей жизни ничто не угрожает, — говорилось там, — Требуется только лояльность...»

Отто безмолвно связался с Эльзой:

— Готово, фройляйн.

* * *

Если бы не Колесница, то можно было бы приказывать профессору остановить его Контрактеров, — но теперь снимать с него защиту было опасно. Поэтому в лабораториях, на заводах и испытательных полигонах СС шел бой. Он был мало похож на то, как уничтожали друг друга в то время простые смертные, — потому что с обеих сторон были те, кто изменил физические законы.

...Прошло больше часа прежде, чем Теодор Росс получил последний отчет о победе. Те Контрактеры, кого удалось взять живыми, тут же оказались в защитных шлемах. Их должны были доставить в Вену, чтобы Пирамиду профессора вновь было можно задействовать, — и часть из них уже привезли в мастерскую Эльзы.

Он вытер пот со лба, протер пенсне и водрузил на нос, прежде чем набрать номер эльзиной мастерской:

— Баронесса, у нас получилось... Одну минуту, тут другой телефон... — Эльза слышала, как он, прикрыв рукой первую трубку, отрывисто говорит во вторую, — Госпожа фон Лейденбергер, — продолжал он, — Я помню вашу решимость, но этот сумасшедший сейчас идет к вам. Он каким-то образом вытянул ваше местоположение из диверсантов, с которыми я вас навещал, — уже после того, как свернул им шеи! У вас хорошая охрана, но... вы все еще уверены, что хотите там его ждать?

— Да. Я позвоню вам.

— И последнее: судя по времени, ваша операция в подземельях уже началась?

— Пятнадцать минут назад.

* * *

Колесничего она увидела издалека.

Он шел быстрым и немного развинченным шагом, — и там, где он шел, она с трудом могла вычислить структуру реальности. Зато она прекрасно замечала, как от него шарахаются и разбегаются встречные люди.

Он пинком отбросил створку фабричных ворот и вошел во двор. Бросившуюся наперерез охрану смело огненным шквалом, — а дальше он уже не отвлекался на то, чтобы их убивать. Над ним горел магический щит, — и тут бесполезны были гранаты и пули, которыми щедро угощали его охранники. Он пересек двор, чиркнул ножом по руке, окрасил кровью какие-то из своих рун — и приложил ладонь к бронированной створке двери. Дверное полотно будто взорвало после этого изнутри. Дэтлеф Эберт вошел внутрь — и двинулся напролом через помещения, не затрудняя себя поисками коридора. Он направлялся к Эльзе по кратчайшей прямой.

— Фройляйн, осторожнее! Отходите к нам! — крикнули Эльзе охранники. Они с антресоли держали под прицелом стену, готовясь стрелять, когда она рухнет.

— Не думайте обо мне, господа. Просто стреляйте, — откликнулась она снизу.

Стена с грохотом расселась, и в клубах пыли высокая сутулая фигура шагнула в мастерскую. Пулеметная очередь ударила в разгоревшийся белым щит Турисаз.

— А, я знал!! — весело начал Колесничий, — Ты все-таки дождалась меня! И не зря: я принес тебе подарок! — и с этими словами он швырнул в сторону Эльзы что-то, что стукнулось о пол и покатилося к ее ногам. Это были головы Контрактеров профессора, что пали от его руки в какой-то из лабораторий.

— Благодарю за оказанное внимание, — голос Эльзы был спокоен, — Но почему вы уверены, что это меня порадует? Уместнее было бы отнести такой подарок вашему начальнику, что ставил вам боевую задачу. Хотя я бы на его месте объявила вам выговор за неарийское поведение.

— Ха-ха-ха! Нет, меня не проведешь!! — перекрывая грохот очередей, крикнул он, —

Это из-за тебя... Это ты! Ты бросила вызов моей валькирии!

Он запел Третье заклятие, заставляющее замолкнуть все оружие его врагов, — и двинулся к ней. Стрельба оборвалась, сверху послышались ругательства.

— Видимо, валькирией вы называете свою демоницу, — заключила Эльза.

— За сии слова, — вкрадчиво ответил он, — я буду ломать тебе руки в два раза дольше, чем собирался. Ибо от нее получил я священные руны и нож! А теперь... она желает твою голову!

Он шел между верстаков, ящиков, мимо полуразобранной машины. Под его ногами разрастались странные узоры, — нечто, почти неподвластное эльзиным вычислениям. Она вспомнила, как проступали кровавые знаки на земле, когда ее гнал вперед ее демон, — и мигом пришло понимание: это Колесница снова взяла его под полный свой контроль...

— Так вот что имели вы в виду, когда говорили про танец, — Эльза подняла руку, готовясь призвать Оружие Контракта.

Неожиданно Колесничий дернулся и остановился. Эльза не поверила глазам: линии контролирующего заклятия, по которым его тащило вперед, разорвались и отступили. Он схватился за край верстака, будто его сносило течением:

— Нет... нет! Я хотел... не этого, — сказал он с каким-то новым выражением, — Но поздно... Она сильна, моя валькирия... Слушай! — тут его снова рвануло вперед, и он шатнулся, упираясь, — Я... дам тебе фору! — он выбросил вперед правую руку с ритуальным ножом, резким ударом пригвоздив свою левую ладонь к верстаку, — ААААА!!! — вскрикнул он и скорчился над пробитой рукой, — Беги, Эльза!!! Беги!!!

— Какого демона ты не стреляешь?! — резко взвизгнул в ее ушах голос ее первого демона, — Нашла время предаваться эмоциям!!!

— Разве... они могут сопротивляться ей? — растерянно спросила Эльза.

— Кретинка!!! Конечно, нет! Колесница просто разыгрывает перед тобой этот спектакль — то отпустит его, то подтянет к себе поближе! Он — ее марионетка... они все, всегда!!! Стреляй!!! Хотя... нет. Не стреляй! Ты убьешь ее, мою...

— Заткнись! — Эльза сглотнула пересохшим горлом, заставляя себя нажать гашетку...

Колесничий выпрямился с хриплым стоном, улыбнулся, расхохотался и выдернул нож.

— Он сделал ради тебя невозможное! — воскликнул он высоким, не своим голосом, — Он посмел мне перечить! Но ты отвергла его подвиг! Ты жестокая! Ты такая же... как я!!

— Колесница!!! Выходи сюда, тварь! — рыкнула Эльза, нажимая, наконец, на спуск.

Но за доли секунды до этого он схватил со столешницы железную болванку, взорвал ее навстречу Эльзе, и прыгнул вперед...

Яркий луч гиперблоида пробил щит Турисаз, ударил его в живот, — и он рухнул у ее ног. Оружие Контракта — особое, и Эльза это знала. Его нельзя сломать и потерять, и чужой Контракт от него не защищает. Его можно было бы парировать таким же, но у Дэтлефа был всего лишь нож. К тому же, Мартин Фогель не был связан с Колесницей так, как ее первый демон, — а значит, второй Контракт не должен был так фатально реагировать на столкновение с Колесничим. На это она и рассчитывала, когда ждала его со своим гиперблоидом.

Сейчас он был беззащитен, — но Эльза потеряла несколько драгоценных мгновений. Отступив, она схватилась за сердце. Дело было в том, что взрыв раскаленного металла не причинил ей вреда! Вместо этого она почувствовала нежданную встряску от соприкосновения с Контрактом Колесничего, — и треснул ее Кристалл, рождая ощущение

пустоты под ногами... Но осознание этого факта у нее и ушло пять секунд. А потом она поняла: это сработал талисман. И это значило... что бы ни изменилось вновь для Тадеуша, он вновь ее принял, как есть, — и теперь «ее» медальон снова был на ней, отражая все вражеское оружие!

И еще это значило, что где-то там, в катакомбах, где сейчас идет устроенный ею бой с «инквизицией», он оказался безо всякой защиты, — и наверняка об этом сам не знает. Или уже убедился, получив пулю... Эльза не могла и представить, что когда-нибудь знание, что он ей друг, ее не обрадует.

...А Колесничий встал, смеясь. Он уже залечил выжженный живот вторым заклятием Хавамал, и сам был похож на демона в своих обугленных лохмотьях, крови и саже. Поднимаясь, он окунул в кровь пальцы и зачеркнул на руке новые руны. Эльза, не колеблясь больше, выстрелила вновь.

Увернулся! Каким-то образом Дэтлеф Эберт взвинтил свою скорость до полной неразличимости движений. Он ушел от луча, нырнул вниз, распластываясь в прыжке...

И тут наверху опять раздалась стрельба и крики, новая очередь пробила щит и пригвоздила рунистера к земле, — а потом такая же ударила прямо рядом с Эльзой. Она упала, закатившись за ящики, глядя во все глаза.

Пули были необычные. Она не могла прочесть их структуру.

— *In nomine Dei!* Отправляйся в ад, дьяволово порождение! — очереди застрочили слитно, впиваясь в щит Турисаз. Но Колесничий влил в свою защиту столько силы, что даже освященные пули его больше не брали. Он обратил к «инквизиторам» безумную улыбку:

— Мерзкие христианские колдуны! Это вы отправитесь в царство Хель!!! — и окатил атакующих огнем...

...Эльза отдышалась. От развернувшегося сражения ее отделяло несколько штабелей из ящиков и бетонная колонна. Она уже увидела, что база захвачена прибывшими, и пленные Контрактеры из профессорской Пирамиды у них в руках. Это было скверно и подтверждало худшие ее опасения: Ватикан ведет свою игру, прекрасно ориентируясь в ситуации.

Ситуация же усложнилась. Даже один Колесничий был тяжелым противником — а теперь тут появились те, кто способен причинить вред ему самому. Она не знала ни их сил, ни того, заденет ли их Оружие ее Контракта, если придется драться с ними. Но они отвлекли внимание Эберта, и это был прекрасный шанс его добить... И в то же время Тадеуш может умереть в любой момент — а тогда вообще все потеряет смысл.

Она видела бой в катакомбах с самого начала, но вторжение Колесничего ее отвлекло. А теперь она вгляделась в пространство, отслеживая все связи вещей — и дыхание застряло в ее груди. Глазами «своего» полицейского, Ганса Прибке, она нашла Тадеуша.

...Он лежал на земле у земляной баррикады, грудь его вздымалась часто и мелко, а из-под спины расплзалась кровавая лужа. Будто чувствуя что-то, он повернул лицо к Прибке — и взгляд его встретился со взглядом Эльзы. Она зажала себе рот рукой: в третий раз она увидела, как размыкается система связей, как рушатся по линии их взгляда шестерни и передачи все на свете связавшего Закона...

Эльза вскочила. Она больше не рассуждала: бросившись бежать, она оставила за спиной и Колесничего, и «инквизицию» с ее хитрой игрой. Она отбросила очередной свой просчитанный план, — Тадеуш снова смешал ей все карты. Но это было неважно перед лицом нависшей над ним смерти. Она должна была до него добраться сейчас, со своим талисманом — а потом она придумает что-нибудь еще, это еще не конец...

Она выбежала из здания, едва не угодив под неприятельский огонь. Кристалл треснул снова; сохранив равновесие, Эльза развернулась и провела лучом гиперболоида по второму этажу. В окнах забурило пламя, крыша просела и с грохотом легла на перекрытие.

Пригибаясь, она добралась до машины, кем-то оставленной, завела ее, рванула с места. Кто-то послал очередь ей вслед. Талисман Эльзы оплатил ее спасение: пули ушли чуть вбок и свистнули мимо нее, прострелив лобовое стекло. Машина скрылась за поворотом.

...Это характерно для замкнутых систем, лихорадочно думала Эльза, выкручивая руль. Количество вероятностей событий умножается, количество частей системы увеличивается, она разрастается, а ее управляемость падает. Чтобы скомпенсировать хаос и неупорядоченность, в нее приходится встраивать все новые «костыли». И уж совсем усложняется дело, когда ты изначально не имеешь о своей системе полной информации...

«Но... в третий раз! — вклинивалась другая мысль, — В третий раз решаться на дружбу после отречения..! Так, вообще, бывает?!»

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ (ЧАСТЬ II), в которой Тадеуш находит решение

...Тому назад с неделю Тадеуш очнулся, — и первое, что он понял, было: он именно пришел в себя, а не пробудился от сна. Он попытался открыть глаза. Удалось с трудом: голова раскалывалась, а левый глаз, кажется, заплыл. Где он находится, он сообразить с ходу не смог; то есть, находился он, конечно, в подземельях, но именно эту пещеру узнать не удавалось... хотя... ах, да. Конечно, он ее знал, просто теперь она превратилась в кабинет их главного по снабжению... которого звали только по прозвищу: Ткач. Обстановка была спартанская, но она сильно меняла облик... А вон и он: кажется, что-то пишет. Горит керосиновая лампа...

Тадеуш опять закрыл глаза. Память постепенно возвращалась. Сегодня... двадцать первое? Нет, этого не вычислить: кто знает, сколько он тут провалялся. Но он точно вспомнил, что дело было двадцатого. Тогда была драка.

Он вспомнил: их тройка как раз возвращалась на базу, как в большой пещере перед лагерем они заметили толпу. Люди возбужденно гомонили. Приблизившись, Тадеуш и его товарищи увидели сцену, достойную средних веков.

...В кругу людей к каменному столбу была привязана девушка. Она смеялась, закатывала глаза, богохульствовала и выкрикивала бессмыслицу. У ног ее в беспорядке были свалены дрова, на которые уже плеснули бензин. Рядом стоял и ждал «инквизитор» с факелом. Второй по памяти читал: «Кто не пребудет во Мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет; а такие ветви собирают и бросают в огонь, и они сгорают...», а еще трое держали под прицелами окружающих. Тадеуш с командой, выстроившись привычным образом, протиснулись через толпу — и тут «инквизитор» поднес свой факел к куче дров. Она полыхнула; огонь обнял дико закричавшую «ведьму», и в толпе тоже раздались крики.

Тадеуш бросился к «ведьме», хватая ее за руку. Теперь огонь не должен был ей вредить, но девушка кричала по-прежнему: двух секунд хватило, чтобы на теле ее возникли ожоги. Второй рукой он выхватил нож, перерезал веревки — и уже обеими руками подхватил обмякшее тело, вытаскивая его из костра.

Сзади уже вовсю шла драка. Он аккуратно положил «ведьму у стены, за камнем — и обернулся как раз вовремя. Нападавший выстрелил в упор; как всегда, это не причинило Тадеушу вреда. Он бросился вперед, выбивая из рук «инквизитора» автомат; в этот момент на него прыгнул сзади второй, валяя его наземь. Первый тут же оказался рядом, — вцепился в медальон, что свесился на цепочке из ворота рубахи, и резко дернул, врезав при этом Тадеушу под дых. Это была ошибка: медальон сработал по назначению, задымившись в руке нападающего, — и тот с воплем его выронил. Впрочем, Тадеуш этого не увидел: тот, кто его свалил, умудрился вырваться из его хватки, и теперь раз за разом «угощал» его обрезком железной трубы, удары которой приходились, куда попало. Тадеуш собрал остатки сил в кулак, извернулся и схватил с пола медальон, умудрившись достать противника с ногой в челюсть. Тот отлетел, упал и больше не шевелился.

Крякнув, Тадеуш попытался подняться. Адреналин все еще глушил боль, но встать на ноги почему-то не вышло. Он огляделся, приподнявшись на локте. Стычка закончилась. Двое «инквизиторов» ушли, но двоих связали их же веревками, и толпа потащила их в лагерь. Товарищи Тадеуша, кажется, были в порядке, — по крайней мере, они на ногах держались.

Над ним склонился Милош. Быстро оценив ситуацию, он взвалил Тадеуша на плечо и понес...

Последнее, что сохранила память, было их прибытие в лагерь. С него сняли рубаху, кто-то ощупал ребра, сказал: три сломано... потом было что-то про сотрясение мозга... а потом, наконец, нахлынула боль, и Тадеуш провалился в беспамятство.

...Понятно, заключил он. Кажется, святой отец был прав: в самом деле, медальон его хранил. Стоило остаться без него — и тут же пришлось вспомнить, каково это, когда у тебя нет никаких чудесных свойств. Даже не двигаясь, он чувствовал, как ноет тело.

Тадеуш снова открыл глаз — тот, что не заплыл. Человек за столом из ящиков явно не заметил, что его гость пришел в себя; он продолжал что-то писать, не поднимая головы. Тадеуш нечасто встречался с ним, но вот что было странно: каждый раз он ловил себя на ощущении вроде дежа-вю. И еще: почему-то Милош тоже начал казаться кем-то смутно знакомым, — хотя раньше он искренне уверил Эльзу, что впервые его встретил в день покушения. Нет, кажется, он все же видел его — когда-то... может быть, очень давно. Но Тадеуш никак не мог вспомнить, как и когда это было, и правда ли это была вообще, — хотя память на лица у него была отличная. К тому же, у него была очень развито некое «шестое чувство» — он лучше запоминал общие ощущения от людей, чем их внешность.

И вот сейчас... когда он открыл глаза, лежа на низком топчане из ящиков, а этот человек сидел, склонившись над бумагами, и пламя керосинки дрожало, бросая отсветы... Тадеуш, вдруг вспомнил и это лицо, и позабытый образ этого человека целиком — словно ожил отпечаток, некогда оставленный в его сознании. Сам себе удивляясь, он произнес:

— Отец?..

Тот замер на мгновение, но поднял на Тадеуша совершенно спокойный взгляд. Лодзянский настолько часто в разных вариациях представлял себе этот момент, что уже пережил заочно все возможные исходы и был готов к неизвестному.

— Да, Тадеуш. Я велел принести тебя сюда, потому что тебе того и гляди проломают голову во сне.

Тадеуш попытался вскочить, но Лодзянский быстро подошел и удержал его.

— Обниматься будем после, а то придется обнимать тебя вместе с этими ящиками. Что так смотришь? Я это, я. Да, я не умер, когда ты был маленьким — хоть тебя и уверяли в обратном.

— А мама...

— Мать — единственная, кто знает... из гражданских.

В «комнату» неслышно вошел Милош. Тадеуш перевел на него взгляд:

— А... Милош?..

— А Милош Ковалевский — твой родной дядя. Брат твоей матери. Он тоже замечал, что ты раздумываешь, где ты его видел. И, раз уж ты нас узнал и все равно об остальном спросишь, скажу тебе сразу: я не знаю, будешь ли ты рад, что меня встретил. Я за тобой наблюдал и понял: у тебя... строгие принципы. Ты прав, по большому счету, а у нас вся жизнь состояла из выбора между плохим и плохим.

Тадеуш улыбнулся здоровой половиной лица:

— Вот еще! Хватит стращать. Лучше просто расскажи.

— Хм... Ну, начну с того, что оба мы — бандиты с большой дороги, как говорится. Вернее, были ими... Да, когда-то мы с твоим дядей славились среди контрабандистов. Мы тогда еще сдружились, — а потом я увидел его сестру, ну и... понял, кто станет твоей мамой.

Поселил ее в домике в тихом месте, думал даже завязать, отойти от дел — но не успел. Взяли нас. Легавые, имею я в виду... И, поверь, ни я, ни Милош смерти не боялись — не они, сволочи, прознали, где живет твоя мать... а она как раз тобой была уже беременна. Короче, наплевали мы оба на бандитскую честь и согласились на сотрудничество. Стали против бывших поделщиков работать втихую. Самое презренное дело среди бандитов. Как тебе это? — Лодзянский придвинул к топчану Тадеуша ящик, уселся и теперь смотрел с легким любопытством.

— Да никак, — ответил Тадеуш, — Я тоже плевать хотел на бандитскую честь.

Милош хохотнул.

— Ага, — продолжал Лодзянский, — Ну что ж, слушай дальше. Перекантовались мы некоторое время внештатными агентами, — а потом так у нас пошло дело, что там, у легавых наверху, кто-то сообразил: слишком уж мы хороши, чтобы внештатными прозябать. Своей блестящей карьерой я тебя утомлять не буду, скажу только, что закончил я не последним лицом германского направления внешней разведки Польши. Милош был у меня в диверсионной группе.

— Так... — вспомнил Тадеуш, — И почему ваши диверсии повернулись против эльзиного деда... барона фон Лейденбергера, то есть?

— А-а... Да потому, что барон и его друзья сильно уж расхозяйничались на польской территории. Оружие они у нас делали, и местные промышленники их покрывали, и не только промышленники... коллаборанты хреновы. Там сложное вышло дело, Тадеуш. И еще сильнее оно осложнялось тем, что ты перешел дорожку Отто Штальбергу... помнишь такого? Баронский адъютант. Жуткий тип, знаешь ли, — но я бы многого не пожалел, чтобы заполучить такого подчиненного. Так вот: очень уж ты ему намозолил глаза. Сначала ты Эльзу свою искал, — а барону с чего-то пришла мысль ее прятать, и Отто всюду расставил своих людей, чтобы следить: кто же ею интересоваться будет-то. А это аккурат ты и оказался. Но это бы еще полбеды; по-настоящему плохо стало, когда ты вляпался в историю с покушением. Да, сначала мы пытались достать барона, действуя «в лоб», — еще до того, как поняли, что не справимся. Ты умудрился уйти в тот день от моего наружного наблюдения — и вдруг возьми да вылезь прямо посреди перестрелки! Милош не сплеховал: утащил тебя оттуда. Но с тех пор ты для Отто стал врагом навроде нас. Сам понимаешь, как мне пришлось постараться, чтобы выкрутиться.

— Постой... — проговорил Тадеуш, — Я и сам думал... Я потом узнал: не барон устроил ту могилу, и вообще это неправда. Это ведь твои были люди, что тогда в трактире при мне про нее так увлеченно разговаривали? Как нарочно...

— А то. Я перед этим послал кое-кого устроить могилу твоей подружки и распустить слухи среди местных. Инсценировка вышла ниже среднего — но мне ведь не Абвер и не Отто нужно было обвести вокруг пальца... О, вижу, выражение твоего лица изменилось. Да брось, шутка была вполне невинная. Я же не трогал твою Эльзу. Зато вы смотрели удочки, как я матери твоей перед этим и наказал... И вовремя.

— Это-то ладно, — совладал с собой Тадеуш, — Это я еще могу понять. Но вот скажи-ка мне, как в той же могиле оказался барон?

— Ну... — замаялся Лодзянский, — Я, конечно, мог бы тебе наплести, что это уж меня не касается — мало ли, дескать, кто по тому кладбищу ходил и что надумал сделать. Но ладно уж, — он прямо глянул в глаза сына, — Да, это я. Я убил барона. Удивлен? Я, кажется, уже намекнул, что к хорошим людям не отношусь. У нас с бароном были свои, и очень

серьезные счета.

— Но... черт... почему так? Почему надо было его туда засовывать? Аж думать об этом... — Тадеуша передернуло.

— Скажем так: это был экспромт. Обойтись без убийства я не мог, но и убить его было сложно. Ведь почему покушения не удавались? Чертов Отто такими штучками вооружил своих людей, что не подобраться было. А тут вдруг ты во второй раз отрываешься от наблюдателей — и сталкиваешься со стариканом на вокзале. Нет, это не мы запланировали: ты сам ему все выложил. Даже не посмотрел, как у него отпала челюсть... Ну а люди мои неподалеку крутились, и слышали это. Сам понимаешь, грех было не воспользоваться. И я придумал такой, знаешь, кунштюк, чтобы барон сам, по своей воле, куда-нибудь явился в одиночку. Могила подошла как нельзя лучше для этого: второй раз сослужила мне службу. Но это уж, извини, я тебе рассказывать не буду.

— Что, — в голосе Тадеуша послышался гнев, — дальше что-то совсем уж забористое было?

— Забористее некуда. Но дело не в твоей нежной психике, а в том, что придется коснуться таких вещей, что ты мне не поверишь. Я бы сам не поверил, если бы мне рассказали. Да и неважно это все...

— Расскажи!

— Тише... Неважно это, говорю. Достаточно и того, в чем я тебе честно признаюсь: я задумал весьма подлый фокус, и он мне удался. Что молчишь? — спросил он, когда пауза затянулась.

Тадеуш лежал, сцепив зубы и глядя в угол.

— Вот я так и говорил: ты не будешь рад нашей встрече. Что ж, ладно: лежи, усваивай. Одно тебе скажу напоследок: то, что говорят эти святоши про твою Эльзу, не так далеко может оказаться от правды, как тебе это кажется. Объяснять ничего не буду — но я тоже считаю, что она ведьма. Настоящая! А я ни в черта, ни в Бога никогда не верил, Тадеуш.

Лодзянский поднялся и зашагал прочь из «кабинета». Через некоторое время следом вышел и Милош, бросив на племянника тревожный взгляд.

* * *

— Ну и зачем ты ему все выложил? Да еще так? — хмуро спросил Милош, когда они отошли достаточно далеко, — Столько лет скрывал — мог бы и дальше помолчать. Он не виноват, что ты таким образом защищал семью.

— Мог бы, — кивнул Лодзянский, — Да не хотел. Я, конечно, плохой отец — но на свой лад о нем забочусь. И вдруг стал я примечать, что время-то идет, а сопливого идеализма в моем сынке не убавляется. Ладно, когда ему было восемь лет, и он распахивался насчет собаки... Но, знаешь, жить с этим до третьего десятка — как-то слишком. Тот детский случай будто бы заморозил его в детстве — и его отношения к пресловутой Эльзе это тоже касается. «Подруга»! «Сестрица»!.. Бегает за ней по пятам, позабыв своих вполне нормальных подружек. Я тебе рассказывал как-то, какие о ней ходят слухи... Так вот: когда живешь прекрасными идеалами, а на деле фактически их не хватает, то тут одно из двух: либо ты себе должен все время врать, либо за тебя их переступают другие. И пока ты отводишь от этого глаза, ты слаб. Для того, чтобы стать сильным, Тадеуш должен это

разрешить в себе. Слабаки не выживают.

— Да, тут ты прав, Стефан... Но, черт побери, я теперь не знаю, что он сотворит.

— А пусть его творит. Он уже и так наворотил выше крыши: вон, целое Соппротивление... Но теперь оно мне боком выходит основательно. Ватиканцы вот-вот начнут войну.

— Ага, мать их... — буркнул Милош, — И что делать будем? Что там союзнички наши легавые? Я до сих пор не уверен, например, что они лучше Ватикана или Абвера.

— По крайней мере, я пока не вижу, как они могут нас ущучить. Действовать-то мы будем с ними отдельно. Ну, дадим им в группы проводников... А шлемы их и впрямь действуют, ты сам знаешь. Без них нам крышка. Ах, да, слушай... Передали они мне шифровку. Предложили способ, как дело с мертвой точки столкнуть, чтобы заваруху начать. Чтобы, значит, поднять наших — всех ведь в дело не посвятишь, а они и впрямь многие колеблются. Ты только это... не веди себя, как твой племянничек. Короче, нужно и впрямь сжечь ведьму. Так, чтобы наши подумали на них.

Милош со свистом втянул воздух сквозь зубы:

— Знаешь что, Стефан... а это не слишком ли?! Я вот тоже к «хорошим людям» не отношусь — но до сих пор мне не приходилось убивать тех, кто совсем уж ни при чем!

— Еще один, — насмешливо проговорил Лодзянский, — Ишь, чистоплюй выискался. Давай, найди решение получше! Тут у нас народу, как в небольшом городе — ты хочешь, чтобы их полегла половина? Знаешь, что начнется, если мы не сработаем четко? Или мне прочесть тебе лекцию насчет больших и малых жертв? Да, мы это сделаем. Легавые сами обещали привести какую-то сумасшедшую. Вдобавок ее чем-то накачают, она и не почувствует ничего. Зато наших это впечатлит — и они забудут раздумывать, выполнять приказы или нет, а то развели моду... развесили уши на ватиканские проповеди. Полномасштабная резня в этих чертовых катакомбах мне на хрен не сдалась, Милош.

— Эх, Стефан... гореть нам в аду с тобой, вот что я скажу.

— Это уж непременно. Мне, знаешь ли, поздно на амнистию надеяться.

* * *

...Тадеуш, узнав страшную правду, чувствовал себя так, будто наелся раскаленных углей. Ему открылась та ужасная диалектика, на которую намекала Эльза: все хорошее куплено плохим. И, будто одной подруги детства было мало, — выяснилось, что это касается и неожиданно обнаружившегося отца, и Милоша, с которым он успел сдружиться. Все, что окружало Тадеуша, имело страшную цену: спасение его коровы когда-то, его собственная жизнь, жизни матери и сестренок, безопасность Польши, и даже подполье, которое было оплачено проклятым талисманом... И самое ужасное во всем этом было то, что это было сделано из любви. Но как теперь жить с этим знанием? Можно ли с этим согласиться? Где найти меру оценки?

Через несколько часов явился Милош. Он явно желал ободрить племянника: сказал, что есть хорошие новости. Им удалось заключить сделку с полицией: шлемы от облучения в обмен на сведения об «инквизиторах». Так что пусть Тадеуш не беспокоится и набирается сил, закончил Милош, ставя на табурет кружку с бульоном.

В результате этой новости Тадеуш не ободрился, а наоборот. Сказав себе: «вольно!», он

позволил лихорадке принести ему забытьё. Но и в бреду все, что он узнал, его не оставило. Напротив, оно обросло гротескными образами, замыкаясь в безысходное кольцо.

...Сколько прошло времени, он не знал, — но в минуты облегчения ему казалось, что голова и тело уже болят не так сильно. Тадеуш пересилил апатию и попробовал подняться. Хоть и пришлось стиснуть зубы — но он все-таки уселся на топчане, сделал несколько вдохов и встал, схватившись за стену. Голова кружилась. Тадеуш опять сел.

Так, сказал он себе, лежать тут дальше без толку. Он, кажется, оставил на себе этот медальон, как знак некоего обещания... что ж, самое время подумать, как его выполнить. Если надо найти способ встать над обстоятельствами — то обстоятельства сейчас такие, что дальше некуда. Но чтобы это решить... надо выяснить кое-что, что ему неизвестно. Он до сих пор считал, что их просто облучают психотропным оружием — последним словом техники, — а слова священника всерьёз не принимал. Да, он не знал, откуда взялась его неуязвимость — но мало ли, что еще могло с ним быть при таком научном прогрессе! Все-таки, перед опытами его пропустили через кучу каких-то непонятных приборов — и вопрос, только ли ради обследования. Но теперь еще и отец, явно что-то скрывая, утверждает, что Эльза — ведьма. Тадеуш вынужден был себе признаться, что в ведьмах не смыслит ничего. Говорят, они в сговоре с «нечистой силой» — и из этого прямо следует, что сила их — не человеческая. Сила демонов... Но насколько люди в ответе за это? Что, если демоны просто завладевают ими? В их лагере, например, одержимые не знают, почему больны. Может быть, достаточно уничтожить демонов, чтобы решить проблему? Да, хорошо бы, чтобы оказалось так. Куда проще было бы сражаться с ними, чем с Эльзой...

И он решил спросить об этом того, кто в таких вещах разбирался профессионально.

* * *

Одевшись, Тадеуш ускользнул из комнатухи Лодзянского. Хоть и со сломанными ребрами, но ловкости ему хватило, чтобы обойти отцовскую охрану: не зря он знал подземелья лучше всех. На топчане он оставил короткую записку: «Ушел по делу. Вернусь».

Ни с кем не встретившись, он добрался до того лагеря, который контролировали в основном «инквизиторы». Его тут же окружили, направив в его сторону оружие — но он сказал, что у него дело к отцу Умберто, и, к тому же, пули его не берут. Это не особенно убедило «инквизиторов»: автоматов никто из них не опустил. Правда, один отправился куда-то в глубину пещер, — и оставалось только надеяться, что не за дровами и бензином...

Через некоторое время из темного перехода вышел Умберто Бенини собственной персоной. Ни слова не говоря, он кивком приказал Тадеушу следовать за собой. «Инквизиторы» нехотя расступились, пропуская гостя.

Оказавшись наедине со старым священником, Тадеуш изложил ему суть вопроса.

— Что ж, — ответил Бенини, помолчав, — Демонология, юноша, — вполне строгая наука, ею веками занимались мужи умудренные и благочестивые. Расскажи подробно все, что знаешь об этой Эльзе. Я не испытываю жалости к нераскаянным грешникам, но если ей возможно помочь, я помогу. Гарантий здесь нет. Я уповаю на Господа, но Господь же наделил людей свободой воли. Если кто-то стал жертвой одержания, как большинство в ваших подземных лагерях, — дело одно. Человек слаб и слеп, он сам не знает порой, где в броне его духа брешь. Но он может и собственной волей выбрать дьявола и упорствовать в

этом. Тогда нет ему спасения — как и всем, кто связался с ним! Гниль будет во всем добром, построенном на гнилом фундаменте. И я говорю тебе: для самого же еретика лучше будет, если плоть его будет уничтожена, а душа очищена муками. Это и будет единственным спасением, которое можно ему дать.

Тадеуш невольно чувствовал себя, как под рентгеновскими лучами, когда стоял лицом к лицу с этим пламенным подвижником. Он рассказал правду святому отцу, — по крайней мере, то, что сам понимал. Того особенно заинтересовала лаборатория Эльзы. Он сказал, что желал бы сам взглянуть на это место. Опасности его не страшат, потому что вера его крепка. А когда он увидит, чем она занималась, то сможет судить и о характере ее деятельности, и о степени ее вины.

...Святой отец перемолвился с кем-то из своих людей парой слов, сходил за заплечным мешком, — а потом они с Тадеушем вышли из катакомб на земную поверхность. Оказавшись на другом берегу Дуная, они отправились в поместье Лейденбергер.

Тадеуш обладал природным умением скрытно передвигаться. Как выяснилось, отец Умберто — тоже. Они без особых проблем проникли в лабораторию. Правда, святому отцу пришлось немного подождать, пока Тадеуш откапывал обвалившийся выход. Но — потрясающе! — о том, чтобы взять лопатку, заранее позаботился именно священник.

Внутри Бенини удивил Тадеуша еще не раз. Во-первых, он извлек из своего заплечного мешка фонарь с регулируемой, но очень большой мощностью. Во-вторых, оттуда же он вытащил фотокамеру, которая могла снимать даже в таком освещении. В-третьих, он сумел открыть люк наверх, закрытый непростым эльзиным замком.

Ну а в-четвертых, оказавшись в лаборатории, он так расвирепел, что, казалось, взорвется.

— Боже, укрепи нас перед лицом сего нечистого зрелища! — указал он на оплавленный остов «Третьего глаза», — Пусть и выглядит это, как научный прибор, но я узнаю его по черным гримуарам! Неважно, что он воплощен в металле и стекле, и питается электричеством, — это же фаустов круг!!! Видишь ли, юноша, дьявольские сигиллы на концах звезды? Они нужны, чтобы призывать и улавливать посмертные лярвы, а то и демонов ада!

Святой отец с фонарем расхаживал по выгоревшей мастерской, лучом выхватывая из мрака то оплывшее от жара стекло, то искореженное железо, то черные стены в потеках, то какое-то загадочное полуразрушенное оборудование. И фотографировал непрерывно — стеллажи, столы, пентаграмму, — все свидетельства несомненного и злостного эльзиног ведьмовства. А под конец он вынул флягу со святой водой и крест, сотворил знамение с краткой молитвой и плеснул воды на установку. Та зашипела, задымилась, потянуло вонью: остаточный «системный эффект» от многолетнего использования так быстро не мог исчезнуть.

— Увы, — сказал Бенини, — Такую богомерзкую науку нельзя было постигнуть бессознательно. Дорога этой Эльзе — на костер!

А Тадеуш стоял на том самом месте, где стоял в тот памятный день, когда она вызволила его отсюда. Он видел, как наяву, их отчаянный побег. И вдруг ему стало ясно, как быть. Да, Эльза — его враг, но одновременно она — и друг! Это парадоксально, но когда он с ней столкнется, нельзя будет упустить из виду ни одно, ни другое. Если ему удастся удержать взглядом обе этих точки зрения, он сумеет поступить правильно, даже убив ее. Если нет — то просто совершит преступление.

... А священник, хотя и был искренен в своем гневе, интересовался и другими практическими последствиями их похода. Он заметил и подробно снял стеллаж, в котором достаточно хорошо сохранились защитные шлемы. Пусть они отличались от шлемов сторонников Тадеуша, но сходство было больше! Значит, вполне вероятно, что эти еретики связались с ведьмой. Это она их снабжает.

К тому же, если она способна делать ловушки, вроде этой у нее в поместье, то это может объяснить, почему лис Канарис кормит его баснями, а на каждом шагу Ватикан встречает препоны. Должно быть, она и там предложила свои услуги, и Абвер предпочел ее дьявольскую помощь помощи Церкви.

Но ничего, если ее изловить там, где она делает свои мерзкие машины, можно будет перехватить инициативу. Если удастся взять — хотя бы и с боем — доказательства ведьмовства, надо будет явиться прямо к фюреру с папской буллой!

* * *

Когда Тадеуш вернулся, Лодзянский ждал его в «кабинете». Он сразу заметил, что сын внутренне успокоился.

— Отец, — сказал Тадеуш, — Ты спрашивал, как я отношусь к происходящему. Я отвечаю. Я понял, что вижу только один способ решить, прав человек или нет. Он прав, если он себе верен, — так я думаю. Мы никогда не договоримся с Эльзой... с тобой тоже. У каждого своя верность. Поэтому, отец, я решил сделать две вещи. Во-первых, я уйду из Сопротивления. Раскол здесь — из-за меня. Нельзя заставлять людей выбирать между командиром и Христом, а то кем же я получаюсь? Я заберу с собой всех, кто захочет, но думаю, это будет несколько человек. Потому что я честно скажу, что амулет на моей груди — дьявольский. Я знаю, это правда так. А у остальных после нашего ухода не останется реального повода для распри. Эти оголтелые христиане успокоятся, а большинство местных — верующие.

— А если раскол не остановится из-за этого? — спросил Лодзянский, — Если после твоего признания как раз и начнется заваруха?

— Тогда так тому и быть. Этот узел нужно развязать сейчас, в любом случае, — ответил Тадеуш, — Дальше будет только хуже.

— Хм, ясно. А вторая вещь?

— Я... вызову на дуэль Эльзу фон Лейденбергер, мою подругу детства. Это будет бой до смерти. Я убью ее... или она меня.

— Ого! А это точно не святой отец промыл тебе мозги?

— Нет, — Тадеуш даже улыбнулся, — Я сам решил. Я убью ее, потому что между нами не может быть мира. Вражда между нами смертельна. Это правда, остальное — ложь. Но я не могу ей лгать! Я ее друг. Что ты так глядишь на меня?

— Мне казалось, жар у тебя прошел, но теперь я не уверен. Ты ее друг, поэтому ты ее убьешь. Подожди, мне надо повторить это себе несколько раз.

— Это безумно звучит, но так и есть. Главное — не потерять эту мысль до дуэли. А остальным... я скажу завтра утром, когда все соберутся.

Выслушав сына, Лодзянский про себя отметил, что поступил правильно. В рассуждениях Тадеуша, на его взгляд, наметился прогресс, — но если бы тот и впрямь сделал по-своему, до добра бы это не довело. Примирение «инквизиции» не было нужно. Признание командира Ковалевского в связях с дьяволом станет для них настоящим подарком. Это будет сигналом к началу резни, поэтому очень хорошо, что операция Лодзянского случится раньше.

...Утром двадцать седьмого октября, когда настало время общего сбора, Тадеуш ничего не успел сказать. В лагерь ворвалось человек двадцать — все в черных робах с капюшонами, закрывающими лица, как было принято среди самых непримиримых сторонников «инквизиции». Они взяли присутствующих под прицел — и с ними была девушка! Ее втащили на цепи за руки — расхристанную и безумную. Но в лагере ее тут же узнали.

— Грета! Это же Грета Крайн!

— Это ведьма! — возгласил один из «инквизиторов», — И сейчас мы завершим то, что не доделали! Мы дадим пример искупления!

Как по команде, двое, что держали Грету Крайн, разошлись в разные стороны, растягивая ее за руки на цепях. «Ведьму» облили бензином, и «инквизитор» затащил: «Кто не пребудет во Мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет; а такие ветви собирают и бросают в огонь, и они сгорают...»

Факел полетел к ногам девушки — и она сама обратилась в факел, заходясь в долгом вопле. В толпе поднялись крики: на собрании присутствовали и те, кто крови никогда не нюхал, а просто помогал повстанцам в лагере. И тут раздалось:

— Смерть мракобесам!

Откуда ни возьмись, выскакивали люди Лодзянского, устремлялись за отступающими «инквизиторами», что, бросив все, скрылись в ближайшем коридоре. Но в погоню ушли не все. Милош вышел в центр зала:

— Слушай мою команду! Всем — разбиться на свои группы! Двигаться к их лагерям тихо, номера групп — в соответствии с номерами целей. Когда раздадутся взрывы — атаковать! Наши люди умудрились у них бомбы позаложить...

— Есть!!! — был ему ответом слитный рев. Милош кивнул про себя: все вышло, как говорил Лодзянский. Давно он не видел такого единого духа в их охваченных унынием рядах. Вот только...

Взгляд его скользнул к обгорелому, обезображенному телу на полу. Бойкая была девчонка... но теперь такие слова не шли на язык. Милош тряхнул головой, занимая место рядом с Тадеушем: поздно, поздно было думать об этом.

— Идешь, командир? — окликнул он племянника, — Или тут переждешь?

И тут он встретил взгляд Тадеуша. Никогда и ни у кого Милош не видел в глазах такой ярости.

Ни слова не говоря, тот развернулся и рванул в коридор, — будто и не он провалился в лихорадке последнюю неделю.

...Через полчаса лагерь «инквизиции» пылал. Центр пещеры разворотило взрывом, но фанатики все еще отстреливались, отступая за самодельные баррикады.

Тадеуш короткими перебежками двигался вперед, держа за руку Ганса Прибке — он был провожатым для полицейских. Благодаря этому Прибке до сих пор оставался невредим — как и он сам, естественно. Они добрались до баррикады.

И тут Тадеуш вспомнил: нет, он не должен поддаваться ненависти! Не должен быть слеп! Только одно состояние духа делает войну — не преступлением. Только так он сможет сойтись на дуэли с Эльзой — и вложить в свой выстрел верный смысл! Эльза... она — враг. Но она — и друг! Он ни в коем случае не должен этого забыть!

Оставив полицейского, согнувшегося за баррикадой, он быстро встал во весь рост и метнул гранату... и тут очередь прошла его, швырнув назад.

Он никогда не бывал ранен пулями, но сразу понял: это смертельно. Он силился вздохнуть; воздух в грудь не шел, навалилось удушье, перед глазами поплыла чернота... Но испытывал он не страх, а недоумение. Почему не помог медальон? Неужели... дело было все же не в нем?

Конец. Ничего он не успел. Не донес до дуэли то, что понял. Да и правильно ли понял, раз так все закончилось?..

* * *

Отец Умберто сжал зубы, слушая оперативные отчеты о постигшем их разгроме. Бои еще шли, но плацдарм в катакомбах был потерян. Он, Умберто Бенини, ошибся в этих повстанцах. Они оказались не так просты, как казались, — и они его обошли. Их провокация с сожжением «ведьмы» была крайне бесчеловечна, но столь же эффективна... и оказалась действеннее провокаций его так называемых «фанатиков», задачей которых было углубить раскол. Невероятно! Кто там у них засел под видом повстанцев на самом деле?!

Но даже сейчас это был еще не конец! Он еще мог выправить ситуацию. Да, людей потеряно немало, и степень вмешательства Ватикана во внутренние дела Райха будет раскрыта. Но оставался еще шанс схватить Эльзу, ведьму!

Он отпустил очередного связного. Этот явился с поверхности: оказалось, дьявольская активность наверху пошла на спад. Была непроверенная информация о боях в пригородах. И еще: в городе появился безумец, который в самом жутком виде двигался к окраине прямо по оживленным улицам, не сворачивая. Бенини понял, кто это: тот самый Дэтлеф Эберт, что участвовал в штурме поместья Лейденбергер в тридцать восьмом. Еще один проклятый колдун!

— Диверсионную группу — ко мне! — резко бросил святой отец своему секретарю.

Они проследят за чертовым рунистером, решил Бенини. Если он не с повстанцами, не с полицией и не в СС — то почти наверняка он с Абвером и с Эльзой.

...Время показало, что это был верный ход.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ, в которой Эльза с головой уходит в импровизации, а Колеснице настает конец

Эльза остановила машину там, где путь через подземелья был кратчайшим. Выскочив из машины, она на глазах у изумленной публики выжгла гиперболоидом железную решетку на земле, спрыгнула вниз и бросилась бежать. Из ливневого коллектора она свернула в сторону, в узкий лаз, ударила лучом в стену, проделав в ней дыру, выскочила в более древний подземный ход и помчалась так быстро, как тогда, когда ее демон управлял ею. Но она не успевала! Она видела глазами полицейского, как страшно и коротко дышит Тадеуш. Ему оставались считанные минуты.

Решение вспыхнуло внезапно, как и раньше. Это было кровавое, жестокое решение, — но у нее не было ни капли сомнений, действовать или нет.

Она прижала медальон к груди, выкрикнула:

— ЖЕЛАЮ, ЧТОБЫ МОЙ МЕДАЛЬОН ИСЦЕЛИЛ РАНЫ ТОГО, КТО ЕГО НОСИТ
а потом вызвала Ганса Прибке.

— Подойдите к командиру Ковалевскому! — приказала она, — Говорите ему то, что я вам скажу!

О, она знала, что нужно сказать Тадеушу.

* * *

Свет в глазах Тадеуша почти погас, когда он разобрал, что его окликают. Непонятно зачем он заставил себя вслушаться.

— Эй, командир! — кричал кто-то прямо над ухом, — Помираешь, что ли? Держись! Чуть-чуть дожать их осталось! Принесем тебя в лагерь, залатаем. Врасплох мы их взяли! Если бы не это, не видать бы нам победы.

Из черноты вдруг выплыло лицо. Тадеуш узнал полицейского, с которым вел переговоры. Но что-то не сходилось.

— ... Как... врасплох?... — еле выдохнул он, — Это же они... Грету... а мы... в ответ...

— Да не они, а мы! Сами ведьму и сожгли, в этих переодевшись. Зато наших мигом удалось поднять, чтобы этим бесноватым врезать! Во всем подполье восстание! Ну и правильно, я считаю. А иначе они бы нам такое же позже устроили, как пить дать!

— Сами?...сожг...ли?!..

— А то! Правда, баронесса Эльза бы меня убила, если бы узнала, что я тебе про это рассказал...О, нет! — полицейский воззрился куда-то в пространство, — Баронесса, стойте! Не надо! Не...

И его голова взорвалась! Разлетелась, как арбуз!!! Он упал рядом с Тадеушем, заливая кровью пол. В отблесках пламени было видно развороченный механизм в его черепе. И для Тадеуша словно кусок головоломки встал на место.

Эльза. Эльза. Это Эльза снабжала их шлемами, а не полиция. Это Эльза сожгла девушку ради провокации. Это Эльза устроила бойню между повстанцами. Это Эльза разыграла их

втемную, разменяла в какой-то очередной дьявольской комбинации. Это Эльза убила своего слугу, как-то узнав, что он случайно раскрыл ее. Эльза, будь она проклята!!!

Ненависть вспыхнула багровыми пятнами на черном. И тут... случилось чудо! Правда, демоны сказали бы, что это не чудо, а просто хороший фокус. Но вокруг не было ни одного демона, чтобы объяснить это Тадеушу.

Его раны исцелились. Воздух влился в грудь, по венам молодо и сильно побежала кровь. Жизнь, готовая отлететь, вернулась. Но ненависть никуда не делась. И — странное дело! — она соседствовала с радостью. Тадеуш отбросил парадоксальный ответ, что пришел к нему, когда он стоял в сгоревшей эльзиной лаборатории. Теперь, когда судьба столь явно дал ему знак, он понял, наконец, что решение может быть куда проще! Безумием было пытаться примириться со злом в обличии Эльзы. Прав был святой отец: никаких сделок с дьяволом. Он убьет ее, но безо всякого бреда про дружбу. Безо всякой дуэли. Просто уничтожит, как бешеную собаку.

Наступила ясность. Тадеуш встал во весь рост пол огнем фанатиков, дошел до одного из своих. Крикнул:

— Держи мою руку! Вставай!

* * *

Так Эльза истребила чудо дружбы ради дружбы. Обмен талисманами был вновь аннулирован, — и тот, что действовал, оказался теперь на нем с приказом его вылечить. Тадеуш получил неуязвимость и исцеление, а Эльза — привычную встряску, пустоту под ногами, когда раскололся Кристалл, и его проклятие.

Проклятие было настоящее. Она видела, как блоки, шестеренки и цепи мирового устройства пришли в движение, и в ее механическое тело вонзилась и выросла ржавая зазубренная шпага. Изъеденная ржавчиной цепь уходила наверх через систему блоков, терялась в путанице прочих цепей и тяг, безошибочно ведя к Тадеушу. Она росла из его груди.

— Поздравляю, — сказал демон, — теперь у тебя действительно полная коллекция. Все три вида нерасторжимых уз, которые возможны: смертное проклятие, клятва на крови и Контракт! Нет, действительно, потрясающе. Мне не первая сотня лет, но я никогда такого не видел! Интересно, хотя бы населения Вены хватит для гекатомбы, которая окупит это? Ты ведь все еще собираешься заполучить Просветление? Я прямо-таки жду момента, когда ты скажешь: ну ладно, я зашла слишком далеко, успокоюсь-ка я на тех нескольких десятках трупов! — он хихикнул.

— Иногда я начинаю думать, что мы с тобой и впрямь похожи, демон. Ты умеешь мотивировать.

Эльза постояла некоторое время, вжавшись в какую-то каменную нишу, чтобы привести в норму дыхание. Нет, не горазда она стала бегать. В последнее время здоровье ее совсем расшаталось. Организм отторгал все, что насильно было в него врезано. Стоять пришлось минут пятнадцать: сердце прыгало, кожа горела, в висках билась боль, по спине струился холодный пот. Что теперь?.. Ах, да. Связаться с Отто и узнать, каковы последствия ее последних действий...

Впрочем, кое-что она и сама понимала. Сейчас по своей воле она в одиночку забралась

в катакомбы, где все еще шел бой. «Я сделала ошибку», — признала Эльза. Чтобы заставить Прибке спровоцировать Тадеуша, необязательно было спускаться сюда, — а она поддалась эмоциям прежде, чем сообразила, что делать. Но пока она отбросила эти мысли и сконцентрировалась на разговоре:

— Герр Штальберг, что у вас происходит?

— Проблемы, — коротко откликнулся Отто, — Судя по всему, диверсанты Абвера атакованы людьми Ватикана. Многие пленные перехвачены. В лаборатории Убермана пока тихо. Начальство СС молчит. Готовимся к нападению. Опасаюсь, что Ватикан согласовал свои действия наверху. Тогда нам могут приказать сдаться.

— Проклятие... Герр Штальберг, увезите оттуда профессора. Любой ценой.

— Вас понял. Буду держать вас в курсе.

Нет, она пока ничего не скажет Отто о катакомбах, решила Эльза. Она просто выберется как можно скорее, а там вызовет полицейскую группу, чтобы ее подобрала.

Она покинула нишу и двинулась по коридору, стараясь ступать неслышно, — и тут увидела, что с обеих сторон появились люди. Пока они были далеко, но двигались быстрее, чем она. Эльза взгляделась. Сзади точно были повстанцы, а вот впереди.... впереди, прямо за поворотом, их поджидали трое «инквизиторов».

Сделав очевидный выбор, она выстрелила в ватиканцев прямо сквозь каменную толщу. Плазменный канал прошел насквозь, но церковники, натасканные Умберто Бенини, умели отражать проклятое оружие. Эльза видела, как луч ее гиперблоида рассыпался, погас, как опущенная в воду железка в кузнице. Кто-то выглянул навстречу, дал очередь из автомата. Вторым выстрелом в упор Эльза сожгла пули еще в воздухе, вместе со стрелявшим, — на сей раз он ничего не успел сделать. Остальные кинулись наутек. Конечно же, она их не догоняла. Надо было спешить, пока путь оказался свободен...

И тут Эльза поняла, что ранена — в плечо и в ногу. Это было бы не особенно опасно, если бы пули не были освящены. Но теперь ей никак не удавалось унять кровь; она не могла вычислить структуру своих повреждений. Она разрезала куртку, наскоро перевязала себя и быстро зашагала прочь, чтобы не оставлять следов. Но куртка намочла минут за пять, и за ней потянулась кровавая дорожка. Потом зачавкало и в сапоге, а через некоторое время кровь перелилась через голенище.

Надо выбираться не просто срочно, а очень срочно, подумала Эльза. Если она еще раз наткнется на кого-то подобного, ей несдобровать. К тому же она теряла кровь и рисковала просто свалиться без сознания.

Но это было проще сказать, чем сделать. Она все крепче увязала в этом чертовом лабиринте. Впереди и сзади нее снова появились люди. Эльзе пришлось вилить, уходить и таиться, стараясь не шуметь и не оставлять крови. Но довольно скоро за ее спиной раздалось:

— Брось оружие! Повернись медленно!

Она далеко отшвырнула гиперблоид и развернулась, — но тут же вновь сжала руку, призвав Оружие Контракта. Тьму прорезала вспышка. Такого, конечно, не ожидал никто; два обезображенных тела рухнули, где стояли. Убитые носили ее шлемы: повстанцы Сопротивления.

Но и это не помогло ей уйти! Кто-то наткнулся на уничтоженную группу, и теперь ее явно целенаправленно окружали. Мутнеющим от кровопотери зрением она видела структуру коридоров и понимала, что снова придется драться.

В итоге она выбрала тесный и низкий коридор, в конце которого, как она видела, ее встретят только двое. Идти было довольно далеко, но свернуть некуда. Путь вел на перекресток двух больших тоннелей, да еще туда выходил маленький и узкий лаз, по которому она пробиралась. Странно, отметила Эльза: кажется, его совсем недавно прокопали. Она взвела гиперболоид, прокралась к перекрестку, где нападающие уже двинулись в ее сторону.

И тут, холодея, она поняла, кто это — и не выстрелила сквозь стену, как собиралась. Вжавшись в камень спиной, Эльза огляделась. Пути назад не было: абсолютно гладкий и прямой тоннель. А впереди были Тадеуш и тот верзила, что с ним в одной команде. Судьба поставила ей шах! Даже если бы она в каком-то помрачении выстрелила в Тадеуша, это ударило бы ее же. Его защищал ее талисман.

Тадеуш, закрыв собой верзилу, поднял автомат. Эльза опустила оружие. Такого выражения она на его лице еще не видела. Оно полностью соответствовало ржавой шпаге проклятия у нее в груди.

— Эльза! Что же не стреляешь? У тебя прекрасно получается нас убивать!

Она вышла ему навстречу, стараясь шагать ровно.

— Может, ты выстрелишь?

— Весь твой вид говорит: неужели ты будешь стрелять в раненую? И знаешь, что? — Грудь его бурно вздымалась, — Знаешь, Эльза, в тебя — буду!!

И он спустил курок. Очередь срезала Эльзу, разбивая, казалось, весь мир. Шах и мат.

Она упала навзничь. Последнее, что попало в ее поле зрения, был Тадеуш. Он упал на колени, вцепился себе в волосы и завыл, как раненый зверь.

Потом все рассыпалось в невнятные обрывки...

* * *

...Но она не оказалась в Бардо. Вместо этого ее сознание внезапно прошла встряска: Эльза, вскрикнув, слепо рванулась всем телом. Ее тут же придавило к земле.

— Терпи! — прикрикнул на нее смутно знакомый голос, — Это всего лишь лечебные чары. Сие должно даже на тебя подействовать, — ибо тело у всех устроено одинаково.

Тут она, наконец, осознала, что рубашка на ней разорвана, а в районе солнечного сплетения лежат чьи-то руки. Ее трясло крупной дрожью, — но почему-то она вновь могла глубоко дышать... Но чей это голос? Это важно было вспомнить... даже важнее, чем понять, о чем он говорит.

— Шрамы останутся: тут ничего поделать я не в силах, — продолжал некто над ее головой, — Руны действуют на тебя хуже, чем на любого из смертных. Впрочем, сие не вредит твоей красоте.

И тут ее снова дернуло, как током. Она вспомнила.

Колесничий!!!

Паника перекрыла попытки соображать. Эльза с шумом втянула сквозь зубы воздух, распахивая незрячие глаза, — и в руке у нее возник гиперболоид. Она не дастся...

Тут же оружие оказалось у нее выбито, а обе ее руки Детлеф сгреб своей одной, поднимая их ей за голову.

— Терпи, я сказал! Ибо мне тоже прикладывать приходится силы, чтобы тебя исцелять,

а не калечить, как то являлось мне в видениях!

Стоп... он сказал: исцелять? Эльза замерла. Понадобилось несколько секунд, чтобы смысл слов дошел до сознания.

Он ее лечит! Колесничий, взявшийся неведомо откуда, лечит ее после того, как лучший друг выпустил ей в живот автоматную очередь! И действительно: хотя бы с трудом, но рунистеру это удавалось. Она почувствовала, как его пальцы рисуют что-то на ее руках, ногах, а потом и на лбу.

— Готово! — провозгласил Колесничий. И — не успела она произнести и слова — он наклонился и поцеловал ее.

Шок выбил из Эльзы остатки дрожи. Она едва перевела дыхание.

— В сказках и легендах сей прием срабатывал, — объяснил Дэтлеф, — когда потребно бывало герою оживить спящую царевну.

— Кажется, и в жизни действует, — только и выдохнула Эльза.

Колесничий запахнул на ней рубашку и нарисовал на разорванной ткани знак — вольфсангель:

— Дабы не глазели на тебя недостойные.

Руки ее он, однако, не отпустил.

— Спасибо, — произнесла, наконец, Эльза, — Меньше всего я ожидала встретить вас, а еще меньше — того, что вы сделали. Зачем вы меня нашли?

— Именно для того, что я и сделал.

— Но... зачем? Вы, кажется, собирались меня убить...

— Нет, нет! Слишком многих уже я убил для того только, чтобы не сотворить этого с тобой! Ибо я полюбил тебя, как только встретил!

У Эльзы резко и больно екнуло под ложечкой от его слов. Но она справилась, бросила зло:

— Ого! Так это из любви вы хотели переломать мне руки?!

— То — в прошлом! Теперь вопрос лишь в том, чего захочешь ты.

— Или... ваша демоница?

— Я желал не того же, что она! И если она — твой враг, то я стану врагом ей!

«Толку-то!», — чуть не вырвалось у нее. Но она вовремя прикусила язык. С минуты на минуту странный приступ альтруизма мог его покинуть — и тогда ей настанет конец, а то и что-нибудь похуже. К тому же... мелькнула нелепая мысль: а вдруг ему и правда удалось вырваться из-под контроля?

— Если вопрос в том, чего хочу я, то, может быть, вы меня отпустите? — поинтересовалась Эльза.

— Э, нет! — в голосе его прорезалось нехорошее веселье, — Я тебя еще и свяжу вдобавок.

В ту же секунду она почувствовала, как вокруг запястий обкручивается веревка. Она попыталась вырваться, но край веревки Колесничий прижал камнем с руной.

— Нашли время для своих шгучек!! — взорвалась Эльза, бессильно дергаясь, — Что вы задумали?

— Я сделаю тебе еще один подарок.

— А связали меня зачем?!

— Дабы ты не стреляла! Я уразумел уже, что твое оружие — вроде моего ножа, и потому пробивает мой щит.

— А что, ваш подарок такого рода, что я наверняка захочу выстрелить?

— Как знать... Прошлый тебе пришлось не по нраву.

— Вы догадались притащить мне еще десяток голов?! Ваша «валькирия» чертовски испортила вам вкус!

И тут ее пронзила жуткая догадка. Неужели он подарит ей голову ее несчастного друга?! Если этот сумасшедший появился внезапно, Тадеуш мог не успеть уйти!

— Нет, пока я только лишь поймал тех, у кого головы на плечах! Но я сотворю с твоими врагами все, что ты пожелаешь. А если тебе не достанет фантазии, это не беда. Я быстро придумываю всякие забавы. Смотри! — это они чуть не ввергли тебя в царство смерти.

Колесничий, наконец, встал — и частично вернувшемуся зрению Эльзы открылось ужасное зрелище.

Тадеуш и тот верзила, его напарник, стояли подобно статуям, скованным в движении. Рядом на боку лежал и слабо светился фонарь. Оружие их валялось на полу. У обоих на лбу были нарисованы руны неподвижности и молчания, и еще какие-то знаки кровью — у них под ногами. Они держались за руки, и, по идее, обоих должен был защищать ее медальон. Но медальон не реагировал на происходящее, — ведь чары, что их связали, не причиняли вред, как таковые. А вот сам Колесничий как раз сейчас обводил их Жертвенным кругом, поднимая разрезанную руку и периодически врисовывая в круг какие-то руны.

Дьявол побери, это снова был шах!

— Стойте! — хрипло крикнула Эльза, — Я не хочу, чтобы вы им вредили!

— Ну уж нет, — весело откликнулся Дэтлеф, — Явился я к тебе через множество битв, и исцелить тебя тоже было непросто. Силы мои на исходе — а впереди и всюду враги! Нужно принести жертву, дабы творить заклинания. К тому же... я не позволю тебя убивать кому попало! Они посмели поднять на тебя руку... и посему этот круг — не простой! Ха-ха! — он... очень особенный!! Их смерть будет трудной...

— Стойте, — уже спокойно произнесла Эльза, — Вы кое-чего не понимаете. Предлагаю провести эксперимент. Вытащите из моего рукава кинжал, — вы, надеюсь, хорошо помните, где он? — и бросьте его в любого из них.

— О! — обрадовался Колесничий, — Ты желаешь, чтобы я прикончил их твоим оружием?

Нож Эльзы свистнул в воздухе в направлении Тадеуша, — и рассыпался, будто стекло о бетон. Эльза дернулась, чувствуя, как раскалывается Кристалл.

— Что за... неужто тоже христианское колдовство?!

— Нет. Мой Дух хранит их. Каждый раз, когда их настигает оружие, за их жизни я плачу смертью своего Кристалла. Если вы принесете их в жертву, я исчезну навечно. А я подозреваю, что ваша «валькирия» будет против на сей раз, — Эльзе, наконец, удалось поймать ускользающую мысль.

— Твой Дух?! Твой Дух хранит... этих неблагодарных?! Да кто они тебе?

— Один из них — мой... побратим. Второй мне нужен, чтобы кое-что выяснить. А что до остальных — то благодарности я не жду. Ни от кого. В принципе.

Колесничий, не закончив круг, переводил глаза с подпольщиков на Эльзу. Наконец, он произнес:

— А еще называют безумным меня! С таким побратимом не нужно и врагов!

— Кстати, о врагах, — продолжала Эльза, — Быть может, вы не знаете, но они здесь очень скоро будут. Поэтому, пока мы отсюда не выберемся, лучше нам объединиться.

Выхода у нас нет. Освободите меня, я тоже кое-что могу. Я обещаю в вас не стрелять, пока мы союзники.

— Нам более не надо драться. Мы с тобой...

— Надо, — быстро перебила Эльза, — Но позже. Или сейчас мы проиграем оба. Давайте же...

Колесничий перерезал веревку своим ножом и подал ей руку. Она встала, сжала ладонь; гиперболоид, что лежал в нескольких метрах от нее на полу, возник в ее руке. Эльза быстро погасила фонарь: и она, и Дэтлеф прекрасно видели во тьме.

Между тем, их окружили со всех сторон. Из проема коридора вылетела граната. Щит Колесничего выдержал, закрыв на мгновение и его, и Эльзу, и незадачливых подпольщиков, — от воздушного удара всего лишь заложило уши. Следом застрочил пулемет. Дэтлеф качнулся: освященная пуля чиркнула его по руке, вторая задела бок. Эльза вскинула гиперболоид, стоя с ним рядом, и послала плазменный луч прямо сквозь горную толщу. Пулемет смолк, — но и луч тоже погас, рассыпаясь в канале проводимости, как обломки леденца. Она еще раз нажала на гашетку: то же самое. Издалека послышалось:

— *In nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti...*

— *...et in nomine Odinus Necromanti!!!* — к изумлению Эльзы, закончил Колесничий. Он быстро коснулся пола, что-то начертив. Только сейчас Эльза заметила, что вся площадка подземного перекрестка была обведена кровавым кольцом, от которого дорожка крови тянулась к месту, где они стояли. Тут оно вспыхнуло высоким пламенем — и огонь, бурля, хлынул в коридоры. Оттуда донесся дикий крик.

Дэтлеф стоял, пошатываясь и тяжело дыша. Сквозь зубы он запел Второе заклятие, но кровь не останавливалась.

«Плохо дело», — подумала Эльза, видя, как ватиканцы перестраиваются для новой атаки. Эти оказались явно сильнее тех, что ранили ее. Кажется, это были те самые, что явились в мастерскую, — и если так, то они явно пришли по следам Колесничего.

Пока наступила передышка, она вызвала Отто. Ей не давал покоя вопрос, какова может быть причина, по которой Колесница приказала своему Контрактеру ее спасти. Сейчас Эльза не видела пут, через которые демоница правила им, как марионеткой, — но это ничего не значило. В его свободную волю Эльза не верила. Бой в мастерской хорошо показал, чего она стоит против воли Колесницы.

— Герр Штальберг, доложите обстановку!

— Не мог докричаться до вас, — тут же отозвался Отто, — Обстановка неудобная. Лабораторию штурмует Ватикан. Совместно с армейскими частями. Они уже во флигеле. Мы уничтожили основной агрегат «Машины Внушения». Но у них в руках астролог. Я пытаюсь выбраться вместе с профессором.

«Вот оно! — догадалась Эльза, — Вот причина, почему Колесница оставила меня жить! Ватиканцы сильны. Если они заполучили астролога, они сумеют через него добраться до нее. Но на нем шлем, и снять его могу только я. Я для нее — ключ от шлема! Пока я жива — у «инквизиции» ничего не выйдет. Разве что они заставят Отто...»

— Что у вас, фройляйн? — спросил Отто.

— Долго объяснять. Тоже бой.

— Если удастся сбежать, привезу Убермана в Вену. Мы подберемся к вам на сто метров. Вы сможете воспользоваться вторым Контрактом. Сейчас — отключите меня от связи! Иначе мне не уйти. Для этого я вас и вызывал. Я включу маячок, когда буду в безопасности.

Скорее, фройляйн.»

Эльза поспешно прервала и «погасила» связь.

И вовремя: Колесничий опять замкнул свой огненный круг; вал пламени двинулся от него во все стороны. Но сквозь огонь влетела пара гранат, врезаюсь в щит Турисаз, потом ожил пулемет... Эльза нажимала и нажимала на гашетку, но лишь в первый раз это принесло результат. Раскаленная плазма сожгла кого-то из нападающих в одном из коридоров, — а потом луч раз за разом угасал, едва успевая вспыхнуть. Эльза чертыхнулась, подняла с земли автомат Тадеуша: в конце концов, не обязательно было выдерживать стиль магического поединка! Колесничий запел, раскалывая свой Кристалл и вливая силу в слова:

Знаю пятое я против стрел легкоперых,

Что недруг направит на рать;

Как бы живо не мчались — стрелу задержу я,

Едва лить увижу ее...

Выстрелы на мгновение смолкли. Этого хватило Эльзе, чтобы вручить Дэтлефу автомат и послать лучи гиперболоида в оставшиеся коридоры. Рунистер тоже дал очередь; правда, выяснилось, что из обыкновенного оружия великий маг стреляет не особенно хорошо.

Совместными усилиями атака захлебнулась. Но Эльза видела: нападающие лишь снова отошли для перегруппировки. Она взглянула на Колесничего. Кажется, его опять зацепило: он стоял как-то криво, будто вот-вот свалится. «А ведь он сейчас «сгорит», — вдруг подумала она, — И тогда я назову по имени его проклятую «валькирию». Но это снова шаг: одной мне с «инквизицией» не сладить. Нет, сначала нужно разобраться с Ватиканом, а после — с ним...».

Между тем, ватиканцы медлили. Они заняли позиции у всех тоннелей, но словно чего-то ждали. И вдруг Эльза увидела, чего именно: самое интересное происходило наверху! Ведь над ними тоже был тоннель. И по нему сейчас катили небольшую горнопроходческую установку, волокли генератор и горючее. И гранаты. Много гранат.

— Дьявол... — она обернулась к Колесничему, — Кажется, они собираются добраться до нас сверху. Думаю, им не нравится ваш круг, герр Эберт. Интересно, где они добыли маркшейдерскую машину? Впрочем, неважно. Как только они пробурят пол, — нас забросают тут гранатами, а потом уж они навалятся на нас из коридоров. Слушайте: я постараюсь их опередить. Главное — не мешайте мне. Как освободить пленников?

— Стереть руны на лбу и на земле, — мрачно сказал Колесничий. Идея ему решительно не нравилась.

Эльза подошла к оцепеневшим подпольщикам, сняла с шеи Тадеуша медальон, зажала в руке. Другой рукой она взяла за руку здоровяка:

— Если хотите жить, не отпускайте руки, что бы ни случилось.

Она чиркнула ногой по полу, дотянулась до лба Тадеуша, потом — с огромным трудом — до верзилы. Оба сдвинулись с места.

— Милош, отпусти меня, — тихо сказал Тадеуш, — Лично я жизнью дорожу не настолько.

— Умолкни, Тадеуш, — почти беззвучно прошептал ему в ухо верзила, — что я отцу твоему скажу? Сколько лет он тебя берег, уж извиняй, что без спросу! Не пытайся вырваться, ты же знаешь, что не выйдет.

Ясное дело: в полной темноте он думал, что его услышит только Тадеуш, — ведь он не знал о возможностях эльзинога зрения! Вот это поворот, подумала она, услышав про отца.

Ничем не выдав удивления, она потянула Милоша за руку:

— Сюда.

— Кстати, это мы с Тадеушем притащили сюда машинку, — с каменоломни местной, где известняк добывают, — сказал Милош, следуя за ней — Когда мы тут укрепились, стало понятно, что некоторые коридоры надо соединить. А то, вроде, по прямой десять метров, а бежать приходится километра три, чтобы в соседний попасть. Ну и подлиннее копали, когда освоились. Вон тот тоннель, откуда вы пришли — наших рук дело. Два лагеря соединяет, иначе через полгорода пришлось бы идти.

— Ясно, — отозвалась Эльза. Она встала у одного из тоннелей, подняла медальон и коснулась скальной стены:

— ЖЕЛАЮ, ЧТОБЫ ЭТОТ ТОННЕЛЬ ОБРУШИЛСЯ В СТА ТРИДЦАТИ ШЕСТИ МЕТРАХ ОТСЮДА!

Эльза постепенно восстанавливала зрение, и теперь точно видела затаившихся врагов. Она специально назначила длину так, чтобы их накрыло обвалом. Камень треснул, просел с грохотом. Земля содрогнулась под ногами.

Она шатнулась, Милош крепче ухватил ее руку.

— Дальше! — потащила их Эльза к следующему переходу, — Они не смогут ни предупредить друг друга, ни окружить нас снова! Мало времени, сверху уже начали бурить...

Она приложила медальон к краю проема:

— ЖЕЛАЮ, ЧТОБЫ ЭТОТ ТОННЕЛЬ РУХНУЛ ЧЕРЕЗ ПЯТЬДЕСЯТ ТРИ МЕТРА ОТСЮДА ВМЕСТЕ С БОКОВЫМИ КОРИДОРАМИ!

Грохнуло; пыль вырвалась из проема, как выстрел из пушки. Эльза упала на колени, хватаясь за грудь, переводя дыхание.

— Прекрати! — крикнул ей Колесничий, — Ты творишь заклятия, не принося жертв!

— О, ваша демоница волнуется? — усмехнулась Эльза, вставая, — Передайте ей, что я рассчитываю силы. Осталось всего три, — она шагнула к следующему тоннелю, — а потом мы пробьем здесь еще один...

— Отойди, — он заступил ей дорогу, — Или я сам тебя остановлю.

Под ногами у него вновь расплетались ломаные линии: Колесница перехватывала над ним контроль. Эльза поняла: сейчас он прыгнет, чтобы ее скрутить, — а потом принести в жертву подпольщиков и расправиться с ватиканцами. Иначе и быть не могло, если она нужна демонице живой... Она зло улыбнулась, поднимая гиперолоид:

— Танцы кончились, Колесница. Следующим ходом я ставлю тебе мат.

— Я спас тебе жизнь, — глухо сказал Дэтлеф, — Не для того, чтобы ты погибла так.

— Как трогательно! — скривилась Эльза, — Не дави на жалость, бестия. На эту удочку я больше не клюну. Твой Контрактер над собой не властен. Выходи, и я скажу тебе кое-что интересное!

— Не говори так, будто меня уже нет! — Колесничий шагнул, ломая чары контроля, — Я сказал... не позволю тебя убивать, кому попало... и править мною... даже ей!!!

Он прыгнул. Она выстрелила.

Но бросился он совсем не в ту сторону, куда она рассчитывала. Он уклонился вниз, замыкая рукой свой магический круг!

Пламя взвыло и вскипело, закрутилось против часовой стрелки, окутывая пещеру. Раскаляясь добела, оно выхлестнулось в коридоры на сотни метров вокруг, проглотило ждавших в засаде «инквизиторов», оплавало камни. В огненном реве прорезались стоны и

скрежет потустороннего мира, звуки железных пустырей Бардо. Реальность Той Стороны смыкалась с миром людей, — потому что Колесничий сжег себя дотла в пламени своего последнего заклания! И теперь Колесница должна была явиться, чтобы принять его Отречение.

Эльза, раскрыв рот в немом крике, смотрела, как из центра его груди взрывом разросся новый механизм Всеобщего Закона...

Колесничий воздел над собой свой нож — и он превратился в меч. Он стоял, преграждая путь чему-то, что несло навстречу, сотрясая весь мир. Структура реальности треснула, как гнилая тряпка. И тогда Эльза увидела Колесницу. И поняла ясно, что это конец. Вот почему он говорил о ее смерти, как о решенном деле. Демоница ничем не рисковала. О, как глупы оказались все эльзины расчеты! Как наивно было думать, что ЭТО можно было заставить врасплох, задержать жалкими ловушками, обмануть, успеть крикнуть имя! Слово «Бальжинима» было в десять раз дольше всего происходящего...

Колесница с визгом дернула цепь, что росла из груди ее «сгоревшего» Контрактера, рванула его, чтобы швырнуть себе под колеса. Он казался крошечным с ней рядом. Но он вонзил свой меч в землю, намотал на руку ту же цепь и дернул ее на себя! И тогда чудовищная машина сорвалась с колеи, зарылась передней частью, совершила немыслимый кульбит, рушась на фигурку Колесничего и круша ее. Но главное — она замедлилась! Теперь можно было успеть крикнуть...

— БАЛЬЖИНИМААААААААААААААА!!! — заорала Эльза.

ГРРРРОХ! Колесница рассыпалась. Огонь проглотил развалившиеся куски механизмов которые волокла инерция. Пустота схлопнулась.

Эльза продолжала кричать, повиснув на руке Милоша. Потом задохнулась, потому что воздух ворвался вместе с пылью в коридоры, откуда его только что выжгло пламя. Милош бросился на пол, увлекая с собой Тадеуша и Эльзу.

Эльза лежала, скорчившись, сотрясаемая не то дрожью, не то рыданием без слез. Пыльная буря утихла.

— Эй, фройляйн, — Милош ухватил ее за плечо и поднял, как куклу, — Вставайте, вы оба, — и шагу отсюда! — Он наткнулся на фонарь, поднял и включил его, — Не знаю, что за чертовня тут приключилась, но, похоже, всех пожгло. А те-то все бурят, что наверху! Вот-вот, гляди, угостят нас гранатами. Вставай, а то так поволоку! Нам тут помирать не с руки. Ну!!

Эльза, казалось, не слышала.

— Приди в себя! — рявкнул Милош, таща вперед и ее, и Тадеуша, — С нами пойдешь! Что там ты от меня узнать собиралась? Расскажешь в лагере, аккуратно! И не вздумай мне выкинуть какой-нить фокус с твоим амулетом! А лучше дай-ка его сюда: я, кажется, понял, как он действует. У меня больше проку от него будет. А то еще надумаешь его выбросить да и стрельнуть в нас.

Он отобрал у безучастной Эльзы медальон и повесил себе на шею. Потом подобрал оружие — свое и Тадеуша.

— Тадеуш, держи...

Эльза бросила потухший взгляд на пол — туда, где исчез Колесничий. Ничего не осталось там, как и не было. Только в полу, в обуглившемся камне, были глубокие регулярные борозды, — не то проплавленные, не то прорытые. Это были следы от серпов, укрепленных на ступицах колес Колесницы...

Дэтлеф Эберт утянул ее с собой в небытие.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ, в которой Эльза завершает свою месть

Милош, Тадеуш и Эльза отправились прочь по сплетению подземных коридоров. Все трое молчали.

Эльза увидела, как включился маячок, реагируя на такой же, бывший у Отто. Он давал знать, что ему удалось улизнуть. Но она не связалась с ним. Она словно забыла, зачем это нужно.

— Хе-хе, вижу, ты впечатлена, — прорезался голос демона в ее сознании, — И есть, чем. Это же надо! В твоём раскладе такого варианта не было! И знаешь, это тянет если не на чудо, то на очень хороший фокус. Он настолько сконцентрировал себя в своём восстании против Колесницы, что то, что им двигало, впечаталось в его природу, даже когда он превратился в демона.

— Почему... Почему он это сделал...

— Ну ты даешь! Откуда же я знаю? То, что можно просчитать, ты просчитала своим казуистическим умом абсолютно верно. А значит, это, что им двигало — вне компетенции демонов, уж извини!

— Хочешь сказать, чудо?! Да как такое могло быть?! Ты же говорил!!! Ты сам мне говорил, что абсолютно все Колесничие заканчивают свое существование в ее упряжке! Он был на пределе! Он и до того с ума сходил без перерыва! Она должна была получить над ним в итоге полную власть, не так ли?!!

— Ну, говорил... И что? До сих пор так и было! Ни одного исключения! Это статистика, основа современной науки! И, кстати, а что это ты так разошлась? Ты же, кажется, не была в него влюблена! И не ты ли уверяла, что он окончательно потеряет для тебя значение, как только связь ваших Контрактов распадется?

— Умолкни. Дело больше не в Контрактах... Его последний поступок все меняет.

— Вот уж черта с два я замолчу! И знаешь, почему? Ты убила Колесницу! Мою Колесницу!

— Ну и ну! Продолжаешь в прежнем духе, хотя ее Контракт на тебя расторгнут?

— Видимо, у меня дело тоже было не в Контракте.

— Чертов подкаблучник! Ты радоваться должен, что тебе перестанут отрывать руки и ноги.

— Что-то ты сама не радуешься тому же самому!

Тут она заметила, что Милош косится на нее и очень, очень внимательно слушает. Она, оказывается, спорила с демоном вслух! Эльза замолкла, мрачно уставившись в пол.

Последний шаг Колесничего потряс ее так же, как раньше — соприкосновение их Контрактов. Но теперь эта встряска обрела соответствие в ее личном опыте, и сама природа ощущения изменилась. Все встало на свои места. Она поняла: это лишь отчасти был обыкновенный животный страх смертного существа. В гораздо большей степени это был ужас свидетеля чего-то сверхчеловеческого, — такого, как этот его поступок. То, что двигало им на самом деле... должно быть, это было что-то, от чего она все дальше и дальше уходила вниз по своему пути Проклятой...

Странно лишь было, что она знала это потрясение задолго до гибели Колесничего, — словно это был не первый такой случай в ее жизни. Или, может быть... не в ее.

Эльза вышла из оцепенения. Да, теперь, как и раньше, ей оставалось только одно: дотанцевать свой танец до конца. Нет, теперь — тем более!..

Она вызвала Отто:

— Герр Штальберг, я жива. Что у вас происходит?

— Мы приземлились в Вене полчаса назад. Со мной Уберман и Леманн. Едем в центр. Идем к вам. Остальные новости — плохие.

— Я вся внимание.

— Астролог у церковников. Контрактеры профессора — тоже. Их Контрактеры — тоже... Да, вся Пирамида. Захватили даже тех, что были в доме умалишенных. Фройляйн, я думаю, Ватикан надавил на высшее руководство. От абверштелле Вены теперь откредятся.

— Да, возможно... хотя я не разбираюсь в церковных делах и не могу сказать, сколь серьезно может быть их влияние. Но, что касается астролога, пусть себе делают с ним, что хотят. Я думала, что через него они могут добраться до Колесницы, — и, признаться, меня это вполне бы устроило. Но Колесницы больше нет, герр Штальберг. Поэтому мне нет дела и до ватиканцев, и до профессора, по большому счету. Разве что он сейчас поможет нам закончить кое-какое дело, а они могут позже доставить нам проблем.

— Кажется, я многое пропустил. Куда вы направляетесь? Я вас уже вижу. И вы не одна.

— В лагерь повстанцев. Видите ли, меня взяли в плен... Следуйте за мной. Думаю, мы найдем там того, с кем давно хотели побеседовать.

* * *

В лагере царило оживление и даже веселье. Горел костер; дым поднимался куда-то в верхние каверны, как в трубу. На костре жарилось мясо, а люди вокруг шумели и пили, празднуя победу.

Милоша и Тадеуша встретили приветственными криками:

— Эй, давайте к нам, братцы! И девушку с собой берите!

— Позже, — ответил Милош, таща Эльзу за руку, — Тадеуш, позови Ткача. Думаю, ему интересно будет, чего нам фройляйн баронесса расскажет.

Он привел Эльзу в какой-то застенок, откуда их явно не слышали бы оставшиеся в лагере. Следом пришел Тадеуш, неся зажженную керосинку. В ответ на взгляд Милоша он сказал:

— Я тоже должен знать.

Тот кивнул и обратился к Эльзе:

— Повернись.

Быстро связав ей руки за спиной, он снова развернул ее к себе и толкнул к стене.

— Я далеко не все понимаю, что тут творится, — сказал он — но про твою пушку уяснил, что она по твоему желанию возникает, и приятного в ней мало. Это у тебя вряд ли теперь выйдет... Но лучше поговорим. Учти, отмолчаться не получится. Я не злой, но дело иногда важнее. Я умею делать людям очень, очень больно, если хочу что-то выяснить. А мне Тадеуш как раз тут рассказал чего-то странное, про какие-то головы взрывающиеся, про провокацию, которую, оказывается, ты спланировала. И еще, помню, тебе самой что-то нужно лично от меня. Вот и давай, по порядку...

— Сначала — ваша очередь, — проговорила Эльза.

— Чего?! — угрожающе спросил Милош, но тут же взгляд его остекленел, — Чего вы хотите узнать, фройляйн?

Тадеуш, увидев неладное, попытался сделать шаг, — и понял, что не в состоянии двинуть ни одним мускулом. Правда, говорить он мог:

— Эльза! Что ты с нами сделала?!

— Взяла вас под контроль. Его — полностью, тебя — частично. Ты, кажется, хотел что-то узнать.

Тадеуш замолк. Предчувствие беды вдруг возникло — и накрыло его с головой.

Эльза произнесла громко:

— Входите, все четверо.

В проеме входа показались Отто, профессор Уберман в глухом защитном шлеме и Лотта Леманн, вцепившаяся в его локоть мертвой хваткой. Второй рукой она держала массивное устройство, похожее на пушку с широким раструбом. Эльза узнала переносную часть «Машины Внушения». Вид у Лотты был восторженный, взбудораженный, но решительный.

А затем из-за выступа стены в круг света вдруг ступила еще одна фигура. Стефан Лодзянский, известный также как Ткач, безвольно покинул свое убежище, как и приказала ему Эльза.

Отто приблизился и перерезал на ее руках веревку. Не сводя взгляда с подпольщиков, она спросила

— Узнаете кого-нибудь?

— Да, — голос его дрогнул от ненависти, — Оба были на портретах. Тех, что рисовали ваши художники. Они заказывали книжки. Некромантские. Ту — тоже. А... вы?

— Вот тот, чей след я увидела у могилы барона, — Эльза взглянула на Лодзянского, — И если я не ошибаюсь, именно его я поклялась убить, когда встречу.

— Эльза..!

Она перевела на Тадеуша взгляд, и тот понял, что любые слова бесполезны. Он подумал вдруг, что она упомянет об автоматной очереди, которую он в нее выпустил, поддавшись жажде уничтожения. Но она лишь сказала спокойно:

— Если я все же ошибаюсь, этот человек уйдет невредимым. Тадеуш, я знаю, что это твой отец. Но думаю, что, когда мы его выслушаем, даже ты согласишься, что у меня есть некоторый резон для мести... Итак, пан Лодзянский, я вас слушаю. Поведайте, что заставило вас убить барона фон Лейденбергера, и как вам это удалось. Остальных прошу говорить только по делу.

— Барон и австрийские военные у нас оружие производили, наши треклятые коллаборанты покрывали их... — почти без выражения начал Лодзянский.

— Знаю, — прервала Эльза, — Давайте чуть сократим беседу. Сначала вы пытались подставить барона, втавив в шпионскую историю Отто Штальберга; потом, когда у вас это не вышло, перешли к покушениям. А потом выяснили, что дед совсем потерял голову от оккультных изысканий, и решили над ним... пошутить. Вы инсценировали ритуал, который, якобы, был предназначен, чтобы извлечь из меня душу и вселить в мертвое тело в некой могиле. Вы знали, что ритуал не стоит и гроша, но верно рассчитали, что барон в его состоянии будет им впечатлен. Тем более, что книжка с его описанием была у деда в библиотеке, и он не успел даже встретиться ни с кем, кто объяснил бы ему, что это — обыкновенная букинистическая подделка. Там он вычитал, что должен явиться на кладбище в одиночку и отстоять мою душу в магическом поединке... С этого места можете

продолжать. Дополните то, что я упустила.

— Все верно, — тусклым голосом вновь заговорил Лодзянский, — Но убил я его не из-за оружия. То есть, не только из-за него... А в том было дело, что пока мы с моими людьми пытались выяснить, кто же из наших магнатов барона покрывает, они сами ход сделали, — силезские промышленники и вояки, будь они неладны. Они же раньше под Австрией были, — ну и сохранили, значит, патриотизм... помогали барону не за страх, а за совесть. И вот в один прекрасный день мое польское руководство мне сообщает: есть срочный приказ. Французы, — а эти стервецы имели на нашу разведку влияние, — передали ультиматум. Приказали нам, — Польше, то есть, — свернуть наше официальное присутствие в Германии и Австрии. Мне поручается, дескать, прикрыть коллег, которые будут переходить на нелегальное положение. Ну, указания мне дали, что да как... И что-то, знаете, насторожило меня. Интуиция, не иначе. Решил я проверить, вправду ли наши развертывают нелегальную сеть. Копнул поглубже — и понял, что ничего подобного, наоборот даже. А значит, сообразил я, подставляет нас собственное руководство. Убрать нас решили, а задание нам это дали специально, чтобы добраться до нас было проще. Дерьмовый расклад.

Я потом уж, когда пришлось лечь на дно, расследование провел. Приказ на мое устранение шел из Абвера. Притом шел он хитро: немцы не сами на наших вышли, а через французов. Взяли лягушатников в оборот... Тем деваться было некуда, и потребовали они у наших мою голову. Но сразу я этого всего, конечно, не знал...

— Кто именно отдал приказ в Абвере? — спросил Отто, — Кто носил псевдоним: Вильгельм Линц?

— Не знаю настоящего имени, — сказал Лодзянский, — Но да, он. Его потом свои же убрали без шума. Дальнейшим распорядился Теодор Росс из абверштелле Вены. Это тоже псевдоним, его действительное положение позволяет ему решать такие дела.

— Вашим основным направлением был барон? — продолжал расспрашивать Отто.

— Да.

— Почему тогда Абвер взялся за вас? Почему именно в тот момент?

— Сам не ожидал. Как будто, немчуре тоже было, что делить с бароном...

Отто умолк. «Хороший вопрос» — отметила Эльза.

— Дальше, — кивнула она.

— Уловил я, что происходит, и очень не захотелось мне ни самому помирать, ни людей своих терять, ни... — Лодзянский мельком покосился на сына, — В-общем, решил я опередить эти происки, от кого бы они ни шли. Вышел на связь с французами, говорю: дайте нам уйти, а мы вам за это — барона фон Лейденбергера на блюде. Барон-то личность для всех был интересная. Если бы он достроил свою Империю — никому мало бы не показалось.

Ну, а французы подумали-подумали, да и двинули с этим к немцам. И, в свою очередь, им говорят: вы нам даете время, или еще что-то, — я точно не знаю, за что они сторговались — а мы вам — барона. Абверу-то они не сказали, что не сами они добывать его собираются, а нашими руками. Выдали за собственную заслугу, — а потом, когда я это сделал, они еще и в спину нам ударили. Еле мы ушли...

Так вот, скажу я вам, добраться до барона задачка была не из простых. Я понял, что с наскака не выйдет: против штальберговских пушек у нас ничего нет. И вот тогда я и придумал тот способ, с книгой... Только знаете, баронесса... вы зря говорите, что ритуал ненастоящий.

Эльза увидела, каких сил стоило Отто не дернуться. Все-таки ей это удавалось гораздо

лучше...

— Что вы имеете в виду?

— Да то, что он сработал... Да, пани: все было именно так, как там сказано, в книжке. Там ведь что говорилось? Барон должен был сразиться с тем, кто начал ритуал, — со мной, то есть, — поставив свою душу на кон. Выиграет — спасет и себя, и жертву. Ну, а проиграет — погибнет навеки, и жертва тоже... Я, знаете ль, никогда не верил ни в колдовство, ни в какую-нибудь религию, — но после той истории... — Лодзянский сделал паузу, потом продолжил менее монотонно, — Короче говоря, явился я в назначенную ночь на кладбище. Там уж все готово было, даже ванна с негашеной известью в могилке вашей стояла... Ну, вы ее видели, наверное. Могилка-то непростая. Так вот: сижу на вашем пустом гробу, время коротаю. Потом гляжу: пора. Залез повыше, аж в самый обелиск. Там дырка специальная, чтобы смотреть... А тут как раз и барон идет. Я подпустил его поближе — и выстрелил. У меня с собой была духовая трубка и стрелки отравленные. Он упал... Я подождал чуток для верности, потом вылез. Подошел к нему, проверил пульс. Он был мертв. Абсолютно точно.

...Тадеуш слушал, почти не дыша. Все это время он глядел на отца, — но сейчас поневоле посмотрел на Отто. Посмотрел — и не поверил своим глазам. У беспощадного баронского адъютанта во взгляде была страшная боль. Эльза рядом с ним стояла с каменным выражением лица.

— Ну, оставалось мне его сбросить в могилу — и дело с концом. Взял я его под мышки, перевернул... очки на нем были какие-то странные. И что-то, знаете, ужасно погано на душе у меня стало. Сначала я думал: это от моего поступка. Я ведь, если честно, барона уважал. Он был настоящий рыцарь, старой закалки человек. И вот я, значит, убил его исподтишка, когда он на честный поединок вышел... Эх, думаю: сколько я народу за жизнь свою ухлопал, а этот мне тяжело дался. И тут еще собаки выть стали, в деревне-то. Сначала одна завывала, потом другая следом, — а потом все хором, да заунывно так. Тогда я вдруг чую: не по себе мне, и сильно. Сцена-то дикая получилась: я ведь там кровью все облил, свечи зажег черные, толстенные... Захотелось мне оттуда поскорее убраться, как я себя ни успокаивал. Ну, отодвинул я плиту, сбросил его туда — а пока бросал, мне почудилось, что он шевельнулся. Я даже фонариком вниз посветил... и... и... он... — Лодзянского явно пробила дрожь, — В-общем, он из ванны перевесился — и выбраться пытается. Из негашеной-то извести... У меня волосы на голове дыбом встали. Я, не раздумывая, пистолет выхватил, и все пули высадил туда, вниз. Потом плиту задвинул — и бежать... А потом вдруг думаю: если его яд не берет, то что ему пули..? Не знаю уж, пани баронесса, каких мне сил стоило заставить себя остановиться. Бросился я на землю, лежу и жду. Вдруг из-под плиты: бух... бух... а потом она сдвигается — и падает, раскалывается напополам. И он вылезает. Страшный... в извести-то он успел побывать... и идет ко мне... колено подламывается, пуль перебитое. Однако идет уверенно, будто точно видит, где я. Ну, думаю, все, кранты мне наступают. Лежу, подняться не в силах. И тут как надоумил меня кто-то. Вспомнил я старые всякие истории, где мертвяка по имени звали, чтобы он послушался. И я как заору: «Франц-Ульрих фон Лейденбергер, изыди!!!» А он... задергался весь, жуткий звук издал: не то хрип, не то вой... и будто задымился, на лбу особенно видно было. А потом упал.

А я все лежу, ни жив, ни мертв. Не знаю уж, сколько времени прошло... Да вдруг замечаю: собаки-то стихли. И сам я почуял как-то, что все закончилось... что бы в него ни вселилось, оно пропало. Теперь это был просто труп — хоть и страшный. Тогда уж я встал, и, на него стараясь не глядеть, донес его во второй раз до могилы — ну и доделал, что

собирался. Плиту на место положил, обе половины. И только после этого дал оттуда ходу. Вот так-то...

...Так я к чему клоню, пани... Если уж с ним такое получилось, значит, душу он свою потерял, потому что на спасение все это мало было похоже. А если он ее потерял, то, значит, ритуал-то настоящий был. А раз уж он был настоящий, то душу свою потеряли и вы. Поэтому вы и есть ведьма, как втирал нам тут один святой отец...

Эльза фон Лейденбергер по-прежнему стояла, выпрямившись и глядя на Стефана Лодзянского своими ледяными глазами. Он вдруг понял даже сквозь морок подчинившего его заклятия, что это глядит на него смерть.

— Возможно, вы правы, — проговорила Эльза, — Да, очень похоже, что душу я потеряла, не говоря о моем дедушке. Что ж... благодарю за рассказ. Остаются лишь маленькие детали. Кто руководит ватиканцами и чего они хотят?

— Умберто Бенини. Он стар и очень опытен... И он живет для того, чтобы поднять девятый Крестовый поход. Сейчас он взял в свои руки не только Ватикан, но и Италию, и предъявил ультиматум немецкому фюреру, пригрозив ему буллой. Как я понял, он заполучил доказательства, что здесь свирепствовали дьявольские козни. Он потребовал от Райха сотрудничества с церковью. Какие бы ни были времена, анафема Святейшего престола — это все-таки до сих пор серьезно. Гитлер согласился. Теперь святой отец устроит что-нибудь впечатляющее. Может, масштабное аутодафе с изгнанием дьявола и массовым сожжением еретиков, — с него станется. Ну а когда все будут впечатлены — Италия возьмет на себя роль первой скрипки в тандеме Берлин-Рим. Я говорю: Италия — но подразумевак Ватикан... И он начнет войну. Войну с коммунистами, свой Крестовый поход против безбожия.

Эльза кивнула. С Лодзянского она перевела взгляд на Тадеуша.

— И еще один вопрос, — к тебе, Тадеуш. Как, по-твоему: заслуживают ли деяния твоего отца отпущения? Простил бы ты его на моем месте?

— Мое мнение тебя не касается, Эльза, — тяжело, но с силой проговорил Тадеуш, — Я не на твоём месте, и никогда уже там не буду. Скажу одно: что бы ты теперь ни сделала, я найду тебя хоть на краю света.

— Хех... Что ж, дело твое, тем более, что тобою я уже проклята. Но и моего решения ничто не изменит. За гибель моего деда я заберу вашу жизнь, господин Лодзянский. Желаете ли сказать что-нибудь напоследок?

Она сняла контроль с сознания Милоша и Лодзянского, но двигаться те по-прежнему не могли.

— Не любитель я речи говорить, баронесса... Прощения ни у кого не прошу. Прощайте, друзья и враги, — он обвел взглядом собравшихся, остановился на Тадеуше...

— Прощайте, пан, — Эльза выстрелила ему в лоб тонким раскаленным лучом.

Лотта вскрикнула, сильнее впившись пальцами в профессорский локоть. Отто сжал губы, окаменев. Лицо Милоша исказила гримаса отчаяния. Тадеуш испустил прерывистый вздох. Стефан Лодзянский упал к его ногам.

— Забери медальон, Эльза... — прошептал Тадеуш.

— Ты прав, ведь разговор не закончен, — сказала она, подходя к Милошу. Она сняла с него талисман и надела Тадеушу на шею, взглянув тому прямо в наполненные страданием глаза. Затем она развернулась к Милошу, вновь беря его под полный контроль, и чуть подняла гиперболоид:

— Я поклялась отплатить всем, кто задумал убить моего деда и кто исполнил этот приказ. Милош Ковалевский, знали ли вы о сути поручений, которые пан Лодзянский вам давал по поводу моего деда?

— Я знал, что барон — наша цель, — послушно ответил Милош, — Но Стефан никогда никому приказов не разъяснял. Даже мне, хоть мы и друзья были. Таков уж он был: настоящие цели знал только он сам. Его же звали Ткач... ну вот, только он и знал, из чего он тклет свою паутину. Это здесь уже, когда мы легли на дно, он мне рассказал про барона. Ну и правила игры тут другие немного были, чем в разведке. Очень он не хотел, чтобы прознали, что Сопротивлением он руководит. Поэтому здешние дела он вел через меня, и их уж я знал, конечно...

Эльза медленно опустила гиперболоид:

— Значит, вас я не убью. И вы, герр Штальберг, тоже никого сейчас не убьете, — она выразительно посмотрела на Отто, и тот ответил ей мрачным взглядом. Но спорить с ее вторым Контрактом он не мог.

— Что до медальона, он мне не нужен, Тадеуш — сказала она напоследок, — Мы ими так и не поменялись. Что хочешь, то и делай с ним.

Она кивнула Отто и, не оглядываясь, пошла прочь.

* * *

Никто не задержал их. Эльзин второй Контракт действовал, и в стометровом радиусе от профессора у них не было врагов. Магическая сфера изменяла любые намерения им мешать.

Об услышанном пока не говорили, — да и разговора долго никто не начинал. Даже Лотта Леманн не капризничала и не болтала, — видимо, все-таки чувствовала общий настрой.

— Вы не дали мне исполнить клятву, — глухо сказал, наконец, Отто, — Я должен был застрелить обоих. Они — косвенная причина смерти барона.

— Герр Штальберг, увы, ваша воля входит тут в противоречие с моей, — устало сказала Эльза, — Я с самого начала считала, что ваш обет несколько чрезмерен. Если выполнять его буквально, то придется убить половину людей, с кем мой дед встречался, — потому что каждый из них как-то повлиял на него, и все закончилось так, как закончилось. Да, я не позволила вам выстрелить, — и извинить меня не прошу. То, что вас не переубедить, я прекрасно понимаю. Но давайте начнем все-таки с тех, кто причастен к его гибели прямо.

— Интересно, фройляйн, — со злостью сказал Отто, — Что бы вы делали, окажись убийцей ваш Тадеуш?

— Застрелила бы его, как и клялась, — без раздумий сказала Эльза, — А потом сожгла бы свой Кристалл.

Они свернули в широкий дождевой коллектор современной постройки и теперь шли, вытянувшись гуськом по бетонной дорожке вдоль стены. Слева в канаве журчала вода. Через несколько сот метров им повстречался узкий и тесный боковой тоннель. Протиснувшись туда, все четверо оказались в небольшом колодце с решеткой наверху. За решеткой было видно небо.

— Объявляю небольшой привал, — сказала Эльза. Она довольно тяжело опустилась на бетонный выступ, стараясь держать спину, но Отто было понятно, что чувствует она себя

скверно. На висках ее блестел пот, лицо с заострившимися чертами приобрело землистый оттенок, под глазами чернели круги. Видимо, лекарства помогают все хуже, отметил он. В довершение она была одета в залитую спекшейся кровью рваную куртку, которой пыталась перевязать раны. Да, Колесничий вылечил ее — но разодранную рубашку уже не скреплял начертанный им знак, поэтому куртку пришлось набросить.

— Нам нужно кое-что сделать, прежде чем мы выберемся на поверхность, — продолжала Эльза, — Сейчас ситуация в руках Ватикана, и мне это не слишком нравится. Думаю, они были бы рады спалить меня на самом большом костре... а вас всех — на других, поменьше. У них в руках хороший козырь, — я имею в виду Контрактеров из вашей Пирамиды, герр профессор. Большинство из них в защитных шлемах; полагаю, церковники уже пытались их снять, и поняли, что это непросто. Для этого нужна я, иначе разрыв контакта приведет к смерти пленников. Пока они в шлемах, их Контракты не действуют. Конечно, шлемы тоже — продукт Контракта, для доказательства сгодятся, но было бы куда зрелищнее, если бы удалось явить миру все разнообразие одержимости дьяволом. В-общем, при таком положении дел мы станем центром общего внимания, как только выберемся. Поэтому нам нужно выбить из рук у них козыри. Герр профессор... — она ослабила напряжение в его шлеме, чтобы он мог ее слышать, — и вы, Лотта: скажите, как у вас обстоят дела с силой? Я имею в виду жертвоприношения. Как я понимаю, у вас всегда был резерв.

— Вы так резко ворвались, что я не успела ничего сделать, — ответила Лота с надутым видом.

— Вот видите, не зря. Сила вам понадобится. Сейчас я отключу все шлемы: расстояние мне не помеха. Профессор, вы должны разрушить Пирамиду. Уничтожьте всех, кто потерял Кристалл. Контрактеров-людей трогать нет надобности. Не будет демонов — не будет и их Контрактов... Да, естественно, и думать не смейте уничтожить того, кто заключил Контракт со мной.

— Эх, фройляйн, по живому режете! — чуть комично взмахнул рукой Уберман, — Столько трудов! Мои машины...

— Ну, не по такому уж и живому, и не от такого уж и сердца. Не преувеличивайте. И не заставляйте меня прибегать к вульгарным угрозам. Действуйте.

Эльза резко отключила защитные шлемы на профессоре и на пленниках; по счастью, с территории Райха их не вывезли. Профессор сосредоточился, — и взглянул одновременно глазами всех своих демонов. На мгновение он увидел, как развернулись в их сторону десятки лиц ватиканской охраны: ведь прямо рядом с ними произошла вспышка бесовской активности. Это было рискованно! Теоретически теперь они могли добраться до Профессора через нижние звенья его Пирамиды. Эльза понятия не имела, на что они способны.

Профессор выпучил глаза, резко дернул за цепи Контрактов, разрушая Пирамиду с низу до самого верха. Он развеял в пыль всех своих слуг, — кроме Мартина Фогеля, которого запретила трогать Эльза. Все было кончено: ватиканцы получили лишь груды намертво отключенных шлемов, а недавние колдуны и ведьмы — бывшие Контрактеры — стояли и хлопали глазами, не понимая, куда исчезли их волшебные способности.

— Так, — Эльза прикрыла веки, чуть качнувшись, — Теперь прошу дать мне минуту. Мне нужно проделать то же самое с моей частью Пирамиды.

Все ждали в молчании, пока она приказывала Мартину Фогелю уничтожить всех демонов, что подчинялись тройке его непосредственных Контрактеров. Таким образом, из

Пирамиды оказалось выбиты нижние ярусы, и теперь церковники никак не могли бы добраться до ее уцелевшей части. Наконец, она открыла глаза и произнесла:

— Можно выходить... — попыталась встать и снова села, приваливаясь к стене, — Проклятие... Лекарства остались в мастерской...

— Держите, — Отто сунул руку за отворот куртки, — Взял на такой случай. Нельзя терять время.

Он протянул ей коробочку. Там лежал шприц и несколько толстостенных ампул со стимулятором, — еще работы Вальтера Дитце. Эльза поблагодарила кивком, оторвала еще одну полосу от куртки, перехватила руку выше локтя и впрыснула стимулятор в вену.

— Идемте. Продержусь пару суток.

Она знала, какие последствия ее ждут, как только действие препарата прекратится. В мире физических законов за все приходится платить... Но Отто был прав: пока они смогли опередить и Ватикан, и огромный механизм учреждений Райха, надо было спешить.

Отто выбил решетку, и они по очереди выбрались наверх по железным скобам к стене.

— Где ваша машина? — спросила Эльза.

Отто молча двинулся по улице. Пасмурный день клонился к вечеру, и немногочисленные прохожие шли навстречу, не обращая на них никакого внимания.

— Ах, машину пришлось угнать! — с воодушевлением сказала Лотта, — И самолет перед этим — тоже! Было очень романтично..!

* * *

Было около одиннадцати ночи, когда машина с выключенными фарами остановилась неподалеку от изящного загородного особняка. Отто отпер засов низенькой калитки в живой изгороди. Они прошли по дорожке, над которой сомкнулись два высоких бука. Не пришлось даже стучать: повинувшись безмолвной команде, Теодор Росс сам вышел на порог, чтобы встретить гостей.

— Свет включать не нужно, — сказала Эльза, — Рада видеть вас вновь, герр начальник венского абверштелле. Я надеюсь на продолжение плодотворного сотрудничества. Если хотите, могу даже продолжить называть вас Теодором Россом.

— Прошу в гостиную, — сказал Росс, — Там накрыт скромный ужин. Можете угощаться.

— Спасибо, это лишнее...

— Я кушать хочу! — возмутилась Лотта.

— Могу поделиться с вами стимулятором, Лотта. Нам совершенно не нужно, чтобы здесь остались следы нашего присутствия. Мы поговорим здесь, в холле. Собственно, у нас будет короткий разговор. Герр Росс, меня интересует история Вильгельма Линца. Кто это, какое отношение имеет к нейтрализации польской сети, и куда он делся?

— Настоящее имя — Эрхард фон Ландсдорф...

Лотта вскрикнула, зажав себе рот. Эльза вспомнила мгновенно:

— Не тот ли самый, что помешал вас судить, когда вы с профессором попались на опытах?

— Да, — закивала Лотта, плача, — Это мой отец! Ах, ну... настоящий отец, хоть и внебрачный... то есть, это я внебрачная...

— Понятно, — вздохнула Эльза, — У меня нехорошее предчувствие, что в нашей истории все окажутся друг другу тайными родственниками и тройными шпионами. К счастью, мои предчувствия обычно врут... Ладно. Лотта, с вами поговорим потом. Сейчас я слушаю вас, герр Росс.

— 12 июня 1934 года Эрхард фон Ландсдорф явился ко мне с докладом. Он предоставил рапорт о деятельности польской внешней разведки в зоне интересов Райха. Вскрылось кое-что новое. Поляки нам мешали сильнее, чем мы полагали. Ландсдорф предложил план, позволявший избавиться от них. За некоторые уступки с нашей стороны это должны были сделать французы.

План был одобрен. Однако я выяснил, что особенное внимание фон Ландсдорф уделил устранению группы Стефана Лодзянского. План этого не предполагал. Лодзянский не был в списке первичных целей. О его деятельности в докладе говорилось общими фразами. Я стал разбираться — и узнал, что его группа занималась бароном Францем-Ульрихом фон Лейденбергером. Дальше меня ждало еще одно открытие: оказывается, с тех пор, как отряд барона состоял в союзе с райхсвером, мы многое упустили. Барон имел собственные политические планы и средства их воплотить. А уводил от него наше внимание все эти годы не кто иной, как фон Ландсдорф.

15 июня с нами связались французы и передали предложение устранить барона. За это они тоже кое-что хотели, но я дал согласие. Это давало больше плюсов, чем минусов. Я подозревал, что дело в Лодзянском: он сумел выйти из-под удара. Не знаю до сих пор, прав ли я в этом. Фон Ландсдорф все еще не знал, что раскрыт; я же ждал лишь последнего доказательства его измены. И вот, как только поступила французская инициатива, он в какой-то панике начинает вставлять французам палки в колеса. Этого было достаточно. Я приказал...

Лота залилась рыданиями. Эльза сделала пресекающий жест рукой:

— Хорошо, опустим подробности. Как я понимаю, причин его измены вы не знаете?

— Он был должником фон Лейденбергера. Какое-то старое дворянское обещание, которое дал еще его дед отцу барона.

— Известно ли что-нибудь о его контактах с бароном?

— Нет. На последнем допросе он молчал, как рыба, что мы с ним ни делали...

— Нет!!! Замолчите! Я не могу это слушать!!.. — Лотта зажала уши.

— Ясно, герр Росс, — поспешно прервала Эльза, — Спасибо, вы нам очень помогли. Последний вопрос: вы знали, что берлинское руководство Абвера согласится похоронить нашу с вами операцию?

— Нет.

— Что ж, думаю, самое время прекратить вам надоедать. Сейчас мы уйдем, а вы вернетесь к своему ужину. На десерт у вас будет вино, которым вы и запьете цианид. Приятного вечера.

Лотта вдруг перестала плакать и снова ахнула, глядя на Эльзу. Та чуть заметно поморщилась:

— У вас, Лотта, удивительно нежная душа для человека, который кормил жертвами «Машину Внушения». Впрочем, догадываюсь, что вы просто способны не думать о том, что не происходит прямо на ваших глазах. Сейчас можете успокоиться. Мы уходим.

...Спустя двадцать минут Теодор Росс, начальник абверштелле Вены, завершил свой последний ужин. Эльза заметила, как тяги и шестерни причин и следствий над ее головой

приходят в движение, ломая золотую шпагу, висящую над ней. Ее месть была закончена. Из тех, кто приказал убить барона и кто самолично это сделал, в живых не осталось никого.

Раньше она думала, что это доставит ей радость. Теперь она ничего не ощущала.

Машина, стоявшая в девятнадцати метрах от особняка, тронулась с места.

— Ах, вы, должно быть, захотите расспросить меня об отце, — подала голос Лотта, — Но я ничего такого не знаю! Он любил меня... Да, он спас меня от этих полицейских, вырвал из их мерзких лап... Но о своих делах он не рассказывал мне ничего. Я даже не знала, что он из разведки.

— По счастью, факт смерти не мешает мне беседовать с людьми. Может быть, вы захотите ассистировать? Вы хороший медиум.

— Ах... так я словно в последний раз повстречаюсь с ним! Да, я согласна, баронесса Эльза.

* * *

Автомобиль свернул на проселочную дорогу, а потом и вовсе в лес по заросшей колее. Колея быстро вывела к небольшой поляне, где все четверо покинули машину. Огни пригорода исчезли из виду. Выходила луна, стояла холодная ночь поздней осени.

— Здесь нам никто не помешает, — сказала Эльза, — Лотта, прошу вас...

Две женщины взялись за руки.

— Как в старые добрые времена!.. — не к месту воскликнула Лота, но тут же замолчала под Эльзиным взглядом.

Они закрыли глаза: Лотта гасила свое сознание, готовясь открыть его для спирита, а Эльза, напротив, сосредоточилась.

— Эрхард фон Ландсдорф, явись на наш зов!

Окажись на поляне случайный свидетель — ему открылось бы зрелище, достойное мистического романа. Но среди четверых, стоявших возле машины, таких просто не было. Отто и Эльза видели своим измененным зрением, как мировой механизм пришел в движение, собирая над Лоттой структуру посмертного призрака.

— Я здесь, — ответил он ее устами.

— Приветствую вас, — сказала Эльза, — Прошу, расскажите, какое отношение вы имеете к гибели барона фон Лейденбергера.

— Я погубил его, — скорбно сказал «дух», — Но я хотел его спасти... Я дворянин... Мой дед был некогда спасен его отцом... не только жизнь, но и честь... давняя история... но мне говорили это всю мою молодость Я входил в «Херренклуб», как и он. Мы беседовали... Я знал о его делах. Я восхищался им... он был безупречен... никакая грязь к нему не липла... А я поступил на службу в... подобие разведки, что создали в райхсвере. Он никогда этого не понимал. Не любил разведчиков. Считал, что нужно выйти в чистое поле — и биться, и все... Я не видел в военной разведке ничего дурного, ведь это на благо страны... да и не полицейская костоломня... и я думал, да, что барон наивен. Но он мог к таким методам не прибегать, в этом была его сила... — призрак помедлил, — Я оказался на своем месте. Стал со временем заместителем начальника абверштелле Вены... Там я увидел, что барон ходит по лезвию и сам того не знает... если бы Абвер обратил на него внимание раньше, ему пришлось бы плохо... И у меня были способы дать отсрочку. Я употребил все свое влияние...

Я сделал так, чтобы в нем не видели опасности. И вот... в тридцать четвертом... 11 июня... он пришел ко мне один...

Фон Лндсберг вновь сделал паузу, — будто механизм дергался и не мог сдвинуться с места. Эльза и Отто ждали...

— Он пришел с просьбой... Он узнал... Силезские военные ему сказали... что его адъютант схватился с Лодзянским за его спиной... это был человек из внешней разведки Польши... силезцы имели своих людей и там. Барон не знал, что Отто действует без его приказа. Но он даже не мог подумать, что так... Он не подал вида, что удивлен... и ему рассказали... о комбинациях Штальберга. О шантаже, о пытках, об убийствах в спину, о провокациях, о двойной вербовке, на которую он пошел... И сказали, что с Лодзянским ему все равно не справиться... Барон был в ужасе. Он понял, что Империя стоила страшной цены... но решил, что не имеет права отступить. Он видел только один выход... пошел против своей чести... спросил меня... спросил меня... смогу ли я... уничтожить группу Лодзянского руками Абвера...

Отто показалось, что сейчас он упадет.

— ...Я согласился... я был любезен... Но я ощутил... разочарование... и удовлетворение одновременно. Барон на моих глазах... упал в грязь... и в то же время... показал мою правоту... Но я... не мог действовать напрямую. Абвер был бы для барона опаснее, чем группа Лодзянского... если бы узнали... Я придумал план... Но они меня раскрыли... Теодор Росс... разгадал мою игру. Все погибло... погибло... и барон... и я... — призрак говорил все неразборчивее, и в конце концов Эльза разорвала связь. Лота шатнулась и оперлась на капот машины.

Эльза поднесла руки к вискам. Немыслимо... но выходило, что барон фактически убил себя сам! Это он собственными руками запустил роковую цепочку событий, что привела его к страшной смерти. Как тогда говорила ей богиня, — там, у Двенадцатых враг? «Змея познания закусил хвост», и причины событий стали неотличимы от их последствий...

— Садитесь в машину... — выцветшим голосом сказал Отто, — Здесь наши дороги расходятся. Я доставлю вас в пригород. Дальше пойдете сами.

— Герр Штальберг, — проговорила Эльза, — Прошу меня извинить, но ваше намерение застрелиться слишком очевидно, чтобы я его не заметила.

— Какое вам дело?! — вдруг взорвался Отто, — Вы исполнили клятву! Но я — нет! У нас они были разные! Я обещал, что все причастные умрут! Я причастен! Я — прямая причина его смерти!

— Отто, — Эльза впервые назвала его по имени, — Прошу, хватит безумствовать. Эта прямая причина существует только в вашей голове. Впрочем, я, конечно, не стану стеснять вашу волю, если вы по трезвом размышлении считаете это мстью за барона.

Отто опустил голову, потом резко провел руками по лицу и сказал прежним спокойным тоном:

— Вы правы, фройляйн. Я поддался иррациональному импульсу. Еще не пришло время для этого средства. Едемте. Едемте в Берлин.

— Вы со мной? Но, герр Штальберг, зачем? Я больше не мщу за барона. Наши пути ничто теперь не связывает.

— Я отвезу вас к Клаусу Кернеру. Вам одной туда сложно будет добраться. Вы ведь собираетесь говорить с кем-то в СС, верно? Думаю, я прав. Они сейчас потеряли все. У вас есть то, что поможет им подняться... У вас есть демоны. А у СС есть их институты, где вы

сможете завершить исследования. Из-за ваших исследований я и еду с вами. Фройляйн, я помню, у вас были мысли по поводу замкнутых систем. В них надо было посчитать энергетические «плюсы» и «минусы». Их должно было оказаться поровну. Теперь известно, что смерть барона — это «минус». Он потерял Кристалл. Вы говорили, что, если узнаете это, поймете и то, почему это случилось. Каков же ваш вывод? Я хочу слышать ваш ответ. И хочу поделиться своей версией.

Эльза сомневалась недолго. Стимулятор еще действовал, но она понимала: для нее действительно почти невозможно добраться до Берлина за это время.

— Коллеги, а нам с профессором тоже обязательно в Берлин? — недовольно спросила Лотта, — Вы что, намерены повсюду нас таскать с собой?

— Да, — коротко сказал Отто, открывая дверцу, — И даже не думайте что-то выкинуть.

Лотта, сердито бурча, забралась в салон. Профессор, все еще в глухом шлеме, грузно сел рядом с ней. Эльза заняла сидение рядом с Отто, и машина покатила обратно к шоссе.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ, в которой система замыкается, а Эльза отправляется в далекий путь

Эльза откинулась на сидение. Перед глазами пульсировала чернота.

— Как себя чувствуете? — спросил Отто.

— Плохо, — честно сказала она, — Подхлестнуть организм — не значит его вылечить, как вы понимаете... Но ничего... Я приготовлю лекарства... Если будет, где...

— Я доставлю вас в Вевельсбург. Если не знаете, это орденский замок СС. В северной Вестфалии.

— Кернер сейчас там?

— Да. С ним можно иметь дело.

— Интересно, насколько я ошибаюсь, предполагая, что он от вас зависит?

— Ни насколько, фройляйн.

— Хах... да, действительно. Вы не имеете дел с теми, кого не контролируете... Герр Штальберг, я, кстати, хочу расспросить вас, как вы сумели бежать из лаборатории профессора, да еще и не один. Вам ведь было приказано сдать... Что это... кажется, мы замедляемся? Не вижу...

— Да, фройляйн. Дело в том, что...

И тут Отто, резко затормозив, правой рукой коротко ударил Эльзу в лоб. Четки, намотанные на его руку, полыхнули синим огнем, — и оба они вскрикнули. Отто скрючился над баранкой, тяжело дыша, — а Эльза провалилась во тьму.

* * *

Она не знала, надолго ли выпала из реальности. Когда сознание вернулось, чернота не отступила. Единственное, что она чувствовала — это наброшенную на нее сетку, или что-то похожее. Она накрывала Эльзу с головой, и край лежал на ее коленях. Когда машину подбрасывало на неровной дороге, она ощущала, что вся сетка увешана какими-то мелкими предметами, — возможно, бусинами. Демоны не отзывались, «особое» зрение не работало, второй Контракт ей не подчинялся. Первый, скорее всего, тоже. Виски сдавило, в ушах был звон, мысли путались. В голове всплыло: «Изолирующий контур... замкнутая система...».

Кто-то дернул сетку, перемещая бусины.

— Приветствуем тебя, Седьмая, — произнес чей-то голос, — Думаем, все же можно позволить тебе говорить. Но знай: если попытаешься проделать какой-нибудь фокус со своим вторым Контрактом, будешь моментально лишена мышления, движения и речи. Возможно, это будет болезненно. Мы надеемся, что ты не станешь делать глупостей. Нам предстоит долгий путь, и не стоит портить отношения сверх меры.

Эльза почувствовала, как невидимый обруч на голове ослабевает. Частично вернулось восприятие, а главное — способность думать. Она разглядела машину и людей в ней.

Кроме Лотты и Профессора, на заднее сидение каким-то образом втиснулись трое щуплых азиатов в узорных халатах и зеленых перчатках: тибетцы! На Профессоре тоже была

Сеть, как и на Эльзе, и он застыл с самым дурацким выражением на лице. От краев каждой Сети тянулись длинные плетеные веревки, которые на концах расходились на нити с бусинами. Двое из новоприбывших держали их, хитрым образом заплетая на пальцах.

— Давно вас не было видно, господа Зеленые Перчатки. Я уж было думала, вы бросили свою идею. Так вы заодно с герром Штальбергом? Учтите, он так же легко покидает любые «кружки», как и вступает в них.

— Мы знаем. Но твой вопрос не имеет смысла. От своей миссии мы отказаться не можем. Мы приехали за тобой.

— Понятно. Машина направляется прямо в Тибет?

— В Вевельсбург, как и сказал тебе Отто, — тибетец не поддержал шутки, — У нас здесь еще есть дела. Но ты, кажется, хотела что-то узнать, прежде чем мы к вам присоединились?

— Да, как им удалось выбраться из Берлина... По-моему, я догадываюсь. Это ваших рук дело?

— А как же. Мы вывели их всех из-под носа Ватикана. Не будучи демонами, мы тоже кое-что умеем... Взамен Отто должен был отдать тебя нам. Надо признать, он настойчивый юноша: потребовал, чтобы мы дали вам завершить расследование. Пришлось поставить ему на руку Печать, чтобы он не вступал, как ты выразилась, в слишком многие «кружки», и все-таки довез тебя до нас.

Эльза чуть улыбнулась:

— Печать... вы ее прятали под четками, герр Штальберг?

— Да, — сказал Отто, — Подобное скрывается подобным.

— С господином Штальбергом мы повстречались незадолго до того, как ты привела в исполнение свой последний план, — продолжал тибетец, — Мы почувствовали, что он связан с тобой. Он вступил в наш «кружок». Мы обещали ему помощь в опасности. Правда, если бы не Ватикан, у нас бы не было повода для сделки... Однако, удача нам улыбнулась. Отто знал, что Ватикан в игре. Он много лет внедрял своих людей в Абвер — и от него не укрылось, с чьей помощью Берлин и несколько крупных рефератов вышли из-под контроля «Машины Внушения».

— Кто меня совершенно не удивляет в этой истории — так это герр Штальберг, — кивнула Эльза, — Но, может быть, вы скрасите дорогу рассказом о своих приключениях? Куда вы подевались с нашей последней встречи?

— Охотно, — отозвался тибетец, — Когда ты начала серию своих безумств, выйдя на бой с Колесничим за стены поместья, мы чуть не потеряли тебя. Но ты оказалась в руках Черного ордена. Мы отправились к ним... они не равнодушны к тому, что кажется им тайной и источником силы. Мы предложили им наши возможности в обмен на тебя. Они ответили согласием, но потом обманули нас. Они решили оставить тебя для своих целей! А наших братьев, что явились к ним, они взяли под стражу, связав нам руки. Мы не учли перевес в силе, который они получили очень быстро. Машины профессора начинали работать одна за другой, и одна из них постоянно была направлена на заточенных заложников. На свободе и в живых остались лишь четверо, троих из которых ты видишь перед собой... Увы, нам оставалось только ждать и наблюдать, как ты совершаешь очередную глупость. Когда ты устроила пожар и сбежала, мы были готовы признать поражение. Но через некоторое время мы уловили влияние твоего Контракта и нашли Отто Штальберга. Мы ожидали, что ты явишься в лабораторию. Вместо этого ты решила

продолжить рисковать головой. В итоге ты оказалась на краю гибели, от которой тебя спасло чудо, не иначе... Но мы сдержали обещание, вызволив Отто и остальных, позволили им идти тебе навстречу. Сами же мы отправились в Вевельсбург, где держат наших собратьев. Черный орден не в лучшем положении, как ты догадываешься. Они потеряли основу своего могущества, и на сей раз не стали играть с нами. Мы отдадим им кое-что, что им нужно... с некоторыми оговорками. Взамен они отпустят пленных, и тогда мы двинемся в путь...

— Мне шах, — признала Эльза, закрывая глаза.

Машина вылетела на ровную и широкую ленту автобана.

* * *

...Внезапно в сознание Эльзы врезался безмолвный голос Отто:

— Дело не только в нашем расследовании. Я отдал им вас, чтобы продолжить месть.

Полагаю, причина смерти барона — вы. Главная причина.

— Вы... о чем?

О, Эльза догадалась бы уже давно, о чем он... но кое-что до сих пор не сходилось, и она не могла прийти до вывода. Бесплезная интуиция ее металась, как рыба под толстым льдом ее рассудка, с тех пор, как Колесница перестала быть частью уравнения.

— От чего, по-вашему, погиб барон? Почему потерял Кристалл?

— Я вам говорила: человек всегда сам разбивает его, отрекаясь от собственного Духа. Барон интерпретировал все происходящее губительным для себя образом. Он уверился, что ритуал — настоящий, а раз так, на кону стоит его бессмертная душа. Еще, как вы помните, он считал, что в нем что-то дало трещину после компромисса с честью. Он опасался, что ему не хватит сил... И вот, представьте: он является на кладбище, встречает там живописный антураж, но главное — на нем «специальные» очки, в которых он видит куда больше, чем без них. В могиле он замечает человеческую фигуру, которая начинает шевелиться. Откуда ему было знать, что это ждущий его убийца? Для него это было подтверждением, что ритуал действует: ведь там был должен находиться труп, поднятый зловещим заклятием. Он устремляется вперед, возглашая имена духов и стихий — и падает, сраженный ядом. Последнее, что он понял, было то, что он потерпел поражение. А это означало, что он должен его принять — и потерять Кристалл.

— Похоже, вы правы. Но я говорил о более широкой картине. Я думаю, барон погиб из-за вашего Контракта. Это когда-то называли Проклятием. Вы сами говорили. Все, кто связан с вами, попадают в замкнутую систему. На них действует Второй закон. Барон погиб, чтобы «минусы» уравновесили «плюсы» в вашей системе. Где-то возник лишний «плюс», и нужен был «минус». И я спрашиваю: какие были остальные «плюсы» и «минусы», фройляйн?

Эльза почувствовала, как стучит сердце. Теперь, когда Колесницы не стало, система стала просчитываемой. И она ясно видела ответ на вопрос Отто, который напрашивался, если бы она решилась отбросить одну маленькую условность.... То, на чем держалась вся ее теория.

...«Минусы» были очевидны: смерть деда, смерть Вальтера и смерть Колесничего. Но «плюсов», соответствующих им, в системе не было! Если только не признать, что этими «плюсами» были все три раза, когда Тадеуш возвращал ей свою дружбу...

Грудь рванула боль: Кристалл принял страшный удар. Эльза почувствовала, что летит в пустоту, и, кажется, конца этому не будет...

— ...Вы живы? — Отто пришлось окликнуть ее несколько раз, — Кажется, вы сосчитали. Каковы ваши выводы?

— С точки зрения вашей Клятвы, вы правы... — еле отозвалась Эльза, ссутулившись на сидении — Я — причина того, что барон потерял Кристалл. И не только он один...

— Поэтому вы умрете. Я сделаю так. Я заставлю вас «сгореть». Это будет равноценно смерти барона... Молчите? Ответьте на последний вопрос. Почему вы так долго не могли сделать вывод?

— Я не могла его сделать... потому что исходила из неверной предпосылки. Видите ли, я считала, что есть нечто за пределами моей системы. Я рассчитывала найти там чудеса, когда дойду до края. Но нет никакого края. Нет ничего вовне... Я обманывалась. Помните, я рассказывала вам про талисман? Три раза начинал работать тот, что на мне, — и я думала, что это возвращается дружба, размыкая извне мою систему. Но это не было чудом... это и было всего лишь искомыми «плюсами», локальными энергетическими максимумами. Понимаете? «Чудо» — просто часть системы, следствие сложившихся условий. То есть, эксперимент показал: чудес нет вообще. И до этого вывода мне было дойти нелегко... Нет ничего, герр Штальберг: ни «истины», ни «сути вещей», ни «свободы воли», ни «настоящей дружбы», ни «подвигов во имя любви»... Есть только разница потенциалов в системе, которая постепенно сходит на нет по Второму закону... События сами выстраиваются так, чтобы баланс сошелся. Неважно, какая цепь натяжек, случайностей и совпадений для этого нужна, сколько разных событий должно сойтись в одном месте и в одно время... Наша история это прекрасно иллюстрирует. Но все это нужно было, чтобы система замкнулась — и охватила весь мир!..

— Тем хуже для вас. Сейчас я вынужден отдать вас тибетцам. Иначе их Печать меня убьет. Но меня это не устраивает. Вас тоже?

Эльза вспомнила тибетское предложение: стать Седьмым Хранителем, задействовать нечто, похожее на ее Ментальную Катапульти, чтобы сжечь земные привязанности, и Кристалл ее разгорелся, как Солнце...

Она еле заметно улыбнулась:

— Да, меня тоже. Они предлагают мне что-то похожее на то, что я сама собиралась проделать. Раньше я отказалась, потому что мне было, кого терять. Теперь... я отказываюсь, потому что это просто не поможет. Сколько ни создавай локальный «плюс» в системе — это ничего принципиально не изменит, даже если система — это весь мир.

— Хорошо, — сказал Отто, — Теперь моя очередь предлагать вам союз. Временный компромисс. Я вас вызволю. Позже. Вам нужно придумать, как я смогу вас найти.

— Чтобы уничтожить меня? — усмехнулась Эльза.

— Да. Но вы не из тех, кто сдается. Наша следующая встреча решит, за кем будет победа. Других шансов у нас нет.

— Что ж, предложение принимается, герр Штальберг. Как дословно звучала сделка тибетцев и СС?

— Тибетцы отдают им одного демона для Контракта. Чтобы СС восстановили репутацию. Для этого к ним и везут Убермана. Правда, Сеть останется на нем. Это ограничит его возможности. Сеть могут снять только тибетцы. СС в ответ выпускают тех, кто у них в плену. К тому же, вы уходите с ними.

— Это было на словах? Или тоже какая-нибудь Печать?

— Не знаю.

— Что ж, остается рассчитывать, что тибетцы знали, что им нужно, когда все это озвучивали. Я сделаю, что смогу, на месте.

Минуты три она размышляла, потом произнесла все так же безмолвно:

— Вот, что пришло мне в голову, герр Штальберг...

Изложив Отто свою идею, она сосредоточилась и пробила своим зовом наброшенную на нее Сеть.

— Слышишь меня? — спросила она Мартина Фогеля, своего второго демона, — Призови тех демонов, что тебе подчиняются. Если хочешь и дальше существовать, прикажи им явиться в Вевельсбург и предстать перед Клаусом Кернером. Пусть заключат Контракты с Кернером и с теми, на кого он укажет, — именно так, как я сейчас тебе скажу...

* * *

В Вевельсбург они добрались, когда небо на востоке едва начало светлеть. Массивная треугольная цитадель, превращенная СС в их орденскую твердыню, стояла на крутом обрыве, возвышаясь над Шварцвальдом. Несколько окон горело даже в такой глухой предутренний час.

Они въехали на пустынный двор, где была только пара часовых. Однако их ждали: встретить их вышел сам Кернер и еще двое, которых Эльза видела впервые. Они с Отто обменялись приветствиями, вскинув руки. Эльза покинула автомобиль, поддерживаемая под руки тибетцами: Сеть на ней опять затянули сильнее.

Кернер поздоровался с азиатами, кивнул профессору, изящно поприветствовал Эльзу и Лотту, отпустил какой-то светский комплимент новой моде на сетки и радушно пригласил гостей в замок. Там стороны должны были обменяться всем, чем договорились, и распрощаться. Но еще во дворе тибетцы заподозрили, что их провели! Они приехали, доставив СС обещанного тем одного-единственного демона, но и того не собирались оставлять в полной силе. А в этом месте, да и в самом Кернере они чувствовали явное присутствие других демонов! Эссэсовцы каким-то образом сами умудрились заключить новый Контракт, и, кажется, не один. И теперь они, будто бы ничего не изменилось, с самым невинным видом собирались забрать у тибетцев еще одного демона вдобавок к имеющимся!

Уловив все это, трое азиатов еле процедили что-то в ответ и двинулись в замок, как на бой. В круглой зале, где их ждали остальные хозяева, их настроение окончательно испортилось, потому что там действительно сидели еще двое Контрактеров!

Кернер же и ухом не повел. После новых приветствий он заявил:

— Рад, что в сборе все, кто нам нужен. Особенно же рад видеть герра профессора, не говоря о его прелестной спутнице. Ваши тибетские знакомые уже знают, что скоро покинут нашу гостеприимную сень. Полагаю, мы завершим теперь нашу сделку? Мы уже достаточно долго держим друг друга не мушке.

Один из тибетцев сделал шаг вперед. Видно было, что он медленно раскаляется.

— «Ваша честь зовется верность» — так, кажется, вы говорите? — начал он, — Или верность обещаниям вы в виду не имеете?

— Не понимаю причину вашего недовольства, — парировал Кернер, — и того, что

мешает вам исполнить уговор.

— Уговор?! Какие с вами теперь уговоры?!!

— Старые, господин монах. Или вы забыли? Вы нам — профессора, мы вам...

— Умолкни! Как смеешь ты требовать от нас еще одного демона, когда вы уже обзавелись... тремя, не так ли?

— Верно, обзавелись. Но не вижу, как это мешает уговору. Четвертый нам совсем не будет лишним.

— Уговор был на одного!

— Прошу простить! — любезность Кернера куда-то испарилась, — Договор был, что ВЫ отдаете нам одного демона. Кажется, нигде не было сказано, что мы сами не имеем права о себе позаботиться!

— Неслыханно! Ты пытаешься довести суть договора до абсурда, до игры в слова! Низкая уловка! Мы храним этот мир! Мы не можем позволить даже одному демону орудовать тут бесконтрольно! Только недавно мы помогли вам выбраться из последствий подобного злоупотребления, и что слышим вместо благодарности?

— Благодарности?! Благодарить следует того, кто вырвал у Ватикана доказательства из рук. Точно ли это были вы?

— Довольно! Отвечайте, что за Контракты вы заключили?

— Прошу извинить, но это не ваше дело...

Это было последней каплей, что переполнила чашу тибетского терпения.

Двое из гостей подобрались, принимая стойки с разгоревшимися четками в руках. По знаку Кернера круглую залу заполнила вооруженная охрана, а Контрактеры развязали силу, полученную ими, и изготовились... Но третий тибетец, самый старей на вид, занес над полом руку с каким-то странным предметом. Он был спокоен. До сих пор он еще не открывал рот.

— Прошу вас понять, — проговорил он, — что даже если среди вас трое Контрактеров, ситуация сейчас разительно отличается от той, когда у вас их были десятки и демонские машины служили вам. Мы пришли к вам не с пустыми руками, уже зная ваше вероломство. Мне бы не хотелось даже смотреть, что с вами со всеми станет, если я уроню то, что держу. Я прошу всех успокоиться. Драка сейчас лишь навредит и нам, и вам.

Кернер вскинул руку, и охрана опустила оружие.

— Мы все немного погорячились, — сказал он примирительно, — Вы правы. Не будем соревноваться в угрозах, попробуем найти консенсус. Вы спрашивали о Контрактах? Мы ответим.

И он заговорил как по писаному, излагая все, что Эльза передала через своих демонов.

— У вас совершенно нет причин волноваться! Мы придумали Пирамиду совершенно нового типа. Больше не будет хаоса, крови, не будет жертвоприношений в концлагерях и тюрьмах. Мы поняли, что пирамида будет работать стабильнее, если жертву распределить на достаточно большое количество людей. Убивать их вообще не обязательно! Достаточно, если каждый потеряет малую толику Кристалла: это и так происходит с людьми на каждом шагу.

Каждый из нас заключил Контракт, который питается Кристаллами всех, кто вместе с ним участвует в Жертвенном Ритуале. В качестве Жертвенных подойдут любые массовые церемонии для толпы: шествия, демонстрации... ха-ха, даже съезд нашей партии. Главное, чтобы участников было много, и там присутствовал Контрактер. Это дает неплохие

гарантии, что количество демонов не будет расти. Потери каждого будут незначительны, а сила Контракта — огромна. Наши Контракты имеют нюансы и различия, но мы, несомненно, находимся на пути гуманизма, не так ли? Институты «Аненербе» проследят, чтобы не было злоупотреблений.

— Это все — не тот случай, про который можно сказать: «неплохо», — ответил тибетец, что говорил от имени троих. Но мы пойдем на компромисс. Хорошо, мы позволим вам оставить себе этих демонов. Но при одном условии: вы согласитесь принять...

— О, только не ваши сетки! — воскликнул Кернер, вскидывая руки, — Когда я их хвалил, клянусь, я не претендовал ни на одну!

— Ты суетен. Нет, не Сеть. Но сила всех ваших Контрактеров будет ограничена Печатями. И еще...

Он быстро подошел к Профессору, передвинул бусины, сорвал с него Сеть и сказал то, чего и ждала Эльза:

— Этот демон не достанется вам! Довольно будет трех!

— Что... это все значит?! — Профессор хлопал глазами, — И нельзя ли повежливее? Я, кажется, никогда не отказывался от разумного сотрудничества!

— Ах! Это значит, — подбежала Лотта, вцепилась Профессору в плечо, — что мы тоже едем в Тибет, правда ведь, господа? Ведь правда?

Эльза проговорила, усугубляя ситуацию:

— Господа тибетцы вряд ли сочтут это разумным сотрудничеством. Кажется, нам пора прощаться, герр профессор.

— Что?! — вскрикнула Лота, — Баронесса!! Вы о чем?

— Да, — подтвердил азиат, — Эльза опередила мои слова.

— Фройляйн Леманн, вам лично ничего не грозит в любом случае, — продолжила Эльза, отключая на профессоре шлем, — А от профессора придется избавиться. Оставить его здесь — это уж слишком, по крайней мере, господа тибетцы так считают. Везти его куда-то в человеческом образе — хлопотно и незачем. Если же мы освободим его от тела, он может попытаться сбежать и вновь начать строить свои машины. А я обещала господам подпольщикам, что это больше не повторится.

Лотта встала между Профессором и остальными, лицо ее исказилось. Она сорвала с плеча «Машину Внушения», навела на присутствующих:

— Что ты несешь?! Я не могу без него! Не могу! Что вы все понимаете?! О, вы никогда не знали любви! — и выстрелила невидимым лучом из своей пушки:

— СТОЯТЬ! ОТПУСТИТЕ НАС!

Эльзу защитила Сеть. Тибетцы махнули четками, творя сложные знаки. Луч Машины Внушения рассыпался.

— Возможно, фройляйн стоит удалить, — сказала Эльза. Кернер кивнул, и двое его людей, взяв Лотту под руки, потащили ее прочь из зала. Пушка упала на пол. Лотта извивалась и кричала:

— Будьте прокляты все! Все! Эльза, будь проклята ты с твоим длинным языком!!! Пусть страшнейшая кара настигнет тебя! Сгори! Исчезни! Сдохни!!!

Даже несмотря на Сеть Эльза ощутила холод от второй ржавой шпаги, что вонзилась ей в грудь и вросла, будто приваренная. Шпага была Проклятием Лотты Леманн. Цепь от рукояти разматывалась через систему блоков, выходя из груди Лотты. Цепь связала их обеих — крепче не бывает.

Лотту, наконец, выволокли из зала, но ее крики не смолкали, отдаваясь.

Профессор стоял какой-то потерянный. Он выглядел, как испуганный и не слишком умный... человек. Эльза повернулась с ничего не выражающим лицом:

— Я только что получила Проклятие. Всего лишь за длинный язык. Я не согласна с таким ничтожным поводом. Пусть уж я буду проклята за дело.

Тибетцы кивнули ей. Профессор заверещал, метнулся. Эльза сказала:

— Герр профессор, Ганс Уберман, прощайте!

— ААААААААА! — дико взвыл демон, услышав свое имя. Его выгнуло дугой, оно затрясся, задымился, загорелся в пяти контактных точках и упал, обезображенный.

Где-то раздался крик Лотты, очень далекий, но все же страшный.

Тибетцы разом переглянулись, и тот, что угрожал непонятным предметом, сказал:

— Кажется, вы скрываете что-то, кроме этих демонов!

— Не понимаю, о чем вы, — очень холодно сказал Кернер.

Вошел один из эсэсовцев, что выводили Лотту. Кернер повернулся к нему.

— Фройляйн Лотты Леманн больше нет, — сказал тот, — Она не выдержала того, что случилось.

— Печально, — сказал Кернер, — Очень печально. Так что, по-вашему, мы скрываем? Возможно, экскурсия по замку вас развлечет?

Тибетские гости помолчали. Да, они уловили нечто необычное в тот миг, когда профессор перестал существовать. Нечто очень похожее на вдруг возникшее присутствие еще одного демона. Но это совпало с окончательной гибелью профессора, и энергетическая встряска помешала им разобраться, что же такое они почувствовали. А в следующую секунду они уже не ощущали ничего.

— Хватит, — скрипуче сказал тибетец, мы и так злоупотребили вашим гостеприимством. Особенно — наши собратья. Покончим с этим всем и расстанемся. Прошу подойти тех, кто заключил Контракт. Полагаю, возражений не будет?

Кернер кивнул:

— Это приемлемо.

В центре круглой залы они совершили сложный ритуал, который запечатал силу Контрактов до определенного предела. Контрактеры получили Печати вроде той, что была у Отто.

Эсэсовцы вынесли тело профессора. Потом вошло еще семеро колоритных азиатов, сопровождаемых охраной. Они церемонно поклонились собратьям, те склонились в ответ, заговорили по-своему. Следом подчиненные Кернера внесли большой металлический ящик, где содержались все подозрительные предметы, изъятые у тибетцев во время их пребывания «в гостях». Все это было возвращено владельцам. Эльза все это время почти неподвижно сидела в кресле, чуть прикрыв глаза.

Она-то знала, что уловили тибетцы. Они почувствовали, как взорвался Кристалл Лоты Леманн.

Эльза прекрасно помнила формулировку контракта Лотты, невинную лишь на вид: «Во веки вечные оставаться с профессором, помогать ему в его гениальном творчестве и никому не позволить погубить его науку. А если мне это не удастся, то — пусть я буду проклята! — чтобы его врагов настигла месть, и покоя им не было даже на том свете!» В качестве строгого формального условия эти слова имели далеко идущие последствия. То есть, если бы Лотта не смогла защитить Профессора, она должна была получить способ мстить за него

врагам даже за гробовой доской, — и конечно, для этого ей было бы нужно этих самых врагов найти!

Теперь Эльза устроила так, что Контракт Лотты полностью исполнился. Между ними возникла такая же связь, как была между Колесницей и ее демоном из-за Контракта Бальжинимы. И те, кто последуют за Лоттой, тоже найдут Эльзу. Да, ради цепи Проклятия она погубила Лотту Леманн. Та превратилась в демоницу. Единственной целью ее стало уничтожение Эльзы.

Люди Кернера были предупреждены об этом, и никто не догадался позвать Лотту по имени, когда она «сгорела». Ее отвели в маленькую комнату, приказали ждать. Часовых поставили и внутри, и снаружи.

На Лотте был защитный эльзин шлем, включенный на полную мощность. Не хватало еще, чтобы тибетские колдуны сунули сюда нос.

...Посланники Башни действительно сделали все, чтобы как можно скорее расстаться с гостеприимным замком. Кратко простившись, процессия удалилась, уводя с собой Эльзу. Они не приняли ни предложения переночевать, ни ужина, ни чистых вещей для Эльзы, ни даже лекарств. Они сказали, что более не желают иметь с Черным орденом ничего общего. А поскольку Эльза — одна из них, то они сами о ней позаботятся. У Эльзы было подозрение, что они просто опасаются, как бы подарки не оказались сродни гостеприимству. В демонах-то они разбирались, а вот хороший радиомаячок вроде эльзиног им найти было бы сложнее.

Недалеко от замка их ждал большой крытый фургон. За рулем сидел водитель с не очень осмысленным выражением лица, рядом на сидении — еще один тибетец. Как только Эльзе помогли забраться в фургон, старик, что владел неизвестным артефактом, сказал:

— Седьмая, мы отправляемся в путь. Нам неизвестно, какими возможностями обладают Контракты СС, хотя мы и ограничили их силу. Будет лучше, если тебя не будет видно. Мы не желаем, чтобы за нами следовали. Тебе придется выпить это. Позже мы тебя разбудим и ослабим Сеть.

Эльза покорно проглотила содержимое флакона — тягучую пряную жидкость. Сознание отключилось секунд через пять, но она еще почувствовала, как чьи-то руки перемещают бусины. Машина тронулась.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ, в которой Эльза замышляет свой последний фокус

В следующий раз мир возник для нее так: ей снова что-то вливали в рот, растирали виски, и это отзывалось резкой болью в голове. Понадобилось время, чтобы осознать, что она лежит на каких-то тряпках в убогом корабельном трюме, полном народу. Странное дело: их компанию никто не замечал. Люди сновали мимо, отводя глаза от места, где обосновались тибетцы. Сеть с Эльзы не сняли, но ослабили примерно настолько же, как по пути в Вевельсбург. Этого хватало, чтобы увидеть ближайшее окружение, но совершенно не помогало понять, где находится сам корабль. Один из ее спутников по-прежнему держал веревку, отходившую от Сети и оплетающую его пальцы. Другой принес ей еду. Эльза посмотрела на него в упор:

— Господа, я не привыкла завтракать, не приняв перед этим душ. Благодарю, но вынуждена воздержаться.

Тибетцы были сама любезность. Один из них тут же сопровождал Эльзу двумя палубами выше, где были каюты первого класса. Там на них тоже никто не обращал внимания. Он щелкнул четками, творя знак, и хозяева каюты предложили им войти, а после перестали их замечать. Шатаясь, Эльза вошла в ванную.

— Не понимаю, — произнесла она, выходя, — почему нельзя было с самого начала здесь поселиться?

— Все просто: у нас нет денег. Мы не занимаемся обманом. Даже если мы принуждаем человека помочь, он всегда получает плату.

Эльза равнодушно кивнула. Чужие моральные построения ее мало интересовали.

Они вернулись в трюм и съели скромный завтрак, который для всех, кроме нее, был ужином.

Сели в круг.

— Мы давно собирались тебе кое-что показать, — произнес один из тибетцев, — Если у тебя еще есть сомнения в наших словах, они исчезнут. Дай руку.

Она попыталась воспротивиться, но тибетец переместил пару бусин на Сети — и она покорно протянула руку. Он стянул зеленую перчатку со своей ладони. Кожа его оказалась испещрена черным узором. Но это не было красиво, — нет, это выглядело тошнотворно, напоминая гниль и болезнь. Эльза не сразу сообразила, что нечто похожее «украшало» конечность ее демона, — только у него это казалось проступившей ржавчиной. Тибетец схватил ее за руку, и ее рука тут же украсилась такими же узорами. Исчезать они не собирались.

— Что... вы сделали? Считаете, я недостаточно скверно выглядела? — мрачно осведомилась Эльза, которой вновь вернули способность управлять своими движениями.

— Это Печать Верховного Хранителя Седьмой Башни. Раньше ее носил твой демон — но теперь будешь носить и ты. Отныне тебе не сойти с пути Хранителя.

— Что ж... убедительная демонстрация. У вас у всех есть такое?

— Да... Знак разрушения, что подтачивает мир. Каждый Хранитель принимает это, чтобы сдерживать, — наряду с членами Круга...

— Позвольте задать вопрос. Насколько я вижу, несмотря на ваши усилия, мир движется к упадку. Соответственно, ЗамкИ слабеют, нужны все новые жертвы и новые Хранители...

Но не проще ли было бы решить проблему кардинально? Достаточно бы было назвать всех этих Падших по именам...

— Ты действительно безрассудна! Воистину, такое мог предложить только современный ученый-экспериментатор, у которого никакой ответственности за свои дела! О чем ты говоришь? Для того, чтобы к ним обратиться, пришлось бы ослабить ЗамкИ, что запирают Башни и сдерживают их. А тогда они просто вырвались бы на свободу! Даже Колесницу — и ту невозможно было застать врасплох и успеть произнести имя. Невероятно, что тебе это удалось... Но Высочайшие Демоны сильнее Колесницы в неисчислимое количество раз!

— Удивляться нечему, — подал голос другой тибетец, — Вместо того, чтобы выбрать человека, которого коснулся Извечный свет, впервые мы везем к Башне черную колдунью в качестве Верховного Хранителя. Чего еще ждать от ее высказываний?

— Я, между прочим, тоже видела Извечный свет, — высокомерно изрекла Эльза, сидя на куче тряпья; о том, к чему это привело, она предпочла промолчать, — И даже не произношу банальностей вроде той, что в Хранители я не напрашивалась... Кстати, откуда и куда мы сейчас направляемся?

— На борт мы поднялись в Генуе, устроились на палубе для самых бедных. Судно наше пересекло Средиземное море и вышло в Красное через Суэцкий канал. Теперь мы покинули его и взяли курс на Индию. Нам предстоит сойти на сушу и добраться до гор по долине Инда. Мы преодолеем перевал Каракорум. Тогда мы окажемся в Восточном Туркестане, и оттуда станем подниматься в предгорья по другую сторону хребта...

— Да, вы знаете толк в секретности. Что, и остальные башни так же «удобно» расположены?

— Почти все. Простым смертным не стоит находиться вблизи... Одна из Семи — в Восточном Туркестане, две в России... то есть, в Советском Союзе, — в бассейне реки Обь и на Урале, в древних горах. Еще три — в Сирии, Судане и Нигере, и одна — в Месопотамии. Месопотамская и есть Первая Башня. Вот только до нее, пожалуй, добраться более-менее просто. Там скованным пребывает Мелек-Таус, Ангел-Павлин, он же — Азазель из Книги Еноха, и он же — тибетец замялся, — Тот, заточенный по пророчеству на тысячу лет. Мы знаем, что кто-то из европейцев даже написал об этом книжку...

— Да уж, я читала. Уильям Сибрук... Кстати, о Хранителях там не было ни слова.

— Вполне типичный вывод случайного прохожего. Правда, после этой его книжки туда устремились толпы искателей таинственного, — но тамошний Круг, думаем, справится с этой проблемой. В отличие от прочих, Хранителям Первой Башни веками приходилось уживаться с самыми разными соседями. Езидов многие считают дьяволопоклонниками, принимают за странную секту гностического толка. Не раз они подвергались гонениям со стороны как христиан, так и мусульман. Считается, что они приносят человеческие жертвы Заточенному... Но, конечно же, это не так. Жертвы имеют совсем иную цель: дать силу Хранителям. Верховных Хранителей там двое, ибо бремя их слишком тяжело. Если ты читала дневник Сибрука, ты должна помнить их имена: шейх Ади бен Мусафир, которого они чтят как основателя их религии, а также шейх Хасан бен Ади...

— Постойте, там говорилось, что они умерли и похоронены...

— Я и говорю: суждение, достойное профана. Интересно, не показалось ли ему удивительным, что могилы правоверных мусульман расположены чуть ли не в том же месте, где покоится Великий Заточенный? Нет! В своих саркофагах они пребывают живыми, и

яростным огнем своего Духа удерживают ЗамкИ! И так же происходит в прочих Башнях. При некоторых различиях, Культ один и тот же: есть Верховные Хранители, есть Круг посвященных, который знает порядок ритуалов, и есть рядовые служители Культа, обыкновенные люди, хоть и служащие делу... Лишь место Седьмого Верховного пустует — и я содрогаюсь при мысли, какой должна быть жертва, способная сжечь твое Проклятие... Сэнгэ, несчастный глупец, принесший неисчислимыя беды своим отступничеством...

— Расскажите мне, наконец, — попросила Эльза, — как его угораздило?

* * *

— Как мы и говорили уже, Круг всегда выбирал в Хранители людей, видевших однажды Великий Свет. Но до того, как мы получили о нем Знаки, он был самым обыкновенным мальчишкой, хоть и сыном богатого феодала. Честно признаться, не так уж много мы знаем о его прошлом... В четырнадцатом веке он родился где-то в Джунгарии... Звали его, конечно, не Сэнгэ, а как — этого уже никто не помнит.

У него был младший брат, и жили они с ним не разлей вода, — но сложно было отыскать детей столь же несхожих. Младший мечтал стать воином, с упоением готовился к грядущим подвигам, тренировался в стрельбе из лука, в мастерстве наездника и фехтовальщика. Старший же рос книжечем, знал все сказания тех мест и желал постигнуть священные науки. Он часами рассказывал младшему о Верхнем и Нижнем мире и о первом человеке, что родился от птицы и дерева.

Но однажды горе настигло их. Младший из братьев свалился с коня и сильно разбился. Он был при смерти: никто не ожидал его выздоровления. Но старший брат, проводя рядом с ним дни и ночи, настолько хотел вернуть младшего, что впал в транс, подобно шаману. Он видел, как идет он за братниной душой по странам мертвых. Он сразился с божествами нижних миров, отнял у них душу брата и вернул ее в тело. Младший поправился, и все считали это чудом. Старший же провел в своем запредельном состоянии много дней; никто не пытался прервать его экстаз. Он не ел, не пил и не спал, токи силы проходили сквозь его разум, а глаза его видели то, что недоступно обыкновенным людям. Те, кто приходил к нему больным — уходили здоровыми. Говорили, что небесные предки через него решили снова облагодетельствовать народ.

Когда же транс прервался, мальчик рухнул без сил. Ожидали, что он станет великим шаманом; но случилось иначе. К шатру его отца явился посланник из Седьмой башни. Люди Круга отправились в странствие, чтобы найти мальчика, отмеченного особой судьбой. Ему суждено было стать Хранителем.

Жители селения расступались перед посланцем, и его дорога была пуста. Только феодал — отец мальчика — не уstraшил его и сам вышел навстречу из шатра, когда тот остановился перед пологом. Посланец объявил, что согласно древнему закону мальчик должен уйти с ним. Участь его высока, сказал он. Ступив на свой путь добровольно, он станет своей судьбе господином и щитом всему миру. Нетленный Дух его воссияет, попирая силы распада. Он пребудет в Вечности, и весь мир откроется ему, как в Золотой Век, — Великой Башней, бессчетными уровнями, пронзенными сверкающей Осью. Когда мир был юн, а смерть не казалась страшной, все знали это. Теперь люди забыли свое лицо, Хранителей стали бояться, но они по-прежнему ищут избранников, потому что дело их

завершится лишь вместе с концом мира.

Отец молча выслушал, а затем склонился перед пришедшим и ввел его в шатер. Тот произнес Слова, и на руках мальчика чернотой проступили Знаки. Мальчик более не принадлежал миру. Отец благословил его, быстро собрал в дорогу, и он ушел с посланником Башни без единого возражения, приняв отчую волю и свой путь. То, что он видел в своем трансе, еще было с ним, как бы сводя воедино земной и горный мир. Перед лицом этой высшей реальности отказ не имел смысла.

Много дней и ночей шли мальчик и тот, кто его увел. Башня Седьмого из Павших, имя которого нельзя было произносить, располагалась в расселине высоко в горах. Холод был им не помеха: ни тот, ни другой его, казалось, не ощущали.

Но не знали они, что по их следам идет младший брат избранника. Он не понял, почему, как он думал, обречен на смерть его брат, не смирился с этим и решил его спасти. Он уже познал искусство читать следы и охотиться. Но ему было всего десять лет! Он жестоко страдал от снега и ледяного ветра, а костер не разводил, чтобы его не заметили. Лишь преданность брату и дух воина давали ему силу.

Наконец одним ранним утром двое добрались до Башни, скрытой от глаз непосвященных. В день ритуала Избранник в белых одеждах стоял в подземном святилище на краю расселины и держал в руках Книгу в черном переплете. Это была Книга Верховного Хранителя, в которой были собраны все знания Круга и записано имя того, кто пребывал заточенным под Башней. Люди Круга обступили его кольцом; с ними были пленники, предназначенные в жертву — Дух каждого из них навек должен был «сгореть». А мальчик совсем не боялся того, что должно было с ним случиться.

В этот момент маленькая фигурка спрыгнула откуда-то сверху и предстала перед ними. Это был младший из братьев. Он был оборван и обморожен, истощен до предела, но руки его сжимали меч, а глаза горели, и в них промелькнула радость при виде брата.

«Брат мой! — крикнул он, — ты спас мне жизнь, и теперь я спасу твою! Злые колдуны очаровали тебя и увели, отец отрекся от тебя, но я обещал предкам и нашей матери, что я тебя верну». Мальчик сказал: «Любимый мой брат, пока я жил в мире, не было для меня никого дороже тебя. Но теперь — нет! Я предназначен для иного, и спасать меня бессмысленно. Подняв свой меч, ты поднимешь его на богов. Возвращайся же и живи счастливо!» «Даже если это будет стоить мне жизни, я сражусь за тебя с кем угодно! — отвечал ему брат, — Я воин! Я знаю лишь верность и бесстрашие. Я могу драться только за это. И если все это ничего не стоит, то мне тоже незачем жить!»

И он кинулся на людей Круга, поражая их мечом.

Мальчик замер на мгновение: зрелище потрясло его. Да, перед ним творилось преступление, но в то же время это был подвиг! Брат его сейчас сравнился с божественными героями, преодолевая судьбу, круша даже богов!

...А тот уже был рядом: он замахнулся мечом на посланника, с которым пришел мальчик. Тогда избранник вдруг бросил Книгу и кинулся между ним и своим спутником, чтобы прекратить резню. И брат его оступился: он попытался отвести движение своего клинка, но потерял равновесие и безмолвно рухнул в расселину, утянув за собой и того, с кем мальчик прибыл туда... Почему ты так вздрогнула, Седьмая?

— Я... недавно видела кое-что очень похожее, — выговорила Эльза, — Просто вспомнила... Вот почему я всегда знала это ощущение. Так что же было дальше?

— Он остался один, окруженный мертвыми телами и двоими, что были ранены, —

продолжил тибетец, — В тот момент, когда брат его упал, он словно очнулся от сна, как лунатик, разбуженный на краю крыши. Теперь он стоял и трясся на ледяном ветру, как любой смертный. Все стало страшным бессмысленным гротеском. Связь с горным миром прервалась, и уже казалось, что он и впрямь был тогда одурманен, как сказал его брат. Горе заливало его опустошенную душу. Прежняя высота, на которую взлетел его Дух, закрылась для него. Брат спас его — но отнял у него его путь. Он забыл, что нужно делать. Да, еще можно было завершить ритуал — но он просто подошел к пленникам и перерезал на них веревки. Люди Круга, оставшиеся в живых, пытались остановить его, — но он схватил накидку одного из погибших, Книгу, что ему вручили, и бросился бежать прочь. А вслед ему несло:

— Башня все равно заберет тебя! Куда бы ты ни шел... нет на земле тебе дороги!.. Ты вернешься!..

...Мальчик брел без дороги, без цели, без смысла. Единственной его пищей были замерзшие ягоды, что попадались кое-где на кустах. Силы постепенно оставляли его. Где-то он подобрал палку, и все тяжелее на нее опирался. Однажды горные леопарды загнали его к каменной стене. Он дрался мужественно, но погиб бы, если бы ему не помог проходивший мимо путник. Это был тибетский налджорпа, который возвращался на родину из Китая. Он спросил мальчика, как его имя. Мальчик ответил, что имени у него больше нет. Тогда путешественник дал ему новое имя: «Сэнгэ», что означало: «лев», — и забрал его с собой... В то время ему было двенадцать лет.

— Как и мне, когда Тадеуш выбросил мой медальон, — задумчиво сказала Эльза.

— Не зря говорят, что демоны выбирают себе Контрактеров, которые в чем-то на них похожи.

— Похожи, не спорю... — сказала Эльза, укладываясь поудобнее, — Но все-таки они не параллельны, а... мне кажется... скорее, зеркально симметричны... Ведь Сэнгэ видел Изначальный Свет — а потом упал, а у меня сперва все пошло наперекос, и я только карабкаюсь к нему всю жизнь... как к Тадеушу...

— По-моему, об этом тебе лучше подумать на свежую голову, — усмехнулся тибетец, — спи, Седьмая.

Люди вокруг спали уже давно. Тибетцы тоже устроились на ночь, усевшись со скрещенными ногами и опустив головы на грудь.

* * *

Но Эльза не спала.

Она лежала, вытянувшись на постилке. В ногах у нее сидел Мартин Фогель, который тс сооружал из каких-то механических обломков башенку, то ломал ее вновь, а в изголовье — Сэнгэ, первый ее демон.

— Не спится? — спросил он, — Раньше ты работала ночами, строя свою Науку. Но теперь-то ты потеряла и деда, и друга, и этого чокнутого Колесничего, и даже свою гипотезу о чудесах! Все, чем страшал тебя на твоём пустыре Тадеуш, сбылось. Да, как свершилось и то, что обещала ты ему в ответ! Ты действительно шагнула через него! Ты признала, что ваша с ним связь — лишь «плюс» в системе, — и это стало так. Необратимо! Взгляни-ка на себя. Вот она, твоя «дружба», — демон указующе вытянул суставчатый палец, — Вот этот

центральный узел в твоём устройстве. Двигатель и коленвал, шестеренки и передачи... Ты думала раньше, что это — твоя свобода, но теперь это твоя сильнейшая привязанность! И цель твоя ныне — лишь догма среди прочих догм, сродни тем, что составляют сущность демонов. То, что было раньше — сгорело, осталась только боль! Ты хорошо держишься, но я знаю: тебе сейчас просто дьявольски больно. Быть может, решим все быстрее, Контрактёр? Сдайся в последний раз! Я получу твой порядком истасканный Кристалл — а для тебя все закончится. Быть может, стать демоном — хуже, чем просто умереть, но уж лучше, чем вот так стоять на самом пороге Отречения.

— Нашел, кого пугать болью, — кривовато усмехнулась Эльза, — Я знала, на что иду. Да, я на пределе. Меня почти уже нет. Я — сумма последствий, я — механизм, что катится по проложенным рельсам. Но это все — по-прежнему лишь средство! Ведь я успела заранее назначить пункт прибытия и разогнаться, как следует. И пусть ныне мне не сойти с рельсов, но я могу маневрировать. Последняя искра во мне еще горит! Если она не угаснет до финиша — я отыграю, что поставила. Я увижу Свет, что бы это ни значило. Я дострою свою Науку.

— Ха-ха! Хороши же маневры. Ты покорно тащишься с этими сектантами в какой-то медвежий угол, чтобы быть там принесенной в жертву! Да-да, будем называть вещи своими именами... Может быть, сыграть тебе «Полет валькирий»?

— Может быть, — миролюбиво ответила Эльза, — Тем более что не сплю я по той же причине, что и раньше.

— Что?! Хочешь сказать, из-за научных изысканий? Ты на что-то еще рассчитываешь? Теперь, когда знаешь, что никаких чудес нет?

— Точно. Ведь когда-то мне ты сказал, что очень хороший фокус порой практически не отличить от какого-нибудь простенького чуда.

— Не понимаю. Если я правильно помню, то теперь, когда в твоей системе наступила ясность, ты должна приступить к пятому пункту твоего первоначального плана. Ты собиралась сжечь свои привязанности и заглянуть за край. Но, во-первых, выяснилось, что никакого края нет, а во-вторых, ты теперь крепко-накрепко связана еще и с моим обетом Хранителя, — а это разорвать, пожалуй, будет потруднее, чем Контракт...

— Ерунда. Дело лишь в размере платы. А вот то, что ты упомянул «во-первых» — действительно серьезное обстоятельство. То ли чудес не было и раньше в моей жизни, то ли не стало, когда мое Проклятие обняло землю... не важно. Важно то, что пункт пятый возможен только в мире, где они есть. Этот мир нужно вернуть, демон. «Мир богов и героев», как говорил Дэтлеф Эберт...

— Твои амбиции растут по мере удаления от цели.

— Цель ближе, чем тебе кажется. Слушай... От Золотого века к Железному идет нисходящий цикл Проявления. Это значит, что мир удаляется от породившей его вспышки Предвечного Света и погружается в царство распада, от Духа — к материи, от единства — ко множеству, от чудес — к закону необходимости. Судя по моему последнему эксперименту, которым оказалось наше расследование, мы приблизились к концу нашей Юги. Здесь чудеса уже невозможны. Это значит, что моя цель — в прошлом, то есть — во времени, а не в пространстве текущих состояний. Она достижима лишь в тех минувших эпохах, когда деградация не зашла так далеко.

— Свежая мысль. Собираешься строить Машину Времени, про которую писал ващ Герберт Уэллс?

— Собираюсь ее имитировать. Нам нужно произвести возврат системы к прежнему

состоянию, — то есть, увеличить в ней разницу потенциалов, влив дополнительную энергию. Естественно, в замкнутой системе взять ее неоткуда... кроме как из самой же системы. Да, демон: вернуть в Золотой Век можно лишь ее часть. Для этого вторая часть должна быть принесена в жертву первой!

— «Ментальная Катапульта»? И под системой ты имеешь в виду весь мир?

— Да! Великая «Катапульта»... Нужен лишь рычаг, чтобы привести ее в действие. И для этого у меня все есть, или вот-вот будет. Скажи: чем, по-твоему, являются эти падшие ангелы в Башнях? Ну-ка, слушай, что мне приходилось читать: «В воскресенье Бог сотворил Мелек Тауса «из своей совершенной сущности»; в понедельник Мелек Таус создал «из своего света» следующего ангела, Дардаила, после чего Исрафил, Микаил, Азраил, Шемнаил и Нураил были сотворены в течение оставшихся пяти дней недели, «как светильник зажигается от другого светильника». Я нашла это среди бумаг моего деда. Это та самая езидская Черная Книга, что принадлежит их Верховному Хранителю. Езиды, по счастью, не такие нелюдимые, как прочие Круги, давали ее почитать тем, кто интересовался... Но ты понимаешь, что это значит? Они были иерархически связаны, будучи ангелами. А все бывшие связи сохраняются между теми, кто стал демонами! Более того: для них эти связи становятся абсолютной догмой...

— Ого! Ведь это Пирамида.

— Об этом я и говорю! То есть, получив контроль над Первым из Архидемонов, можно заставить его приказывать остальным.

— И как ты это сделаешь?!

— С помощью той Пирамиды, которой я уже располагаю. Я имею в виду кое-кого, кто сейчас сидит у меня в ногах, и его троих подчиненных!

При этих словах Мартин Фогель подскочил, рассыпав в очередной раз башенку и тут же маниакально принявшись складывать ее заново:

— Вы обо мне, фройляйн? Хорошо, хорошо...

— Да, лучше некуда. Контракт с ним стал бесполезен как таковой, но он не расторгнут. То есть, если вдруг кто-то родится под именем Ганс Уберман, я вновь смогу брать под контроль сто метров пространства вокруг оно, — а сейчас достаточно того, что я знаю его имя, а у него есть трое Контрактеров, и у самих у них — контракты с людьми из СС... Понимаешь, к чему я клоню, Сэнгэ?

— Кажется, да. Ты ждешь, что они найдут тебя, и тогда сделаешь их двойными Контрактерами, так?

— Да, и пусть попробуют не согласиться. Правда, любитель конструирования? Ты ведь их убедишь, что так нужно?

— Вы обо мне, фройляйн? Хорошо, хорошо...

— Да, — вновь обратилась она к Сэнгэ, — Они заключат Контракты с Семерыми Заточенными. И я даже думаю, они не будут слишком возражать. СС нужно восстановить свое положение, а еще лучше — превзойти его. Кроме желаний Отто и Лотты Леманн меня убить, это будет третья причина, по которой они явятся за мной следом. Так вот: с помощью общих Контрактеров две Пирамиды можно объединить. И тогда... можно будет через человека влиять и на всех демонов, с которыми у него Контракт. Даже если речь об Архидемонах. Ты знаешь это по своему опыту...

— Послушай, а не кажется ли тебе, что этот тибетец был прав насчет безрассудства некоторых ученых? Они весь мир разнесут раньше, чем ты откроешь рот.

— Оставь! Всего лишь дело техники. Или ты считаешь меня идиоткой, которая просто вскроет замки их ловушек в надежде на их доброту? Они — всего лишь демоны, да к тому же сидящие в заточении черт знает сколько времени без притока внешней энергии. А ловить демонов я научилась неплохо.

— Я считаю тебя, — сказал Сэнгэ, — тем самым сумасшедшим ученым, которыми пугают мир в романах. Но ладно. Продолжай.

— Мы построим Великую Пирамиду, — сказала Эльза, и в голосе ее прорезалось быстрое воодушевление, — В ней будет огромное число Контракторов. Так мы соберем жертву, ценой которой прольется дождь благодати на всех, кто в ней не состоит. А потом... мы «сожжем» ее! Что стоит Архидемону раздавить человека? Затем Первый из Заточенных разрушит свою Пирамиду, а я назову по имени его самого... поскольку Книги Хранителей будут у нас в руках, и имена нам станут известны... И все! После этого все, кто уцелеет, увидят, как изменится их реальность. Вся вторая половина Системы...

— В которой, конечно, ты тоже рассчитываешь оказаться, когда энергия в нее хлынет?! И притом со мною вместе?

— Как я понимаю, вопрос риторический?

— С этого момента мне опять разонравился твой план. Я вообще недолюбливаю планы, в которых мне предлагается погибнуть.

— Это предложение — из тех, от которых ты не сможешь отказаться, Сэнгэ... как и некоторые любители башнестроения.

— Вы обо мне, фройляйн? Хорошо, хорошо...

— Хоть кому-то все нравится... Эй, а что, «Полета валькирий» сегодня не будет?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ, в которой Эльза меняет курс и попутчиков

В порту Мумбаи их ждала пересадка, хотя Эльза и предлагала просто воспользоваться тибетскими чарами и направить судно туда, куда им нужно. Конечно, ее везли, как куклу, чтобы проделать с ней нечто, не спрашивая ее согласия, — но нерациональность решений ее коробила, и она пыталась их оптимизировать. Однако тибетцы были непреклонны, не желая творить насилия больше, чем необходимо. Тогда Эльза махнула на все это рукой. В итоге они два дня провели на берегу, пока не дождались попутной барки. А нужно им было в Мандви, последний порт на индийском побережье в сторону Пакистана.

Там они вновь сошли на берег, и ей огромных трудов стоило уговорить их предпочесть верблюдам автомобиль. Он стоил бриллиантовой сережки из ее уха. Это был старый разбитый рыдван в один конец дороги. Впрочем, ждать, что он доедет до конца, было слишком оптимистично. Поэтому Эльза настояла и на том, чтобы за вторую сережку купить в дорогу слесарные инструменты. На них тоже сложно было смотреть без слез, но это в целом было лучше, чем верблюды, — хотя бы до того момента, когда тарантас раскатится на гайки, наконец. Так они и ехали по долине Инда: разваливалась то машина, которую Эльзе приходилось чинить, то она сама. Она сдала еще сильнее, и тибетские снадобья ненамного улучшали положение.

К концу пути пересели все-таки на верблюдов. Потом сменили их на низкорослых местных лошадок: ведь дальнейший путь лежал через горы. Впереди был страшный пятитысячный перевал Каракорум. По дороге они делали привалы на несколько дней, чтобы привезти к Башне живого Хранителя, а не ее труп. Сеть на ней пришлось ослабить сильнее, и Эльза, наконец, стала видеть что-то не только в пределах пятнадцати метров. Они шли через грандиозные горы. Как тогда, давным-давно, — с дедом, его друзьями и единомышленниками. Сдвинулись шестерни ее психофизической системы, приводя в движение глубинные слои памяти, — словно трансмиссия пришла в сцепление с давно не используемым блоком механизма. И Эльзу посетила совершенно не свойственная ей теперь эмоция — из тех времен, когда для нее еще не было ни вселенского механизма, ни демонов. Ей вдруг захотелось увидеть горы как горы — нечеловечески величественные громады, расселины без дна и парящих орлов, — а не шестерни и передачи, отображающие закономерность процесса существования гор.

Спустившись, они двинулись вправо, в дичь и глушь по другую сторону Гималаев.

...На третьи сутки они углубились в мрачное ущелье, куда не заглядывало солнце. Демон ее вдруг заметался, узнавая дорогу. Он тоже шел когда-то по этой тропе, когда его вели к Башне. А у Эльзы было ощущение, что это ее собственные из ничего возникающие воспоминания...

И тут она почувствовала, как дернулась цепь, соединяющая ржавую шпагу в ее груди и Лотту Леманн. «Явились все-таки», — удовлетворенно подумала Эльза. Она вглядывалась в пространство, насколько позволяла сетка, но никого не могла заметить. И, что самое странно, внезапно натянувшаяся цепь уходила куда-то вверх, прямо в небеса...

Тибетцы, кажется, тоже что-то почувствовали. Они сильнее затянули на Эльзе Сеть и пошли настороженно, переплетя пальцы с четками в сложных жестах; четки в руках их сияли.

— Вокруг скверно, Седьмая, — сказали они, — Тут расплодилось немало демонов с тех пор, как Седьмой Хранитель исчез. Они следят сейчас за нами, они следят за тобой, они хотят тебя растерзать. Они совсем не желают, чтобы Верховный Хранитель вернулся...

— Насчет растерзать — это уж точно, — ответила она, не вдаваясь в подробности.

Наконец они свернули с тропы в еще более глухую расселину и стали карабкаться вверх. У Эльзы сердце начало выпрыгивать из груди уже метров через десять.

Остановились; впереди показалось что-то, напоминающее Сеть, что была на ней. Сложное пространственное плетение из ниток, веревок и бусин закрывало проход. Двое тибетцев подошли к ней, запели, стали расплетать нити и перетасовывать бусины. В Сети образовалась брешь, куда они и направили Эльзу. Процессия растянулась гуськом. Двое задержали Сеть за ними. Видимо, это были меры против нежеланных гостей.

...В этот момент с небес упала молния! Два разряда врезались в процессию. Впереди и сзади Эльзы не осталось никого живого. Волосы ее встали дыбом, ее шатнуло, — но все же она устояла на ногах и обернулась.

* * *

...К ней бежал Клаус Кернер, и еще три человека с гиперболоидами в руках. Эльза разглядела их, только когда они приблизились. Сеть на ней была затянута, поле зрения сузилось метров до десяти.

— Приветствуем, баронесса! Мы вовремя, не так ли? — Кернер щегольски заломил фуражку новой полевой формы.

— Здравствуйте, герр оберштурмфюрер, — ответила Эльза, — А почему, позвольте спросить, десять метров назад еще было не вовремя?

— О! Десять метров назад не происходило ничего странного. А потом мы перестали вас видеть! Раз! — и все, вы будто сквозь стену прошли в этом самом месте... позвольте... Удивительно! Теперь я ясно вижу там проход.

— Да. Там была тибетская особая защита. Видимо, она наводила иллюзии. А теперь вы ее сожгли, — поняла Эльза, оглядев дымящиеся обрывки Сети.

— Возможно, возможно... Но мы не знали, что и думать! Пришлось действовать на свой страх и риск. Как только мы вас потеряли, наша пушка дала залп. Стреляли, стараясь не задеть то место, где вы должны были оказаться, если бы шли по-прежнему...

Эльза поглядела на обугленные останки своих недавних спутников. Четки в руках их рассыпались в пыль.

— Ясно... Кстати, это было не простое электричество, не так ли?. Я была слишком близко, я бы не выжила рядом с электрическим разрядом такой силы. И как вы смогли выстрелить сверху?

— О, конечно, нет! Эта пушка называется «Молот Тора». Одна из последних разработок нашего научного общества. А почему она стреляла сверху, вы сейчас увидите.

— Я так и подумала, что для ее создания пришлось... откорректировать законы физики. Герр Кернер, кажется, сюда идут.

Из-за поворота тропы показалось двое в зеленых перчатках; еще двое прыгнули за ними откуда-то сверху. Они не то запели, не то закричали; сверкнула синяя вспышка. Кернер прикрыл Эльзу, блокировал коротким пассом, быстро отсемафорил куда-то вверх: ОГОНЬ

ПО ВРАГУ. Сверху ударила еще одна молния. Скалы обрушились, завалив проход.

Кернер подал ей руку, потянул за собой:

— Уходим, фройляйн... Или стоит дойти до того места, куда вы шли?

— Стоит. Но позже. Сейчас меня «похитили демоны», — думаю, именно так происходящее выглядит для этих аборигенов. Уходим.

Они вышли из расселины в ущелье. Кернер показал куда-то вверх:

— Вот он. Видите? Но здесь он не сможет приземлиться. Идемте к выходу, там ровнее.

— Не вижу. Из-за Сети.

— Почему вы не снимете ее? Я, конечно, сделал вашему наряду комплимент там, в замке, но не думал, что он вам по душе.

— Увы, не могу. И это проблема.

Вернувшись километра на два назад, они покинули ущелье.

Перед ними медленно опускался диковинный летательный аппарат. Он напоминал диск, по краю его быстро вращались реактивные двигатели. Сам он состоял из лопастей, закрытых ободом, а в центре была кабина. Диаметр «тарелки» составлял ровно тридцать семь метров. А на днище кабины на мощной консоли крепилась пушка — тот самый «Молот Тора».

— Впечатляюще, — сказала Эльза, — И летает тоже за счет подправленной физики. Чей это Контракт?

— Отто Хабермоля. Конструктора.

— Я не о том. Я спрашиваю, с кем у него Контракт?

— С вашей старой знакомой, Лоттой Леманн.

Эльза остановилась.

— Хочу напомнить, герр Кернер, что ее главная цель — убить меня. Я знаю, что всем известно ее имя и что у ваших Контрактов тоже есть какие-то возможности. Но эта цель может превысить ее самосохранение. Мы в ее руках, пока мы на борту. Почему вы уверены, что мы все не взорвемся в воздухе или не упадем?

— Не беспокойтесь, мы проследили за этим. Ведь демоны не способны нарушать свои Контракты! А Хабермоль включил в условие Контракта, что она не сможет причинить вам вред, пока мы не достигнем своей цели или не потерпим поражение на пути к ней по объективным причинам. Эту цель мы сообщим и фройляйн Леманн, чтобы она видела момент, начиная с которого получит право вас убить. Иначе она не соглашалась на Контракт.

— Какую цель?

— О, на этот вопрос предстоит ответить вам! Должна ведь быть какая-то причина, которая оправдывает то, что мы вас спасли! Разумеется, кроме нашего благородства.

Эльза прищурилась:

— Ловко. А если выяснится, что это был с вашей стороны только бессмысленный гуманизм и предложить мне вам нечего, эта тарелка выстрелит по мне прямо сейчас.

— Ну что вы, баронесса! Мы ведь вас давно знаем. Чтобы вы — и ничего не придумали?

— Такая цель, как заключение Контрактов с семью самыми могущественными демонами в мире, подойдет?

— Оооо... Я знал, что мы не напрасно спешили к вам на помощь. Идемте же.

— Стойте. Прошу, попытайтесь снять с меня Сеть. Вдруг у вас получится?

Клаус Кернер еще до заключения Контракта увлекался знаниями, которые скептики

почитали вздором. Зато теперь в его руках ожили древние ритуалы забытой арийской религии — ирминизма, последователем коей он был. Он приложил все усилия, творя сложное ритуальное действие из пассов и гимнов, чтобы снять Сеть с Эльзы. Она, едва не шипя от боли, некоторое время терпела, но, наконец, не выдержала:

— Сильнее!!!

Кернер прервал попытку и развел руками. Сильнее он не мог, ведь на его руке красовалась тибетская Печать.

— А что насчет вашего «Молота Тора»? — спросила Эльза, — Может ли он работать ювелирно? Так, чтобы изжарить только Сеть, а не меня?

— Увы, баронесса, — ответил он, — Это рискованно. «Молот Тора» компенсирует те ограничения в силе, что на нас наложили тибетцы. Уж если он бьет — так бьет.

— Тогда я пока пойду пешком, — резюмировала она, — потому что этот наряд мне надо с себя все-таки снять. Иначе я ничего не смогу. Я догадываюсь, где можно избавиться от Сетки. Но найти это место я сумею, только если пойду своими ногами.

...Эльза рассчитывала, что ее демон сможет вспомнить дорогу, если вновь на ней окажется. Он нужное ей место прекрасно знал, — ведь когда-то он туда ушел, покинув Башню. Там они жили, — Сэнгэ, его учитель и Бальжинима, царская дочь. Там стоял злополучный Алтарь, который Сэнгэ посвятил демону.

Она оказалась права: знание, куда идти, возникало в ее голове с каждым следующим шагом. Демоны, конечно, забывают все, что касается их бывших личностей, но объективная информация остается. Сэнгэ не помнил, что он думал и почему шел куда-то, будучи человеком, и даже что значило: быть человеком, — но знал, как добраться из одной точки в другую.

Кернер не стал расспрашивать, чем Эльзе поможет пешее путешествие. Он кивнул и отсемафорил дисколету: СЛЕДУЙТЕ ЗА НАМИ. «Надо было кому-нибудь из них заключит Контракт на рацию», — подумала Эльза, чуть поджав губы. Топорное техническое решение раздражало. Они с Кернером двинулись по пустой каменной дороге, — а чуть сзади над ними парил дисколет с крестами.

По дороге Клаус Кернер развлекал Эльзу светской беседой: сообщил последние новости из Фатерлянда.

— Мы должны благодарить вас, баронесса, — галантно начал он, — Если бы не вы, наглые церковники орудовали бы у нас, как у себя дома. Но теперь Берлин, который Рим собирался сделать пешкой в собственной игре, подмял-таки итальянцев под себя. Это было тем проще сделать, что еще раньше Италию подмял под себя Ватикан, чью игру вы сломали.

— Так войны не будет?

— Будет все равно. И дело тут не только в Берлине и Риме, дело вообще во всей политической обстановке. И... Райх ударит первым. Тысячелетняя арийская мечта воплотится! А наша экспедиция поможет выиграть войну.

* * *

Путь Эльзы растянулся на целую неделю, — и не в последнюю очередь из-за того, что долго быть на ногах она не могла. Спасибо Кернеру, который догадался привезти для нее лекарства! Днем она шла, вспоминая дорогу, а ночевать поднималась на борт дисколета.

Вечером первого дня, когда она впервые оказалась внутри корабля, вся команда вышла поприветствовать Эльзу. Даже Лотта Леманн явилась, намотав на руку цепь от шпаги Проклятия:

— Ах, баронесса! Как же я рада вас видеть! Я приветствую вас, но, увы, далеко не так, как хотела бы! Зато я как следует с вами попрощаюсь! Ведь мы старые подруги, правда? Ах! Нас столько связывает! — Лотта дернула цепь.

— Взаимно, — вежливо сказала Эльза, — И рада видеть вас в добром здравии. Вы настолько не изменились, что ваше имя так и крутится у меня на языке.

— Ах! Я с радостью услышу его из ваших уст! Подождите только, когда мы наберем высоту! Ах, это будет красиво!

Но Эльза искала глазами Отто Штальберга. А Отто не было.

На ее вопрос Кернер пояснил, что вскоре после отъезда Эльзы герр Штальберг уволился из рядов СС и исчез в неизвестном направлении. И, оказывается, вовсе не он отправил Кернера на поиски Эльзы! Эту экспедицию «Аненербе» вдохновили собственные соображения СС, которым нужен был хоть один полноценный Контракт, и энтузиазм Лоттты Леманн, которая отказывалась заключать Контракт иначе, чем ради мести Эльзе. Дабы получить гарантии, она включила в условие Контракта, что дисколет до исполнения ее желания будет только один, и Отто Хабермоль лично будет его пилотировать. Уполномоченные в СС дали согласие, но решили проверить, не может ли Эльза быть им полезна чем-либо еще...

Эльза никогда не забывала, что Отто хороший игрок. Она не обольщалась и насчет его увольнения. Кернер был человеком Отто, а учитывая толстенную папку компромата на него, которая собралась у Штальберга, он и продолжал быть его человеком. Его люди возглавляли саму эту экспедицию. Одну ее практически не оставляли. Можно было предполагать с большой вероятностью, что все, здесь происходящее, творится с одобрения Отто и известно ему.

И хотя пока все было мирно, она не хотела оставлять ему возможность ей мешать.

«Да, он был прав: опасно иметь дело с тем, кого не контролируешь, — думала Эльза, — Особенно — с такими, как он. Жаль, что его «усовершенствование» не дает мне над ним никакой власти... Первое, что сделаю, освободившись от треклятой Сетки — дотянусь до него и просто сломаю все, что Вальтер вживил ему в череп. Вряд ли он это переживет...»

* * *

Когда Эльза и ее спутники добрались до высокогорного селения, стало ясно: после злосчастного учителя Сэнгэ подвижников в этих краях не нашлось. Обрушившийся и сгнивший храм выглядел очень красноречиво.

Местные жители не приближались к прибывшим, но явно наблюдали. «Интересно, есть ли среди них хоть кто-то без Контракта? — подумала Эльза, — Вряд ли. Контракт становится элементарным средством выживания, когда вокруг становится слишком много Контрактеров. Если у всех он есть, а у тебя нет, то ты — просто жертва для других...».

— Баронесса, а все-таки: что мы здесь ищем? — спросил Кернер, — Я должен знать, к чему быть готовым.

— К неожиданностям, — усмехнулась Эльза, — А ищем мы здесь Алтарь. Помните

наше первое знакомство?

— О, когда герр Штальберг привел вас в лабораторию Убермана? Все вышло не слишком вежливо...

— Как бы то ни было, я рассказала тогда много интересного. В том числе — про Алтарь, который мой демон посвятил силам нижнего мира.

— А! Помню... Постойте, уж не хотите ли вы сказать, что имеете на него виды?

— Почему бы и нет, когда ключ к нему — у меня. Тем более что сила нам понадобится не только для того, чтобы снять с меня Сеть.

— А неожиданности? — уточнил Кернер.

В это время позади них возник маленький человечек. Карлик причудливого вида спрыгнул с головокружительной высоты, атаковав мгновенно. Куда там тибетцам-Хранителям! От первого удара Эльзу спасла Сеть, которая вспыхнула и сгорела, окатив ее секундной болью. Но теперь она осталась без защиты, а ее тело двигалось слишком медленно! Оставалось только уклоняться.

Мгновенно сосредоточив сознание, Эльза провалилась на ржавый пустырь Бардо и с дребезгом грохнулась на грудь железа. Здесь тело ее не ограничивало, и она могла двигаться со скоростью мысли. Выхватив гиперболоид — Оружие Контракта — она выстрелила. А потом открыла глаза в земной реальности.

...Нападающего отбросило; следующей атаки он не успел предпринять, потому что ударила пушка дисколета. «Молот Тора» очертил вокруг Эльзы и Кернера бушующий электрический круг, сделал опасный выпад в сторону их нежданного врага, расширил круг. Врагов, тем временем, прибавилось, но перевес по-прежнему был за пушкой.

— Bravo, баронесса! — крикнул Кернер, — Я даже не успел заметить, как вы подняли оружие! И теперь я понял, что за неожиданности вы имели в виду!

— А вот этого следовало ожидать... — проговорила Эльза, глядя куда-то вверх.

...Над ней возвышалось громадное и древнее механическое чудище, — Высший демон, повелитель Колесницы.

— Надо же, колдунья, — констатировал демон, — И сильная к тому же! А за твоей спиной — тот, кого я поручал найти сильнейшей из моих подчиненных! Вы здесь — но где же она?

— Обстоятельства оказались сильнее нее, — ответила Эльза, — Но, как бы там ни было, — мир тебе! Предлагаю признать ничью. Я знаю, что тебе нужен Алтарь, и не имею ничего против этого. Я не собиралась сходить в лобовой атаке с тобой, когда шла сюда. Но и подчиняться тебе тоже не вижу причин. Предлагаю сотрудничество.

— Контракт?

Эльза усмехнулась.

— Нет, мне их пока хватит. Не Контракт. Партнерский договор, — она потянула за одну из цепей, что соединяла ее демона со всеобщей системой узлов, тяг и шестеренок. Цепь была оборвана. Она подняла ее в руке, — Это бывшая цепь Контракта моего демона с его хозяином, кого ты поглотил. Кажется, ее нужно присоединить к Алтарю, чтобы он работал? Я это сделаю. То, что Алтарь вновь станет действовать, ни к чему не обяжет меня лично: это ваши дела с моим демоном. Но вам это принесет пользу, и за это я кое-что хочу.

— Смело, чтобы не сказать: нагло. Но я согласен! Мое слово — закон: демоны Дуд никогда не врут. Что тебе нужно?

Эльза сосредоточилась, нащупала цепи и тяги, что соединяли ее и Отто.

— Для начала: найдите Отто Штальберга, где бы он ни был! Это будет задатком в нашей сделке.

Кернер не сдержал удивления. Эльза повернулась к нему с веселой улыбкой:

— Нехорошо, когда люди исчезают в неизвестном направлении. Особенно такие, как герр Штальберг. Я начинаю волноваться, ведь он — мой давний знакомый, и я его неплохо знаю.

...Но проходили минута за минутой, а поиски не приносили пользы. Ни Эльза не могла дотянуться до Отто, ни ее новые союзники не могли найти конца цепи, что тянулась к нему.

Да, думала Эльза: кажется, она все же недооценила его. Что бы это могло значить? Они просто слишком далеко? Или он предвидел попытку Эльзы достать его и предпринял меры? Например, снова лег под нож, чтобы нейтрализовать эльзино оборудование, что Вальтер встроил в его нервную систему? Да, он при этом рисковал, но иначе он рисковал еще больше. Хороший врач мог успеть поставить его на ноги к этому времени: ломать — не строить... А может быть, Отто связался с силами, которые могут противостоять влиянию Эльзы? Скажем, догадался получить от тибетцев не одну Печать, а две... Но тут начиналась область ничем не подкрепленных догадок.

Мысль взять под контроль Кернера с помощью его Контракта и расспросить его Эльза покрутила в голове, но отбросила. Во-первых, она совершенно не хотела открывать тот факт, что те, с кем заключили Контракты ее новые союзники, подчинены Мартину Фогелю. А во-вторых, Отто должно было хватить ума сделать так, чтобы Кернеру не в чем было признаваться. Ему незачем было напрямую командовать экспедицией. Кернер действительно мог не знать, где тот сейчас находится, не получать от него личных приказов и даже верить, что наконец избавился от негласного подчинения герру Штальбергу. Официально порученной Райхом миссии было вполне достаточно, чтобы отправить Кернера к Эльзе. А то, что в Берлин отправляются доклады, укладывалось в понятие о важной экспедиции, на результат которой может сделать ставку политика государства...

Потерпев неудачу в поисках, Эльза в сопровождении Кернера двинулась к Алтарю. Их сопровождали уже успокоившийся карлик и целая орава демонов, которых, правда, видеть могла только Эльза. Алтарь обнаружился на площади прямо перед полуразрушенным храмом и оказался плоским серым камнем, уложенным еще на шесть таких же плит. Во всяком случае, так видел Кернер, — а перед Эльзой предстала сложная машина, лишённая одного важного узла... Она взяла цепь, закрепила ее в месте разрыва, выправила некоторые искореженные фрагменты — и теперь ее демона соединял с Алтарем целый десяток валов с цепями и шестернями передач.

Она выжидающе взглянула на Высшего Демона.

— Отлично! — прогремел он, — Эй, тащите сюда, кого не жалко!

Карлик выкрикнул что-то неразборчивое; через минуту к Алтарю уже двигалось трое местных жителей, которые тащили упирающегося четвертого. Жертву быстро скрутили, связав за его спиной руки со щиколотками, и взгромоздили на плиту, не обращая внимания на вопли. Карлик выхватил кривой каменный нож и вонзил его в грудь связанному, вскрывая грудную клетку, вырывая сердце... Еще трепещущий его ком жрец опустил в чашу — габала, пошел с ней вокруг Алтаря, не переставая не то выть, не то петь. Собравшиеся местные вторили ему хором.

— Дикари, — прокомментировал Кернер, заложив руки за спину.

Эльза же смотрела, как приходят в движение узлы машины, как заводится механизм в

грудной клетке Высшего демона... Чудовище потянулось, распрямляя сочленения:

— Хорошо! Что ж, колдунья: по рукам. Я буду помогать тебе в тех твоих целях, что мне не вредят, — и обещаю выделить тебе на них половину жертв с этого Алтаря. Чего ты хочешь для начала?

— Для начала я хотела уничтожить Сеть, что была на мне. В этом уже нет нужды, но у нас остались еще кое-какие обременительные «подарки». Видите Печати на руках у тех троих? Прошу их снять.

— Пара пустяков, — дружелюбно отозвался Высший, — Но будет больно. Эй, вы! — гаркнул он своим слугам, — чего встали? Давайте следующего!

...Когда потерявших сознание Контрактеров-эсэсовцев унесли на борт дисколета, Эльза заявила, что хочет осмотреть местные достопримечательности. Одной ей уйти, конечно, не дали: баронесса фон Лейденбергер не должна была подвергать себя опасности, ведь на нее рассчитывало государство! С ней отправились двое сопровождающих. Миновав несколько каменных хижин, они стали карабкаться вверх по головокружительной тропке, — такой крутой, что через каждые десять метров ей приходилось останавливаться, чтобы отдышаться и переждать боль в висках. Там, на почти недоступной высоте, жили когда-то два аскета: учитель и ученик.

Она первой вошла в пещеру, рядом с которой еще оставалась рассыпавшаяся кладка ограды. Она знала, как тут было раньше. Тибетцы были правы, она и впрямь будто вернулась сюда через несколько столетий.

Эльза отодвинула плоский камень в полу, вытащила подточенный сухой гнилью ларец. Открыла, достала Книгу — ничего особенного на вид, и даже не книга, а свиток. Но тут ее ждал небольшой сюрприз. Там же, в шкатулке, лежала стопка хрупких листков разной бумаги, исписанных одним и тем же почерком... Рукой Сэнгэ. У Эльзы возникло головокружительное ощущение, что писала она сама...

Листки были повреждены и слиплись в нескольких местах. Чтение придется отложить до лучших времен, подумала она: сейчас было не до того.

Она спрятала находки в сумку, и все трое стали медленно спускаться.

* * *

Дисколет покинул Тибетское нагорье, взяв курс на Дели. Экспедиции нужна была база: необходимые им машины они не могли собрать в поле, это было слишком серьезное оборудование. Требовались лаборатория, мастерская, испытательный полигон и место, где все это удастся спрятать. Впрочем, у одного из них Контракт был связан с творением иллюзий, поэтому с секретностью проблем не предвиделось.

Базу решили устроить на окраине города, в старой фактории, принадлежавшей когда-то англичанам.

.. Когда Кернер, наконец, сумел встать с кровати, он отвел Эльзу в сторону.

— У меня к вам приватный разговор, баронесса, — сказал он, — Дело вот в чем... Я помню ваш план с семью Контрактами и то, что все Контракты должны принадлежать СС. Но как вы собираетесь справиться с этим, если все трое нынешних Контрактеров — все еще люди? Они ведь должны «сгореть», чтобы Пирамиду можно было строить дальше. А мало кто стремится к тому, чтобы угробить свою душу навечно. Как вы собираетесь заставить их

сделать что-то, что их уничтожит?

Эльза посмотрела на Кернера в упор:

— Я догадываюсь, что вторая часть вашего вопроса в том, как бы самому не попасть под раздачу?

— Не стану скрывать... Баронесса, да, это так. Я, как и прочие, не тороплюсь к уничтожению своей души, или Духа, или что там есть. Но я первый догадался к вам подойти, поэтому у меня перед прочими преимущество. И, чтобы «не попасть под раздачу», я окажу любое содействие вам в этом деле.

— Резонно, герр Кернер, — сказала Эльза, — Знаете, что: я тут буду занята какое-то время. Мне нужно будет лишь несколько человек. Я оставлю при себе и двоих Контрактеров — для защиты. А вы вместе с фройляйн Леманн и прочими отправляйтесь, пожалуй, исследовать расовую принадлежность индийских и тибетских народностей. Ваша цель, кроме службы науке — в том, чтобы получить надежную защиту от сил зла. Что-нибудь вроде той Печати, от которой вы только что избавились, или моей Сети, или каких-нибудь храмовых артефактов... Найдите такое для всех своих спутников, включая вас и исключая Лотту Леманн с ее Контрактером. Вам потом снова может быть больно избавляться от этого, но придется потерпеть. Где искать такую защиту, нам посоветуют наши союзники-демоны. Они должны знать своих врагов в лицо.

Кернер сказал:

— Это лучше, чем торчать в Дели, но как это решает нашу проблему?

— Видите ли, — ответила Эльза, — математику Джона Буля никто не отменял. Это будет операция вычитания в чистом виде. Необязательно заставлять наших Контрактеров делать что-то. Вполне достаточно этого чего-то не делать всем остальным. Помните: все ваши Контракты черпают Силу из массовых ритуалов. При таком подходе груз Жертвы распределяется равномерно среди всех участников. Но если вы найдете защиту, о которой я сейчас сказала, из вас невозможно будет вытянуть энергию на «демонические» операции. И когда вы вновь соберетесь в круг для ритуала, чтобы дать силу любому из Контрактов, те, на ком будет защита, не смогут в нем участвовать. Своим Кристаллом пожертвуют лишь те, на ком ее нет.

— Баронесса, я никогда не скрывал восхищения вашим умом, — поклонился Кернер.

...Потянулись долгие дни подготовки. Эльза собирала семь огромных ловушек и монтажные механизмы, но мысли ее постоянно возвращались к Отто. И в самом деле, куда он пропал? А еще... интересно все же, где теперь Тадеуш? Пусть их дружба не настоящая, но все же... бедный ее друг, мир вокруг него оказался действительно ужасен. И еще, хоть он и считал ее врагом, она не стала забирать у него медальон там, в подzemелье; правда, это было до того, как она поняла природу происходивших с ней «чудес». Теперь она тем более не смогла бы его забрать: ее несло вперед по рельсам ее привязанностей, из которых «дружба» была самой сильной. Но даже сейчас она признавала, что расстаться с медальоном было опасным шагом. С помощью этой вещицы ее можно было убить куда вернее, чем гнаться за ней на край света. Тадеуш ведь тоже знал, что достаточно выстрелить в кого-то, на ком находится талисман — и этот выстрел достанется ей. Но шли дни, а Эльза оставалась живой... Да, он знал способ, но не пользовался им. И это вызывало в ней механическую реакцию, похожую на радость. Это немножко, совсем чуть-чуть придавало смысл всему происходящему.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ, в которой выясняется, куда пропал Отто Штальберг

Отто действительно следил за успехами экспедиции «Аненербе», не руководя ею напрямую. В принципе, пока его все устраивало, хотя он и понимал, что Эльза вряд ли раскрыла СС свои настоящие цели. На успех или неудачу экспедиции Отто было плевать. Его собственная цель была ясна и проста: сжечь Кристалл Эльзы.

...Как это сделать, он сообразил быстро. Отто прекрасно помнил, что у Эльзы есть друг, который носит ее медальон — притом не простой, а предмет Контракта. Медальон его хранил от любого оружия, и ценой этого был ее Кристалл. То есть, прямо-таки напрашивалась мысль снова найти этого ее друга и расстрелять. На поиски Отто употребил возможности подчиненных СС структур и стал ждать результата.

Правда, в деле была пара загвоздок. Первая состояла в том, что на Эльзе была Сеть. Сеть блокировала все воздействия как со стороны Эльзы, так и на нее. Если бы он застрелил Тадеуша сейчас, его смерть ничего бы не дала. Он бы просто умер, и все. Эльзин Контракт бы его не спас, и Эльза бы не пострадала.

Второй загвоздкой было то, что талисман работал хитро. То есть, медальона вообще-то было два. Пока этот Тадеуш ходил и думал, друг ли ему Эльза, действовал тот, что на нем; когда он, наконец, решал, что Эльза — друг, тут же активировался эльзин. В подоплеке этой странности Отто отказывался разбираться, его интересовала только закономерность. Из этого следовало, что если вдруг он застрелит Тадеуша Ковалевского, когда медальон будет работать на Эльзе, то Тадеуш опять-таки просто умрет, и Кристалл Эльзы это не заденет. Зато Отто лишится хорошего способа его разбить, и тогда придется стрелять в саму Эльзу, что может быть проблематичнее.

А третья загвоздка обнаружилась, когда он получил отчет от подчиненных. Она была в том, что Тадеуша нашли другие заинтересованные лица до того, как его нашел Отто. Это был Ватикан.

Отто чертыхнулся. С Ватиканом теперь придется договариваться, и, к тому же, срочно. А он, признаться, надеялся выгадать с неделю, подержав пана Ковалевского «под колпаком». Теперь, когда Эльза была врагом, Отто очень беспокоили железки, вживленные в его организм. Конечно, это были не реглеры, но кто знал, на что она способна? Простого замыкания будет достаточно, чтобы его прикончить. Он собирался найти врача, который, следуя его инструкциям, нейтрализовал бы проклятое оборудование. Но теперь на этом плане можно было поставить крест.

Хм, «крест»..? А что, подумал Отто, это может оказаться выходом.

Парадную форму он решил не надевать, собравшись на встречу. Бенини вряд ли оценит подобные театральные эффекты.

* * *

Люди Отто ошиблись только в одном: в предположении, что именно Ватикан нашел Тадеуша Ковалевского. На самом деле все обстояло наоборот.

Тадеуш распрощался с повстанцами после похорон отца. Полиция ли сдержала слово,

или просто изменилась обстановка — но действительно, было похоже, что прежний кошмар миновал. Больше не было странных психических эпидемий, не исчезали люди десятками и сотнями за ночь, кого-то даже выпустили из тюрем и лагерей. Члены Сопротивления потянулись из подполья на поверхность, — по крайней мере, те, кого привела в его ряды эта история. Тут Тадеуш и решил, что его дела здесь закончены.

Стефан Лодзянский навсегда остался в подземельях Вены, где оборвалась его жизнь. В величественной пещере, похожей на подземный дворец, обрел он свое последнее пристанище. С ним простились те, кто знал его: его разведчики, Милош и Тадеуш. Двадцать три человека. После этого люди группы Лодзянского разошлись, кто куда, — хотя, конечно, Милош не был бы столько лет правой рукой Стефана, если бы не оставил себе теперь кое-каких дружеских контактов. Он обернулся и к Тадеушу:

— А ты куда теперь, племяш? К матери?

— Нет, — Тадеуш отрицательно покачал головой, — К матери поедешь ты, дядя Милош. Милош понял, что отговаривать бесполезно. Они обнялись напоследок, и Тадеуш ушел.

...Он едва успел: Бенини с минуты на минуту собирался покинуть катакомбы, где все еще отсиживалась разгромленная «инквизиция». Он шел по коридору без оружия и с поднятыми руками: ясное дело, заметили его гораздо раньше, чем он добрался до места. В грудь ему взглянули автоматные дула, но старческий голос властно произнес:

— Отставить. Что вам угодно, юноша?

— Отец Умберто, я пришел узнать, собираетесь ли вы продолжить свой Крестовый поход...

— Забавный вопрос от того, кто только что срывал наши планы.

— Против Крестового похода я не имею ничего! — горячо сказал Тадеуш, — А что касается нашего противостояния, я был против совсем других вещей. Но я не собираюсь оправдываться. Я пришел по делу. И дело — в Эльзе... моей бывшей сестре и подруге. Знайте: если ее не остановить, все будет бесполезно. И если вы согласитесь со мной в этом, я хотел бы присоединиться к вам. Вдвоем нам с ней по одной земле не ходить, и в этом нет больше ничего личного.

Бенини взглянул на него оценивающе:

— Так-таки и ничего?

— Да, святой отец. Я уже не в состоянии никого судить: в этой истории у всех руки в крови по локоть, включая меня.

— Ты страшно наивен... но, в принципе, я видел с самого начала, что ты скорее наивен, чем злонамерен. Хорошо; думаю, это дело можно сделать среди прочих. Где искать эту Эльзу?

— Пока не знаю, — сказал Тадеуш, — но я к вашим услугам в розысках.

— Вижу, медальон ты так и не снял, — констатировал Бенини.

— Нет, — ответил Тадеуш, — Я уже вам говорил, что ношу его в знак личного обета. И если это неприемлемо, то я уйду...

— Ладно, — Бенини махнул рукой, — Все мы — в руках Господа. Ты больше не используешь силу ведьмы, сын мой, и больше не колеблешься. Это главное. А на тебе эта вещь или нет — вопрос формальный.

...Бенини был вполне согласен с тем, что Эльза представляет собой угрозу. Эта ведьма с дьявольской помощью одним пальцем сделала то, на что потребовались бы сотни экзорцистов и вера всей страны, — и осталась жива! Благодаря ей СС ушли от расплаты,

избежав массы неприятных вопросов в свой адрес, — несмотря на то, что вскрылись факты жертвоприношений в лагерях. Вполне вероятно, она и сейчас с ними в союзе, — думал священник. Официальное руководство Райха было крайне вежливо, Канарис лично заверил его, отца Умберто, в лояльности к церкви и готовности к сотрудничеству, хотя и отпал непосредственный повод... но старый разведчик, конечно, понимал: эти слова не имеют никакого отношения к практике. Фальшивому миролюбию ведьминых союзников он не верил ни на грош. Увы: пока он лелеял замысел похода против прогнившей части мира, дьявол прибрал к рукам и другую его часть! Теперь нечистый просто стравит эти две части между собой и полюбуется самоубийственной резней...

Да, святой отец бы без колебаний уничтожил Эльзу, — но она как сквозь землю провалилась.

...А через несколько дней, когда ватиканцы уже сменили подземелья на хорошо законспирированную квартиру, его ожидал еще один сюрприз. Отто Штальберг явился собственной персоной.

* * *

— Неплохо, сын мой, — иронично сказал Бенини, — Большой фурор вы бы произвели, разве что приди вы в униформе. Чем обязан?

— Я приложил руку к вашему поражению, — сказал Отто, — Вы понимаете, что с пустыми руками я бы после этого не явился. Вам интересно, где искать Эльзу фон Лейденбергер?

— Все интереснее и интереснее, — непонятно к чему, произнес Бенини, — Я имею в виду, ведьма быстро осталась без всех союзников. Ладно, я понял, зачем нам вы. А могу ли я поинтересоваться, сын мой, зачем вам мы?

Естественно, Отто не упомянул о Тадеуше Ковалевском ни словом. Вместо этого он проделал с собой ту же вещь, что некогда с Эльзой на допросе в профессорской лаборатории. Он нажал на что-то в области затылка, и часть его черепа сместилась, как крышка, обнажая электронную начинку. Отец Умберто осенил себя крестом.

— С помощью этого она может меня прикончить, — сказал Отто, — Но думаю, вы способны ей в этом помешать. Признаюсь: я не верю ни во что. Я служу только моему мертвому сюзерену. Я убью ее за барона. Я — орудие мести. Отнесите же ко мне и вы, как к орудию. Если вы согласны, позаботьтесь, чтобы ваше орудие не сломали.

Отец Умберто немного помолчал, потом указал Отто на диван. Он зажег свечу на столике, достал молитвенник, распятие и сосуд со святой водой, осенил лежащего крестным знаменем и начал:

— *In nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti...*

...Отто не знал, сколько это длилось. Когда конвульсии отступили, он едва смог открыть глаза. Им владела страшная слабость. Сразу стало ясно: он не имеет и понятия, как призвать возможности «особого» зрения. На его груди сиял серебром крест.

— Теперь говорите, сын мой, — сказал Бенини.

— Эльза сейчас в чужих руках, — с трудом выговорил Отто, — Но скоро мои люди найдут ее...

Маленькому отряду крестоносцев пришлось ждать, пока Кернер пришлет свой первый отчет. К тому времени Отто официально уволился из рядов СС, оставив себе неофициальные возможности на них влиять и узнавать новости.

Выслушав его, Бенини разразился проклятиями:

— Чернейшее, страшное, невысказанное дело! Что она задумала, мерзкая ведьма?! Выпустить Люцифера и его присных, которых сам ангел Господень заточил на тысячу лет!!! Отвечай, сын мой: она действительно на это способна?! — он прожег Отто взглядом.

— Да, — без колебания ответил тот.

— Помоги нам, Господи, — перекрестился Бенини, — И не на кого оставить такое дело... Что ж, придется ехать самому. Собираемся сию же минуту!

— Но куда? — спросил Тадеуш. Он уже принял тот факт, что Отто едет с ними без разъяснений со стороны святого отца.

— Для начала — в Ватикан. У нас прекрасная библиотека, особенно ее закрытые отделы. Там мы найдем сведения о Башнях. Уверен, ведьма не сказала всего. А потом... Мы не знаем, в каком порядке она посетит Башни, и не знаем их точных координат. Если у нее есть дисколет, она сможет закончить все за несколько часов. Я полагаю, имеет смысл отправиться к той из Башен, расположение которой известно в точности. К Первой.

Ватикан взял на себя все издержки, включая связь, вооружение, прикрытие в пути, контакты на местах и фрахт судна в Неаполе. Отец Умберто, отдав распоряжения, вместе с Отто, Тадеушем и двоими священниками из их отряда посетил в это время библиотеку. На свет Божий были извлечены и древние еретические сочинения, и труды средневековых демонологов, могущие пролить свет на Семь Башен. И там они вычитали, в частности, что под святилищем Сатаны есть подземная пещера с источником, где и расположен нечистый Жертвенник.

Через три дня к Башням выдвинулась еще одна экспедиция.

...Отто держал связь со своими людьми вполне официально, то есть, не скрывая ее от Умберто Бенини — так их отряд узнавал об успехах Эльзы. Так он сам узнал, что Эльза сбросила Сеть и искала его, Отто, с помощью демонов. Он усмехнулся: выходит, священники и впрямь что-то могут, раз у нее не вышло. Теперь можно было ударить ее саму, убив Тадеуша. Нужно было только разведать, чей талисман сейчас действует. Будь он человеком другого склада, он мог бы узнать это, просто спросив Тадеуша, почему тот примкнул к походу против Эльзы. Но Отто был Отто, он судил о людях практически.

Возможность для проверки представилась, когда судно вошло в Суэц пополнить запасы воды и провизии. Пока загружали и выгружали тюки, Отто имитировал небрежность, и будто бы случайно его нож соскользнул при обрезке каната, чиркнув Тадеуша по руке. Он извинился; тот ответил, что ничего, мол, страшного, — мимо прошло. Но Отто знал, что мимо прошло не просто так. Пора, понял он. Работающий медальон сейчас на Тадеуше.

И когда судно бросило якорь в Кувейте, а экспедиция пересела в загодя арендованные

фургоны, приговор Тадеушу был подписан. Отто сообщался с Берлином при помощи кодовых слов, встроенных в обыкновенные фразы. Он дал группе диверсантов команду на уничтожение, назвал место и время. А цель была задана его людям в СС еще до того, как он покинул их ряды.

* * *

Покушение настигло Тадеуша в Багдаде, где отряд вновь остановился на несколько дней. Ватикан был ограничен в возможностях там, где заканчивалось фактическое влияние Церкви. В Багдаде была католическая миссия — последняя на их пути. Поэтому именно здесь предстояло найти нескольких человек, на которых крестоносцам смогли указать в миссии. Эти люди были связаны с езидами, и с ними надо было договориться.

Тадеуш пришелся тут кстати. Он отправился к некоему местному ученому, который должен был стать их проводником и посредником в общении с езидами. Тот тоже увлекался археологией, и они быстро нашли общий язык на профессиональной почве.

А когда Тадеуш возвращался, на него напали. Район, где он шел, был довольно глухой: англичане, окопавшиеся в Ираке, держали здесь склады. Тадеуш юркнул в ближайшее здание, чтобы уйти с открытого места и занять позицию для стрельбы.

Но основная засада ждала его как раз в здании! Его загнали в угол и стали методично расстреливать; полетели гранаты. Тадеуш сначала отвечал, потом упал, ослепленный вспышкой, хотя и был невредим. «Каждая секунда моей жизни сейчас куплена ценой эльзиной души!» — сверкнуло в голове, — и тело его превзошло собственные возможности. Он схватил с пояса гранату, швырнул ее и отчаянно прыгнул вверх, на высокий штабель из ящиков; метким выстрелом сшиб того, кто засел на стропильной растяжке; перескочил на стеной фахверк, зацепился за край узкого продуха в стене, подтянулся... здесь его настигла взрывная волна его же гранаты, и он едва не сорвался вниз. Извернувшись, он боком выбрался через дыру, спрыгнул на соседнюю крышу и припустил прочь. Все это заняло меньше пяти секунд.

Нет, он не хотел быть спасенным такой ценой! Он шел, чтобы убить ее или быть убитому. Он носил медальон всего лишь как символ... но теперь, кажется, пора было его снять. Он, Тадеуш, не станет действовать эльзиными методами, уничтожая ее Дух на расстоянии.

Он перешел на шаг. Ему было о чем подумать.

Он слышал: нападавшие кричали по-немецки. И теперь, вспоминая, как его только что расстреливали, он отмечал и другие интересные детали. Казалось бы, в человека, упавшего от взрывов и очередей, стрелять уже нет смысла: этого хватило бы любому. Но в него стреляли, даже когда он лежал. Неужели знали, что у него «особая» защита?

Если это так, то от кого они могли узнать? Вариантов ответа было много. Но тут Тадеуш вспомнил, как Отто чиркнул его ножом по руке. Вроде бы, случайно и естественно. Однако внимательный Тадеуш ни разу не видел у Отто ни одного неловкого движения ни до, ни после этого, — удивительная редкость, потому и запомнилось. Отто двигался абсолютно четко, ловко, осознавая каждое свое движение, — это было настоящее искусство. Не могло ли это тогда быть проверкой на неуязвимость?

Могло. Но тут возникал третий вопрос: зачем убивать того, кто оказался защищен?

Ответ напрашивался препаршивый. Убивали не его, а Эльзу. И притом с подачи Отто.

Да, свидетельства были косвенные, но с такими подозрениями он не мог вернуться в отряд, как ни в чем ни бывало. Ведь, кроме того, ему неясно было, сидят нападавшие «на хвосте» только у него или у всей экспедиции. И кстати... что обо всем этом известно их руководителю? Тадеуш до сих пор доверял Бенини, в том числе и в том, что Отто стал членом отряда. Но сейчас у него возникла кощунственная мысль: раз целью экспедиции было уничтожить Эльзу, а его смерть могла ее убить, то не было ли покушение делом не только Отто, но и отца Умберто? Он тряхнул головой, устыдившись: кажется, постоянное общение со шпионами сделало его параноиком. Но что, если он все-таки прав?..

Поколебавшись еще немного, Тадеуш решил вообще отделиться от экспедиции. Теперь он знал, куда идти, чтобы встретить Эльзу, и знал людей, что могли ему помочь. Самое лучшее, решил он — вернуться к ученому, с кем он только что договорился, и убедить его отъезжать немедленно, не дожидаясь остальных.

...Увы, он связался со слишком большим количеством прожженных шпионов! Когда он постучал в дверь ученого, открыл ему отец Умберто. Тадеуш настолько опешил, что не успел увернуться от веревки с грузом, что сзади захлестнула ему шею. Талисман тут не помог: это не было оружие. Руки ему тут же выкрутили за спину.

— Наш завтрашний провожатый отлучился из дому, но мы не будем злоупотреблять его гостеприимством, — сказал отец Умберто, — Мы уже уходим.

Тадеуша довели до машины экспедиции, что ждала за углом, и втолкнули внутрь. Каково же было его удивление, когда там же он увидел Отто со связанными за спиной руками! Видимо, старый шпион утер нос молодому. Самого же Тадеуша, напротив, отпустили. Но между ним и дверцей сел один из крестоносцев.

— Вы заигрались, дети мои, — сказал отец Умберто, — Вам, Отто, в частности, следовало бы помнить, что вы назвали себя нашим орудием. Что-то я за свою долгую жизнь не упомяну случаев, когда бы орудия сами бегали по улицам и бросались на окружающих. Ваше поведение уже давно кажется мне подозрительным, но я решил наблюдать и не вмешиваться, пока не получу наглядных свидетельств вашей самодеятельности. И вот — можете ли вы представить себе? — только что возле некоего разгромленного склада мои люди наткнулись на одного мертвого и двоих раненых, но еще живых эсэсовцев. Почему эсэсовцев? О, они сами так сказали, когда увидели наши «медицинские инструменты». Выложили все, как на духу... Или вы ждали чего-то другого от людей, которые вам самому служат только из трусости? Увы, при прочих ваших талантах вы не разбираетесь в людях, сын мой, и не умеете ловить их на более сложные крючки, чем страх за свои шкуры. Поэтому кадры у вас оставляют желать лучшего... А ты, — обратился Бенини к Тадеушу, — можешь чувствовать себя свободно. Да пребудет с тобой Господь, и да защитит тебя от зла... — он осенил Тадеуша крестом, справедливо сочтя, что Эльза может попытаться найти место, где сработал ее медальон, — Твое поведение понятно, — продолжал он, — но будь спокоен: Отто больше не навредит тебе. Потому что дальше он поедет с нами, как пленник.

— Но почему вы вообще решили меня убить, господин Штальберг? — спросил Тадеуш, — Или... вы хотели убить не меня?

Отто молчал. Только скулы резче проступили.

— Интересный вопрос, — заметил Бенини, — но что он значит? Что скажете, Отто?

— То, что вы дураки, — яростно выпалил Отто, — и дураками останетесь, если его отпустите! Да, я приказал его убить. Это бы разом привело нас к победе. Я не говорил... Не

нем талисман. Он принадлежит Эльзе. Он хранит его. В уплату за его неуязвимость она теряет свою суть... свой Дух. Кристалл. Когда потеряет совсем — превратится в демона. Этого я хотел. Этого и вы должны хотеть, если вы все же не глупцы.

— Нечестивец! Предлагаешь нам, слугам Церкви, оскверниться? Умножить количество демонов? Это не победа! Это превращение зла в еще большее зло! До сих пор огонь и желез справлялись с ведьмами. Наше дело — спасти души, даже души ведьм. Да, иногда спасти можно, лишь ввергнув их в геенну огненную на тысячи лет. В аду она получит сполна за свои злодеяния! Страдая, обретет она покаяние.

— Вот потому я и назвал вас дураками!! — Отто даже подался вперед, — Вы не считаетесь с обстоятельствами! Она — не обычная ведьма! Ее мало просто убить! Ничего вы ей так не сделаете. Что ей ваш ад? Она живет по другим правилам. Она ходит по загробным мирам, как вы — по своей квартире. Она просто переродится в новом теле. И все начнется сначала. Я не хотел с вами спорить без толку про добро и зло! Я хотел ее просто прикончить. По-настоящему, навсегда. Потому что вы на это не способны! Вы ведь трясетесь над чистотой ваших душ!.. Что, я ошибся? Вы сами возьметесь за это? Повторяю: ваш способ не годится. Считайте, что этим просто позволяете ей выпустить демонов чуть позже. Через десять лет, пятьдесят, сто. В чем больше зла, по-вашему? В одной демонице, которую тут же назовут по имени, — или в семи Архидемонах на службе у кого-то?

Отец Умберто тяжело замолчал... потом сделал рукой почти незаметный знак. Тадеуш снова ничего не успел сделать. Он получил короткий удар под плохо зажившее ребро. Болевой шок выбросил его из реальности на время, достаточное, чтобы надеть наручники и прикрепить их к кольцу в потолке.

— Святой отец!!! — крикнул Тадеуш, — Как вы можете! Вы сами мне говорили, что нельзя бороться злом против зла! Она, Эльза, навсегда исчезнет, так?! Даже Бог так не карает! Кто дал вам такие права?!

— Быть может, гореть в аду придется и мне, — медленно произнес Бенини, — Но Господь наш сказал: кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Него, тот сбережет ее. Отто поведал мне то, чего я не знал. То, что действительно меняет дело. Но он не прав в одном: я не трясусь над своей душой. Я — меч Господень, покорный воле Его. Ради Господа нашего Иисуса я сделаю то, о чем он говорит. Пусть это будет Божий суд! Воистину во мне нет жажды ее смерти. Пусть Господь отведет мою руку, занесенную над ней, если на то будет Его воля!

— Но мой медальон вы осуждали, когда он защищал подпольщиков! А теперь сами хотите его использовать! В чем разница?!

— В нас с тобой, сын мой. Тобою движут страсти. Хватит, спорить бесполезно. Мы постараемся не причинить вреда тебе, обещаю.

... Машина вернулась к дому, где расположилась экспедиция. К удивлению Отто, там обнаружилось двое перебинтованных эсэсовцев, которые напали на Тадеуша. Отец Умберто пожал плечами:

— Мы руководствуемся милосердием. Сейчас они — просто раненые. Мы возьмем их с собой: они могут быть полезны. Надеюсь, вы подтвердите им вслух, что отменили свой приказ насчет господина Ковалевского.

Так состав их отряда стал еще более фантастическим.

На следующий день крестоносцы направились в Мосул. Отто предоставили свободу; Тадеуша держали связанным и под охраной. Его везли навстречу Эльзе. Когда они встретят

ее, этот медальон ее убьет, защищая его. И тогда отец Умберто назовет ее имя.

* * *

Путь крестоносцев лежал в Шейх-Ади, столицу езидов, — но экспедиция остановилась в Мосуле. Дальше людям Бенини и Отто предстояла тонкая работа. Прежде всего, нужно было выяснить о езидах побольше, чтобы понять, как вообще Эльза собирается осуществлять свой план. Она все еще не двинулась в путь, оставаясь в Дели. Там она собирала сверхмощные ловушки для Архидемонов, но не посвятила никого из своих подельников в подробности их использования.

Им удалось выяснить немного. У езидов существовал какой-то темный и тайный культ, но он был слишком закрытым, чтобы туда внедриться. Ходили слухи о жертвоприношениях дьяволу где-то под землей, под двумя саркофагами, помещенными в двурогой Башне. Бенини заключил: если культ Башен держится на них, то, вероятно, они так или иначе понадобятся и Эльзе. Учитывая все это, отец Умберто и Отто решили подготовить здешнюю почву так, чтобы максимально сократить ей пространство для маневра.

То, что местные христиане и мусульмане езидов ненавидят, узнать было куда проще. Англичане, оккупировав Ирак, силой военного присутствия умиротворили местные страсти и оградили этих дьяволопоклонников от нападений. Это легло еще одним камнем на весы недовольства колонизаторами...

Ну что ж, — решили Бенини и Отто Штальберг, — когда Эльза явится сюда, здесь все должно кипеть как в котле. Нужно было понять мусульман, чтобы расшевелить англичан, — а те уж постараются взять под контроль все, до чего дотянутся, в том числе и езидский храм.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ, в которой происходит развязка

Две недели работы остались позади. Эльза и ее спутники покинули Дели, загрузив на борт дисколета массивные ловушки, монтажные механизмы и целую грудку вспомогательных приборов. Теперь среди них было целых семь Контракторов, — и только Эльза знала, что их Пирамиду возглавляет Мартин Фогель, связанный с нею вторым ее Контрактом. Эта связь, подкрепленная теперь силой Алтаря, была ключом к ее плану...

Марш-бросок экспедиции был скор. Технологию установки ловушек отработали еще в Дели; дальше оставалось только действовать — и они действовали.

...К Седьмой Башне Эльза отправилась одна. Дисколет сопровождал ее, бесшумно идя в сотне метров над землей. Никакие Сети и прочие тибетские чары не остановили ее — Седьмого Верховного Хранителя. Преодолев узкую расселину, круто уходящую вверх, Эльза оказалась на крохотной площадке в скальном колодце.

Башня росла прямо из скалы. Изъеденная по низу, будто проказой, кривая и скрученная, кверху она переходила в идеальный граненый белоснежный шпиль. Эльзу встретили ликованием: немногочисленные люди Круга высыпали на площадку, будто из-под земли. Они знали: только Хранитель мог явиться сюда, как законный хозяин!

Но радость их была недолгой. Она молча дала отмашку, — и сверху пал ослепительный белый луч. Вскипая и гудя, он обвел площадку электрическим кольцом, не задев лишь Эльзу... Она смотрела на их гибель, — и в ее памяти всплывало зрелище другой расправы, которой давным-давно был свидетелем Сэнгэ.

Дисколет медленно спустился вниз меж скал и встал на площадку, будто специально для него приготовленную. Ловушку в разобранном виде выгрузили на передвижную платформу и доставили к Алтарю, — туда, в темноту, уходили ступени. Следом внесли и вкатили все остальное: генераторы, осветительные приборы, охладители...

Единственным источником света в Башне служила верхушка белого конуса шпиля. В нее был врезан граненый шар — кристалл горного хрусталя, а свет концентрировался и падал вниз через систему хрустальных линз и металлических зеркал. ЗамОк, что сдерживал Заточенного, оказался белой мраморной плитой — Жертвенником с вырезанным знаком Печати. Плита была переброшена с краю на край через расселину, dna которой не было видно. По мраморной ее поверхности змеились трещины. Над ней на пяти высоких столбах вертикально стоял саркофаг. Там должна была бы сейчас находиться Эльза, введенная в сверхъестественное состояние Верховного Хранителя. Но вместо нее там находился шуплый человечек, который Эльзе виделся скоплением прорех в структуре мира. Это была слабая и временная замена Верховного Хранителя — все, что смог сделать Круг, чтобы все еще держать закрытым ЗамОк Башни. А внизу, под плитой, далеко и глубоко завязывались чудовищные механические узлы — но Эльза, как ни вглядывалась, не могла увидеть, куда они тянутся. Механизм не был в покое: он будто пытался завестись, на холостом ходу раз за разом прокручиваясь и откатываясь назад.

Члены экспедиции работали слаженно. Почему-то все двигались и говорили тихо, будто боялись разбудить то, что спало внизу. Эльза усмехнулась про себя: это было так по-человечески с их стороны. Огромную пентаграмму ловушки смонтировали над плитой Жертвенника, стараясь не обвалить ее раньше времени; затем включили генераторы,

запустили охлаждающий контур, постепенно наращивая напряжение до максимума... Все действовало идеально.

Эльза взяла пару шлемов новой конструкции. Один она надела на голову себе, а другой — Хранителю, устремившему слепой взгляд на что-то невидимое. Оба шлема были подключены к устройству, включавшему в себя усилитель. Нечто подобное она использовала много раз, — но впервые ей пришлось затратить такое громадное количество энергии. Она включила шлемы и сконцентрировалась, призывая демонов и отдавая им приказ: ДАЙТЕ ЕМУ УЗРЕТЬ СТРАНУ ГНЕВНЫХ БОЖЕСТВ!

Десять секунд — и Кристалл Хранителя лопнул, взорвавшись вовне и внутрь бешеным клубком механических узлов и шестеренок. Плита разошлась трещинами, проседая, обваливаясь вниз... Эльзу обожгло болью: черные узоры на ее руках вьедались в плоть, как химический реагент. Под ногами загудело: казалось, весь мир содрогнулся. Неведомый подземный механизм пришел в движение, будто спущенный с тормоза. Эльза видела теперь ясно, как рванулось вверх и забилося под вольтовой дугой ловушки то, что называли Седьмым Демоном; она слышала свист и вой железных пустырей, который теперь неистребимо вплеся в звуки мира. Демона растянуло и распяло в ловушке, как он ни рвался.

Эльза шагнула вперед, раскрыла Книгу и подключилась к ловушке через шлем.

— Приветствуем тебя, Седьмой из Высочайших. Мне известно, что ты знаешь, кто я. Мы опасны друг для друга сейчас, — но мы можем быть и полезны друг другу. Ты получишь существование, достойное тебя. Заключи же Договор с этим человеком — и проверни Колесо Вселенной!

И будущий Контрактер Седьмого из Заточенных — тоже в шлеме — подключился к ловушке. Напряжение сбросили, чтобы можно было заключить Контракт. Эльза стояла рядом, пока Контрактер принимал Знаки на лоб, запястья и стопы. На ее глазах он стал мощнейшим магом, и воздействие его Контракта вплеся в структуру физических законов дальше, чем Эльза могла видеть. Остальные участники экспедиции тоже глядели во все глаза: ведь на них были «особые» очки! От восторга и ужаса люди почти не дышали...

Спустя два часа и двенадцать минут экспедиция с Седьмым Хранителем во главе оставила за спиной оскверненную Башню.

...Покинув тибетские предгорья, дисколет вошел в воздушное пространство Советского Союза. Неизвестно, успели ли их заметить, но им никто не помешал. Скорость дисколета была невообразима для возможностей любого перехвата. Эффект был вызван не особенностями конструкции, а, скорее, разницей пространственных условий, в которых существовали дисколеты и прозаическая земная техника. Отто Хабермоль, проектируя аппарат, исходил из концепции полый земли, и с его точки зрения расстояния были куда меньше, чем принято было считать в официальной научной среде. Для него тарелка сейчас пересекала по хорде пространство полый сферы диаметром всего лишь шесть тысяч километров.

...Шесть из семи Кругов Хранителей пали один за другим. Шесть из семи Башен перешли под контроль экспедиции «Аненербе» в течение суток с лишним. Привалов не делали: Эльза спешила. Она ни на секунду не забывала об Отто Штальберге.

Удар настиг ее у Первой Башни.

Башня эта была единственной, что располагалась не в глуши, а рядом с людским жильем. Вернее, и при остальных Шести встречались люди, но то были малочисленные племена и секты, связанные с Культom Хранителей; часто они даже не обитали постоянно в одном месте. А тут, вблизи местности Лалеш, жизнь кипела издревле. Кроме упомянутых езидов, в окрестностях обитало множество других народов. Практически рядом был крупный город Мосул.

И надо же было такому случиться, что за несколько дней до прибытия экспедиции страсти захлестнули здесь разом столько голов! Никто не знал теперь точно, как все началось. Ходило несколько версий, но они сводились к тому, что езиды совершили в отношении мусульман некое кощунство, ничем не смываемое. Кто-то говорил о соблазненной дочери имама, кто-то — об оскверненной мечети, где нашли павлиньи статуэтки... Как бы то ни было, мусульман в отношении расправы над езидами сейчас сдерживали только английские войска, стянутые в район Лалеш. Англичане получили несколько подтверждений готовящегося пронацистского переворота, и для них конфликт имел отнюдь не религиозное значение. Они опасались, что волнения будут использованы для переворота, чтобы вышвырнуть отсюда колонизаторов. Уже давно раздавались гневные голоса, говорившие, что англичане сами служат шайтану, раз охраняют его слуг.

Английские военные взяли под охрану Шейх Ади и Башню со всеми подступами к ней. Они прикладывали все силы к тому, чтобы не допустить сейчас крови, пока морем к ним не прибудет подкрепление. Караул стоял даже во дворе Башни, перед бассейном с черными змеями; по десятку вооруженных часовых несло вахту у каждой из гробниц.

Эльза мысленно кивнула, узнавая почерк. У нее было мало сомнений в том, чьими стараниями они оказались отрезаны от саркофагов с Верховными Хранителями Первой Башни. Отто сделал ход.

* * *

Дисколет приземлился на выжженном плоскогорье в нескольких километрах от места. В Мосул послали пару человек на разведку: с их Контрактами это не было проблемой. Вернулись они с неутешительными вестями. Ко всему вышесказанному выходило, что англичане подозревают в провокации именно происки Райха с целью выбить их из Ирака. Вроде бы, оказались замешаны какие-то эсэсовцы...

— Не то, чтобы это было неожиданно, — сказал Кёрнер, падая в кресло за пультом связи, — Такие планы в Райхе ходили давно. Но как же не вовремя, демоны их побери! Они в Берлине с ума посходили! Операция сверхприоритетного значения идет псу под хвост! Сейчас, конечно, они там переключают ответственность друг на друга и не могут найти, кто отдал приказ начинать переворот. Бардак! Говорят, что местные сами додумались! Посол все отрицает! Секунду, баронесса... — и он переключился на разговор, водрузив на голову огромные наушники.

...Так прошло полдня. К вечеру пришлось подняться в воздух, чтобы не быть замеченными. Напряжение конфликта и не думало спадать. Похоже было, что это надолго. Кернер отвел ее в сторону, сказал очень тихо:

— Баронесса, сейчас бесполезно стремиться к саркофагам. Я должен вам передать...

Берлин приказал сворачивать экспедицию и возвращаться.

— Герр Кернер, но мы в двух шагах от победы. Неужели Первый из Архидемонов — недостаточно большая ставка, чтобы рискнуть? Между прочим, его Контрактером должны стать вы!

— И что вы предлагаете? Кругом полно англичан.

— Я предлагаю действовать силой, — пожалала она плечами, — Не мне вам говорить, что будь там хоть втрое больше англичан, «Молот Тора» от них бы следа не оставил. Потери и огласка не имеют значения. Когда Первая Башня станет нашей, мы сумеем нейтрализовать любого, кому это не понравится.

— Госпожа баронесса, нет. Простите. Я на службе. Прямой приказ Берлина: не нарушать секретность и не провоцировать сейчас международный скандал. Политическая обстановка на волоске, но Райх еще не готов все спустить с тормозов... А мы рискуем обрушить лавину. Наша тарелка быстра, но ее видели в нескольких местах. Пока это не накладывалось на политику, можно было считать, что местные спишут все на байки об Альфе Центавра и чем-то подобном. Но сейчас Англия может и разглядеть, что на дисколете — наши кресты. Не стоит быть жадными, баронесса. Шесть Архидемонов — этого вполне достаточно для нашей победы.

Эльза досадливо скривилась:

— Странно, что вы не нарисовали на дисколете свои портреты в полный рост и послужной список... — и резко обернулась.

В дверях стояла Лотта Леманн со своей вечной блаженной улыбочкой. Руками она ухватилась за цепь от шпаги, повисла на ней и покачивалась, откинувшись назад, будто ее тащило к Эльзе.

— Ах, баронесса Эльза! — Лотта это почти пропела, — Верно ли я слышу? Экспедиция завершена, ха-ха! Это так чудесно. Наконец-то, я смогу прокатить вас по-настоящему, как собиралась! Только нужно еще немного набрать высоту!.. Жаль, даже добрым друзьям приходится расставаться. Но я найду вас, ах, я обязательно вас найду в вашей следующей жизни!

— Герр Кернер, — произнесла Эльза ледяным тоном, — прошу вас попросить нашу общую знакомую утихомириться. С чего вы взяли, что наше дело безнадежно? Вы не дослушали меня до конца. Есть и другие способы, кроме лобовой атаки на англичан, — если, конечно, вашей настоящей целью не является моя смерть от рук этой особы.

— Прекратить немедленно! — рявкнул Кернер на Лотту, — Вам было сказано: об окончании экспедиции вам сообщат лично! Нечего встречать!

— Фи! Как невежливо, как грубо... Что ж, придется еще немного поскучать. Но вы не слишком скучайте, баронесса! Скоро увидимся.

И, подмигнув Эльзе, он вышла.

Кернер перевел дух:

— Сумасшедшая бестия... Так что за способ, баронесса?

— Между делом я выкраивала минутку, чтобы читать книги, что попали нам в руки в тех шести Башнях, — невозмутимо продолжила Эльза, — Так вот: в одной из них сказано, что под святилищем Лалеш есть пещера. Езиды зовут ее Зем-Зем. Судя по всему, здесь, как и в прочих Башнях, ЗамОк, что сдерживает Заточенного, находится под саркофагами Хранителей. Только тут саркофаг — над земной поверхностью, а сам ЗамОк — в этой пещере, и пять белых столбов соединяют их сквозь толщу земли. Еще под землей есть ручей,

он называется Канья Спи — Белый Источник. Он находится не здесь, но в пещеру от него ведет подземная река. Имеет смысл проверить, так ли все это. Там, в книге, подробно описано это подземное русло. Туда должно быть возможно попасть. Мы спустимся вниз по течению до пещеры, транспортируя оборудование на передвижной платформе. Думаю, когда мы появимся с черного входа, англичане так удивятся, что забудут сторожить саркофаги. Никакого нарушения секретности. Мало ли, что может выйти из этих пещер, не так ли? В конце концов, некоторые считают, что в них спит сам Сатана.

Кернер усмехнулся, коротко кивнул Эльзе:

— И пусть не говорят больше, что у нас в Германии нет чувства юмора.

...Дисколет пошел в каком-нибудь десятке метров от земной поверхности. Он скользил на восток, отслеживая под землей путь реки с помощью своих систем наблюдения. Серебристый диск оставил позади невысокую гряду холмов, немного спустился, вновь замер... А потом ударил из пушки, мощным белым лучом словно проткнув скальную твердь, — и опустился на землю прямо над проплавленным отверстием.

Из люка в штольню спустили на самоходной платформе троих человек, считая Эльзу. Двое ее спутников, конечно же, были Контрактерами, — ирминист Кернер и молодой Франц Залланд. У последнего Контрактов было уже два: он владел силой Вриль со дня памятного посещения Эльзой Вевельсбурга, и был вдобавок мастером стихий по Договору с Третьим из Заточенных. Большому количеству людей под землей было не развернуться. Потом вниз стали опускать ловушку, батареи и прочее спецоборудование. Участок русла, где они оказались, находился примерно на середине подземного пути от Белого Источника до пещеры.

Там было узко и тесно. Путь к пещере под саркофагами занял больше двух часов. Они шли порой по пояс в воде, расширяя русло лучевыми пушками, чтобы платформа на высоких колесах могла пройти. Все были на пределе, но нервное возбуждение держало людей на ногах. Эльзе пришлось принять ударную дозу стимулятора. Хотя сердце ее опасно прыгало, это позволило хотя бы отчасти преодолеть последствия стремительного физического разрушения, ухудшавшего все ее способности. У нее была собственная причина торопиться; она опасалась просто не дожить до ближайшего будущего. Но они спешили все: мало ли, что могло случиться даже за час в такой обстановке? Они рисковали навсегда потерять возможность попасть к ЗамкУ.

* * *

На месте их ждал буквально оглушительный сюрприз.

Взрывы грохнули одновременно впереди и сзади. Путь назад завалило, путь вперед — тоже. Залитая мелкой водой пещера раньше сворачивала направо и каскадами понижалась к провалу, где вода бесшумно падала вниз. Прямо над провалом, опираясь на другую его сторону, словно зависла белая мраморная плита с Печатью: ЗамОк; но теперь потолок и стены рухнули, заполнив камнями путь к повороту. Пещеру затягивал дым, а вода стремительно прибывала. Наверх, в Башню уходила узкая каменная лестница с истертыми за века скользкими ступенями.

Оттуда ударил пулемет.

За секунду до этого Залланд ступил вперед и бросил в воздух железные шарики, которые

не упали, а так и зависли вокруг. Пули бессильно осыпались перед ними в воду; вода тут же стала обтекать всю эту область по обе стороны, поднимаясь вокруг нее стеной, как вдоль невидимого стекла. Прожектор экспедиции ярко осветил лестницу. Залланд бросил новую пригоршню шариков — уже для атаки. Удар невидимой волны — и пулемет смолк.

Сверху крикнули:

— Стоять, именем Короля!

И в это время на лестнице показались люди. Эльза увидела их чуть раньше прочих. Эти выглядели так же, как все, что она не могла познать — как область большего или меньшего отсутствия структуры. «Инквизиторы», догадалась она... Но конечно, не поэтому она дала своим союзникам знак не стрелять. Нет, — на одном человеке, что спускался впереди всех и выглядел как обычно, она разглядела свой медальон! Отто Штальберг толкал перед собой Тадеуша, а сам шел следом за ним. На шее Отто висел католический крест. Он выстрелил Тадеушу в спину, и Эльзу тряхнуло.

— Здравствуйте, фройляйн фон Лейденбергер. Сами будете в нас стрелять или оставите мне честь мести за барона? — Отто опять выстрелил.

— Герр Штальберг, скажу одно... ваш новый кружок хуже всех предыдущих.

Ей поставили шах, а впереди был мат. Беспроигрышный вариант сложился для Ватикана: сейчас она потеряет Кристалл, и ее тут же развеют в пыль, произнеся ее имя. Отто стрелял методично, выстрел за выстрелом каждую секунду, уничтожая Кристалл Эльзы. У нее подкосились ноги, она впилась ногтями в рубашку, будто та ее жгла.

Кернер, увидев неладное, подхватил Эльзу под руку и развернулся скомандовать, чтобы Контрактеры экспедиции снесли всех стоящих на лестнице, не разбираясь.

— Нет! — заорала Эльза, — Нет, Кернер!!! Вы его убьете! Вы убьете меня!! — она дотянулась, схватила его за грудки.

Она выжимала из ситуации хотя бы шанс для Тадеуша, раз у нее самой шанса не было. Да, она сейчас исчезнет, но нужно было продержаться до этого момента без перестрелки. Так у него появится возможность бежать, — хотя бы пара секунд между тем, как назовут ее имя, и тем, как Контрактеры врежут ватиканцам по-настоящему. Когда она «сгорит», больше никому не будет смысла прикрываться ее другом. Его должны отпустить! Он должен вырваться. Он ведь ловкий!..

С трудом она вывернула голову, чтобы увидеть Тадеуша и беззвучно сказать: БЕГИ. Она встретила с ним глазами...

...И сначала не поверила себе. Но это была правда: в четвертый раз она увидела, что их обмен снова действителен. По линии их взгляда структура Закона рухнула. Шпага его Проклятия в груди ее рассыпалась в пыль, и на ее месте она ощутила тепло. Это было немного похоже на счастье, хоть Эльза и знала, что это всего лишь самокомпенсация замкнутой системы при заданной скорости деградации. Лотта Леманн, связанная с Эльзой, «сгорела», — это был энергетический провал, «минус». А сейчас «минус» уравнился «плюсом». Тадеуш снова был ее «другом» — причем на сей раз «плюс» оказался настолько сильным, что превзошел возможности ее зрения. Тадеуш тоже выглядел сейчас как разрыв во вселенском механизме.

Эльза тихо засмеялась, оттолкнула Кернера и выбежала вперед:

— Это уже бесполезно, герр Штальберг. Отпустите его! Работающий медальон защищает теперь меня. В меня можете стрелять, сколько хотите.

Отто, конечно же, выстрелил в нее немедленно: проверил ее слова на опыте. Без толку:

пули упали в воду перед невидимым барьером А Тадеуш получил полсекунды, чтобы развернуться и как следует ударить его в челюсть. И тот попался: он ни разу еще не видел, насколько быстрым может быть Тадеуш. Быстрее был только рунистер-Колесничий, но это достигалось чарами. Отто слетел с лестницы в воду, Тадеуш спрыгнул следом, и она потеряла его из виду среди ватиканцев.

Но задерживаться Эльза и ее спутники не стали.

— Герр Залланд, употребите ваши силы на защиту, — сказала она, — Они нам еще пригодятся.

Шарики выстроились в воздухе в ровную решетку; этот барьер не взять было ни освященным пулям, ни гранатам, которые в него тут же полетели.

Из-за барьера донесся старческий голос:

— Отто, Тадеуш, довольно! Нашли время драться!

Отто огрызнулся:

— Вы рано сдались! Лучше бы помогли мне! Если приставить ему пистолет к виску, она все равно остановится.

— Достаточно, я сказал! Я позволил тебе стрелять в Тадеуша, отдав решение на суд Господа. Но он дал ей уйти. Я понял его ответ.

Хорошо, подумала Эльза: по крайней мере, его оставят в покое. Но, что и говорить, встреча осложнила ситуацию! Нужно было попасть к саркофагам Верховных Хранителей, а путь вверх по узкой лестнице для Эльзы был теперь закрыт. Отто, верный обычаю вступать во все «кружки», видимо, спелся и с англичанами, которые впустили сюда ватиканцев. Это значило, что выбираться здесь теперь пришлось бы с серьезным боем, и Тадеуш оказался бы как раз меж двух огней без защиты медальона... Она усмехнулась: поступать иначе она уже физически не могла.

Но отступать нечего было и думать. Дисколет Лотты Леманн парил сейчас в нескольких сотнях метров над Башней, и только того и ждал. Пусть с Эльзой двое Контрактеров, а у нее самой есть гиперболоид, но против Лотты им не выстоять. Ни Алтарь, ни Контракты Семерых еще не приняли достаточное количество жертв; Лотта же только тем и занималась, что вкачивала силу в свой Контракт, а «Молот Тора», вдобавок. был ее Жертвенным Оружием...

Что ж, значит — вперед! Они решат задачу другим способом.

Эльза подбежала к завалу, зажала в руке медальон:

— ЖЕЛАЮ, ЧТОБЫ ВСЕ, ЧТО ЗДЕСЬ БЫЛО РАЗРУШЕНО, ВОССТАНОВИЛОСЬ!

Камни пришли в движение: вновь воздвиглись стены и потолок. Эльза с беспокойством увидела, как новая механическая структура разрослась внутри нее: пустых мест почти не осталось, а это значило, что Кристалл ее на исходе... Но отвлекать Залланда на это было рискованно.

Вода ринулась вперед, и спутники Эльзы крепче вцепилась в платформу с оборудованием, чтобы их не смыло. Путь был открыт. Платформа двинулась дальше под защитой барьера.

— Конспирироваться поздно, — сказала она Кернеру, — Будем прорываться, но не здесь. Герр Залланд, извольте обрушить потолок за нами, как было.

Тот резко расширил психокинетическое поле вокруг них — и новый каменный завал вырос, отрезая их от преследователей. Вода вновь иссякла. Эльза глянула вверх:

— Нда, в прошлом строили на совесть... Однако, пробить его придется. Идемте; там, за

поворотом справа, должно быть пресловутое египетское святилище. Там и выберемся наверх, на радость нашим английским друзьям. Главное — не задеть саркофаги. А сейчас займемся ловушкой.

...Она смотрела, с каким воодушевлением ее спутники рвутся к последней цели. С помощью небольшой лебедки они монтировали огромную стальную пентаграмму, подключали генераторы и охладители, проверяли работу устройств... Эльза вспомнила, как Кернер уверял ее, что конечная цель Райха похожа на ее собственную. Не зная полностью ее плана, они тоже грезили Золотым веком, — и сколько иронии будет в способе, которым они его получают! Но выбор для нее не стоял: или ее план, или их, бесполезный перед лицом физики.

— Готово, — сказал Кернер, включая ловушку и надевая шлем. Вот-вот он должен был стать Контрактером Первого из Архидемонов.

— Отлично, — сказала Эльза, — а теперь вместе, герр Залланд!

Она подняла гиперолоид, взрезая лучом потолок чуть дальше места, где они стояли; Залланд перестроил шарики в своей сфере и вновь резко увеличил ее, обрушивая удар на потолок, — туда, где наметилась слабина. Эльза смотрела: еще три-четыре удара — и многометровая толща рухнет, и тогда...

— А, стервец!.. — прорычал вдруг Залланд.

Она опустила глаза...

Видимо, Тадеуш прыгнул откуда-то сверху: сфера Залланда помешала точно увидеть, откуда. Ее друг, талантливый археолог, слишком быстро раскрыл местные тайные ходы! Он по-прежнему находился в «локальном энергетическом максимуме»: его сущность была недоступна вычислению.

— Эльзааааа! Стой!!!

Она не успела помешать: Залланд ударил... но сфера, прогнувшись, лопнула там, где был Тадеуш; того все же отбросило, ударив о стену, железные шарики раскатились по полу. Контрактер, крикнув, стянул к себе поле, собирая его для нового удара... А Тадеуш был уже метрах в трех. Кернер тем временем сорвал крепления шлема, сделал пасс...

— Не убивать!!! — рявкнула Эльза; на телах, да и вокруг обоих Контрактеров кровью проступили знаки: Мартин Фогель взял под контроль свою Пирамиду.

И тут она увидела нечто, что стоило бы заметить раньше. Прямо над ней, в верхнем храме Башни, англичане бежали на гул подземных ударов. Но гораздо хуже было другое: оба Хранителя проваливались в «энергетическую яму», и их тела на глазах прорастали механизмом Закона... Проклятие! Как местный Круг мог это допустить? Она взгляделась: по мрамору Замка расплзались тонкие, еле заметные трещины.

Кернер и Залланд приготовились оттеснить Тадеуша к стене, но тот вдруг вскинул руку и поднял к своему виску пистолет.

— Я не думаю, что тебя это остановит, Эльза. Я просто говорю: только через мой труп. Шевельнешься — выстрелю.

Эльза замерла. О, она прекрасно знала: он не шутит.

Шах...

— Стоять!!! — приказала она Контрактерам; те застыли, как шли. — Вижу, идея Отто пришлась тебе по вкусу, Тадеуш.

— В отличие от него, я приставляю пистолет не к чужой голове!

— Но с тем же результатом, друг мой! И чего же ты хочешь?

— Я думаю, догадаться несложно! Во-первых, езидам придется прекратить их черные практики: мы застали их за попыткой принести в жертву людей! Ватиканцы отца Умберто поймали их жрецов, и их судьбу будут решать местные власти. Во-вторых, все твои планы на эту Башню придется свернуть. Сейчас медленно... повернись... поднимись к этой вашей штуке и отключи ее!.. А в-третьих, потом мы будем драться: ты и я! Я вызываю тебя!!

Эльза смотрела на него... В голове ее вдруг яростно полыхнуло: к черту! Пусть стреляется! Она шагнет через эту фальшивку — и тогда сделает, чтобы было возможно нечто настоящее! Остановиться сейчас — значит, предать саму дружбу... Да, она понимала с абсолютной ясностью: ее Кристалл разлетится вдребезги сразу после этого. Ее сильнейшая догма ее убьет. Но тогда черт с нею и самой! Она «сожжет» себя, снова переступив через Тадеуша, и продолжит идти вперед — удалось ведь такое Колесничему! Ее рельсы проложены надежно. Она подчинит Первого, она расправится с Лоттой, она запустит «Катапульта», она воздвигнет сияющий мир ценой жертвоприношения...

...Да, но что ей будет с того? Она будто с размаху налетела на преграду: не этот мир был ее окончательной целью! Целью была Наука, ведущая за пределы всех систем... но она не сможет, не сможет завершить свое дело! Это задача не для демоницы, которой она станет, и с этим не сделать ничего. Даже если «Катапульта» сработает, падение Вселенной продолжится лишь с более высокой точки!.. Найдется ли в будущем Золотом мире ли кто-то, кто доведет до завершения ее Науку? Или, как и в прошлый раз, они будут беспечно пировать, пока Солнце будет стоять высоко? Нет, бесполезно даже думать об этом...

«Пат... — подумала она, — Пат и мат. Поражение. Поражение. Поражение... Или...?»

Она даже улыбнулась. Тадеуш оказался хуже сотни англичан и ватиканцев вместе взятых: с теми она разобралась бы играючи. Что ж, демоны и дьяволы!! Да, она проиграет, — но так, как пристало баронессе! Не будет того, к чему она шла, не жалея ни себя, ни других — но не будет и никакой дурацкой дуэли, и прочих унылых глупостей! Танец закончится иначе, осталось последнее па — но оно останется за ней!..

— Ладно! Твоя взяла, Тадеуш.

Эльза развернулась и шагнула на ступени, ведущие к Замку. Тадеуш следил за каждым ее шагом, и не мог понять, почему нарастает в нем тревога. Ведь он успел! Он остановил ее! Почему же он предчувствовал нечто непоправимое, что случится вот-вот?

— Ну! — поторопил он ее, — Выключай машину, Эльза! Это ведь ловушка? Твоих демонов тебе стало мало для твоих дел?

— Своевременный вопрос! — фыркнула она, — Ты думаешь, мне они были нужны, чтобы приносить по утрам тапочки? Это был мой способ вернуть Золотой Век, где было место богам, героям и чудесам... А теперь слушай меня! — голос ее звенел, — То, что начато, уже не остановить. Вселенная катится к тепловой смерти быстрее, чем раньше. Шесть Великих Контрактов заключено, и скоро их наполнит жертвенная кровь. Все, кто прельстился силой демонов, будут строить Пирамиду. Они должны были быть уничтожены, все! — и тогда Солнце вспыхнуло бы с новой силой над миром!! Я бы сделала это, ты — нет. Но все же... Подожди, не стреляй, я лишь хочу тебе отдать... — она сняла с плеча и бросила ему тяжелую сумку, которую он подхватил свободной рукой, — Как знать, не вспомнишь ли ты мои слова, когда увидишь ад? Там, в сумке, Книги! Там записаны истинные имена демонов! Для них смертельно их слышать, и они этого боятся больше всего на свете! С помощью этих Книг можно заставить их «сжечь» всех, кто им подвластен, и потом уничтожить их самих. Ты археолог, ты сумеешь прочесть. Может быть, тогда мою Науку

даже построишь вместо меня — ты?

— Черт!!! Это что, твоя адская «Катапульта»?!

— Угадал, друг мой! Только теперь это ТВОЯ адская «Катапульта»! Дарю! Сейчас ты держишь в руках весь мир, — улыбка ее стала веселой, — Поступай с ним, как знаешь!

— Не шевелись!!! Что ты еще задумала?

— Не волнуйся, я не буду шевелиться. Видишь ли, езиды своими кровавыми обрядами держали то, что заперто там, внизу, — пока не вмешались вы, дорогие поборники добра. Я всегда говорила, что невежество погубит мир... Понимаю, что убедить тебя сейчас в необходимости невинных жертв — невыполнимая задача... да и слишком поздно. Но если я отключу ловушку, Первый из Высочайших просто вырвется на волю — и не оставит вам даже шанса, что бы ты ни решил. Поэтому... у тебя есть еще три минуты, пока эти двое будут стоять, как куклы... и... прощай, Тадеуш! — улыбнулась она шире.

Да! — Хранитель Седьмой Башни отречется от Кристалла и «сгорит» на Жертвеннике Первой! Это — то, что ей осталось сделать. Никто не остановит ее, ведь она — не чета простым людям, намертво привязанным к своему телу. Она мгновенно уйдет туда, на ржавые пустыри Той Стороны — и лишь пустая оболочка останется здесь. Но ловушки удержат тех, кто внутри, пока она — закон их работы. Ее игра продолжится, пусть и без нее! Так должно быть — если она хоть сколько-то знает Тадеуша!..

Предчувствие бездны потрясло и захватило ее: она «провалилась» сознанием в Бардо, запрокинулась, рванув себя изнутри... Мировая машина ринулась ей в грудь, до конца заполняя место, где был Кристалл, — и любая боль была ничем по сравнению с этим.

Слабые живые искры, что разлетелись от взрыва, вернулись во вращение великого Колеса, канули в Сансару, чтобы дать жизнь неведомым низшим существам, — а она стремительно падала, с лязгом и грохотом катилась по наклонной куда-то вниз и влево, отброшенная от границы земной реальности направленным взрывом своего последнего стремления. И тут цепь Контракта натянулась и дернулась! Это Сэнгэ, ее демон, в падении исхитрился освободить одну из конечностей, которые она когда-то обездвигила железными штырями после схватки у Двенадцатых Врат. Должно быть, штырь выбило взрывной волной, — и демон ухватился за цепь, силясь уничтожить «сгоревшего» Контрактера:

— Давно я ждал этого момента! ЭТО ТЕБЕ ЗА КОЛЕСНИЦУ!!! Исчезни, Эль...! Эль.. Проклятые штыри, не дают сказать!!! Что ж, тогда...

Она развернулась, перехватывая цепь — но демон успел затормозить их совместное падение, оттолкнувшись и броситься ей навстречу. С бешеной силой он швырнул ее назад, вонзил ей в грудь свою механическую клешню, срастаясь с ней в единый механизм так, чтобы было не вырвать:

— Я — ЭТО ТЫ, ха-ха-ха!! Я заберу тебя с собой!!!

* * *

Она упала коленом на мраморную плиту. Проклятый Сэнгэ! Она не могла пошевелиться, она не могла уйти! Ее выбросило обратно из страны посмертия! Она осталась здесь, в подземной пещере! Над ней замыкались в купол вольтовы дуги ловушки. Плита, и без того растрескавшаяся, быстро и опасно проседала. Там, наверху, в саркофагах, двое Хранителей тоже «сгорели», когда рухнул ЗамОк. Первый из Высочайших Демонов был

свободен.

... Тадеуш рванулся и прыгнул, как никогда в жизни. Он больше не думал ни о чем, — он просто прыгнул изо всех сил, чтобы успеть схватить ее руку! И когда плита обрушилась, и обломки мрамора сверзились в провал, увлекая за собой Эльзу, он в безнадежном усилии чиркнул рукой по воздуху, и закричал, что было мочи:

— ЭЛЬЗАААААААА!!!!!!

Тело Эльзы вспыхнуло в пяти контактных точках. Она летела вниз, распадаясь, как вошедший в атмосферу метеор, пока ее не поглотила темнота — вместе с Сэнгэ, ее демоном, намертво с нею соединенным. А Тадеуш остался на краю. В руке его был медальон с открывающейся крышкой — единственное, что он успел поймать.

Так закончилось дело Эльзы, что пыталась сотворить чудо силой демонов... и вселенское Колесо завершило оборот.

Больше никто не держал ловушки — ведь для этого не осталось ни средств, ни причин. Закон, по которому они действовали, был стерт из мира вместе с Эльзой. А договор с Высшим демоном потерял силу, как только не стало Сэнгэ: Алтарь превратился в холодный камень.

Все семь ловушек отключились, и...

ПОСЛЕСЛОВИЕ, которое, возможно, является двадцать шестой главой

— Святой отец, к вам посетитель.

Умберто Бенини поднял голову от бумаг, кивнул секретарю:

— Просите.

Тот исчез, и через полминуты дверь распахнулась снова. В кабинет вошел мужчина лет сорока; в руке он нес чемодан.

— Доктор Ковалевский! — улыбнулся старик, — Рад видеть тебя, сын мой.

— И я счастлив застать вас в добром здравии, — улыбнулся Тадеуш, протягивая руку.

— Какое там доброе здравие, — проворчал Бенини, — Видно, недолго мне осталось...

Тадеуш внимательно посмотрел на священника — высохшего и согбенного, но так и не сломленного крушением его дела.

— Впрочем, это пустяки, — махнул рукой тот, — То, что я тебя вижу, означает, что ты раскрыл загадку? Почему в ловушках никого не оказалось, когда они отключились?

— Да, — кивнул Тадеуш, — Думаю, да. И я принес вам кое-что для закрытого отдела вашей библиотеки...

— Хорошо, — улыбнулся старый священник, лукаво сверкнув глазами, — А это — тебе, — и он протянул через стол пачку цветастых комиксов.

— Оооо, и вы туда же! Мои студенты мне их дарят на каждый праздник! Считают, что их главный герой списан с меня!

— Ну, не совсем ведь без оснований... — Бенини выхватил из пачки одну книжицу, — Вот, например, выпуск про некое черное святилище...

На обложке был изображен знаменитый археолог в своей неизменной шляпе, на которого направляла диковинное оружие блондинка со злобным лицом, облаченная в черную форму со свастикой на повязке.

— Тьфу, пропасть, — поморщился Тадеуш, — И не похоже совсем... Англичане пересказали на свой лад, не иначе!

— А то, — кивнул святой отец, — раз уж не вышло замуровать нас там, как они хотели. Ведь как было бы удобно! Без нас куда бы проще вышло доказать местным мусульманам, что никаких черных обрядов в Башне не было, и замять конфликт. До сих пор помню, как вы с Отто десять часов разбирали завал, который был по течению вверх. Но, если хочешь знать, это вышло им боком. Я ведь вернулся в Ватикан точь-в-точь к началу войны, и успел приготовить им пару сюрпризов, — старик усмехнулся, — Ладно. Я тебя слушаю.

Тадеуш открыл чемодан, надел матерчатые перчатки и бережно извлек на свет семь разных документов: свитков и книг. А следом выложил на стол деревянную коробочку, где, переложенные калькой, лежали разрозненные тонкие листки.

— Это, как вы понимаете, семь Книг Верховных Хранителей, — указал он на документы, — Но гораздо интереснее вот эти записи... Мне пришлось попотеть, чтобы их прочесть: они были в ужасном состоянии. Видимо, у Эльзы до них так и не дошли руки. Это дневник, который вел ее демон, когда был человеком. Он и проливает свет на наш вопрос... Я прочту его вам, насколько сумел перевести.

Тадеуш достал тетрадь с переводом и стал читать вслух.

* * *

— Вот, начинается с полуслова: «...как теперь найти мне? Знаю, что путь мы держали к башне — я и тот человек. Знаю, что отец отдал меня колдунам, как выкуп... что ж, его воля — закон... Знаю, что шел я словно не по земле в сиянии Высокого Неба, и думал: они не смогут одолеть меня. Но почему я так думал? Я не помню. Ты заступил мне дорогу, о, брат мой — и я забыл все, что знал! Ты спас меня — но зачем? После шел я наугад, и казалось мне, что лучше умереть. Но когда барс прыгнул передо мной, я отбил его первый удар! Я решил жить. Я решил вспомнить, что знал тогда...» — здесь неразборчиво, а дальше: «...если бы не учитель. Он дал мне имя, чтобы сбить судьбу со следа. Неведомой силой победил он барса, и взял меня с собой. Мы пришли в селение, где он по обету строит храм и творит обряд. Он великий человек! Он учен и мудр. У него огромная библиотека, и паломники почитают за честь принести в дар свитки из дальних краев, а также самим причаститься знаний. Я бываю там тоже. Это бесценное счастье — иметь доступ к таким сокровищам. И я читаю все свободное время. Я должен найти что-то о той башне, куда вели меня колдуны. Если я узнаю, чему хотел противостоять — то, возможно, вспомню и способ...»

Тадеуш перевернул страницу:

— «...недель назад попалась книга. Ее написал некий Енох. Я выучил язык с трудом: это был...» — тут пропущено, продолжается через несколько строчек, — «...Там говорилось о падших ангелах, сынах Бога, бравших в жены дочерей человеческих. И первого из них звали Азазель. Бог покарал его, повелев его связать, сделать отверстие в пустыне и опустить его туда. В отношении же других падших ангелов было сказано, что они будут крепко связаны «под холмами земли... пока не свершится последний суд на всю вечность»... Я не придавал тогда значения этому преданию, но ныне встретил другую рукопись, — и она помогла понять значение первой! В книге пророка Даниила я прочел, что кого-то, кого зовут Сатаной, именуют также «богом Башен». Башня! Неужели..? Теперь читаю Талмуд, как посоветовал мне тот странник. И что же? Нашел я, что другим именем этого Сатаны было Азазель! Выходит, падшего ангела, про которого писал Енох, заперли не просто в яме, но в Башне! И в Башнях же заточили остальных, кто...»... тут слишком было испорчено, целых семь листов выпало... но похоже, что он увлеченно перечислял свои открытия.

Продолжается так: «...воистину, книги говорят меж собой, и взаимно раскрывают смысл друг друга! Вот апокрифы Саторнилы, настоятеля секты офиан: речь снова о семи ангелах, что творили мир, и первого из них звали Азаил! Вот иудейское толкование: Азаель... был низвергнут в горах на востоке! Но то, что для них — восток, для нас находится прямо здесь! Я убеждаюсь все сильнее, что к одной из тех Башен вели и меня...»... пропущено... а вот и о христианах: «...у них не говорится напрямую о Башнях, но есть предание о падении Семерых, почти как у Еноха... и Тысячелетнее пророчество, по которому Сатана вырвется из плена в конце времен — и тогда настанет Новая Земля и Новое Небо...»

...Но самое интересное он нашел у мусульман, — продолжал Тадеуш, — «...кажется, я понял. Сегодня узнал я, что у суфиев есть представление о Семи Священных Полюсах. Семь Снова семь! О, как много это может сказать умеющему читать меж строк!.. Вот, зачем

нужны Башни: они поддерживают Полюса в их неизреченной высоте! Меня, как и прочих, должны были принести в жертву там именно для этого! Те, кого принимали за колдунов, на самом деле хранят мир... иначе и быть не может, ведь иначе мой отец ни за что не отдал бы меня им!!!»...

...И дальше, наконец, выводы: «...нет, я не вспомнил то, что забыл тогда — но понял это вновь с помощью разума. Я понял, как увидеть вновь Высокое Небо! Должен ли я сказать об этом учителю? Мысль моя страшна и ослепительна... Сейчас Верхнее и Нижнее пребывают в равновесии, — но нужна лишь жертва, достаточно большая, чтобы навсегда превысить силу Башен! Великая жертва! Тогда без остатка сгорит Нижний Мир... Не это ли называют на западе Новой Землей и Новыми Небесами?

— Проклятие, — не выдержал Бенини, — Какой знакомый ход мысли! И очень... современный, я бы сказал! Применять к Духу законы материи...

— Да... «Ментальная Катапульта». Действительно, похоже. Но слушайте дальше: «...по силам ли мне такой труд? Хватит ли мне для этого духа? Не знаю... Но, по крайней мере, я должен выяснить, где находятся остальные шесть Башен. Я говорю с путешественниками, что посещают наш храм и библиотеку. Я делился с ними своей догадкой... большинство из них в ужасе отшатывалось от меня, но бывали и такие, кто слушали внимательно. От них я узнал о самых страшных из сект, что есть на свете, о самых темных и зловещих культах. Мысль моя проста: то, что должно противостоять Свету, должно быть темнее самой Тьмы. Так я понял, где следует искать! В Сирии, в горной области, где исмаилиты Ага-хана...» — тут пропущено... — «но главное: в Ираке есть народ езидов, которых и христиане, и мусульмане считают дьяволопоклонниками, служащими Сатане. Где и быть на земле Первой из Башен, как не там?»

На этом изыскания Сэнгэ обрываются, потому что начинается то, о чем тибетцы рассказывали Эльзе: «...несчастье! Неужели учитель мой не сможет завершить ритуал? Я не нахожу себе места от мысли, что может быть тому причиной. Я помогал ему в его трудах — и не я ли, его недостойный ученик, навлек на нас обоих проклятие неба? Быть может, в мыслях моих о Башнях утратил я покой сердца — и совершил оплошность в обряде... но знаю я, знаю, что другое гораздо вероятнее! О, Бальжинима, дочь царя!.. Я думаю о ней больше, чем должен, и больше, чем... — снова неразборчиво, — ...без ведома моего учителя. Я, должно быть, гублю его, хотя клялся отдать за него жизнь. Что мне делать теперь? Нет, я должен очистить свое сердце и облечься в лед! Я должен спросить налджорпа, что бывают у нас, как...»

Дальше на листках сохранились лишь отдельные слова, но, думаю, история достаточно ясна.

— Учитель и сам был хорош, — проворчал Бенини.

— Или слишком хороша была царская дочь, — улыбнулся Тадеуш.

— Тоже мне, оправдание!.. Но ладно. Я понял, что эта версия отличается от того, что знала Эльза. Но что из этого следует?

— Мне понадобилось немало времени, чтобы объехать все места, где стоят Башни. Вдобавок я побывал и в Джунгарии, откуда Сэнгэ был родом! То, что я выяснил, поразительно, на мой взгляд!

Во-первых, в родных его краях до сих пор есть предание о том, как местный князь продал собственного сына черным колдунам, чтобы откупиться от них, и о том, к каким бедам привела эта его слабость. То есть, — заметьте! — в этой истории говорится всего

лишь о меркантильном соображении, а не о каком-то великом замысле с жертвоприношением во имя вечности. Я думаю, все остальные интерпретации этой грубой сделки породил сам мальчик, пытаясь придать хоть какой-то смысл тому, что отец его предал.

А во-вторых, с Башнями тоже не все так просто. Шесть из семи построек — не такие уж и древние. По крайней мере, они были возведены заново на прежних основаниях веке в четырнадцатом — начале пятнадцатого. Езидский двуглавый храм из них — самый старый, но... и там, и в прочих шести местах до четырнадцатого века никто слыхом не слыхивал ни о каких Хранителях и ни о каком Культе Башен! Да и о самих Башнях не слышали, в основном... Да, там жили разные народности. Я начал писать о них большую монографию... Да, у них имелись довольно мрачные обряды. Но, представьте себе, они находили им свои собственные объяснения в рамках своих мифов! Я хочу сказать: находили ровно до четырнадцатого века. А потом все будто с ума сошли, и повсюду примерно в одно и то же время построили Башни, и возник Культ Хранителей.

— Постой-ка, — догадался Бенини, — Уж не хочешь ли ты сказать, сын мой, что дело в этом злосчастном мальчишке?

— Я полагаю, что даже не в нем самом, а в том, что он стал демоном, — кивнул Тадеуш, — Я немало беседовал с Отто Штальбергом, когда это стало возможно... Ну, я имею в виду, когда он посчитал свою месть завершённой, и его несколько отпустило. Он мне рассказывал об их науке с Эльзой, и о демонах в частности. Так вот: они считали, что, когда человек теряет Кристалл, то все содержание его психики становится объективной частью физических законов...

— Это так есть и у обычного человека, — откликнулся Бенини, — «По вере вашей воздастся вам...» Но продолжай.

— ...да, но то, что было теориями, случайными измышлениями, становится после этого догмами! И более того...

— ...самостоятельными сущностями, — подсказал святой отец, — наименования коих тоже давно известны.

— Вот именно! То же относится и к Сэнгэ. Пока он был человеком, он знал, что все его построения — это лишь система догадок, хоть он в них и верил. Но потом, разбив Кристалл, он сам в них воплотился! Фактически, он стал законом существования Башен, и этот закон связал между собой в единое целое семь абсолютно разных мест. Притом влияние его оказалось очень широко, потому что и концепция была глобальна! К тому же, Сэнгэ делился ею с путешественниками, и они несли ее дальше в места, куда шли. Сходные мысли были посеяны во многих головах. Тем вероятнее было, что люди отреагируют, когда в мире появилась... ну... физическая основа для того, чтобы Башни действовали. Так возник Культ. Хранители построили Башни, разработали теорию и обряды, — и чем больше их становилось, тем лучше все работало.

Ну вот: а вы сами тогда предположили, что Эльза не одна исчезла, а вместе со своим демоном, и...

— ...Башни стали теперь просто странными постройками! Так, сын мой?

— Ну да. Не считая того, что Эльза со своей экспедицией устроила им кровавую баню, это и положило конец Культ. Вера стала фантазией. Езидизм вновь стал просто экзотической разновидностью гностицизма. Исчез, кстати, и большой интерес к Башням, который тревожил оккультистов в венских салонах, — ведь до того, как Эльза заключила

Контракт, никто не бегал там по стенам и не впадал в паранойю, связывая Книгу Еноха с суфиями.

А еще, по словам спиритистов, духи честных христиан перестали попадать в Бардо, а начали привычным образом оказываться в аду или чистилище! И я имею предположение о том, кто их раньше туда закидывал...

— Все это весьма похоже на правду, — священник кивнул, — Но как все-таки ты объяснишь, что ловушки были пусты? Как ни преуспел в спекуляциях этот мальчишка, но ведь не выдумал же он Семерых Падших?

— О, этого я вовсе не хотел сказать! Просто не стало причины, почему им вдруг надо было сидеть именно в этих каменных ямах. Должно быть, они по-прежнему в нижних кругах Ада, как там у Данте было... Впрочем, это уж вам виднее.

Бенини провел рукой по лицу:

— Нда, отличная «современная наука». А ведь я давно подозревал на ее счет нечто подобное! Я хочу сказать: прочие законы наших горе-ученых могут оказаться такой же природы, как и закон Башен. Вся эта... термодинамика вместе с относительностью. Взяли и выдумали эту ерунду, и сами же сделали ее догмой! И при этом говорили: мы лишь следуем за реальностью, мы не какие-то мракобесные колдуны! Но на деле они настоящие колдуны и есть, а недобитых алхимиков задавили числом. Пустили по ветру Божий мир, все Семь небес и Сферу огня в придачу...

— Но, отец Умберто, не слишком ли вы пессимистичны?

— Я реалистичен, сын мой! И дело не только в их теориях, а и в практике. Вспомни-ка наш поход. Ведь могло сработать!.. Я имею в виду адскую машину твоей Эльзы. Скажи, что бы ты тогда сделал, если бы тебе и впрямь выпала необходимость ею распорядиться?

— Скажу честно: не знаю. Ее последний жест... Мне понадобилось несколько лет, чтобы этот страшный выбор прекратил являться мне во снах.

— Вот видишь! Но, — неожиданно добавил священник, — должен признать: у нее был размах. У всей нашей эпохи был размах... Не то, что теперь. Сложно представить, чтобы сейчас появился кто-то подобный. Все это... грызня группировок... прагматичные интересы... деньги... серость...

— Вы тоже верите во всеобщий упадок?

— В него не нужно даже верить, достаточно почитать газеты или просто поглядеть вокруг. Впрочем, в Писании сказано ясно, что этому миру придет конец. Я думаю, если он не сгорит в огне какой-нибудь бомбы, порожденной научной мыслью, так уж, наверное, сгниет в беззаконии...

Но не стоит роптать и искушать Господа, — тон Бенини еле уловимо изменился, — Я, кстати, хочу задать тебе еще один вопрос, сын мой. До меня дошли странные слухи. Говорят, ты делаешь нечто непонятное: вроде бы, в разных городах ты частенько подходишь к калекам... к увечным с рождения, к тем, в ком отблеск сознания еле теплится... особенно — к детишкам. Ты вглядываешься в них, порой с ними заговариваешь или даришь им что-нибудь. А еще ты при этом достаешь некий медальон и легонько прикладываешь его к ним. Такое впечатление, что ты кого-то упорно ищешь... кого-то, кому подойдет украшение твоей Эльзы. Скажи, пожалуйста, что все это может значить?

— То, что у вас по-прежнему прекрасная агентура, святой отец, — обезоруживающе улыбнулся археолог.

— Не уходи от вопроса, констатируя очевидные вещи, — улыбнулся в ответ Бенини, —

Ты хочешь вернуть Эльзу фон Лейденбергер?

Тадеуш не стал отпираться.

— Да, — кивнул он просто.

— Убийцу твоего отца? Ведьму-некромантку? Безумную, что чуть полмира не спалила?

— Да... Да. Да.

— Понятно, — только и сказал священник, помолчав, — И как, позволь узнать, это может случиться?

— Я расспрашивал тех, кто мог знать, — жрецов, колдунов и аскетов в Тибете и Индии... Что происходит, когда кто-то «теряет Кристалл», как выражалась Эльза? Понятное дело: человек становится демоном. Живое ядро его распадается, превращается в нечто навеки окостеневшее. Но иногда остаются от него осколки, искры, что возвращаются в жизненный круговорот. Они не могут породить ни полноценного человека, ни даже высокоразвитое животное, но все же могут какое-то время теплиться в низших или случайных жизненных формах. И я смотрю на таких созданий, и сквозь их нынешнюю внешность пытаюсь разглядеть... скорее, почувствовать нечто мне знакомое. До сих пор я ошибался, но... помните ли вы, отец Умберто, какое последнее желание она загадала медальону? **ЖЕЛАЮ, ЧТОБЫ ВСЕ, ЧТО ЗДЕСЬ БЫЛО РАЗРУШЕНО ВОССТАНОВИЛОСЬ!** Вот я и думаю, что медальон сможет воссоздать ее Кристалл, если окажется на ней... ну, на том, в ком живет хотя бы ее искра.

Бенини иронично поднял брови:

— Я понимаю, невежливо расспрашивать фокусника о том, как устроен фокус...

— Ну, я надену на нее талисман — и он воссоздаст ее, а одновременно потребует за это плату, — продолжал объяснять доктор Ковалевский, — Кристалл будет восстановлен, — но, как выразились бы физики, «с понижением энергетического уровня». Я имею в виду, она возникнет вместе с ее Контрактом — выражением ущерба, что понесет ее Дух. Потому что без Контракта и впрямь никак...

— Так я и думал! Ведьма вернется в прекрасной компании своего демона, чтобы уж наверняка никто не заскучал. Но ничего не выйдет! Не получится никакого «одновременного» воскрешения и расплаты. Я слышал, что талисман работает в соответствии с их представлениями о возможном — ее и демона. Думаешь, хоть один из них может помыслить «одновременность», — то есть, отсутствие времени? Время — основа работы для физических законов! Сначала идет действие, потом — результат. И какая бы крохотная доля секунды их ни разделяла, она будет все равно.

— Для физических — наверное. Но... как бы объяснить? — тут особый случай. Ее-то нет! А значит, никакие законы ее сейчас не связывают. И в тот миг, когда она возникнет, ей и «помысливать» ничего не придется. Это будет для нее самая что ни на есть реальность. Должен же быть миг, с которого все начинается, — даже само время! В «Бардо Тодол» говорится, например, что в этот момент сияет чистый Предвечный Свет...

— Эх, мальчик! — произнес Бенини с чувством, — Не знаю, понимаешь ли ты сам смысл собственных слов. Признаю: в этом что-то есть. Но... ты думаешь, это возможно? Вот так, наугад, среди миллионов людей?

— Я почему-то уверен, что я ее найду, — твердо сказал Тадеуш, — Даже если мне на это потребуется несколько жизней. Я найду ее — и в этот раз все будет иначе! Ведь я расскажу ей все, что сейчас рассказал вам. И, святой отец, ведь дело будет не только в моих словах! Если это удастся, она единственная из людей будет знать на своем опыте, что эти

слова значат! Вы только представьте: ей придется как-то уложить в научные рамки то, что она, пребывая в Нигде, сотворила себя из Ничего силой собственного Недеяния!.. В законах термодинамики нет ничего подобного, насколько мне известно. Если из этого родится теория, то получится какая-нибудь Ригведа, не меньше!

Да, отец Умберто, я думаю, что именно теперь она и сможет достроить ту самую свою Науку, способную преодолевать предел Закона! Науку про то, что нет никакого Небытия, и никто не обречен исчезнуть безвозвратно... даже те, кто исчез. Это преобразит и научный, и наш обычный мир! Я несу ей недостающее звено, отчет о ее последнем эксперименте — то, чего она бы не узнала, даже победив тогда. Потому что, видите ли, мы с ней когда-то поменялись талисманами навсегда. Она и я... мы всегда были из-за этого больше, чем просто отдельные она и я, что бы ни решал убогий рассудок. Поэтому... игра продолжается. Она не исчезла сейчас, потому что остался я! И я не дошел бы до нынешнего дня таким, каков я есть, не будь ее.

— Прекрасно и... по-прежнему наивно, — вновь улыбнулся Бенини, — Хотя, быть может, только так и строятся подобные Науки, как делаешь это ты сейчас. Но ты ведь говоришь об ученом-позитивисте, а они из всего умудряются сделать выводы, от которых волосы встают дыбом. Ведь даже если ты ее вернешь, я далеко не убежден, что она сохранит об этом моменте память! Ты сам сказал про «ущерб Духу»! Поэтому она наверняка назовет то, что движет тобою, каким-нибудь «остаточным системным эффектом», или «энергетическим плюсом» от того, что сама она стала в своей системе последним «минусом»... Да, я тоже знаком с Отто Штальбергом, и немного освоил научный жаргон, несмотря на свою реакционную замшелость!

— О, это уж ерунда! С моей точки зрения нет ничего такого! Да и раньше не было!

— Вот-вот, об этом я и говорю: ты ее недооцениваешь. Ее личной точки зрения для катастрофы бывает вполне достаточно. А свое воскрешение она поименует... ну, скажем, «квантовым скачком»! А после примется «расширительно трактовать» квантовую механику, как перед этим — термодинамику! И со сходными последствиями!

— Ну и пусть трактует! Это же просто терминология, не лучше и не хуже прочих. Уверен, она будет искать способ вспомнить Начало! — горячо сказал Тадеуш, — Вряд ли она станет копаться в своих старых теориях, когда сама же собственной персоной преодолеет их предел. Для позитивистов опыт — это основа всего!

— А я уверен, что ее «способ» мне бы не привиделся даже в кошмаре, — проворчал священник, — Но не только в этом загвоздка, Тадеуш. Есть кое-что еще. К чему, по-твоему, приведет возвращение в мир ее демона?

— Да, понимаю, о чем вы... С ним вернется и Закон Башен. Но, святой отец! Кольта ведь больше нет!

— Но он вполне может быть воссоздан! И я не осмеливаюсь даже предполагать, чем это может обернуться! Узы Контрактов не разрываются цепью перерождений, — и где-то сейчас живут шесть человек, не знающих даже, что они Контрактеры, быть может. Кстати, когда их Контракты с Заточенными перестали действовать, кое-кто в Германии был сильно разочарован. В итоге Райх проиграл, хоть я и не поручусь, что связь тут прямая. Что же касается пресловутого «Аненербе», то расплодилось масса мифов об их дальнейшей судьбе. Ты, возможно, читал их в этих комиксах, — старик с удовольствием улыбнулся, — База в Антарктиде, полая земля, Шамбала, ацтекские подземные города, обратная сторона Луны... Как знать, сколько в этом правды, — ведь Контракты у них были не только с Заточенными!

К слову, некоторые версии упоминают дисколет. Я намекаю на то, что он включится на полную мощность, где бы он сейчас ни был, если Лотта Леманн вдруг узнает, что ты вернул в реальность ее врага. И последняя деталь, уж прости мое стариковское занудство: Семь ЗамкОв в легенде о Башнях считаются печатями Апокалипсиса. А они, напоминаю, уже сорваны. Как тебе такие обстоятельства, сын мой?

— Вы сочтете меня самонадеянным, но... обстоятельства — это все-таки лишь обстоятельства, даже такие, — сказал Тадеуш, — Ни вы, ни я не знаем, что будет. Но я вижу в этом шанс, и еще я думаю, что если ученые заварили всю современную кашу — то ученым ее и разгребать... Святой отец, скажите прямо: вы против моих поисков?

Вопрос был шире, чем звучал. Тадеуш понимал прекрасно: если против будет такой человек, как Умберто Бенини, его жизнь, мягко говоря, сильно усложнится. Молчание длилось долго; старик испытующе глядел археологу в глаза, но тот не отводил взгляда. Наконец, священник чуть улыбнулся: — Когда-то я позволил стрелять в тебя, дабы привести ее в состояние, в котором она ныне пребывает, — сказал он, — И сейчас я скажу тебе вновь: на все воля Божия. Потому что если ты умудришься ее все-таки отыскать, я бы не назвал это иначе, как чудом.

Больше книг на сайте - Knigolub.net